

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Л. З. Сова

АФРИКАНИСТИКА

ЭВОЛЮЦИОННАЯ
ЛИНГВИСТИКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2008

Л. З. Сова. 1994 г.

L. Z. Sova

AFRICANISTICS
 AND
EVOLUTIONAL
LINGUISTICS

ST.-PETERSBURG
2008

УДК
ББК

Л. З. Сова. Африканистика и эволюционная лингвистика // Отв. редактор В. А. Лившиц. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2008. 397 с.

ISBN

В книге собраны опубликованные в разные годы статьи автора по африканскому языкознанию, которые являются уточнением и развитием идей, изложенных в монографиях «Эволюция грамматического строя в языках банту. Ленинград, 1987» и «У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков. Санкт-Петербург, 1996». Приводятся архивные материалы, отражающие положение дел в советской африканистике второй половины XX в.

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

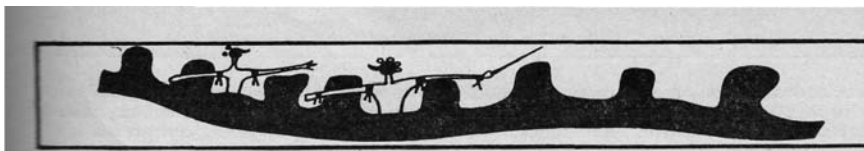
ISBN

© Сова Л. З., 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
ЧАСТЬ 1. ЯЗЫКИ БАНТУ	
<i>Фрагменты из монографии «Эволюция грамматического строя в языках банту»</i>	8
<i>Синхрония и диахрония языков банту</i>	96
ЧАСТЬ 2. АФРИКАНСКОЕ И ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
<i>Эволюция категории существительного в разноструктурных языках</i>	141
<i>Космогоническая лексика у народов Тропической Африки</i>	158
<i>At the beginning of African languages</i>	195
<i>Фрагменты из монографии «У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков»</i>	212
<i>Вопросы XXI века</i>	225
ЧАСТЬ 3. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Введение в бантуистику (конспект лекционного курса)</i>	248
<i>Introduction to the Bantu Studies</i>	259
<i>Тезисы лекций и докладов</i>	271
<i>Из личного архива</i>	288
Приложение	362
<i>Именной указатель</i>	362
<i>Индекс языков и диалектов</i>	366
<i>Аннотированное оглавление</i>	390
<i>Summary</i>	394

Предисловие

По замыслу автора данная книга должна была состоять из четырех частей (Ч. 1. Язык зулу, Ч. 2. Языки банту, Ч. 3. Африканское и общее языкознание, Ч. 4. Научная жизнь), но материалов оказалось слишком много, и их пришлось издавать в виде двух книг: «Исследования по языку зулу» (сюда вошли разделы о языке зулу и некоторые фрагменты из «Научной жизни») и «Африканистика и эволюционная лингвистика». Такое разбиение оказалось возможным, потому что одна часть материалов посвящена описанию языковой синхронии, а вторая – диахронии. В первом случае автора интересует динамика синхронии (процедуры построения классов языковых элементов, анализ и синтез классов слов и грамматических категорий), во втором – эволюция в диахронии (реальная, а также искусственно конструируемая при формировании гипотез об истории языка и речевой деятельности у африканских народов). Можно подчеркнуть, что в обоих случаях речь идет об эволюционной лингвистике.

Наиболее важной в данной книге является идея о *реконструкции механизма речевой деятельности* протобанту и рассмотрении языка как результата его работы. Этот тезис позволяет рассматривать протоформы не сами по себе, а в связи с тем аппаратом, который их создает, и сосредоточить основное внимание на его эволюции. Для этого осуществляется анализ процессов трансформирования речемыслительных состояний (смены тенденций развития грамматического строя в результате ослабления или усиления действия резонаторов, перехода от лево- или правосторонних тенденций построения синтагмы к циркумфиксным, становления пространственного и темпорально-модального «мировоззрения» вместо партитивно-посессивного, применения принципов параллелизма и дуализации к все более широкому кругу явлений и т. д.).

Протоформы и гипотезы автора относительно прабанту, протоафриканского и протоязыка следует рассматривать не сами по себе, а как исходные точки «перспективного» эволюционного процесса

или как результаты его ретроспективного описания. Фрагменты обоих типов изложения представлены в предлагаемой читателю книге. Более подробно материалы охарактеризованы в опубликованных и неопубликованных монографиях автора: «Эволюция грамматического строя в языках банту», «Сопоставительная грамматика языков банту (система согласовательных классов)» и «У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков», к страницам которых в тексте книги имеются соответствующие отсылки.

ЧАСТЬ 1. ЯЗЫКИ БАНТУ

Фрагменты из монографии «Эволюция грамматического строя в языках банту»

Предисловие

Монография¹ посвящена генезису и развитию агглютинативно-флективного строя. Одна из основных характеристик и неотъемлемая принадлежность этого строя в языках банту – категория согласовательных классов. Вопрос о происхождении, тенденциях и путях ее развития является ключевым для понимания не только синхронии, но и диахронии языков банту. Анализ просодических и морфологических характеристик префиксов именных классов и корней существительных, с которыми они соединяются в 500 современных языках и диалектах банту, доказывает, что согласовательные классы являются инновацией, возникшей в процессе преобразования изолирующего строя в агглютинативно-флективный.

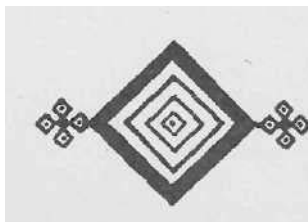
У истоков системы именных классов лежат структуры двух типов: просодические циркумфиксы, которые сформировались на базе циркумфлексных назальных, фарингальных и других резонаторных тонов и со временем развились в префиксы и постфиксы существительных, и синтаксические композиции из акцентируемых знаменательных слов-корней и не акцентируемых служебных моносиллабем, превратившихся в префиксы существительных. Это – структуры, типичные для изолирующего строя. Из структур первого типа развилась подсистема предметных классов согласовательной системы, к структурам второго типа восходят локативные классы.

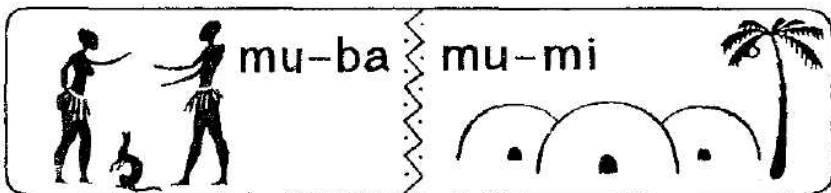
Преобразование изолирующего строя в агглютинативно-флективный сопровождалось становлением нового мировоззрения: переходом от спатального способа отражения объективной действительности к темпорально-спатальному. Реликты старого, пространственного мировоззрения лучше всего сохранила самая слож-

¹ Л. З. Сова. Эволюция грамматического строя в языках банту. Ленинград, 1986. 364 с.

ная и поэтому наиболее инерционная языковая подсистема – видо-временные формы глагола. Категория имени, как более гомогенная, оказалась и более мобильной: пространственную таксономию, для которой использовались служебные слова и интонация, сменила пространственно-временная. Эта классификация сформировалась в системы именных классов и стала доминантой грамматического строя. Синтаксические средства, использовавшиеся для построения синтагм, начали служить словообразованию. Технику синтеза сменили фузия и агглютинация.

Распространение пространственно-временной таксономии на все явления, окружающие человека, вовлекло в сферу влияния новой категории слова, связываемые с существительными. Средством связи оказались постфиксы существительных, которые, в силу специфики выделения интонационных групп, из сателлитов существительных превратились в сателлиты слов, сопровождающих существительные, и стали согласователями. Образовалась единая система грамматических средств, определяющая языковой облик: синтагматику и парадигматику, план содержания и выражения, лексику и грамматику, категории и конкретные языковые элементы. Произошла смена эпох в осмыслении человеком окружающей действительности. Следы этого процесса зарегистрировали языковые формы. Их анализ представлен в данной монографии.

Введение

1. Население Африки насчитывает около 934 млн. человек¹, что составляет 14, 2 % от всего населения мира². Оно состоит из многих племен, народностей и наций, относящихся по антропологическим признакам к двум большим расам (негроидной и европеоидной) и нескольким промежуточным расовым типам³. Это население говорит на афразийских, нигеро-кордофанских, нило-сахарских, койсанских, австронезийских и индоевропейских языках⁴. Языки банту,

¹ По данным на 14. 06. 2007 г. – 933 млн. 448 тыс. 292 человека (Internet Usage Statistics for Africa – <http://www.internetworldstats.com>).

² На 14. 06. 2007 – 6 миллиардов 575 миллионов 666 тысяч 417 человек.

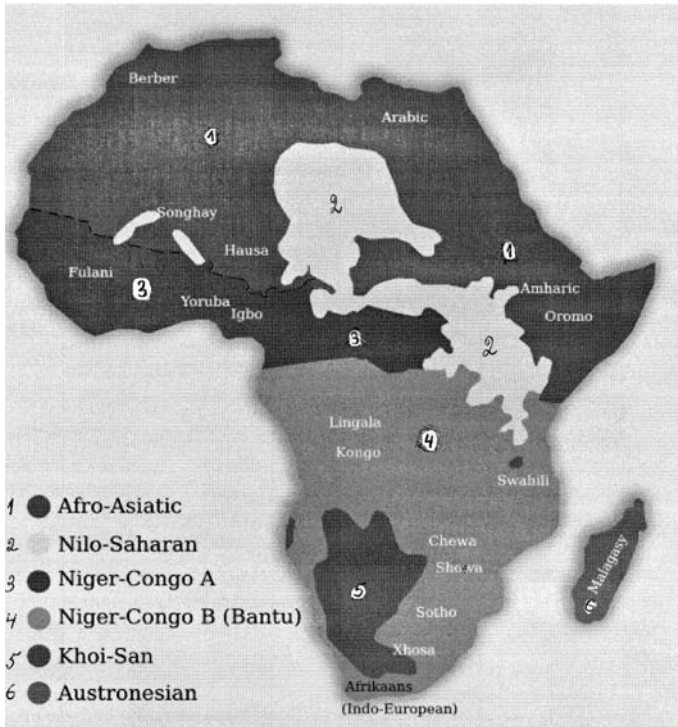
³ В соответствии с одной из гипотез [С. И. Брук. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 102] существует два расовых ствола: западный (атланти-средиземноморский) и восточный (тихоокеанский). К первому относятся две большие расы: европеоидная и негроидная, ко второму – монголоидная и австралоидная. Внутри больших рас фиксируются расовые группы, которые делятся на малые расы, состоящие из более мелких расовых типов. Кроме того, около 30 % населения Земли составляют смешанные и промежуточные расово-гетерогенные группы. 54.1 % населения Африки принадлежит к негроидной большой расе (здесь представлены следующие типы: темнокожие и высокорослые нилоты и суданцы; коренные долихоцефальные негры Конго; карликовые негрилли Конго; бушмены и готтентоты юго-запада Африки). Более четверти населения Африки составляют европеоиды, они заселяют север и юг континента. Это большая часть арабов и берберы (южные европеоиды, средиземноморский тип) и около 5.5 млн. выходцев из Западной Европы на юге Африки (северные европеоиды и переходные формы). К смешанному в расовом отношении населению относятся: негроидно-европеоидные (эфиопы на Африканском Роге, фульбе в Западном Судане, смешанные формы Судана, «цветные» на юге Африки) и негроидно-монголоидные типы (малагасийцы на Мадагаскаре как результат смешения коренного населения с южными монголоидами из Юго-Восточной Азии).

⁴ Деление африканских языков на афразийские, нигеро-кордофанские, нило-сахарские и койсанские предложено Гринбергом [J. H. Greenberg. Languages of Africa. Bloomington, 1963] в соответствии с принципами сформулированной им генетической классификации. Ей предшествовали: трехчленная схема Мейнхофа (нигритские языки, банту, хамитские) и ее последующая критика; классификация

которым посвящено данное исследование, относятся к нигеро-кордофанскому семейству, насчитывающему свыше двух тысяч языков и диалектов, и входят в подгруппу Бенуэ-Замбези южной ветви языков Нигер-Конго¹ (см. карту 1).

Вестермана и его работы по языкам Западного Судана, показавшие, что большинство из них генетически связаны; исследования Коэна, доказавшего родство афразийских (семитских, хамитских, берберских, кушитских, древнеегипетского и коптского) языков; Делафосса, описавшего общие черты языков банту и суданских и предложившего их объединить; Дока, Гасри и других бантуистов, превративших гипотезу о генетическом родстве банту в научную теорию, и т. д. Гринберг попытался сконструировать общую схему генезиса известных ему африканских языков. Хотя сама попытка создания такой схемы приветствовалась большинством африканистов, ее конкретная реализация Гринбергом вызвала критику в трех направлениях: 1) априорность и в силу этого необоснованность исходных допущений и оснований классификации; 2) дедуктивный характер группировки языков и как следствие – ее противоречие языковой действительности; 3) ошибки, связанные с недостаточным учетом информации [J. Knappert. *The state of our knowledge of African languages // Linguistics*. 1974. N 124]. Справедливость этой критики заставляет африканистов работать над созданием новой классификации и пользоваться схемой Гринберга как одним из рабочих приемов. Последняя из классификаций африканских языков является результатом коллективной работы [Les langues dans le monde ancien et moderne. *Afrique subsaharienne, pidgins et créoles*. Texte. Cartes. Paris, 1981]. В ней представлено деление африканских языков на языки Черной Африки (с рубриками: языки Западного Судана, языки Центральноафриканского плато, языки северо-восточного и юго-восточного Судана, языки банту и бантоидные); хамито-семитские и чадские языки (в том числе, хауса): койсанские и шелкающие языки, помимо койсанских (см. карту 3, где языкам Черной Африки соответствуют Западные конго-кордофанские, Бенуэ-Конго, Кордофанские, Нило-сахарские и Сонгаи языки; хамито-семитским – афразийские; койсанским – южноафриканские койсанские и шелкающим – сандаве и хатса). Здесь банту отнесены к языкам Черной Африки. Мне представляется наиболее обоснованным комплексное этно-лингво-географическое деление, при котором классификация языков строится индуктивным путем: из говоров формируются диалекты, из диалектов – языки, затем выявляются общности языков, последние объединяются в ареалы, семьи, семейства и генерализации следующего уровня – на основе фонетических, морфологических, синтаксических и лексических сопоставлений. Предлагаемая вниманию читателя монография посвящена характеристикам звукового строя языков и артикуляторного механизма говорящих, учет которых необходим для построения такой индуктивной классификации африканских языков.

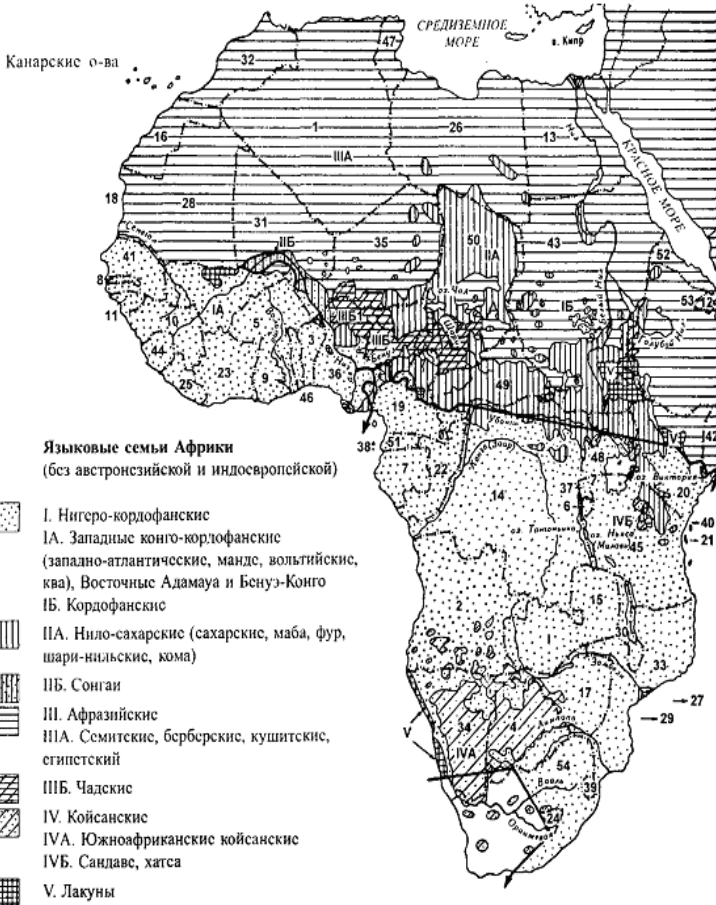
¹ Конго-кордофанские языки, по Гринбергу, делятся на языки Нигер-Конго и Кордофанские. Языки Нигер-Конго представлены шестью ветвями: западноатлантические, манде, языки Вольты, ква, Бенуэ-Конго, восточные Адамава. Преемники Гринберга (см.: P. Bennett, J. Sterk. *South-Central Niger-Congo: a reclassification // Journal of the (Royal) African Society*. 1977. N 8. London, и др.) модифицировали его классификацию и языки Нигер-Конго разбили на две группы: западноатлантические языки и центральные языки Нигер-Конго. Последние распределены на две

Языковые семьи Африки.

ветви: северную и южную. К северной ветви отнесены кру, гур и восточные Адамава; южная ветвь распадается на три общности: 1) западную; 2) восточную; 3) иджо. Восточная ветвь, наиболее представительная в классификации, состоит из восьми кустов, одним из которых является объединение языков Бенуэ-Замбези. Шестой и седьмой этапы дивергенции этого куста соотносены с Экваториальными языками (см. зоны А, В, С и частично D у Гасри) и с языками Замбези [см. зоны D (частично), E, F, G, H, K, L, M, N, P, R, S у Гасри].

¹ Wikipedia. African language families.svg. Языковые источники включают: B. Heine, D. Nurse (eds.). African languages: an introduction. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. K. Williamson, R. Blench. Niger-Congo // B. Heine, D. Nurse (eds.). African languages: an introduction. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. H. Stroomer. In de schaduw van het Arabisch: over niet-arabische talen en culturen in Noord-Afrika en het Midden-Oosten. Inaugural oration, Leiden University. 2002. V. Webb and Kembo-Sure (eds.). African Voices. An introduction to the languages and linguistics of Africa. Cape Town: Oxford University Press Southern Africa. 1998. J. Köhler. Khoi-San map (S. D. C. G. Laboratoire de Cartographie Thématique. PARIS: Centre National de la Recherche Scientifique). 1976.

1 – Алжир, 2 – Ангола, 3 – Бенин, 4 – Ботсвана, 5 – Буркина-Фасо, 6 – Бурунди, 7 – Габон, 8 – Гамбия, 9 – Гана, 10 – Гвинея, 11 – Гвинея-Бисау, 12 – Джибути, 13 – Египет, 14 – Демократическая Республика Конго, 15 – Замбия, 16 – Западная Сахара, 17 – Зимбабве, 18 – Кабо-Верде, 19 – Камерун, 20 – Кения, 21 – Коморы, 22 – Республика Конго, 23 – Кот-д’Ивуар, 24 – Лесото, 25 – Либерия, 26 – Ливия, 27 – Маврикий, 28 – Мавритания, 29 – Мадагаскар, 30 – Малави, 31 – Мали, 32 – Марокко, 33 – Мозамбик, 34 – Намибия, 35 – Нигер, 36 – Нигерия, 37 – Руанда, 38 – Сан-Томе и Принсипи, 39 – Свазиленд, 40 – Сейшельские Острова, 41 – Сенегал, 42 – Сомали, 43 – Судан, 44 – Сьерра-Леоне, 45 – Танзания, 46 – Того, 47 – Тунис, 48 – Уганда, 49 – Центральноафриканская Республика, 50 – Чад, 51 – Экваториальная Гвинея, 52 – Эритрея, 53 – Эфиопия, 54 – Южная Африка.

Представление о лингвогеографических ареалах Африки и их соотношении с политико-административным делением дают карты 1, 2 и 3, а также таблица 1¹.

Таблица 1

№ п. п.	Название государств и территорий	Население в млн. человек
1	Алжир (Алжирская Народная Демократическая Республика, АНДР)	33, 507
2	Ангола (Республика Ангола)	13, 314
3	Бенин (Республика Бенин, бывшая Дагомея)	7, 715
4	Ботсвана (Республика Ботсвана)	1, 894
5	Буркина-Фасо (Республика Буркина-Фасо, Верхняя Вольта)	12, 318
6	Бурунди (Республика Бурунди)	8, 075
7	Габон (Габонская Республика)	1, 462
8	Гамбия (Республика Гамбия)	1, 509
9	Гана (Республика Гана)	21, 802
10	Гвинея (Гвинейская Республика)	8, 171
11	Гвинея-Бисау (Республика Гвинея-Бисау)	1, 492
12	Джибути (Республика Джибути)	0, 790
13	Египет (Арабская Республика Египет, АРЕ)	72, 478
14	Замбия (Республика Замбия)	11, 487
15	Западная Сахара	0, 456
16	Зимбабве (Республика Зимбабве)	12, 399
17	Кабо-Верде (Республика Кабо-Верде, до 1986 г. Острова Зеленого Мыса)	0, 494
18	Камерун (Республика Камерун)	17, 776
19	Кения (Республика Кения)	35, 062
20	Коморы (Союз Коморских островов, до 2002 г. Федеральная Исламская Республика Коморы)	0, 682
21	Конго (Республика Конго)	3, 775
22	Конго (Демократическая Республика Конго)	60, 227
23	Кот-д'Ивуар (Республика Кот-д'Ивуар, Берег слоновой кости)	20, 169
24	Лесото (Королевство Лесото)	2, 513
25	Либерия (Республика Либерия)	3, 146
26	Ливия (Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия)	6, 294

¹ Карта 2 – см.: African Studies Centre. University of Pennsylvania. 2007 (www.africa.upenn.edu), карта 3 – см.: Les langues dans le monde ancien et moderne. Afrique subsaharienne, pidgins et créoles. Texte. Cartes. CNRS, Paris, 1981, таблица 1 составлена на основании: CIA. World Factbook, 14 June 2007. People Statistics. Ethnic groups (most recent) by country. Internet Usage Statistics for Africa. (http://www.internetworldstats.com).

27	Маврикий (Республика Маврикий)	1, 292
28	Мавритания (Африканская Исламская Республика Мавритания, АИРМ)	2, 960
29	Мадагаскар (Демократическая Республика Мадагаскар)	18, 996
30	Майотт	0, 195
31	Малави (Республика Малави)	11, 553
32	Мали (Республика Мали)	10, 915
33	Марокко (Королевство Марокко)	30, 535
34	Мозамбик	20, 356
35	Намибия (Республика Намибия)	2, 083
36	Нигер (Республика Нигер)	12, 533
37	Нигерия (Федеративная Республика Нигерия)	162, 083
38	Остров Святой Елены	0, 005
39	Реюньон	0, 803
40	Руанда (Республика Руанда)	8, 959
41	Сан-Томе и Принсипи (Демократическая Республика Сан-Томе и Принсипи)	0, 174
42	Свазиленд (Королевство Свазиленд)	1, 174
43	Сейшельские Острова (Республика Сейшельские Острова)	0, 085
44	Сенегал (Республика Сенегал)	11, 070
45	Сомали (Сомалийская Демократическая Республика)	12, 448
46	Судан (Республика Судан)	36, 619
47	Сьерра-Леоне (Республика Сьерра-Леоне)	5, 160
48	Танзания (Объединенная Республика Танзания)	38, 870
49	Того (Тоголезская Республика)	5, 527
50	Тунис (Тунисская Республика)	10, 342
51	Уганда (Республика Уганда)	28, 575
52	Центральноафриканская Республика (ЦАР)	3, 308
53	Чад (Республика Чад)	8, 915
54	Экваториальная Гвинея (Республика Экваториальная Гвинея)	1, 120
55	Эритрея (Государство Эритрея)	4, 254
56	Эфиопия	73, 872
57	Южная Африка (Республика Южная Африка, ЮА, в прошлом ЮАР)	49, 661

В соответствии с генетической классификацией, предложенной Гасри¹, семья языков банту делится на 15 зон (А–S), каждая из зон –

¹ M. Guthrie. Comparative Bantu. An introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages. Gregg International Publications. Gregg Press Ltd, Westmead. Gregg International Publications. V. 1–4. 1967–1971. Классификация Гасри, благодаря тому, что она является наиболее полной, учитывает географическую локализацию каждого языка и имеет удобную для работы с языковым материалом

на группы, а те, в свою очередь, – на языки, диалекты и поддиалекты.

Зона А включает девять групп: А10. лунду-балонг, А20. дуала, А30. бубе-бенга, А40. баса, А50. бафия, А60. санага, А70. яундефанг, А80. мака-нджем, А90. кака; зона В – восемь групп: В10. мьене, В20. келе, В30. тсого, В40. шира-пуну, В50. нджаби, В60. мбете, В70. теке, В80. тенде-янзи; зона С – восемь групп: С10. нгунди, С20. мбоши, С30. банги-нтумба, С40. нгомбе, С50. соко-келе, С60. монго-нкунду, С70. тетела, С80. куба; зона D – шесть групп: D10. мболе-эна, D20. лега-каланга, D30. бира-хуку, D40. конджо, D50. бембе-кабвари, D60. руанда-рунди; зона Е – семь групп: Е10. ньороганда, Е20. хая-джита, Е30. масаба-лухья, Е40. роголи-кураи, Е50. кикую-камба, Е60. чага, Е70. ньика-таита; зона F – три группы: F10. тонгве, F20. сукума-ньямвези, F30. иламба-иранги; зона G – шесть групп: G10. гого, G20. шамбала, G30. зигула-зарамо, G40. суахили, G50. поголо, G60. бена-кинга; зона H – четыре группы: H10. киконго, H20. кимбунду, H30. кияка, H40. кимбала; зона K – четыре группы: K10. чокве-лучази, K20. лози, K30. луяна, K40. субия; зона L – шесть групп: L10. пенде, L20. сонге, L30. луба, L40. каонде, L50. лунда, L60. нкоя; зона M – шесть групп: M10. фипа-мамбве, M20. ньика-сафва, M30. конде, M40. бемба, M50. биса-ламба, M60. лендже-тонга; зона N – четыре группы: N10. манда, N20. тумбука, N30. ньанджа, N40. сенга-сена; зона P – три группы: P10. матумби, P20. яо, P30. макуа; зона R – четыре группы: R10. умбунду, R20. ндонга, R30. гереро, R40. ейе; зона S – шесть групп: S10. шона, S20. венда, S30. суто-тсвана, S40. нгуни, S50. тсва-ронга, S60. чопи.

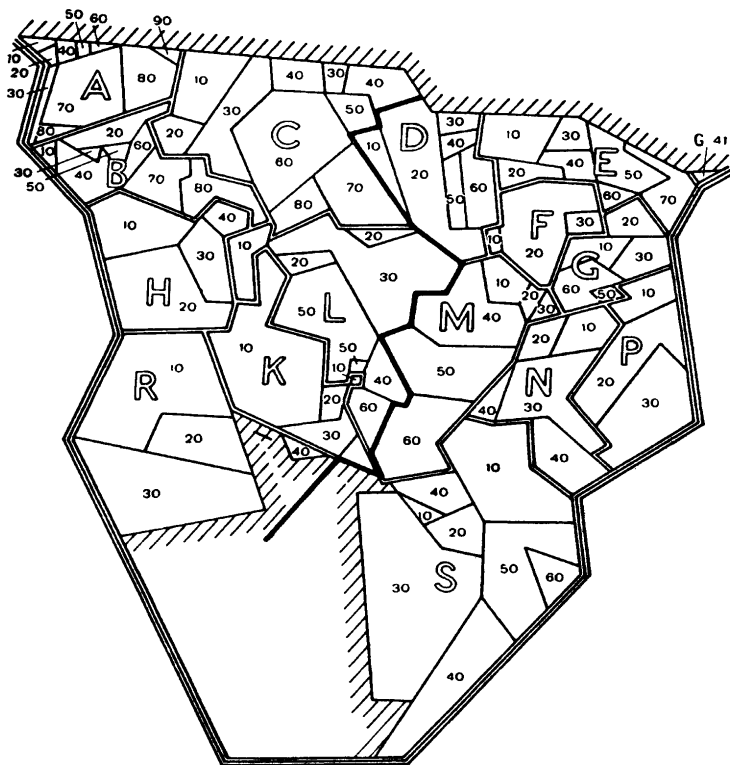
Географическая локализация перечисленных зон, групп и входящих в них языков и диалектов представлена на карте 4.

2. Проблема соотношения языка и диалекта для африканских языков не решена. Есть языки, различающиеся очень сильно, однако есть и языки, которые отстают друг от друга не далее, чем русский от украинского или белорусского. Самым распространенным

форму, стала общепризнанным метаязыком описания региона банту, и ею пользуются практически все африканисты (независимо от того, соглашаются они с принципами генетической интерпретации этой классификации или опровергают их). Эта классификация (с некоторыми изменениями и уточнениями) положена в основу раздела, посвященного языкам банту, в работе: *Les langues dans le monde ancien et moderne. Afrique subsaharienne, pidgins et créoles*. Texte. Cartes. Paris, 1981.

из языков банту является суахили: на нем говорят 30–40 млн. человек от Сомали до Мадагаскара и от Луанды и Браззавиля до Занзибара¹, хотя родным он является примерно для 2 млн. человек. На диалектах суто–тсвана, шона и нгуни говорит свыше 45 млн. человек в Замбии, Зимбабве, Лесото, Свазиленде и Южной Африке, на языках монго–нкундо, луба и различных

Карта 4

М. Гасри. Классификация языков банту.

¹ В Бурунди, обеих республиках Конго, Мозамбике, Руанде, Уганде и Танзании (Nigerkongosprecher.png aus Wikipedia: <http://de.wikipedia.org/wiki/Benue-Kongo-Sprachen>). Данные о количестве носителей языков банту, приведенные далее, взяты из того же источника, а также с сайта Internet Usage Statistics for Africa. (<http://www.internetworldstats.com>). См. также: A Linguistic Geography of Africa //Cambridge Approaches to Language Contact. Ed. by B. Heine. Köln, 2007.

диалектах конго – свыше 30 млн. человек в Анголе и обеих республиках Конго.

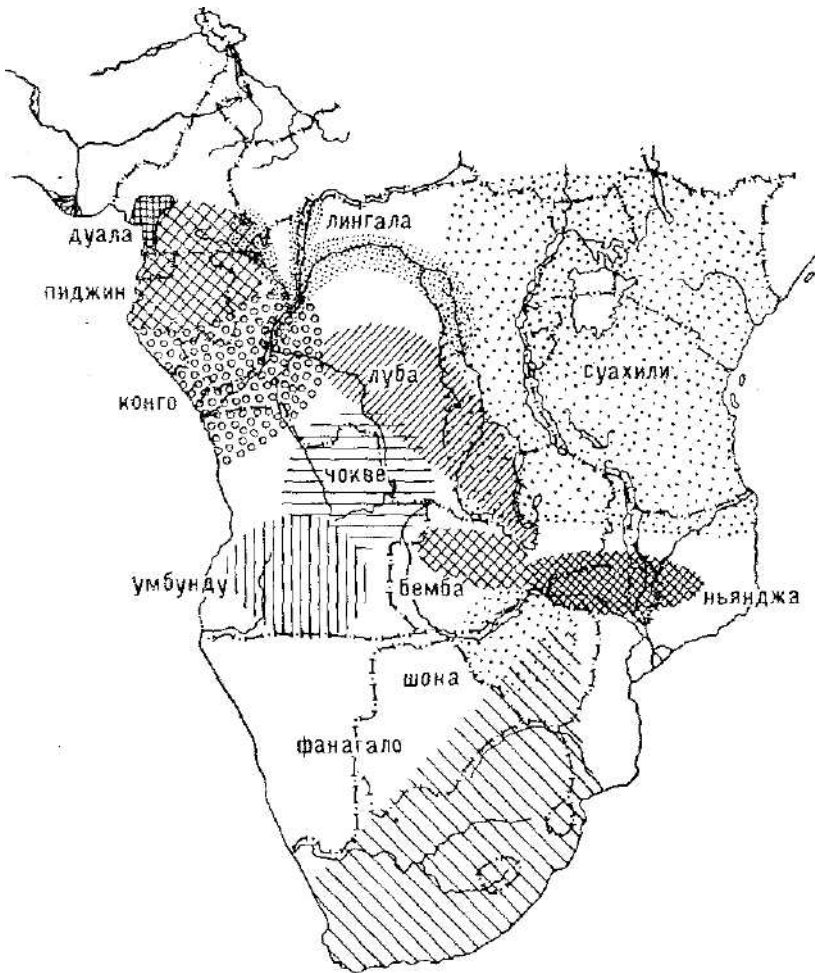
Самыми многочисленными являются языки: шона – 11 млн. говорящих в Замбии и Зимбабве, зулу – 10 млн. в Лесото, Малави, Свазиленде и Южной Африке, ньянджа – 10 млн. в Замбии, Малави и Мозамбике, лингала – 9 млн. в обеих республиках Конго, руанда – 8 млн. в Бурунди, республиках Конго, Руанде и Уганде, к'оса – 7, 5 млн. в Лесото и Южной Африке, хуту – 7, 7 млн. в Руанде, луба-касаи – 6, 5 млн. в Конго, гикую – 5, 5 млн. в Кении¹, китуба – свыше 5 млн. в Конго, ганда – 5 млн. в Уганде, рунди – 5 млн. в Бурунди, Руанде и Уганде, макуа – 5 млн. в Мозамбике, сото – 5 млн. в Лесото и Южной Африке, тсвана – 5 млн. в Ботсване и Южной Африке, тсва-ронга – 4, 8 млн. на юге Африки, умбунду – 4 млн. в Анголе, педи – 4 млн. в Ботсване и Южной Африке, лухья – 3, 6 млн. в Кении, бемба – 3, 6 млн. в Замбии и Конго, тсонга – 3, 3 млн. в Зимбабве, Мозамбике и Южной Африке, сукума – 3, 2 млн. в Танзании, камба – 3 млн. в Кении, кимбунду – 3 млн. в Анголе.

Свыше миллиона говорящих насчитывают гусии и яо (по 2 млн.), кига, ланги, ньоро, ньянкоре и свази (по 1, 7 млн.), ндебеле_с (1, 6 млн.), нгулу и тонга (по 1, 5 млн.), маконде и сога (по 1, 4 млн.), го-го и тумбука (по 1, 3 млн.), ньямвези, сена и хайя (по 1, 2 млн.). По миллиону носителей языка зарегистрировано для венда, меру, нанди, сонге, ха и яка. Остальные языки менее многочисленны. Например, на санга и чопи говорят по 800 тыс. человек, на ндау, ронга, теке и тсва – по 700 тыс., на лози (ротсе) и ндебеле_ю – по 600 тыс., на каланга – 200 тыс., на гереро – 150 тыс.

Всего известно около 50 языков банту, на каждом из которых говорит более 1 млн. человек².

¹ По данным CIA. World Factbook, 14 June 2007. People Statistics. Ethnic groups (most recent) by country. Internet Usage Statistics for Africa (<http://www.internetworldstats.com>) на гикую говорит 22% населения Кении (35 млн. 62 тыс.), т. е. свыше 7 млн., на лухья – 14% (4, 9 млн.), на луо – 13 % (4, 6 млн.), на камба – 11% (3, 9 млн.).

² По данным CIA. World Factbook, 14 June 2007. People Statistics. Ethnic groups (most recent) by country. Internet Usage Statistics for Africa. (<http://www.internetworldstats.com>).

Наддиалектные койне по П. Александру¹.

Фактически суахили стал языком межнационального общения для бантуязычных государств восточной Африки, а перечисленные языки – центрами консолидации лингвогеографических ареалов, на

¹ Les langues dans le monde ancien et moderne. Afrique subsaharienne, pidgins et créoles. Texte. Cartes. Paris, 1981. P. 376.

которых они распространены, т. е. языками общения не только внутри племен, народностей и наций, а и между этносами.

Африканские государства являются многонациональными, в большинстве из них представлены десятки языков. Так, по лингводемографическим сведениям на 1968 г.¹ в Заире на 25 млн. человек (в 1983 г. ~31 млн.) насчитывалось 210 языков, на каждом из которых говорило свыше 10 тыс. человек²; в Танзании на 15 млн. – 100 языков; в Уганде на 10 млн. – 50 языков; в Кении на 12 млн. – 30 языков; в ЮАР на 25 млн. – 20 языков и в Конго на 1.2 млн. населения – 30 языков. Поэтому вопросы языкового строительства являются не только актуальными, но и приобретают государственное значение.

3. Бантуистика является сравнительно молодой наукой, ее истории – около 150 лет. На большинстве языков банту письменность стала вводиться с конца XIX – начала XX в., на некоторых языках первые записи начинают делаться только в наши дни. Из прошлого до нас дошли лишь суахильские хроники, лирические стихи и эпические поэмы на суахили, записанные оригинальным письмом, созданным на основе арабской письменности (по своему сюжету и стилю наиболее ранние из них восходят к средневековью, но сохранились только в поздних списках³).

С XVII в. появились грамматики и катехизисы, составленные католическими миссионерами для языков Конго, очень незначительные по своему объему и предназначенные для общения с местным

¹ Linguistics in Sub-Saharan Africa // Current Trends in Linguistics. V. 7. Mouton, 1971.

² В Демократической Республике Конго сейчас насчитывается свыше 200 этнических групп, большинство из которых является банту, в Нигерии – более 250 этносов, в Танзании – свыше 130 племен.

³ Так, «Хроника Килвы», охватывающая период с 975 до 1052 г., впервые издана на португальском языке в 1552 г. Баррошем; «Хроника Ламу» (Khabar al'Lamu) содержит сведения о событиях VIII и XVIII вв. (издана Хиченсом в 1940 г.); текст «Хроники Пате» описывает события с начала XIII в. по конец XIX в. (в старосуахильском письме издана Хипе в 1928 г. с параллельной транскрипцией и переводом на немецкий язык). Старосуахильской письменности (kiarabu), которая, как полагают некоторые исследователи, появилась в XI в., предшествовало угловое куфическое письмо, которое постепенно заменялось округлым (более подробно см.: А. А. Жуков. Культура, язык и литература суахили. Ленинград, 1983. С. 14, 58 и далее).

населением. К середине XIX в. количество всевозможных работ и набросков по языкам банту достигло 200. За последние 150 лет эта цифра возросла в сто раз¹.

К настоящему времени описаны около 500 языков и диалектов банту. Изучены они неравномерно. По важнейшим из них есть словари, грамматики, исследования звукового и грамматического строя, а в отдельные случаи – синтаксиса, акцентологии, стилистики и семантики; еще по 50–100 языкам – грамматики, справочники или словари; остальные языки (больше половины) остаются практически не описанными. По ним имеются лишь фрагментарные сведения, отдельные списки слов, материалы в сопоставительных словарях, вкрапления в эпистолярных и мемуарных документах и т. п.

Несмотря на обилие языков и относительно слабую изученность большинства из них, бантуистика остается гомогенной, комплексной дисциплиной, не распадающейся на отдельные ветви. Происходит это потому, что все языки банту настолько внутренне близки, что их целесообразно изучать вместе. Не менее важен и другой фактор: своеобразие, отличающее языки банту, – и в области мышления, и в сфере выражения категорий мышления с помощью языковых средств.

4. Наиболее заметной чертой грамматического строя языков банту, одним из его важнейших компонентов является система именных классов. Часто ее называют доминантой грамматического строя, а языки банту – просто языками с именными классами². И хотя системы именных классов засвидетельствованы не только в банту, например, они есть в дагестанских, суданских, австралийских, австронезийских, индейских и других языках³, вся внутренняя структура грамматического строя языков банту настолько проникнута духом системы именных классов, что она является ключом, который отворяет двери к пониманию всех грамматических катего-

¹ Linguistics in Sub-Saharan Africa // Current Trends in Linguistics. V. 7. Mouton, 1971.

² Африканское языкознание. Сб. статей. М., 1963.

³ G. Royen. Die nominalen Klassifikationssysteme in den Sprachen der Erde. Historisch-kritische Studie mit besonderer Berücksichtigung des Indogermanischen. Berlin, 1929.

рий; формацией, которая связывает воедино различные части языковой структуры и превращает ее в целостный организм¹.

Поэтому все бантуисты, так или иначе, увязывают свои работы с проблемой именных классов, – будь то исследования по синхронии или диахронии, лексике или грамматике, ареальной лингвистике, этногенезу или каким-либо иным проблемам. Чаще всего лингвисты останавливаются на двух вопросах: описании систем именных классов в современных языках и гипотезах о системе именных классов в прабанту. Содержанием данной монографии также являются две проблемы: современный статус именных классов в языках банту, или их синхрония, и характеристика тех элементов грамматического строя, из которых они могли возникнуть в диахронии.

Форманты, которые в существительном указывают на его принадлежность к классу, обычно называют показателями классов, а форманты, которые в остальных словах передают информацию об их связях с существительными, – согласователями. Например, в предложении на языке лала *Fintu (1) fyainfumu (2) fyonse (3) fyashila (4) 'Вещи (1) вождя (2) все (3) истлели (4)'* префикс *fī-*, указывающий на принадлежность слова *fintu* к классу вещей (*itfī – fī*-классу в лала), называется показателем 8-го класса, а префиксы *fy-*, *f-* и *fy-*, введенные соответственно в существительное *infumu* 'вождь', местоимение *-onse* 'все' и глагол *-shila*, – согласователями.

В языках банту контуры системы именных классов впервые очертил Блик². Он выявил 18 классов и дал им семантическую и теоретико-лингвистическую интерпретацию как реликтам того этапа эволюции в классификациях существительных, который предшествовал возникновению категории грамматического рода: происхождение рода Блик связывал с процессом сокращения некогда большого количества именных классов. Развивая исследования Блика, Мейнхоф значительно расширил сферу описываемых языков, пополнил систему Блика, добавив к ней несколько реликтовых классов и на основании сопоставительного изучения языков банту (дуала, венда, гереро, суахили, шамбаа, покомо, бондеи, зигула, зарамо,

¹ Л. З. Сова. Конфигурационный синтаксис языка зулу. Ч. 1. Ленинград, 1968. Ч. 2. Ленинград, 1969.

² W. H. I. Bleek. A comparative grammar of South African languages. London. Reprinted by Gregg, 1971.

ньяка, ньямвези, сукума, макуа, яо, зулу и др.) и семито-хамитских создал основы сравнительно-исторического описания языков банту¹.

Результаты наблюдений над системами звуковых соответствий, свидетельствующих о генетическом родстве языков, Мейнхоф представил в виде реконструкции элементов прабанту. Так, система показателей именных классов была реконструирована Мейнхофом² в следующем виде: *tu-*, 1-й кл.; *βa-*, 2-й; *tu-*, 3-й; *mi-*, 4-й; *li-*, 5-й; *ta-*, 6-ой; *ki-*, 7-й; *βi-*, 8-; *ni-*, 9-й; *liṅi-*, 10-й; *lu-*, 11-й; *tu-*, 12-й; *ka-*, 13-й; *βu-*, 14-й; *ku-*, 15-й; *pa-*, 16-й; *ku-*, 17-й; *tu-*, 18-й; *pi-*, 19-й; *yu-*, 20-й; *yi-*, 21-й³. Кроме того, Мейнхоф полагал, что в прабанту существовала универсальная копула *ya*, которая присоединялась как пре-префикс к перечисленным префиксам, образуя композиты *yati*, *yami*, *yata*, *yani*. В результате ассимиляции гласных *yati*, *yami*, *yani* впоследствии превратились в *yiti*, *yimi*, *yini*, а затем в те формы, которые мы встречаем в современных языках.

Исследуя семантику именных классов, Мейнхоф пришел к выводу, что именная классификация отражает реальные отношения, существующие между явлениями объективной действительности, и их

¹ К. Meinhof. Die Sprache der Duala in Kamerun. Berlin, 1912. К. Meinhof. Die Sprache der Herero in Deutsch-Südwestafrika. Berlin, 1909. К. Meinhof. Grundriss einer Lautlehre der Bantusprachen nebst Anleitung zur Aufnahme von Bantusprachen. Berlin, 1910. К. Meinhof. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Berlin, 1906. К. Meinhof. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Hamburg, 1948 (репринт). К. Meinhof. Linguistische Studien in Ost-Afrika. I. Suaheli. MSOS, 1903, VI; II. Schambala. MSOS, 1904, VII; III. Namwezi. MSOS, 1904, VII; IV. Sukuma. MSOS, 1904, VII; V. Digo. MSOS, 1905, VII; VI. Nika. MSOS, 1905, VIII. VII. Pokomo. MSOS, 1905, VIII; VIII. Bondei. MSOS, 1906, IX; IX. Zigula. MSOS, 1906, IX; X. Mbugu. MSOS, 1906, IX; XI. Mbulunge. MSOS, 1906, IX; XII. Dzalamo. MSOS, 1907, X; XIII. Ndorobo. MSOS, 1907, X; XIV. Makua. MSOS, 1908, XI; XV. Yao. MSOS, 1908, XI (MSOS – Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Berlin). C. Meinhof. Principles of practical orthography for African languages (I) // Africa. V. 1. 1928. C. Meinhof, N. J. Warmelo. Introduction to the Phonology of the Bantu languages. Berlin, 1932.

² C. Meinhof, N. J. Warmelo. Introduction to the Phonology of the Bantu languages. Berlin, 1932.

³ В работе: К. Meinhof. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Hamburg, 1948, – постулируется 23 префикса; в работе: К. Meinhof. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Berlin, 1906, – речь идет о двуслоговой (VCV) структуре префиксов именных классов, но общий характер построений с 1906 г. по 1948 г. остается неизменным.

оценку человеком. В именных классификациях он выделил несколько разноплановых принципов, отражающих предметное деление, соотношение предметов в пространстве, их соизмерение по величине и качеству, эмоциональную оценку говорящими тех реалий, которые они называют данными именами. В результате получились четыре группы классов: «Первую группу составляют классы имен существительных, основанные на разделении всего окружающего мира на группы людей, животных, деревьев и т. д. Вторую группу классов составляют имена существительные, определенные в зависимости от их относительной друг к другу величины. Третью группу составляют количественные взаимоотношения (один из многих, один из двух и др.). Наконец, четвертую группу составляют классы имен существительных, определяющие взаимное положение двух вещей в пространстве»¹.

Дальнейшее исследование систем именных классов в языках банту шло в нескольких направлениях. Во-первых, производилось все более тщательное и детальное описание существительных, в результате которого для многих языков были составлены словари корней (основ) и грамматических формантов, а также инструкции, позволяющие регистрировать различные варианты префиксов и устанавливать подклассы внутри классов существительных на основании интонационных и фонетических особенностей корневых инициалей в изолированном употреблении и при соединении с формантами в процессе построения слов и предложений. Во-вторых, в сферу исследования вовлекалось все больше языков и диалектов, и регистрировались варианты именных префиксов не только внутри одного языка, но и в их диалектном многообразии. В-третьих, совершенствовалась лингвистическая техника. Благодаря трудам нескольких поколений лингвистов и, прежде всего, работам Мейнхофа, Дока, Такера, Вестермана, Коля и Гасри, была создана практическая орфография для языков банту и разработана единая система транскрипции, позволяющая идентифицировать звучание различных языков и воссоздавать их фонетический и интонационный облик. Выдающийся труд Гасри «Comparative Vantu» является уникальным в лингвистике не только благодаря тем материалам, которые в нем представлены, но и благодаря способу оформления

¹ Д. А. Ольдерогге. Определение времени и пространства в языках банту (локативные классы) // Памяти В. Г. Богораза. М.–Л., 1937. С. 368.

этих материалов – фиксации сведений почти по 500 языкам и диалектам банту в терминах единой фонетической системы. Этот труд служит сейчас фактически основой для описания и сопоставления не только языков банту, но и всех африканских языков, генетическую общность которых с языками банту пытаются установить. В четвертых, составлялись сводные труды по системам именных классов¹, разрабатывались отдельные аспекты лингвистической теории, связанные с явлениями сандхи на стыке основы и префикса, тональными особенностями префиксов, передаваемыми ими значениями, соотношениями между показателями и согласователями в системе одного языка и в сравнении с другими языками, ролью инициального гласного в составе префикса, характеристикой вокализма и консонантизма, составом классов, их генетическими и семантическими интерпретациями и мн. др.

Наиболее актуальными оказались исследования, связанные с классификациями африканских языков, реконструкциями прабанту и составлением сравнительно-исторических и ареально-типологических компендиумов, начало которым было положено, благодаря исследованиям Блика, Торрэнда, Джонстона, Мейнхофа, Омбюрже, Вестермана, Дока, Такера, Гасри, Гринберга и др.². Как

¹ Actes du Colloque International du CNRS, Viviers (France), 4–16 avril 1977. SELAF. Paris, 1980, I–III. J. van Ginneken. Les classes nominales des langues bantoues. Avec un appendice: La liste complète des noms de la langue bantoue Nyungwe (Zambèze) // *Anthropos*. 1913. VIII. N 4. L. Homburger. Les préfixes nominaux dans les parlers peul, haoussa et bantous. Paris, 1929. M. Kadima. Le système des classes en bantou. Vander Leuven, 1969. La classification nominale dans les langues négro-africaines. Paris 1968. G. Manessy. La classification nominale dans les langues voltaïques: observations et hypothèses // *Bulletin de la société de linguistique de Paris*. 1965. № 60. J. Wils. De nominale klassifikatie in de Afrikanische negertalen. Nijmegen, 1935. P. de Wolf. The noun class system of Proto-Benue-Congo. The Hague, 1971. P. Zima. Le problème de la classification nominale dans les langues africaines // *Archiv orientální*. Praha. 1970. N 38, etc.

² W. H. I. Bleek A comparative grammar of South African languages. Trübner & Co., London. Reprinted by Gregg, 1974. J. A. Torrend. Comparative Grammar of the South-African Bantu Languages. London, 1891. H. H. Johnston. A comparative study of the Bantu and Semi-Bantu languages. V. I–II. Oxford, 1919–1922. K. Meinhof. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Berlin, 1906. K. Meinhof. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Hamburg, 1948 (ре-принт). C. Meinhof, N. J. Warmelo. Introduction to the Phonology of the Bantu languages. Berlin, 1932. L. Homburger. Les préfixes nominaux dans les parlers peul, haoussa et bantous. Paris, 1929. D. Westermann, M. A. Bryan. Languages of West Africa (Part II of Handbook of African Languages). Oxford, 1952. D. Westermann,

показывают материал международного коллоквиума африканистов, организованного Центром национальных научных исследований в Париже (SELAF)¹, интересы всех ведущих африканистов и их работы так или иначе связаны с этой проблематикой и, значит, с вопросом о роли именных классификаций и их весе в структуре описываемых языков.

5. Исследование, которое представлено в данной работе, оперирует преимущественно фактами плана выражения систем именных классов. Их плану содержания посвящен раздел (около восьми авторских листов) в моей неопубликованной монографии «Сопоставительная грамматика языков банту». В соответствии с ней семантика систем именных классов в языках банту может быть охарактеризована следующим образом на материале языка зулу, который, благодаря рафинированности средств выражения, гармонии этих средств и законченности линий в языковых структурах и их ансамблях, выступает не только как типичный представитель языков банту, но и как один из наиболее разработанных эталонов их описания².

Система именных классов в зулу представлена в форме, которую можно назвать типичной для языков банту. Количество классов и их границы четко очерчены. Каждый класс имеет свой показатель – формант, который выступает в роли префикса имени существительного и является как бы символом данного класса. Каждому классному показателю соответствует комплекс согласователей – префик-

I. C. Ward. Practical phonetics for students of African languages. London, etc., 1933. C. M. Doke. A comparative study in Shona phonetics. Johannesburg, 1931. C. M. Doke. The Southern Bantu Languages. London, 1954. A. N. Tucker. The comparative phonetics of the Suto-Chuana group of Bantu languages. London, etc., 1929. M. Guthrie. Comparative Bantu. An introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu Languages. Gregg International Publications. V. 1–4. Gregg Press Ltd, Westmead, 1967–1971. J. H. Greenberg. Languages of Africa. Bloomington, 1963. I. Fodor. Introduction to the history of Umbundu. L. Madyar's Records (1859) and the later sources. Budapest, 1983. Les langues dans le monde ancien et moderne. Afrique subsaharienne, pidgins et créoles. Texte. Cartes. CNRS, Paris, 1981. Linguistics in Sub-Saharan Africa // Current Trends in Linguistics. Ed. by T. A. Sebeok. V. 7. Mouton, etc., 1971.

¹ Actes du Colloque International du CNRS, Viviers (France), 4–16 avril 1977. I–III. SELAF. Paris, 1980.

² О зулу как «санскрите банту» см.: W. Wanger. Scientific Zulu Grammar. V. 1. Stuttgart, 1927. P. XIII–XIV.

сов, которые вводятся в слова, зависящие в предложении от существительного. Система классов охватывает все, без исключения, существительные. Каждое существительное, оформленное именным префиксом, входит только в один класс. Классы не пересекаются и могут быть охарактеризованы как логически непротиворечивая система.

В основаниях классификации представлен принцип отражения объективной действительности, который можно назвать фиксацией двух пространственно-временных континуумов: времени и пространства, находящегося вне человеческого мозга, и времени – пространства внутри мозга. Оба пространственно-временных континуума являются объективной данностью, воспринимаемой говорящим, но каждая из этих данностей обладает своей спецификой, ее по-разному ощущает человек и поэтому по-разному фиксирует с помощью языковых средств.

Система именных классов в современных языках банту является тем механизмом, с помощью которого говорящий соотносит оба континуума и, пользуясь внутренним временем – пространством, «осваивает» внешнее время – пространство. Этот механизм присутствует во всех языках банту и во многих других языках. Носителями европейских языков он воспринимается как особая «тайна» мировоззрения африканских народов, специфика их языкового мышления, нечто вроде «божественного откровения», делающего их речь образнее, ярче, предметнее, ближе к природе.

Всего в зулу есть 14 классов имен существительных (см. иллюстрации к ним на заставках): 12 из них являются парными (единственного и множественного чисел), а два – *singularia tantum*. Как принято говорить, 1 – 2-ой – это классы людей; например, *umuntu* 'человек' – *abantu* 'люди' (*-ntu* – корень, *уми-* – префикс ед. числа, *аба-* – префикс мн. числа; префикс *уми-* называют показателем 1-го кл., *аба-* – показателем 2-го кл.). В любое слово, связанное в предложении с существительным, вводится формант, несущий «отпечаток» этого существительного, сохраняющий память о нем. Этот формант называют, как и в других языках банту, согласователем.

Например, если на языке зулу говорят 'человек спит', в слово *ukulala* 'спать', употребленное в соответствующей видовременной форме *-lele*, вводят префикс *и-* (*ulele*), а если 'люди спят' – префикс

ба- (*balele*). Префикс *и-* является субъектным согласователем по 1-му кл. и напоминает о префиксе *ими-* слова *имунту*, а префикс *ба-* – субъектным согласователем по 2-му кл. и соотносится с префиксом *аба-* слова *абанту*. Какое бы слово ни связывалось с существительным – местоимение, прилагательное, глагол, числительное, существительное или наречие, – в него вводится согласователь, коррелирующий с тем существительным, «службой» которого оно является. Например: *имунту оmdala ulele 'старый человек спит'* – *абанту abadala balele 'старые люди спят'*, *имунту оmdala walapha 'старый человек отсюда'* – *абанту abadala balapha 'старые люди отсюда'*, *имунту wami 'мой человек'* – *абанту bami 'мои люди'* и т. п.

Кроме класса людей, есть еще пять пар классов, которые, в соответствии с общепантусской нумерацией Мейнхофа, называют классами деревьев (3–4-й), различных явлений (5–6-й), вещей (7–8-й), животных (9–10-й), длинных предметов или пространств (11–10-й), и два непарных класса – абстрактных сущностей (14-й) и инфинитивов (15-й). Каждый класс имеет свой показатель и набор аллитеральных согласователей. Так, показателями 3–4-го классов являются префиксы *ими-* – *ими-* и их алломорфы, например: *имути 'дерево'*, *имбила 'маис'* – *ими́ти 'деревья'*, *имиб́ила*, или *имби́ла*, 'маисовые зерна'; 5–6-го кл. – *и(ли)-* – *ама-*, например: *иланга 'солнце'*, *иБуллване 'Буллване'* (название реки, *singularia tantum*) – *амаланга 'солнца'*, *аманзи 'вода'*, *амазоло 'роса'* (*pluralia tantum*); 7–8-го кл. – *иси-* – *изи-*: *исилангу 'щит'* – *изилангу 'щиты'*, *исандо 'молоток'* – *изандо 'молотки'*; 9–10-го кл. – *иǀ-* – *изиǀ-*, где *ǀ* означает гоморганный назальный согласный: *имбузи 'козёл'* – *изимбузи 'козлы'*, *индабусхе 'рысь, каракал'* – *изиндабусхе 'рыси, каракалы'*, *инуока 'змея'* – *изинуока 'змеи'*, *инкुकку 'домашняя птица'* – *изинкुकку 'куры'*; 11–10-го кл. – *и(лу)-* – *изин-*: *улвандле 'море'* – *изилвандле 'морья'*, *идонга 'стена'* – *изиндонга 'стены'*; 14-го кл. – *ибу-*: *ибунту 'человечность'*, *ибибеле 'нежность'* (ср. *ибеле 'грудь'*), *ибитпуната 'чернота'*; 15-го кл. – *ику-* – *икудла 'еда'*, *икулала 'сон'* и т. д.¹

Каждому показателю класса соответствует определенный согласователь, например, субъектный согласователь в настоящем времени в зависимости от класса существительного, выступающего в ро-

¹ Список всех алломорфов показателей именных классов в языке зулу см. на с. 261 в рубрике S42 (здесь и далее дается ссылка к страницам монографии «Эволюция грамматического строя в языках банту»).

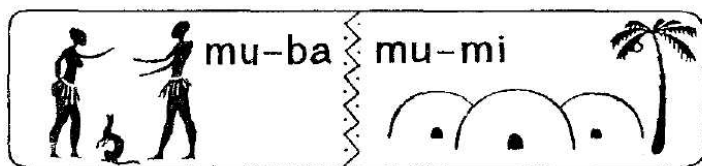
ли подлежащего при данном глаголе-сказуемом, приобретает следующие формы: *u, ba; u, i; li, a; si, zi; i, zi; lu, zi; bi; ku*. Аналогичная парадигма форм существует у атрибутивных, релятивных, прономинальных, эnumerативных, посессивных и объектных согласователей, присоединяемых соответственно к прилагательным, релятивам, местоимениям, числительным, посессивам и глаголам, при которых существительные, чьи объектные согласователи вводятся в сказуемые, выступают в роли прямых дополнений¹.

Хотя каждый класс обычно называют по тем денотатам, которые в нем преобладают (например, люди, в противовес животным или растениям), непосредственная связь с объективной действительностью у именных классов отсутствует. Именные классы служат не для фотографирования объективной действительности, а для ее отражения и являются результатом классификации не реалий, а тех образов, с помощью которых реалии осмысляются и поступают «в ощущение» членов языкового коллектива. Поэтому, с одной стороны, в составе всех классов встречаются однотипные денотаты (например, люди), и, с другой стороны, в рамках одного и того же класса представлены разнотипные денотаты (люди, животные, вещи, растения, абстрактные понятия). Однако в каждом классе названы эти денотаты однотипно, по-своему, единообразно для данного класса. Этот «взгляд» сближает между собой образы разных денотатов, описываемых в одном и том же классе, и разъединяет образы одного и того же денотата, соотносимые с различными классами.

Так, анализ существительных, относящихся в зулу к 1–2-му классам, и экспликация того общего, что присуще всем семантическим группам слов этих классов, показывают, что функцией показателей 1–2-го кл. является изображение любых денотатов, как одушевленных, так и неодушевленных, в виде людей, т. е. реалий, которые имеют духовный мир и физическую субстанцию («душу и тело»), могут самостоятельно передвигаться и развиваться в окружающем их времени – пространстве и вербализовать свои ощущения (думать, говорить, пользоваться языковыми средствами) во внутреннем времени – пространстве (времени – пространстве рече-

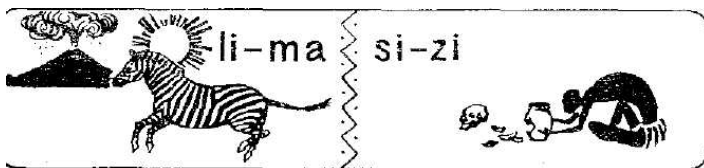
¹ Подробное описание механизма образования и употребления формантов согласовательной системы языка зулу представлено в работе: С. М. Doke. Text-book of Zulu grammar. London, 1931.

вой деятельности, ассоциативного поля, мозга). Этими свойствами, как считает зулус, могут обладать, кроме людей, «говорящие вещи» – животные и другие персонифицируемые реалии в сказках.

Показатели 3–4-го классов фиксируют реалии в виде сменяющих друг друга пространственных образов, видоизменяющихся форм, пространственных перемещений, в основе которых лежит модификация их внутрискруктурных связей (ср. с идеей оборотней в русских сказках). Каждая регистрируемая в этом классе реалья обладает какой-либо неотчуждаемой принадлежностью (плодом, внутренней частью, окраской и т. д.), изменения в состоянии которой обуславливают статус всей особи. В этот класс попадают «дарители жизни»; всевозможные растущие особи; реалии-хамелеоны; растения и животные, меняющие пространственные формы в зависимости от сезонов, природных явлений, роста и состояния; названия боевых отрядов и ландшафтов, меняющих свой облик в зависимости от перестроения или под порывами ветра; режущие инструменты как средство разделения предмета на части и изменения его внутрискруктурных связей; реалии, подвергаемые таким операциям; болезни и части тела как неотъемлемые принадлежности людей и животных; названия людей – по характеристике их движений, перемещений, смене состояний и обликов.

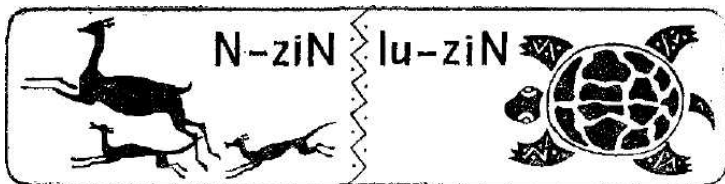
Те же реалии, если они регистрируются с помощью префиксов 5–6-го классов, описываются языком иначе: как вместители, имеющие что-либо внутри – душу, содержание, свет, жар, запах, качества, признаки и свойства, которые могут излучаться в пространство окружающей среды. Таковыми, по свидетельству языка зулусов, могут быть солнце, вода, дождь, цветы, книги, слова, реки, музыкальные инструменты, некоторые плоды, животные, растения и насекомые – как источники болезней, неприятностей, состояний; люди как представители каст, профессий, социальных, расовых или религиозных групп и источники эмоциональных реакций или оценок.

Префиксы 7–8-го классов фиксируют денотаты как физические тела, лишенные духовного мира, характера, содержания; пустые оболочки, не имеющие ничего внутри; результаты, абстрагированные от процессов; неодушевленные, бездушные и бездуховные твари; оторванные от реальной исторической перспективы реалии, имеющие «неполную размерность» (например, только темпоральность без локализации в пространстве или только внешнюю темпоральность без внутренней и т. п. «дефекты размерности»). Сюда попадает большинство названий вещей, утвари, предметов домашнего обихода и прочих реалий, не способных самостоятельно передвигаться, развиваться, иметь внутренний духовный мир; названия людей, животных, растений и всяких существ, которые изображаются как неодушевленные вещи, «недо»-реалии, неотъемлемые части каких-то других реалий. Абстрактные понятия, сформированные в отвлечении от процесса и описывающие только результаты какой-то деятельности, также относятся к этим классам. Так, сюда входят слова: *isayooyo* 'новорожденный'; *isalukazi* 'старуха'; *isidime* 'идиом'; *isibili* 'плоть, вещество, материя'; *isizulu* 'язык зулу'; *isambo* 'катастрофа'; *isikalo* 'вес'; *isikhathi* 'время' (как результат, – измеряемое секундами, минутами и т. п. единицами, являющееся неотъемлемой принадлежностью человека).

Не менее яркой представляется мотивированность показателей 9–10-го классов: все слова, принадлежащие к этим классам, проникнуты идеей темпоральности, временности границ бытия. Если показатели 3–4-го кл. изображают реалии как меняющиеся пространственные очертания, бегущие по волнам пространства, окружающего человека, то показатели 9–10-го кл. представляют те же реалии несущимися в потоке времени и переходящими из одной фазы развития в другую, постоянно эволюционирующими – взрослеющими, дряхлеющими, приобретающими какие-то преходящие признаки, свойства, отличия, должности. В этом классе больше всего названий растений и животных. Есть названия болезней, имеющих точно фиксированное начало и конец. Встречаются названия пространств

с точками перегиба, начала и конца; контуров, «удобных» для отсчета времени, а также названия людей (их образы как бы овекает ветер времени). Репрезентантом этих значений является слово *inkathi* 'время как процесс, сезон, год, эпоха'.

Показатели 11–10-го классов изображают реалии в виде застывших пространств. Больше всего здесь спатиальных названий (*udada* 'поле', *udadawe* 'континент', *ucengese* 'плато', *ubuku* 'болото' и их «неотъемлемые принадлежности» – *idini* 'край, граница, поверхность'; *udonga* 'могила, русло, стена, обрыв, грань, склон, предел, степень, ранг, класс'; *uhlobo* 'ген, раса'; *uhlu* 'цепь, ряд, шеренга, волна', и т. п.). Среди названий животных и людей представлены номинации по пространственным признакам (например: *uhabela* 'высокий человек', *ugalashane* 'человек с тонкими ногами', *uhazula* 'человек или животное с длинным телом'). Названий рыб, птиц и животных в 11-м кл. почти нет (здесь, в основном, встречаются только те существительные, денотаты которых имеют панцирь, раковину и другие «мертвые пространства»).

Существительные 15-го класса совпадают по основной форме с инфинитивами¹. Панхронический характер инфинитива и однокоренного с ним существительного общеизвестен. Можно подчеркнуть также их нелокализованность в пространстве, окружающем человека (т. е. панспатиальный характер во внешнем пространстве), и локализованность во внутреннем пространстве мозга, в силу чего они являются опредмеченными процессами (как и остальные реалии, опредмечиваемые существительными)².

¹ О различиях существительных и инфинитивов в зулу см.: Л. З. Сова. Микроструктурный и макроструктурный анализ в морфологии и синтаксисе // *Archiv orientální*. 1980. Вып. 48. № 3.

² В некоторых языках банту, например, в тонгаз, бииса, сукума, мбундаз, камба, гереро, гуа, в один класс с инфинитивами попадают названия уха, в других языках банту – названия руки и ноги (в диалектах конго, в ламба и нсенга и др.). Кроме того, здесь встречаются существительные, являющиеся названиями рек, которые, как отметил Торренд (J. A. Torrend. *Comparative Grammar of the South-African Bantu*

И, наконец, показатели 14-го класса в зулу характеризуют реалии как признаки, «застывшие» во времени и опредмеченные человеком в момент их фиксации, – в отличие от инфинитивных существительных, не только локализованные в пространстве мозга, но и имеющие там, по-видимому, строго фиксированную темпоральную координату. Кроме названий признаков, в этот класс попадают некоторые названия растений, животных, птиц, насекомых, предметов и людей, регистрируемых метонимически по какому-либо признаку. Здесь есть также названия частей тела, кушаний, лекарств, болезней. Слова *ibulili* 'пол, род', *ibuhlungu* 'боль', *ibotim* 'молодняк пчёл', *ibulanda* 'загробная жизнь' также осмысляются в зулу как сущности, названия которых относятся к 14-му кл.

Во всех языках банту дело обстоит так, как в зулу. Говорящие однотипно описывают объективную действительность, выделяя пространственно-временные признаки реалий и преломляя их с помощью языковых средств, сконцентрированных в системах именных классов. В стороне от систем именных классов остаются только союзы, идеофоны (слова-корни, которые имеют иллюстративно-дескриптивный характер; например, в зулу: *di* 'идеофон полноты, законченности'; *биба* 'идеофон сдавливания, сжатия, спрессовывания'; *bilukundlu* 'идеофон ползущего движения, ленивого перемещения, лежания'; *klébu* 'идеофон красноты') и во многих языках предлоги. Остальные слова проникнуты идеей класса и включены в систему согласования с существительными.

Хотя пространственно-временной принцип отражения объективной действительности остается во всех языках банту одним и тем же, средства его выражения – формирования классовых систем – варьируют от языка к языку. Модификации идут в различных направлениях. Языки различаются количеством классов, которые в них функционируют, распределением существительных по классам,

Languages. London, 1891. P. 103) являются рукавами (частями) или притоками других рек. В зулу есть два существительных: *ukupene* 'правая сторона' и *ukunxele* 'левая сторона', которые употребляются только в составе адвербиальных и определительных конструкций, фиксирующих направленность действий слушающего по отношению к говорящему (анализ этих существительных, соотношения их с остальными существительными и роли в реконструкции локативно-партитивных отношений, которые предшествовали современным темпорально-спатильным категориям, представлен в моей работе «Сопоставительная грамматика языков банту»).

соотношением форм единственного и множественного числа и, наконец, фонологическим обликом префиксов.

Из 500 языков и диалектов банту нет ни одного, система именных классов в котором повторяла бы систему именных классов другого языка или диалекта. Например, префиксы 1-го класса *ми-*, *ми̃-* в зулу (S42) соответствуют префиксам *-ɔ* в манди (A46); *т-* в каалонг и мбонг (A52); *т-, п-* в кее (A53b); *то-, т-, тэм-* в квакум (A91); *ѳ-* в нгунгвел (B72a); *ми-, mbhu-, mhi-, mhe-, ѳ-* в кукуя (B77a); *тѳ-, тw-* в нгала (C36d); *(u)ми-, (u)тw-* в руанда (D61); *(u)ми-, (o)ми-, (o)т-, (o)т̃-, (o)тw-* в ганда (E15); *ми-, тw-, пw-, т* в ньямвези (F22); *ми-, тw-, тwи-, т-* в суахили (G42); *ми-, тw-, А̃* в киконго (H10); *ми-* в лози (K21); *ми-, т̃-, тw-* в луба-касаи (L31a); *ми-, т̃-, тw-* в бемба (M42); *ми-, тw-, т-* в ньянджа (N31a); *ит-, ипу-, тw-, т̃-, ѳ-* в маконде (P23); *(o)ми-, отw-, ото-, о-, и-* в мбунду₂ (R11); *ми̃-* в к'оса (S41); *(a)ми-, (a)пw-, т̃-, тhu-, т̃-, ѳ-* в ронга (S54) и т. д. для всех именных классов (с помощью *А̃* обозначены гоморганные назальные слогаобразующие сонанты).

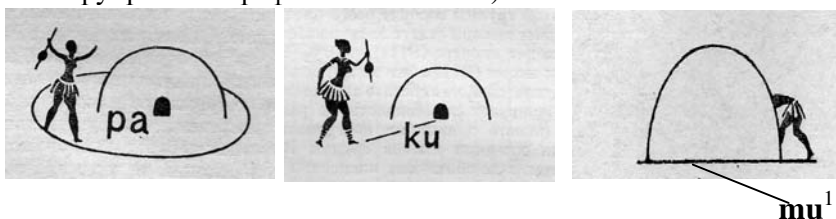
Всего в каждом именованном классе, если иметь в виду сумму формантов, встречающихся в языках банту, представлено до 100 и более алломорфов, большинство из них повторяются во многих языках и объясняются позиционными условиями. Но есть и уникальные префиксы, зарегистрированные только в одном каком-либо языке или регионе (например: *ɔ* в манди, *ѳ* в нгунгвел, *(e)тwап-*, *(e)wап-* в тонга₃ и т. п. на фоне типичного для 1-го класса форманта *ми-*). В каждом языке количество префиксов одного класса невелико. Как правило, среди показателей классов встречается, по два–три алломорфа; но бывает, что количество алломорфов доходит до десяти, а в единичных случаях превышает и эту цифру.

Наиболее широко «синонимия» формантов представлена в полярных по географическому положению северо-западных и юго-восточных языках (например, в аква, дуала, тетела, венда, ронга, тсвана, чопи и др.). Особенно часто алломорфы встречаются в 5-м, 7, 9 и 10-м классах, а в ряде случаев также в 1-м, 3-м и 6-м.

6. Различное распределение в лингвистическом пространстве всевозможных звуковых вариантов одного и того же префикса, наличие параллельных архаических и более новых форм, диалектная и

узусная вариативность, множественность причин, обуславливающих тождества и различия префиксов в синхронии, заставляют каждого, кто сталкивается с данным многообразием, осмысливать это явление с позиций диахронии и искать ответ, по крайней мере, на три вопроса: 1) всегда ли существовали именные классы; 2) как они возникли и какими были в прабанту; 3) как соотносятся именные классы языков банту с категориями других языковых семей.

Обычно на эти вопросы отвечают так: категория класса является одной из древнейших, процесс ее формирования отражает смену подходов к классификации явлений объективной действительности, и это объясняет сосуществование классов различного типа, например, так называемых предметных, локативных и оценочных. Считается, что в древности система классов в языках банту была более богатой и разветвленной, чем теперь (например, для прабанту реконструированы префиксы 24 классов).

Со временем она стала угасать, и в современных языках представлены лишь ее реликты – в виде 19 классов, например, в бемба (кроме 14 зулусских классов, здесь функционируют три локативных с префиксами: 16. *pa-*, *pā-*, 17. *ku-*, *kū-*, 18. *mu-*, *mū-* и два оценочных

¹ В основе рисунков лежит идея о том, что значение формантов *pa-*, *ku-*, *mu-* может быть описано на основании двух оппозиций: «наличие контакта – его отсутствие» и «снаружи – внутри». Отсутствие контакта результируется в префиксе *ku-* значением «направления». При наличии контакта фиксируются две возможности: внутренний контакт (*mu-*) и внешний (*pa-*). Противопоставление значений данных префиксов могло возникнуть при переходе от партитивно-посессивного строя к пространственному: для партитивно-посессивного строя существенной является регистрация отношений «снаружи – внутри» (отчуждаемая принадлежность и неотчуждаемая), а для пространственного – характеристика отношений объектов в пространстве (по направлению к, от, между и т. п.). Наложение значений пространственного строя на более древние значения «снаружи – внутри», а затем добавление новых (темпоральных и модальных) значений привело к появлению у префиксов *pa-*, *ku-*, *mu-* той семантики, которая свойственна им в современных языках.

с префиксами *aka-* и *hi-*); 18 классов (в ганда, луба, конго, каранга и др.); 10 – в руанда, суахили и др.; 14 – в преимущественном большинстве языков (в том числе зулу), и т. д., – вплоть до ситуации, зафиксированной в комо (отсутствие классного согласования) или амба, где отмечается только два класса (1-й и 2-й) и множество слов с различными префиксами (например, *i-*, *ma-*, *ke-*, *fi-*, *A*), которые, хотя и соотносятся с показателями классов в других языках, морфологической значимости, связываемой с идеей класса, не имеют¹. В итоге такого процесса может возникнуть двухчленная или трехчленная система, и его можно интерпретировать как перерастание категории класса в иную категорию – грамматического рода (*genre*), одушевленности – неодушевленности, социально активных – социально пассивных предметов и т. д. Возможен и иной подход: рассматривать класс и грамматический род как разновидности одной и той же категории, а сами термины – как синонимы².

Хотя статус прабанту не ясен, поскольку в распоряжении лингвистов нет памятников, написанных на нем или свидетельствующих о его существовании, наличие прабанту многим филологам представляется несомненным в силу таких косвенных обстоятельств, как антропологическая общность ряда племен, говорящих на языках банту, их территориальная близость, свидетельства различных источников о заселении Африканского континента в древности и т. п.³ Но больше всего об этом говорят языковые факты: сходство звукового облика, грамматического строя, понятийных категорий, единство глоттогонического процесса.

¹ M. Guthrie. Comparative Bantu. An introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu Languages. Gregg International Publications. V. 1–4. Gregg Press Ltd, Westmead. 1967–1971.

² См. обсуждение этой проблематики в монографии: La classification nominale dans les langues négro-africaines. Paris 1968.

³ Т. Бютнер. История Африки с древнейших времен. Пер. с нем. М., 1981. История Тропической Африки (с древнейших времен до 1800 г.). Пер. с франц. М., 1984. Н. Н Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры. М., 1985. Actes du Colloque International du CNRS, Viviers (France), 4–16 avril 1977. I–III. SELAF. Paris, 1980.

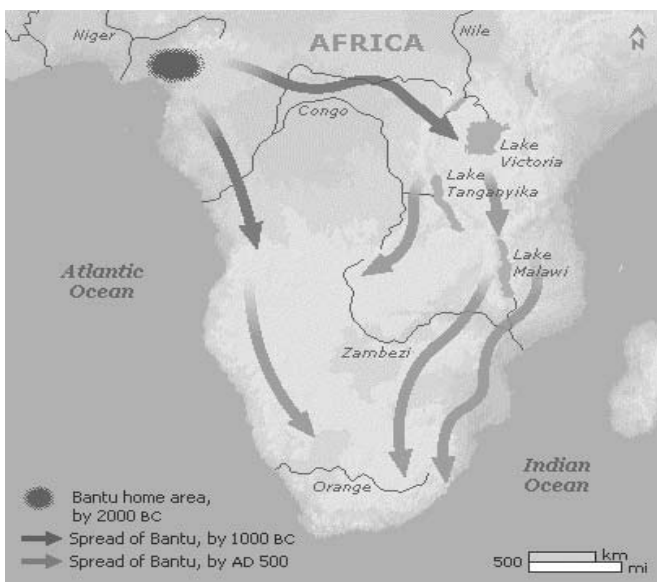
Генезис и дивергенция банту по М. Гасри.

1 – граница банту, 2 – граница между западными и восточными прото-диалектами, 3 – центральный очаг прото-банту, 4 – направление пребантуских миграций, 5 – пребантуский очаг, 6 – направление бантуских миграций, 7 – зона бантуского ядра, S – индекс консервации общепантуской лексики в %.

Есть несколько гипотез о миграции африканских племен в доисторическую и историческую эпохи и соответственно о времени и пространстве существования праязыка и коллектива, говорившего на нем. Прародину языков банту Мейнхоф искал в районе Великих озер, Джонстон – у озера Чад (с последующим очагом у озера Вик-

тория), Мэрдок – в нынешней Восточной Нигерии¹, Гасри – к юго-востоку от озера Чад в саванне между реками Убанги и Шари (см. карту 6), Гринберг – в долине реки Бенуэ (см. карту 7), Уэлмерс – Верхнего Нила и т. д. Оценивать эти гипотезы невозможно: в археологических находках нет языковых памятников и соотносить материальную культуру с языковым типом или каким-либо конкретным языком в этой ситуации бесперспективно.

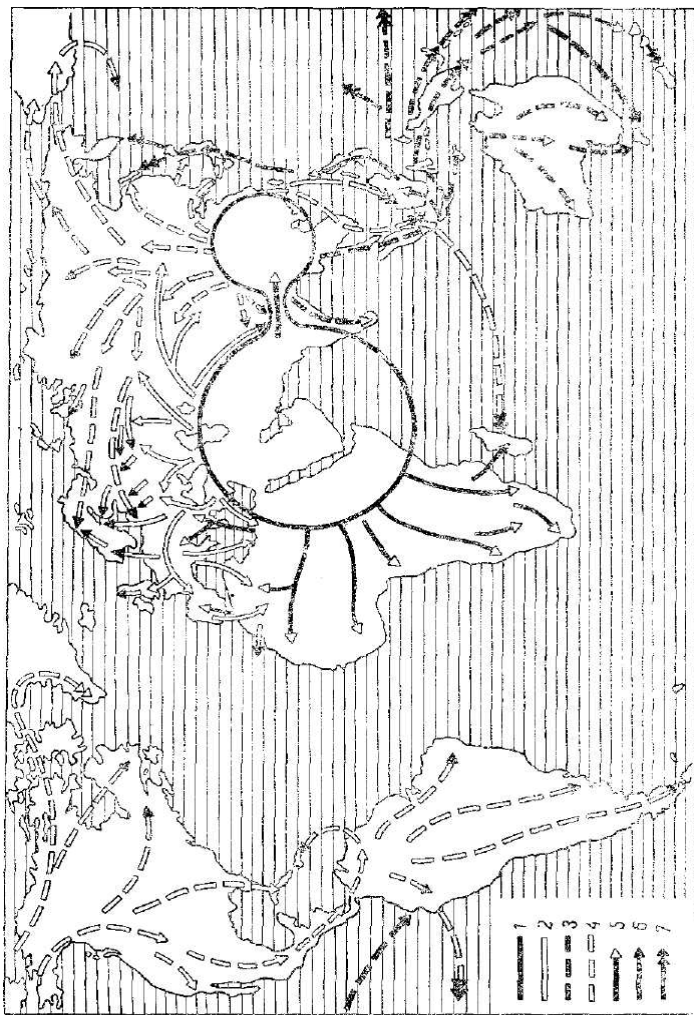
Карта 7

Миграции банту².

¹ История Тропической Африки (с древнейших времен до 1800 г.). Пер. с франц. М., 1984. С. 67.

² Bantu migration (<http://encarta.msn.com>). В комментарии к карте отмечается, что ядро языков банту находилось там, где сейчас расположены Камерун и Нигерия (2 000 г. до н. э.). Около 1 000 г. до н. э. в результате миграций носители языков банту распространились в район саванны (Ангола) и к западу от озера Виктории. В течение последующих 1 500 лет они заселяли центральную и южную Африку, абсорбируя местные племена. Карта показывает распределение африканских языковых семей в соответствии с классификацией Дж. Гринберга.

Карта 8. Пути древнейшего расселения человечества.

Карта составлена С. А. Арутюновым и Н. Н. Чебоксаровым (Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры. М., 1985. С. 132). Большой круг – западный очаг расообразования, малый круг – восточный очаг расообразования. 1 – негроиды, 2 – европеоиды, 3 – австралоиды, 4 – монголоиды, 5 – эпоха палеолита, 6 – эпоха мезолита и раннего неолита, 7 – эпоха позднего неолита и металла.

Несомненно одно: на протяжении последних шести тысяч лет и более¹ на территории Африки происходили многочисленные миграции племен и народов, в числе которых были и предки банту (см. карту 7). Эти миграции привели к смешению и креолизации языков, выделению некоторых из них на роль койне и к полной утрате каких-то древних языков. На карте Африки появилась лингвогеографическая пустыня – Сахара. Об этом периоде африканской истории известно мало. Поэтому лингвистические исследования о времени и пространстве существования прабанту и гипотезы о языковой ситуации в Африке древнего мира приобретают значение, далеко выходящее за рамки языкознания.

Хотя различные исследователи пользовались различными методами, в общем, они получали, реконструируя прабанту, почти одни и те же результаты. Выше была приведена прото-система префиксов именных классов Мейнхофа. Аналогичная прото-система Гасри имеет следующий вид:

**mi*, 1-й кл; **ba*, 2-й; **mi*, 3-й; **m̄i*, 4-й; **i*, 5-й; **ma*, 6-й; **ki*, 7-й; **b̄i*, 8-й; **n*, 9-й; **n̄*, 10-й; **du*, 11-й; **ka*, 12-й; **tu*, 13-й; **bu*, 14-й; **ku*, 15-й; **pa*, 16-й; **ku*, 17-й; **mi*, 18-й; **pi*, 19-й.

Не оценивая специально эти результаты, отметим следующее. Во всех реконструкциях, проводимых в бантуистике, за исходное принимаются формы, засвидетельствованные в современных языках банту, и фонетические соответствия между ними. Процесс развития (артикуляции) внимания исследователей не привлекает. Поэтому праформы, получаемые бантуистами, являются, по сути, формулами степени близости языков, мнемонической записью соотношений между ними, а отнюдь не реальными префиксами, которые употреблялись предками современных банту, функционировали в каком-либо языке и были исходным пунктом эволюции реальных форм.

Целью монографии, предлагаемой читателю, является анализ фактов современных языков, позволяющих обратиться к их про-

¹ Т. Бютнер. История Африки с древнейших времен. Пер. с нем. М., 1981. История Тропической Африки (с древнейших времен до 1800 г.). Пер. с франц. М., 1984. Н. Н Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры. М., 1985. Actes du Colloque International du CNRS, Viviers (France), 4–16 avril 1977. I–III. SELAF. Paris, 1980.

шлому через призму синхронных процессов, происходящих в настоящем. Статике диахронии (реконструкции прабанту как исходной точки исторического процесса и результата его познания) противопоставляется ее динамика – воссоздание процесса эволюции. Естественно, в рамках одного исследования нельзя охватить весь комплекс вопросов, и мы затрагиваем лишь его отдельные фрагменты, связанные с конструированием темпоральной глубины синхронных явлений путем обращения к артикуляционным механизмам говорящих¹. Описание результатов исследования в монографии строится двояко: проспективно (в Предисловии и в Заключении) и ретроспективно (в основной части монографии)². Вторичное, извлеченное в ходе исследования из действительности, становится первичным в рамках теории.

Методика ретроспективных исследований принципиально отличается от методики проспективных исследований, поскольку при ретроспекции мы имеем дело с множеством возможностей развития (множеством гипотез о пути формирования языкового элемента и исходной точке этого пути), а проспективное описание всегда предполагает единственность такой гипотезы (правильной может быть только одна исходная точка, которая и имела место в действитель-

¹ По замыслу автора, данная монография является одной из работ серии «Эволюция грамматического строя языков банту». Она была выполнена под названием «Ареально-типологические исследования языков банту» (1981 г., вслед за «Сопоставительной грамматикой языков банту», 1976 г.). Ее продолжением является монография «Генетическая и типологическая общность языков Африки», в которой иллюстрируется единство глоттогонического процесса у народов Тропической Африки, доказывающее генетическое родство нигеро-кордофанских, нило-сахарских, койсанских и афразийских языков, а также делается попытка описать истоки рчеобразования и пути развития глоттогонических процессов у народов различных континентов. Рассматриваемые материалы свидетельствуют о генетической общности языков Африки, Австралии и Океании, а также об их очень древних связях с языками остальных континентов. Заключительная монография данной серии планировалась как описание этапов формирования человеческого мировоззрения в связи с переходом от партитивно-посессивного способа отражения объективной действительности к темпорально-спатиальному. По не зависящим от автора обстоятельствам, серия сокращена до названия данной монографии.

² «В то время как синхронная лингвистика знает только одну точку зрения, точку зрения говорящих, а, следовательно, один метод, диахроническая лингвистика предполагает одновременное наличие двух точек зрения или перспектив: проспективную – взгляд, направленный по течению времени, и ретроспективную – взгляд, направленный вспять, против течения времени. . .». Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. Пер. с франц. М., 1977. С. 248.

ности, и только один путь, связывающий ее с современным состоянием). В силу этого различаются и оценки обоих типов исследований: проспективное описание обычно оценивается детерминистически (оно считается либо истинным, либо ложным), а ретроспективное – вероятно, ибо мы говорим в таких случаях не об абсолютной истинности или ложности концепции, а о большей или меньшей степени вероятности совпадения реальных и конструируемых событий, степени мотивированности догадок автора, правильности методики реконструкции и интерпретации фактов¹. Читателей монографии автор просит не забывать, что это – попытка ретроспективного, а не проспективного описания эволюции языков банту, и Предисловие – не перечень результатов, экспонируемых в монографии, а итог размышлений над их интерпретацией и дальнейшим обобщением.

7. Предлагаемая читателю монография состоит из 12 глав. В каждой из них описаны системы именных классов, форманты которых известны в языках данной группы. Характеристика языков ведется, в основном, по зонам, в которые объединены языки банту в классификации Гасри. Все языки снабжены шифрами из его же классификации. Указатель языков, идентифицирующий их названия и локализацию на лингвогеографической карте, предложенной Гасри, вынесен в Приложение. Экспозиция языков в каждой главе строится по единому плану через призму показателей именных классов, которые извлечены из источников языкового материала, приведенных в Библиографии. Всего анализируются 7800 формантов почти в 500 языках и диалектах банту.

Важнейшим источником языкового материала, помимо словарей, грамматик и исследований по конкретным языкам, является Словарь, составленный Гасри². Все существительные, входящие в этот словарь, были расписаны на карточки, и из них были извлечены префиксы именных классов. Эти префиксы образовали остов слова-

¹ «Реконструируемая форма не есть единое целое: она всегда представляет собой разложимую сумму фонетических выводов, причем каждый из них может быть в отдельности аннулирован и пересмотрен». Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. Пер. с франц. М., 1977. С. 256.

² M. Guthrie. Comparative Bantu. An introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu Languages. Gregg International Publications. V. 3–4. Gregg Press Ltd. Westmead, 1967–1971.

ря формантов. Впоследствии этот корпус обрстал формантами, которые извлекались из других языковых источников. Пополнение велось так, чтобы не нарушалась единая фонетическая система, в терминах которой составлено исследование Гасри. Его словарь служил как бы ключом, с помощью которого записи различных исследователей переводились на язык одной и той же транскрипции. Большую помощь в осмыслении материалов по акцентологической и просодической структуре языков оказали: М. Мудзи (языки зулу, к'оса и шона, диалект зезуру), М. Тшабалала (ндебеле, северный и южный суто), Ж. Офунене, А. Селестен (киконго, лингала) и Н. Ндуби (суахили), а также авторы лингафонного курса, любезно предоставленного мне сотрудниками Лингафонной лаборатории Восточного факультета ЛГУ: „Teach yourself Zulu: the musical language, rich in idiom”. Zulu lullaby and conversation. A complete home language course for the beginner. Consisting of 4 long playing records plus conversation manual and dictionary. Tegnidisc. Series of African languages. Johannesburg.

8. Ниже приводятся таблицы символов для обозначения гласных и согласных, в терминах которых транскрибируются префиксы и большинство языковых примеров (если способы транскрипции не оговорены особо). В этих же символах транскрибируются названия языков и диалектов (в соответствии с данными Гасри). Любые два префикса, различающиеся фонемными или супрасегментными признаками, рассматриваются как различные форманты: каждый из них фиксируется в виде самостоятельной единицы. Нумерация классов с 1-го по 19-й соответствует нумерации Мейнхофа; форманты 20–21-го классов Мейнхофа в собранных материалах не обнаружены. Таблицы сопровождаются комментарием, необходимым для их понимания. Корни слов и основы выделяются дефисами, префиксы, суффиксы и инфиксы регистрируются без дефисов.

Системы гласных описываются в терминах таблицы 2, которая составлена в соответствии с работой Гасри¹, но отличается от нее по техническим обстоятельствам некоторыми символами. В таблице 2 цифры стоят рядом с кардинальными гласными, в скобках помещены гласные, для артикуляции которых требуется особое округление губ, в отличие от их со-

¹ M. Guthrie. Comparative Bantu. An introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu Languages. Gregg International Publications. V. 3. Gregg Press Ltd. Westmead, 1967–1971. P. 16.

седей, вынесенных за скобки. Символом ϑ обозначен центральный гласный с эпиглоттальным трением и сужением фаринкса, а символом ϵ – нейтральный гласный, при артикуляции которого образуется резонаторное пространство между верхними зубами и внутренней поверхностью вытянутой вперед нижней губы.

Таблица 2

1. \dot{i}	$\dot{\epsilon}(\ddot{u})$	\dot{i}	$\#$	$\text{ц}\delta$	u
i					u
	\dot{i}				\underline{u}
	2ϵ	$\ddot{\epsilon}(\phi)$	ϑ	\ddot{o}	$\phi\gamma$
	e		ϑ		
		ϵ	ϑ	o	
	3ϵ	$\dot{\epsilon}(\alpha\epsilon)$	$\ddot{\epsilon}$	ϕ	
	$\underline{\epsilon}$			\underline{o}	
		4α	a	$5\alpha o$	

Кроме символов этой таблицы, в характеристике гласных участвуют символы, указывающие на назальность (помечается тильдой, например: \tilde{a} – назальное a) и долготу (незначительное удлинение, например, гласного a , обозначается в виде \bar{a} , значительное удлинение – в виде aa); по техническим обстоятельствам при наличии диакритических знаков, фиксирующих тон или ударение, а также при дифференциации трех ступеней пролонгации гласных незначительная долгота обозначается двоеточием в виде $a:$). Гласные, которые слышатся только в сопровождении других звуков, при особом произношении, или употребляются факультативно, помечаются скобками. Тон, если его обозначение не оговаривается особо, регистрируется надстрочными штрихами: \acute{a} , \acute{n} – восходящий или высокий тон, \grave{a} , \grave{n} – нисходящий или низкий, \hat{a} , \hat{n} – восходяще-нисходящий, \check{a} , \check{n} – нисходяще-восходящий. Тонирование несонорных согласных помечается штрихом над согласным: \acute{p} – восходящий тон, \grave{p} – нисходящий.

При описании консонантных систем используется таблица 3 и следующие правила оперирования с символами: косая черта в таблице (например, p/b) обозначает оппозицию «глухость – звонкость», дефис (например: $w-w'$) оппозицию «огубленность – неогубленность» (огубленные фонемы стоят после дефиса, неогубленные – до него). Для обозначения имплозивных согласных и дрожащего язычного r используется готический алфавит (в случае фонетической транскрипции) и кириллица, если это требуется для соблюдения орфографии данного языка (см., например, передачу имплозивных билабиальных К. Доком посредством символов, напоминающих русские буквы $Б$, $б$). Эксплозивные согласные регистрируются с помощью латинского, русского, греческого и армянского алфавитов, а также специальных символов.

С помощью символов таблицы 3 можно описать следующие согласные: p/b – билабиальные взрывные (глухой – звонкий); \bar{b} – звонкий билабиальный имплозивный; hm/m – билабиальные назальные (глухой – звонкий); β/β – билабиальные фрикативные (глухой – звонкий); $w-w'$ – билабиальные полугласные (неогубленный – огубленный); f/v – лабиодентальные фрикативные (глухой – звонкий); \underline{m} – лабиодентальный назальный, при образовании которого внутренняя часть нижней губы втягивается быстрее, чем край губ; y/γ – лабиодентальные фрикативные с округлением губ, участием верхних зубов и внутренней поверхности нижней губы (глухой – звонкий); $u-\underline{u}$ – лабиодентальные полугласные (неогубленный – огубленный); t/d – дентальные взрывные (глухой – звонкий); \underline{n} – дентальный назальный; θ/δ – дентальные фрикативные (глухой – звонкий); \mathcal{J} – дентальный полугласный; \int – латерально-дентальный; t/d – альвеолярные взрывные (глухой – звонкий); \mathcal{J} – имплозивный альвеолярный; hn/n – назальные альвеолярные (глухой – звонкий); s/z – альвеолярные фрикативные (глухой – звонкий); hr/r – альвеолярные дрожащие или одноударные (глухой – звонкий), \acute{t} – альвеолярно-латеральный; hl/\acute{t} – латеральные фрикативные (глухой – звонкий); \mathcal{J}/\mathcal{Z} – палатоальвеолярные фрикативные (глухой – звонкий); R – дрожащее язычное r ; c/j – палатальные взрывные (глухой – звонкий); \hat{f} – имплозивный палатальный; hny/ny – палатальные назальные (глухой – звонкий); \mathcal{C}/\mathcal{Z} – палатальные фрикативные (глухой – звонкий); y/\acute{y} – палатальные полугласные (неогубленный – огубленный); $\omega-\acute{\omega}$ – велярные полугласные (неогубленный – огубленный); k/g – велярные взрывные (глухой – звонкий); \mathcal{G} – имплозивный велярный; $h\eta/\eta$ – велярные назальные (глухой – звонкий); x/\acute{x} – велярные фрикативные (глухой – звонкий); \mathcal{N} – увулярный назальный; \mathcal{H}/\mathcal{B} – увулярные фрикативные (глухой – звонкий); $'$ – глоттальная смычка; h/\mathcal{A} – глоттальные фрикативные (глухой – звонкий).

Таблица 3

Тип образования → Место образования ↓	Полугласные	Латеральные	Дрожащие (одно- и многоударные)	Фрикативные	Насальные	Имплозивные	Взрывные
губно-губные	w-w'			p/β	hm/m	б	p/b
губно-зубные				f/v			
губно-зубные с втянутым языком	w-ш			γ/x	/m		
зубные	χ	l		θ /ð	/n		t /d
альвеолярные		l:hl/t	hr/r	s/z	hm/n	д	t/d
палатоальвеолярные				ʃ/ʒ			
ретрофлексные			/R				
палатальные	y/ÿ			ç/ʒ	hm/ny	ж	ç/ʒ
велярные	ω-ō			x/χ	hm/ŋ	ʒ	k/g
увулярные				ʁ/ʁ	/N		
глоттальные				h/ħ			' /

Дополняя символы таблицы 3 правилами деривации производных символов, можно получить возможность регистрировать все многообразие согласных, которые встречаются в описываемых языках: 1) для изображения аффрикат используются диграфы, образованные из символов таблицы 3 (например; $çç$ – глухая палатальная аффриката, $jž$ – звонкая палатальная аффриката); 2) аспирированные согласные фиксируются посредством диграфов, вторым элементом которых является знак h (ph , mh , th и т. д.); 3) дополнительная дентальная артикуляция согласных отмечается посредством подстрочной точки или подстрочного значка (см. в таблице 3 символы t , d , n , l , y); 4) лабиодентальная артикуляция, вовлекающая верхние зубы и внутреннюю поверхность нижней губы, фиксируется подстрочной черточкой или особой символической (\underline{s} , \underline{z} ; см. также в таблице 3 знаки \underline{m} , \underline{l} , $y'x$); 5) значок \checkmark , стоящий над строкой, обозначает дополнительную свистящую артикуляцию (например, в случае сибилантов с дополнительным трением \check{s} , \check{z} или в случае диграфов $p\check{z}$, $b\check{z}$); 6) назализация фиксируется тильдой над полугласными (\tilde{w} , \tilde{y} – назальные полугласные); 7) неполная смычка с трением регистрируется надстрочной точкой (\acute{n} – фрикативный n); 8) эйективная артикуляция обозначается апострофом (p' – эйективный глухой билабиальный взрывной согласный); 9) долгий согласный записывается при помощи редупликации (диграфы tt , dd); 10) с помощью скобок фиксируются звуки, которые слышатся только в сопровождении других звуков или в речи со специальным акцентом; 11) для регистрации щелкающих звуков используется особая нотация (например, буква q , диграф xh и т. п. знаки, оговариваемые особо); 12) слогообразующий характер согласного помечается кружком под согласным ($\circ m$ – слогообразующий билабиальный назальный сонант, $\circ n$ – слогообразующий альвеолярный назальный сонант и т. д.); 13) для обозначения гоморганых назальных (их сокращенной записи) используется символ \mathbb{A} , слогообразующие гоморганые назальные сонанты в краткой записи имеют вид \mathbb{A}_{\circ} , т. е. с помощью символа \mathbb{A} обозначаются гоморганые назальные m , n , ny , η , а с помощью символа \mathbb{A}_{\circ} – слогообразующие варианты тех же гоморганых назальных $\circ m$, $\circ n$, $\circ ny$, $\circ \eta$ ¹.

¹ Эта система транскрипции почерпнута, в основном, у Гасри, но по техническим

9. Описание в каждой главе строится по следующему плану. Прежде всего, дается список языков, префиксы именных классов в которых характеризуются в данной главе; названия языков сопровождаются индексами из классификации Гасри. Дальше названия языков и индексы употребляются равнозначно. Отмечается, с какими группами и языками граничит данная группа, какие языки в ней являются наиболее важными, какие этнические коллективы ими пользуются, какие известны сведения о количестве говорящих на наиболее распространенных языках. Каждая глава сопровождается лингвогеографической картой.

Приводится список формантов, выступающих в роли показателей именных классов в языках данной группы. Материал упорядочен по языкам в том порядке, который установлен Гасри в его классификации языков банту. Рядом с номером класса фиксируются все форманты, которые зарегистрированы в роли показателей. Форманты записаны в фонетической транскрипции. Вслед за списком формантов дается справка о том, какие классы зарегистрированы в каждом языке и представлены по группе в целом.

Затем следует анализ омонимии и синонимии префиксов. Омонимичными называются префиксы, которые употребляются, в качестве показателей нескольких классов (см., например, префикс *m-* в языке лунду, который выступает как показатель 1-го, 4, 6, 9 или 10-го класса). Степень омонимичности устанавливается так. Подсчитываются все префиксы именных классов, зарегистрированные в данном языке (например, для лунду – 43), затем отбираются много-

обстоятельствам отличается от нее: изменено обозначение большинства фрикативных, имплозивных, полугласных, дрожащего *ʀ*, гоморганных назальных, а также производных символов, образуемых с помощью диакритики. В этих аспектах данная система отличается также от IPA.

Кроме того, вслед за Гасри, в отличие от IPA, при описании гласных вместо символа *y* (IPA) для обозначения центрального круглого варианта гласного *i* используется диграф *ii*; палатальный полугласный *j* (IPA) обозначен посредством символа *y*, круглый палатальный полугласный – посредством *y̥*; палатальный назальный в таблице и в тексте фиксируется как диграф *ny* (за исключением тех примеров, когда надо противопоставить эту монофонеми сочетанию назального с полугласным *y*; в последнем случае палатальный назальный изображается с помощью знака *n'*); глоттальная смычка – посредством апострофа *'*; глухое *l* – посредством диграфа *hl*; для имплозивной разновидности *j*, как отмечалось выше, вводится символ *ĵ* (знак *j* резервируется только для звонкого палатального смычного).

значные префиксы и вычисляется отношение многозначных префиксов к общему количеству префиксов. При этом учитываются все варианты префиксов каждого класса, например: *mi-*, *mo-*, *mw-* и т. п. Символ *Ȧ*, с помощью которого регистрируются гоморганные назальные, соответствует четырем формантам: *m-*, *n-*, *ny-*, *ŋ-*. Обозначение гласных в круглых скобках, фиксирующее их факультативное употребление, является сокращенной записью двух формантов: с гласным и без него. Как различные префиксы рассматриваются также варианты со слогообразующими сонантами и без них. Аналогично признаются неидентичными префиксы, различающиеся огубленными и неогубленными, долгими и краткими, широкими и узкими, назализованными и неназализованными, аспирированными и неаспирированными, эйективными и неэйективными и т. п. фонемами.

Индекс омонимии из-за лакун в материале в ряде случаев субъективен. Там, где лакун нет, он является неплохим репрезентантом степени формированности системы классов и удобным инструментом для сравнения языков различных групп. Той же цели служит и характеристика синонимии показателей классов. Отсутствие вариативности показателей, если оно вызвано не лакунами в описании, является следствием либо уникальности форманта, который в силу этого употребляется лишь с незначительным кругом основ, либо постоянством функционирования префикса с очень представительным кругом основ (см., например, префиксы *ba-*, *ma-* и *zi-*, которые в ряде языков становятся универсальными показателями множественного числа). В обоих случаях речь идет об экстремальных для системы условиях – исчезновении из обихода или введении в него языковой единицы (в первом случае) и о намечающемся переходе системы в иное состояние, так как любая система стремится сохранить положение равновесия и избавиться от гипертрофированного развития одних элементов в ущерб остальным.

Особое внимание в работе уделяется просодике и явлениям на стыке префикса и корня, поскольку они являются ключевыми для понимания специфики языков банту и тех тенденций, которые определяют развитие их грамматического строя. В задачи исследования входит регистрация: 1) типов слога, встречающихся в языках; 2) смыслоразличительных оппозиций, передаваемых с помощью

супрасегментных характеристик; 3) роли слогообразующих сонантов в структуре слога и инициали существительного; 4) количественных характеристик гласных; 5) типов тоновых контуров, присущих словам, словосочетаниям и предложениям; 6) взаимоотношений между тоном, ударением и количественно-качественными характеристиками гласных и т. д.

К силлаботоническим характеристикам примыкают вопросы о типе вокализма, представленном в каждом языке и отраженном в системе показателей классов (классификация гласных по степени раствора, долготе, месту образования; характер процессов, происходящих при столкновении двух гласных; назализация и деназализация гласных; их веляризация, палатализация и лабиализация). Здесь же рассматриваются материалы, связанные с функционированием инициальных гласных в тех языках, где они зарегистрированы, а также вопросы сингармонизма и контактной или дистантной ассимиляции гласных. Особо описываются полугласные и их соотношение с гласными.

Следующий комплекс вопросов – это состояние консонантизма в исследуемых языках. Учитывается противопоставление эксплозивных и имплозивных, элективных и неэлективных, аспирированных и неаспирированных, назализованных и неназализованных, веляризованных и невеляризованных, лабиализованных и не лабиализованных, латеральных и круглых, одноударных и многоударных, долгих и кратких, слогообразующих и неслогообразующих, глухих и звонких, твердых и мягких, фрикативных и нефрикативных, сегментированных и несегментированных, с дополнительной артикуляцией и без нее, однофокусных и многофокусных. Отдельно регистрируются геминаты, соотношение спирантов и сонантов, элизия согласных, спектр согласных в показателях классов, уникальные форманты, редупликация и композиция префиксов.

Описание префиксов ведется не в изоляции от основы, а на фоне преобразований, которые происходят в слове при слиянии префикса и корня. Соотношения основы и префикса, определяющие их вариативность; явления сандхи на стыке основы и префикса; закономерности приспособления произношения префиксов к артикуляции основ и связанные с ними ряды аллофонов; характер соединяющихся фонем, модификация тоном, элизия гласных, согласных и полугласных на стыке префикса и корня; процессы модификации инициалей

основ под действием префиксов; роль палатализации, фарингализации, лабиализации, соноризации, импловизации, ритмизации дыхания и участия различных органов речи при артикуляции звуков и их последовательностей, – вот круг вопросов, освещаемых в этой части каждой главы. В ряде случаев описание иллюстрируется характеристикой системы классов в каком-либо языке и диахроническими материалами, но в большинстве глав изложение строится так, чтобы сформировать представление о ситуации по группе в целом.

Для соизмеримости описаний различных языков и групп вводится репрезентативный набор показателей именных классов. Этот набор имеет вспомогательное, методологическое значение и выступает в роли эталона, с помощью которого сравниваются различные системы префиксов. Для экономии средств описания эталон составлен в виде списка наиболее частотных формантов, полученного в моей монографии «Сопоставительная грамматика языков банту»: *m-*, 1-й кл.; *ba-*, 2-й; *m-*, 3-й; *mi-*, 4-й; *l-*, 5-й; *ma-*, 6-й; *ki-*, 7-й; *bi-*, 8-й; *n-*, 9-й; *n-*, 10-й; *lu-*, 11-й; *tu-*, 12-й; *ka-*, 13-й; *bu-*, 14-й; *ku-*, 15-й; *pa-*, 16-й; *ku-*, 17-й; *mi-*, 18-й; *fɪ-*, 19-й. Практически вместо этого набора могли быть использованы иные системы, – например, протоформанты Мейнхофа или Гасри, приведенные выше. Сущность описания осталась бы той же, но его форма стала бы иной.

Кроме эталонной системы формантов, в работе зарегистрирован еще один эталон – элементарные фонетические процессы, превращающие эталонный набор формантов в реальное многообразие показателей классов (или наоборот: сводящие реальное многообразие префиксов к эталонному набору). Всего на стыке префикса и корня в языках банту происходит около 40 элементарных фонетических процессов: 23 – в сфере консонантизма, 12 – в области вокализма и несколько процессов, видоизменяющих слоговую и тонемную структуры исследуемых слов. Это – импловизация, экспловизация, эйективация, деэективация, аспирация, ротацизм, назализация, деназализация, озвончение, оглушение, пролонгизация, элизия, соноризация, десоноризация, лабиализация, сегментация, спирантизация, смягчение, затверждение, билабиализация, дентализация, палатализация, веляризация согласных; назализация, деназализация, элизия, пролонгизация, палатализация, веляризация, вокализация, девокализация гласных, повышение – понижение их подъема, восстановление гласного слева или справа от консонанта (регрессивная

или прогрессивная делатентизация, по терминологии Дока¹); редупликация или композиция слогов; их акцентирование; понижение или повышение тона, усиление или ослабление интенсивности, напряженности и долготы тона, изменение тембра звучания за счет введения резонаторных тонов: фарингального, назального, лабиального или их исключения и перехода к основному (сонорному) тону.

В каждой главе фигурирует около 30 процессов. Многие из них являются взаимодополнительными, и в реальной языковой ситуации представлен не какой-либо один элементарный фонетический процесс, а их совокупность: назализация, при которой происходит появление назального обертона, назализация гласных и согласных (вместе или порознь), озвончение согласных, изменение типа их сонорности и места образования, модификация дифференциальных признаков фонем, превращение одних фонем в другие и т. д.; фарингализация, вызывающая углубление гласных и согласных, аспирацию, оглушение, эйективацию, преобразования фонем, появление фарингального обертона и прочие модификации, описанные в представленных ниже материалах, и т. д. С помощью этих процессов в работе строится описание динамики синхронии, которое является средством выявления тенденций развития грамматического строя в языках банту. Наблюдение ведется по главам – внутри каждой группы языков. Описания различных групп строятся дополнительно, чтобы выявить как можно больше тенденций, обуславливающих эволюцию классных систем и преобразование грамматического строя в направлении, отмеченном в Предисловии. Эти тенденции, присущие каждому языку в отдельности и всей общности в целом, представляют «генетический портрет» того общекбантуского начала, которое определяет единство глоттогонического процесса и основывается на специфике артикуляционной базы, присущей носителям языков банту.

¹ C. M. Doke A comparative study in Shona phonetics. Johannesburg, 1931. P. 195.

Заключение

1. В основе всех языковых процессов лежит вербальная деятельность человека, преемственность которой в речевом коллективе обеспечивает непрерывность языковой эволюции. Ее суть состоит в том, что изменения языковых элементов происходят ежесекундно, но столь незначительно, что практически не ощущаются говорящими. Постепенное накопление крайне малых приращений создает эффект абсолютного поступательного развития языка, ощущаемый сторонним наблюдателем, на фоне относительной стабильности и неизменности, констатируемой членами речевого коллектива. Этот эффект порождает определения языка на основе антиномий: *energeia* – *ergon*, динамика – статика, процесс – результат, язык – речь и т. д., содержащих имплицитное или эксплицитное утверждение, что язык представляет собой самосовершенствующуюся систему, структуру, организм, механизм и т. п. Однако язык это не саморазвивающееся явление. Он одна из неотъемлемых принадлежностей человеческого общества и не отделим от человека. Лингвист абстрагирует вербальный продукт и упорядочивает его в виде системы, но от этого последний не становится ни живым организмом, ни самоорганизующейся структурой, ни саморазвивающейся идеей.

«Развитие языка» — это метафора. Мы пользуемся ею, когда имеем в виду эволюцию языкового мышления и артикуляционных навыков, отражающихся в продуктах речевой деятельности. Эта эволюция происходит непрерывно. Она порождает два многообразия: 1) вербальных элементов, или продуктов речевой деятельности, 2) вербальных процессов, или актов языкового мышления и артикуляции, в результате которых создаются вербальные элементы. Вербальные процессы протекают в двух различных субстанциях – мозга и артикуляционных органов. В соответствии с двумя типами движения материи (мыслящей и не мыслящей) регистрируются и два типа процессов: 1) языкового сознания, 2) артикуляции.

Недоступность вербальных процессов непосредственному наблюдению заставляет обращаться к косвенному – изучению продуктов речевой деятельности. Это приводит к выделению в каждом вербальном элементе двух ипостасей, соответствующих двум типам

процессов: 1) информации о процессах языкового сознания (мышления), 2) информации о процессах артикуляции. Благодаря такому подходу изучение хронологического и синхронного многообразия вербальных элементов позволяет судить об эволюции языкового мышления и артикуляционных навыков речевого коллектива.

2. Экспонируемые в монографии материалы показывают, что в истории языков банту выделяются три периода: 1) партитивно-посессивный, 2) пространственный, 3) пространственно-темпоральный. Они состоят из множества переходных форм, поэтому данное деление является условным, как любая попытка описать непрерывный процесс в терминах дискретных состояний. Каждому периоду языковой истории соответствует определенная фаза развития человеческого сознания. Фазы последовательно сменяют друг друга в осмыслении объективной действительности.

Чем реликтовой категория, тем синкретичнее ее значение, тем разнообразнее языковые подсистемы, которые она охватывает, и тем менее гомогенной и понятной, с позиции настоящего, является связь между ее семантическими составляющими, «разошедшимися» по разным подсистемам. Например, категории, присущие не только имени, но и глаголу, более древние, чем те, что возникли после дифференциации слов на имена и глаголы. Форманты, посредством которых эти категории манифестируются, зачастую воспринимаются как омонимы, – так семантически далеки они в наши дни, – и только их внутренняя форма и этимологическое значение служат доказательствами общности генезиса. Этот критерий позволяет в качестве наиболее реликтовой в языках банту зафиксировать категорию связности (наличие связи – ее отсутствие). Она охватывает все языковые элементы и подсистемы. Второй по степени глобальности является категория аффирмативности – негативности («да – нет»): вне зоны ее действия остаются лишь идеофоны и некоторые служебные слова (см. противопоставление позитивных – негативных форм глагола и копулятива, оппозицию существительных и квази-существительных, всевозможные лексемы и форманты, содержащие сему аффирмативности – негативности). Затем следуют категории посессивности (наличие – отсутствие временной связи), партитивности (наличие – отсутствие постоянной связи), контакта (наличие – отсутствие непосредственной связи) и субъекта (наличие – отсутствие связи тождества между говорящим и вербализуемой

реалией). Общим методом субкатегоризации в этой иерархии является диалектическое дробление исходных понятий путем экспликации их внутренних противоречий¹. Период языковой истории, соотносимый с формированием данной цепочки категорий, может быть условно назван партиитивно-посессивным².

Следующий этап эволюции языкового мышления, как свидетельствуют приведенные выше факты (см. с. 202³), связан с «освоением» всевозможных пространственных понятий. Наиболее глобальными из них являются категории «снаружи – внутри», парности, соотносительности объектов по величине (аугментатив – диминутив), форме (круглые – длинные, замкнутые – открытые, однодольные – многодольные) и взаимному расположению (подвижные – неподвижные, вертикальные – горизонтальные, близкие – отдаленные и т. д.). Все эти категории находятся в непосредственной связи с предыдущими. Наиболее четко они воссоздаются по оценочным формантам системы именных классов, реликтовым значениям показателей предметных и локативных классов, префиксам наречий, демонстративам, синхронно не вычленимым глагольным суффиксам и релятивам. Функционированием этих категорий завершается развитие партиитивно-посессивного способа отражения

¹ Схематически этот процесс можно представить так: говорящий осознаёт тезис («наличие связи»), от него переходит к антитезису («отсутствие связи») и затем к синтезу («наличие – отсутствие связи»). Закрепив этот мыслительный акт с помощью языковых форм, создаваемых артикуляционными движениями, и начав оперировать результатами этого акта как языковой категорией связности, говорящий вновь обращается к исходному тезису и вскрывает его бинаризм по отношению к новому основанию сравнения. Например, противопоставив в соответствии с исходным тезисом все связанные элементы несвязанным, говорящий разбивает связанные объекты снова на две группы: связанные постоянно и временно. Абстракция от наблюдения над постоянно связанными элементами закрепляется артикуляционным актом, и в языке возникает категория партиитивности («часть – целое»). Аналогичный процесс в отношении временных связей приводит к появлению категории посессивности. Далее следует новый виток анализа – синтеза: фиксация в составе временно связанных реалий непосредственно связанных и противопоставление их реалиям, которые этим признаком не обладают, и т. д., – до наших дней.

² Как видно из вышеизложенного, собственно партиитивно-посессивному периоду предшествует этап «связности и аффирмативности». Непосредственно за партиитивно-посессивным периодом следует этап выявления субъектно-объектных отношений и связей контакта – дистантности.

³ Отсылка здесь и далее дается к страницам моей монографии «Эволюция грамматического строя в языках банту» (Л., 1986).

объективной действительности и начинается становление нового мировоззрения – пространственного.

Его зарождение связано с формированием двух фундаментальных категорий: локативности (вследствие абстрагирования пространства, занимаемого объектом, от самого объекта) и направления (в результате установления мысленных линий связи между объектом речи и говорящим). Абстрагирование пространства от объектов и рассмотрение локаций в качестве отчуждаемых принадлежностей реалий позволило объединять в один класс материально не тождественные объекты и фиксировать их как единую совокупность исключительно на основании процедуры сложения занимаемых ими пространств. Эта операция явилась необходимым условием для абстрагирования категории грамматического числа и вслед за ней всех категорий, основанных на противопоставлении одной локации их множеству. Одновременно с этим возникло сравнение объектов и процессов по пространственным признакам. Результаты этих операций выявляются по оппозициям в подсистеме показателей предметных классов существительных и аспектных форм глагола.

Дальнейшая дифференциация языковых категорий связана с регистрацией темпоральных свойств объектов. Реалии, попавшие в сферу языкового мышления, начинают систематически анализироваться с позиций временности – постоянства присущих им характеристик, длительности – мгновенности происходящих в них изменений и темпоральной направленности процессов. Категория имени подразделяется на существительные и прилагательные. В системе глагола формируется темпоральная парадигма. Категории, возникшие на предыдущих этапах, приобретают временной подтекст и, благодаря ему, приспосабливаются к новому способу отражения действительности. У постфиксов и префиксов существительных появляется сема темпоральности. Иерархизация существительных по форме, величине и другим пространственным признакам, результировавшаяся разветвленной системой именных показателей и возникшая на базе партитивно-посессивных категорий, начинает переформировываться в систему, упорядочение элементов которой строится на темпоральных оппозициях. Количество классов сокращается, доминирующими оказываются восьмичленные системы (см. с. 16). Многочисленные локативные форманты, передававшие различные пространственные отношения, уходят на периферию. На

смену им приходит универсальный показатель пространственно-временных значений, доминантой которого становится сема направленности. Например, силлабема *ki*, выражавшая при партитивно-посессивном строе в зулу и других юго-восточных языках банту значение «отсутствие контакта с посессором», в эпоху пространственных представлений превратилась в универсальный показатель направления (мысленной линии, по которой устанавливается контакт говорящего с интересующей его реалией). Впоследствии она обогатилась семей темпоральности. Благодаря этому категория направления в пространстве трансформировалась в категорию направленности – не только в пространстве, но и во времени, и силлабема *ki* стала передавать не только локативные, но и темпоральные значения¹. Слова, смысл которых вступал в противоречие с новыми категориями², либо выходили из употребления, либо кардинально изменяли значение и фактически превращались в омонимы к прежним языковым единицам, которые продолжали функционировать в языке, сохраняя реликтовый смысл.

Значения, присущие префиксам именных классов в современном зулу (с. 15–20), показывают, что темпорально-пространственный способ отражения объективной действительности, охарактеризованный выше, является финальным в реконструируемой системе, но отнюдь не в действительном развитии человеческого сознания. В недрах темпорально-пространственного строя происходит, как об

¹ Ср., например, в зулу: *Umé (1) kudebuduze (2) nesibaya (3)*. 'Он (1) стоял (1) неподалеку (2) от (3) загона (3) для (3) скота (3)' и *Lendlu (1) ikudebuduze (2) iwe (3)*. 'Этот (1) дом (1) скоро (2) рухнет (3)'.

² Происшедшую эволюцию языкового мышления можно проиллюстрировать таким примером. Как свидетельствуют сакральные мотивы, в партитивно-посессивную эпоху бантуязычные народы считали умерших перешедшими в «собственность» Иного Мира и унесшими с собой право посессии на принадлежавшие им реалии (слуг, скот, утварь). Когда посессивный характер связей в речевом коллективе стал ослабевать, уступая место пространственному, в ином свете предстали и отношения с умершими – на первый план стали выдвигаться не имущественные (партитивно-посессивные) отношения, а всевозможные пространственные атрибуты «загробного царства» – его форма и общий вид, а также дорога к нему. Для ее преодоления умершего стали снабжать едой и питьем. Развитие темпоральных взглядов привело к возникновению грани между прошлым и настоящим. Умершие стали восприниматься как реалии, оставшиеся в ином (прошедшем) времени, а не как перешедшие в иное («загробное») пространство. Изменилось и представление о форме их бытия после смерти: пространственный (телесный) образ уступил место темпоральному (бестелесному, духовному).

этом говорят языковые данные, интенсивное формирование новых категории и выработка нового инструмента отражения объективной действительности. Повсеместно наблюдается категориально закрепляемая в языках дифференциация пространственно-временного континуума на две подструктуры: вне мозга и внутри него. Эта дуализация времени – пространства на внутреннее – внешнее в языках банту наиболее отчетливо представлена в современных системах именных классов. Именно ею определяется восьмичленность этих систем (см. материалы моей монографии «Сопоставительная грамматика языков банту»). О ней также говорит процесс дифференциации значений, в результате которого возникают категории темы – ремы, модуса – диктума, топика – фокуса, актуального членения и т. п., становление которых лингвисты наблюдают сегодня.

3. Параллельно развитию языкового сознания идут модификация артикуляционных навыков и формирование означающих. Чем древнее техника образования слова из более простых составляющих, тем сильнее их взаимопроникновение и тем труднее вычлняются части из целого. Наиболее сильны в современных языках банту связи в финалях корней (интонационно, семантически, морфологически). Поэтому технику оформления финалей корней¹ можно рассматривать как соответствующую наиболее древнему языковому состоянию. Эта техника является реализацией правосторонней тенденции удлинения слова и накопления информации. Выше были охарактеризованы следующие приемы правосторонней техники (с. 301 монографии): словосложение, редупликация, суффиксация, регистрово-тембровое варьирование финального гласного (в частности, переогласовка и назализация корневой финали, превращающаяся при суффиксации во внутреннюю флексию). Эти приемы восходят к технике соположения – последовательного удлинения исходного элемента путем добавления к нему нового. Самые древние лексические пласты образованы этим путем. Так, в зулу редупликация наиболее отчетливо представлена в идеофонах и терминах родства. Результатом применения техники соположения является большинство местоименных и глагольных корней (практически это

¹ В одних случаях финали корней и слов совпадают, в других нет, поскольку к ним добавились постфиксы. Наиболее древние постфиксы слились с корнями и не вычлняются из основ в синхронном плане, а экстрагируются только при сравнении с однокоренными словами.

все многосложные глаголы, поскольку глаголы с финальными *-pha*, *-ma*, *-tha*, *-na*, *-la*, *-ka*, *-sa*, *-za*, *-ba* являются дериватами от идеофонов, имен или глаголов). Почти все основы многосложных существительных образованы в результате словосложения, редупликации или суффиксации. Вариация финального гласного повсеместно служит означающим категории аффирмативности – негативности. Кроме того, она представлена в большинстве синкретичных корней, соотносимых с именами и глаголами. Особо важную роль она играет в функционировании односложных корней. Вместе с редупликацией, суффиксацией и регистрово-тембровыми характеристиками она участвует в образовании наиболее древних залогово-аспектных форм глагола (контактива, статива, дисперсива, сокращенного перфекта и т. п.) и наиболее реликтовых категорий существительного (диминутива, аугментатива, женского рода и т. п.).

Становление пространственного мировоззрения знаменовалось тем, что говорящий начал мысленно очерчивать границы вербализуемой реальности. Любой объект стал фиксироваться как занимающий определенное место в пространстве. Затем этот подход был перенесен на слова – заместители объектов в вербальном пространстве. Осознание слов в качестве пространственных образований, имеющих границы в вербальном пространстве, революционизировало артикуляцию: она стала строиться на чередовании ритмических единиц (импульсов вдоха – выдоха, имплозии – эксплозии, пауз – звуков), имеющих значение пограничных сигналов. Границы слов превратились в слепки с мысленных контуров, проводимых говорящим вокруг номинируемой реальности. В силу линейности способа регистрации продуктов речевой деятельности, контуры, окружающие реальности, стали циркумфиксами вокруг номинатов реалий. У слов появились ограничители слева и справа.

Циркумфиксная «право-левосторонняя» техника стала доминантой в способах образования означающих. Любая языковая структура начала оформляться с помощью этой техники. Циркумфикс превратился в символ цельнооформленности и законченности языковой единицы – каждая языковая единица, которой присваивались эти признаки, оформлялась с помощью циркумфиксов. Этот переход произошел постепенно и, подобно прежним преобразованиям, незаметно для говорящих. Такой эффект оказался возможным благодаря интонации. Все началось с усиления тенденции использовать

тонально-тембровую вариативность корневых финалей в качестве доминирующего способа словообразования. Чем больше расширялась сфера применения данного способа, тем сложнее становился характер обертонов и тем тоньше – дифференциация регистровых параметров.

В результате использования тембровых и регистровых возможностей артикуляционного аппарата речь делалась все красочнее, а тональные контуры слов сложнее. Ведущим стал циркумфлексный характер построения тоном и их последовательностей. Темброво-регистровый рисунок оказался не менее важным признаком слова, чем его фонемный состав. Из факультативного резонатор превратился в обязательный фактор артикуляции. Как показывают материалы на с. 244, значимость приобрел не только факт его включения – выключения, но и тип резонаторной полости. Артикуляция согласных стала играть роль «реле», замыкающего цепь темброво-регистрового механизма: необходимым сопроводителем артикуляции назальных согласных оказался назальный обертон, заднеязычных, велярных и глоттальных – фарингальный. билабиальных – лабиальный и т. д. (см. с. 236).

Включение резонатора не ограничивалось пределами одного слога (с. 219) и могло распространяться влево и вправо. Поэтому во время активного состояния резонатора фиксация границ слова превращалась в установление момента и длительности включения резонатора (например, первое слово произносилось назальным тоном, второе нет, благодаря этому начало и конец назализации воспринимались как граничные сигналы, фиксирующие инициаль и финаль слова, и метки его цельнооформленности, – с. 222). Такая же роль появилась и у скользящих нисходяще-восходящих и восходяще-нисходящих тоном. Аппарат циркумфлексной техники, примеры которой сохранили все современные языки, занял главенствующее положение в сфере производства означающих. Регистровые особенности этой техники наиболее четко прослеживаются на материале групп E, F, G и H, роль резонаторов подробнее всего освещается при характеристике юго-западных банту.

Ритмизация речи и циркумфлексные тона явились теми средствами, которые привели к конституированию слова как основной единицы языка – интонационного и семантического целого, имеющего границы слева и справа. Тональная структура слова стала

своеобразным магнитом, притягивающим к корню слева и справа служебные силлабемы (см. с. 305). В образующихся структурах центральным оставался корневой слог, – на него падало так называемое этимологическое ударение, он определял характер раствора гласных при артикуляции соседних слогов, место образования согласных, регистрово-тембровый рисунок, длительность и интенсивность звучания, имплозии – эксплозии и всех остальных процессов, происходивших в слове. Тенденция к ритмическому чередованию вдоха – выдоха, эксплозии – имплозии, ударных – неударных слогов результировалась силлабемным равновесием (с. 304): слева и справа от корневого слога появилось одинаковое количество языковых единиц (с. 234) – циркумфиксная рамка. Ее элементы впоследствии превратились в префикс и суффикс. Моносиллабемы, минуя этап двусложности, развились в трехсложные слова, образующие наиболее обширный лексический пласт современных языков и воспринимаемые в них как первообразные основы. Кроме моносиллабем, в эту эпоху функционировали также двусложные корни, которые образовались из моносиллабем в результате редупликации, словосложения и постфиксации в период развития правосторонних тенденций удлинения слова. Поначалу они были сложными образованиями, и корень вычленялся в них и интонационно и семантически. Ритмомелодические особенности артикуляции, отмеченные выше, способствовали объединению корня с постфиксом и образованию монолита. Так возникли двусложные основы, часть которых, благодаря фузионным процессам на стыке корней и постфиксов во время вариации корневых финалей, стала восприниматься как первообразные корни (ср., например, в зулу: *inkomo – inkunzi – inkomazi* с исходной корневой моносиллабемой *kho – khu*). В этих корнях ударение также падало на первый слог, выделяя его как исходный и наиболее значимый. Перед его произнесением делался вдох, поэтому во время его образования артикуляционные органы обладали наибольшим напряжением. По мере продвижения к финали это напряжение ослабевало. Возникали явления, отмечаемые во всех языках банту: редукция финальных гласных, падение высоты тона, стертость артикуляции и т. д. Естественным завершением артикуляционных движений была пауза, служившая пограничным сигналом и препятствовавшая удлинению слова вправо. В отличие от этого, слева от корня непосредственно перед его произнесением наблюдался интонационный пик – аккумуляция энергии вдоха, со-

провожаемая серией противоположно направленных артикуляционных движений смыкания – размыкания. Этот интонационный «вихрь» был средой, в которой стали развиваться процессы удлинения слова влево. У двусложных корней и основ появились сателлиты слева, впоследствии превратившиеся в префиксы и проклитики. В одних случаях это были «сгустки» интонационной энергии, «осевшей» на корневой инициалы (например, материализация назального или фарингального обертона, – см. с. 255), в других – служебные моносиллабемы. В итоге каждое слово превращалось в структуру, имеющую ядро, симметрично окаймляемое формативами. Циркумфиксная рамка стала доминирующим способом оформления существительных. Появились повторы циркумфиксных структур по методу вложения внутреннего циркумфикса во внешний. Наиболее заметен «матрешечный» характер структуры существительного в кете (L21), где происходит круговое построение не только морфем в составе основы, но и фонем, из которых создаются морфемы: слой гласных окружает слой согласных, затем снова следует «вокалическая прокладка» и т. д. (с. 178). Хотя циркумфиксная тенденция словообразования практически угасла, и сращения морфем в составе основ скрывают ее от наблюдателя, обращение к диалектным и речевым вариантам позволяют ее реконструировать во всех языках. Больше всего следов циркумфиксных структур сохранилось в основах существительных, заканчивающихся на назальный и начинающихся назальными композитами, в которых на синхронном уровне назальный компонент не отделим от корневого, хотя и возник в результате назализации (особенно богаты такими композитами языки Конго). Ту же природу имеют и композиты, в которых активизация назального резонатора привела не к назализации инициалы, а к ее спирантизации или озвончению (например, в сукума, сото-тсвана, шона и т. д.). В зулу циркумфиксная техника применяется при образовании локативной формы существительных; предлогов, в состав которых входят префиксы, коррелирующие с постфиксами, определительной формы и многих из подсистем глагольной парадигмы.

С развитием темпоральных взглядов все большую роль стали приобретать проблемы компрессии и предсказания информации (с. 307). Интерес говорящих переместился с пространственных признаков реалий (с предметов, существительных, результатов) на темпоральные (действия, глаголы, процессы), с вербализуемых объек-

тов на их оценку, с темы на рему. В соответствии с этим стала возрастать в слове роль темпорально-модальных формантов. Усилилась важность грамматического значения слова и ослабела доминанция корня (лексемы) над остальными формативами. Появились слова, все лексическое значение которых сводится к грамматическому (см. дефективные глаголы в зулу и других языках). Показателями времени стали оформляться не только глаголы, но и имена, возникла новая грамматическая категория – копулятив. Темпорально-модальная информация превратилась в фактор, определяющий не только конструирование словоформы, но и лексический отбор. Первостепенную важность приобрела целевая установка. В соответствии с общей тенденцией нового мировоззрения первое по важности стало сообщаться первым по времени, т. е. перед корнем. В действие вступила левосторонняя тенденция удлинения слова, которая стала постепенно вытеснять все прежние приемы. Так состоялся переход от правосторонней техники к левосторонней через посредство циркумфиксной (двусторонней).

Наиболее распространенным приемом новой техники была префиксация. Перед корнем стали употребляться не только префиксы, но также пре-префиксы и композиты морфем. Словосложение и связь слов путем соположения изменили направление. Например, в зулу идеофоны стали предваряться служебными глаголами, и эти композиты уподобились составным глагольным формам (ср. с правосторонней тенденцией образования глаголов от идеофонов с помощью суффиксации, происходившего ранее). Возникла пятичленная система глагольных времен, ее означающее сформировалось также в результате словосложения основного глагола с вспомогательным (справа налево) и префиксации. Тенденция удлинять глагольный корень влево результировалась вовлечением в зону действия основы служебных силлабем, которые превратились затем в субъектные и объектные согласователи¹. С существительными и

¹ Косвенным подтверждением того, что в зулу субъектные и объектные согласователи являются более поздним образованием, чем, например, демонстративы, возникновение которых соотносится со становлением пространственного строя, служат следующие факты. Независимо от того, с каким именным префиксом устанавливается корреляция в сфере локативных формантов (*pha*, *ku* или *tni*), субъектные и объектные согласователи имеют одну и ту же форму – *ku*, так как согласование осуществляется по смыслу и поэтому использует единственный «живой» пространственный формант, выступающий в роли универсального показателя лока-

наречиями начали срастаться предлоги, союзы и служебные частицы. «Горячей точкой» фонеморфологических модификаций в слове стал морфемный шов и предынициали корня. Здесь происходил «разлом» тонального контура, ассонанс – диссонанс тоном и фонем, сращение морфем, словообразование, возникновение гласных и согласных, изменение их качества, количества и тембра, назализация, фарингализация, лабиализация и т. д. Каждая глава данной монографии служит иллюстрацией этих явлений и знакомит читателя с языковым состоянием, при котором они происходят.

Усиление левосторонних тенденций привело к тому, что все служебные моносиллабемы, в том числе постфиксы и энклитики, не вошедшие в интонационную структуру предшествующих слов из-за опосредованности контактов с корнем, стали восприниматься как проклитики соседей справа. Моносиллабемы, функционировавшие в роли постфиксов существительных во втором циркумфиксном слове и испытывавшие меньшее притяжение ядра, чем его непосредственные соседи, начали выходить из-под влияния ядра и употребляться самостоятельно, а затем, притягиваемые справа более мощными, чем они, знаменательными словами, превращаться в сателлиты последних. Интонационная суверенность служебных слов (ударность и импловивно-эксплозивная отделимость) из абсолютной превратилась в относительную. Рядом с могущественными монолитами, в которые переформировывались основы знаменательных слов, образовавшиеся из корней и суффиксов, служебные моносиллабемы становились все менее независимыми и все сильнее попадали под влияние соседей справа. Так возникли согласователи как префиксы слов, зависящих от существительного и предваряющих сведения об атрибутах существительного (количественных, качественных, пространственно-темпоральных и модальных) информацией о том, ко-

тивных отношений. Иной является картина образования указательных местоимений: форма *lapha* коррелирует с формантом *pha*, а также *ku*, если последний имеет пространственное значение; в темпоральном употреблении *ku* соотносится с демонстративом *lokhu*. Аналогично в *суто_c*: между показателями 16-го, 18-го кл. и соответствующими им указательными местоимениями наблюдается полный параллелизм (*fa – fa, mo – mo*). Форма субъектного и объектного согласователя по всем трем классам (*go*) тождественна показателю 17-го кл. (*go*). В *венда* и *тсонга* демонстративы образуются от префиксов 16-го кл., а приглагольные согласователи – от формантов 17-го.

му они принадлежат¹. Языки банту приобрели агглютинативно-флективный характер, регистрируемый в наши дни. У категорий, выразившихся с помощью циркумфиксов, появились префиксные означающие. В зулу стал употребляться локатив, образуемый не только с помощью циркумфикса, но и префикса (ср. *endlini 'в доме'*, от *indlu 'дом'*, и *eJohannesburg 'в Йоганнесбурге'*), посессивные, локативные, инструментальные, соединительные и другие союзы, предлоги и частицы превратились в префиксы (см. *umbuso kaShaka 'царство Чаки'*, *kwamlungu 'у хозяина'*, *nentombi 'с девушкой'*, *ngelitshe 'камнем'* и т. п.), а все зависящие от существительного слова стали оформляться согласователями (с. 17).

Инновационный характер этих процессов особенно заметен при сравнении диалектных и речевых вариантов, отражающих своеобразие каждого языка в использовании общих приемов и свидетельствующих о том, что вариабельные формы возникли после дивергенции языков, в которых они зарегистрированы, а неизменные – до нее. Например, образование диминутива в венда происходит с помощью суффиксов (*thavhana 'горка'*, от *thavha 'гора'*), циркумфиксов (*kutavhana 'горушка, пригорочек'*) и префиксов (*kutavha 'пригорок'*), в тсонга – циркумфиксов (*ximutana 'деревенька'*, от *muti 'деревня'*), в сото_c и нгуни – суффиксов (*taβana 'дельце'*, от *taβa 'дело'* в сото_c; *intatshana 'горка'* от *intaba 'гора'* в зулу). В венда сохранились реликты форм, соотносимых с каждым из трех эволюционных периодов: категория диминутива, возникнув при посессивно-партитивном строе, последовательно модифицировалась, сохраняя в языковых формах память обо всем пройденном ею пути. Сото_c и зулу оказались более консервативными, чем венда, так как, не отвечая на инновации означаемых, продолжают использовать одно и то же средство образования означающих (суффиксацию). Диминутивности здесь как бы отводится реликтовая область, не подверженная нововведениям, и категория постепенно умирает. В тсонга следов самых древних диминутивов не осталось, о них можно судить лишь по косвенным приметам – постфиксным частям циркумфиксов. Этот

¹ Во многих языках даже после введения письменности префиксы согласовательной системы долгое время продолжали фиксироваться отдельно от основ. На их отделимость не раз обращали внимание исследователи; например, интонационную самостоятельность этих формантов в нано, молува и каЛобар постоянно фиксировал в начале XIX в. Мадьяр (с. 241). О более позднем вовлечении согласователей в структуру слова», чем суффиксов и «собственных префиксов», – см. с. 306.

прием сохраняет связь времен и соединяет новое со старым. Общей частью техники нгуни, сото, венда и тсвана при образовании диминутивов является постфиксация. Использование этого приема относится к периоду, когда данные языки составляли одну систему. Это указывает на общность их развития в эпоху партитивно-посессивного строя.

Сосуществование технических приемов, развившихся в различные эпохи и приспособившихся к нуждам современности, можно проиллюстрировать на примере каждого языка – феномена, облик которого вооружил человеческую фантазию легендой о птице Феникс. Вербальные акты являются тем огнем, который сжигает и возрождает языковые формы. Много тысячелетий горит этот огонь, оставляя на языковых элементах «временные кольца». «Расслоить» каждую вербальную единицу на темпоральные составляющие, соответствующие периодам развития языкового сознания, значит прочесть книгу «живой истории», донесенной до наших дней языками. Наилучшими помощниками в этом служат параллельные формы, аналогичные тем, которые приведены выше¹.

4. Префиксы именных классов являются результатом многовековой эволюции. В современных языках все силлабемы, соответствующие показателям именных классов, являются многозначными. Например, в зулу силлабема *ta*, специализировавшаяся в некоторых языках на роль универсального показателя мн. числа, имеет следующее употребление: 1) *taṁa ṁjalo, ṁkosi!* 'живи всегда, возждь!' (букв.: «постоянствуй», да здравствует возждь!); 2) *ṁtaṁhamba* 'непоседа' (букв.: «тот, кто постоянно ходит», от *-hamba* 'ходить'); 3) *ṁkuphaphama* 'встрепенуться, пробудиться, стать трепещущим, окрыленным'; 4) (*amahhashi*) *ṁarṁni?* 'лошади какие?'; 5) *amahhashi* 'лошади'; 6) *amadala* 'старые (прилагат.)'; 7) *ṁMadala* 'старейший (существ.)'; 8) *ṁMamhlongo* 'дочь клана

¹ Ср. также следующие пары слов из монго, свидетельствующие об односложности исходных корней и различных способах их расширения: *laxóló – isóló* 'нора, дырочка' (циркумфикс – аффиксы), *ṁkáitaka – ṁkákata* 'рулон' (циркумфикс, предваряемый назализацией, – префиксы, предваряемые назализацией), *ewosoṁo – ewoṁowoso* 'обточенный или обглоданный предмет' (циркумфикс – частично редуцированные префиксы), *ṁmbelengú – ṁengelembú* 'дряхлый' (циркумфиксы противоположной ориентации вокруг корня).

Мхлонго'; 9) *umá* 'мама', от *umate*; 10) *tawuhlale* 'сядь, пожалуйста-ста'; 11) *uze umtshela uma efika* 'скажи ему, когда он придет'.

Как знаменательное слово, syllabema *ta* представлена в 1-м примере (полнозначный глагол *-ta* 'стоять'), как служебное – в 11-м (союз *uma* 'когда, если'), часть основы (корня) – в 3-м и 9-м (*-ta* в *-rharphata* и *-ta-* в *umate*), префикс – в 4-м (согласователь при эnumerативе *-phi*) и 10-м (показатель хортатива перед полнозначным глаголом *-hlala* 'сидеть'), префикс, предваряемый гласным, – в остальных случаях. Наиболее древние правосторонние тенденции образования слов использованы в 1-м и 3-м примерах (удлинение корня *-ta* путем добавления к нему справа syllabema *na*; получение производного корня *-rharphata* в результате редупликации *pha* и прибавления syllabema *ta-*, наиболее поздние левосторонние – в 10-м и 11-м (удлинение знаменательного корня *-hlala* 'сидеть' для образования хортатива как сложной модальной формы глагола с помощью частицы *ta*; препозитивное употребление слова *ta* перед корнем *-fika* 'приходить' для конструирования составной формы условно-сослагательного наклонения). Во 2-м примере использованы методы соположения слов-корней для образования синтагмы (*ta* 'постоянное явление' + *-hamba* 'ходить'), ее трансформирования в семантико-интонационное единство (основу) и снабжения инициальным гласным, превращающим полученную структуру в цельнооформленное существительное. Аналогичный прием применяется при построении композит *umate* (9), *uMamhlongo* (8) и *uMadala* (7): [*u*(*ta* + *me*)], [*u*(*ta* + *Mhlongo*)], [*u*(*ta* + *dala*)], первыми частями основ которых являются syllabema *ta*, а вторыми – syllabema *me*, термин родства *-mhlongo* и прилагательное *-dala*. Начало формирования этих слов из композит соотносится с наиболее древним состоянием (партитивно-посессивным строем и правосторонними тенденциями), конец – с поздним (пространственно-темпоральным строем и левосторонними тенденциями оформления существительных префиксами именных классов). В 4-м примере также зафиксировано соположение syllabem, присущее партитивно-посессивному строю: фузия, результирующаяся уподоблением звукового облика морфем, отсутствует; оба форманта являются моносyllabemami; их порядок и соотношение тоном, маркирующее вопрос, строго фиксированы. В 5-м примере корень существительного оформлен префиксом, предваряемым аугментом, в 6-м представлено объединение корня прилагательного с согласователем, происшедшее после «изъ-

ятия» *ma* из сферы влияния существительного и вовлечения в зону прилагательного: [*a* + (*ma-hhashi* + *ma*) + *dala*] → *a* + [*mahhashi* + (*ma* + *dala*)] → *a* + [*mahhashi* + *madala*] → *amahhashi amadala*. Эти события начались во время перехода от посессивно-партитивного строя к пространственному (сочетание правосторонних тенденций при образовании синтагмы «существительное + прилагательное» с циркумфиксным оформлением существительного) и закончились при пространственно-темпоральном (аугмент).

Развитие значений силлабемы *ma* в этих примерах объясняется так. Соотнесение с оппозицией «наличие связи – ее отсутствие» закрепило за *ma* значение «выражать связь». Реакция на следующую оппозицию (с. 309) добавила к ней сему аффирмативности. Дифференциация аффирмативных связей на постоянные и временные привела к возникновению семы партитивности – постоянства, поскольку именно постоянные связи были выражением партитивных отношений, так как они выявлялись у реалий, связанных между собой как неотделимые части целого и признаки, свойства, неотчуждаемые принадлежности объектов. В противовес партитивному, посессивные связи, которые всегда устанавливались временно, регистрировались у реалий, объединявшихся в целое не постоянно, а только на какой-нибудь период (см. отношения в таких совокупностях, как семья, коллектив, хозяин – слуга; человек – вещь и т. п.). Этот этап формирования значения *ma* отразился в употреблении *ma* в качестве полнозначного глагола: в 1-м примере посредством *ma*- фиксируется принадлежность некоторого признака вождю (сема партитивности), постоянство этого признака (сема постоянства) и две аффирмативных связи – между признаком и вождем (как необходимое условие установления партитивности) и между говорящим и вождем (как необходимое условие превращения пожелания говорящего в аффирмативную связь). Во 2-м примере также отчетливо видны семы постоянной партитивной аффирмативной связи между признаком и действием *-hamba* (действие, обогащенное этой семой, в дальнейшем снова воспринимается как признак). В 3-м примере исходное значение *ma* интерпретировать труднее. Сравнивая цепочку *rha* 'идеофон хлопанья крыльями, трепетания и полета' (с тоновым контуром 8–9¹) – *-rharpha* 'хлопать крыльями, летать, как птица, трепетать, проявлять нервозность' – *-rharphata* 'встрепенуться,

¹ C. M. Doke, B. W. Vilakazi. Zulu-English dictionary. Johannesburg, 1953. P. 641.

пробудиться, стать окрыленным, трепещущим', можно отметить, что с помощью суффикса *-ta* фиксируется стативность – переход от действия к состоянию: действие «хлопать крыльями», которое регистрируется как временный, отчуждаемый признак реалии, связывается с ней посредством *-ta* и превращается в ее неотъемлемое свойство, качество, состояние (например, человек может проявлять или не проявлять свойство окрыленности, но не обладать им, не разрушая себя и не превращаясь в неокрыленного человека, не может). Это подсказывает, что антиномия действий и состояний является производной от оппозиции посессивности – партитивности и что это две различные ипостаси противопоставления временных связей постоянным.

Семы неотъемлемости и постоянства заметны и в остальных иллюстрациях. Так, 8-й пример показывает, что при партитивно-посессивном строе, женщина рассматривалась не как самостоятельное суверенное существо, а как неотъемлемая принадлежность клана, поэтому формант, с помощью которого этот тезис закреплялся в языке, выполнял и функции показателя женского (дочернего) рода (ср. также оппозицию *n – ta* в паре *inkunzi* 'бык' – *inkomazi* 'корова', где самка регистрируется как неотъемлемая постоянная принадлежность, о чем свидетельствует значение форманта *ta* в комплексе: *ta + zi + o*-огласовка корневой финали, а самец – как временный посессор, – см. формант *n* в комплексе: *n + zi + u*-огласовка корневой финали). Регистрация постоянства признака «старый» лежит в основе функционирования *ta* в 7-м примере: старейший – это «всегда старый» (для родителей, детей, внуков, правнуков и т. д.). Значение силлабемы *ta* в 9-м примере выявляется при сравнении употребления существительных *umate* и *umá*. Так, *umate*, как следует из языковых примеров, – это женщина клана говорящего, которая родила его или воспитала (ср. *umate owangizalayo* 'мать, которая меня родила' – *umate wesibili* 'мачеха', букв.: «вторая мать»). Это может быть также женщина, которая родила или вырастила жену (мужа) говорящего, т. е. теща или свекровь. Кроме того, любую женщину клана, независимо от того, есть у нее дети или нет, юноша этого клана может называть *umate*. И значит, термин *umate* может быть адресован к любой взрослой женщине, «принадлежащей клану». Но не только к ней. Посредством слова *umate* можно выразить нежность к маленькой девочке, желая подчеркнуть, что она является символом (неотъемлемой принадлежно-

стью) материнства, женственности, кровной связи. Семы «рожающая» и «взрослая» оказываются факультативными, и только значение партитивности, аффирмативности и связности – обязательным. Это общее значение проявляется и в употреблении слова *imate* как термина уважения по отношению к любой женщине (в результате расширения представления о родоплеменном клане до представления о человечестве). В отличие от *imate*, слово *imá* употребляется только, когда идет речь о родной матери говорящего, т. е., кроме сем партитивности, аффирмативности и связности, в нем есть значение непосредственной связи с говорящим, которое возникло (с. 309) в результате дифференциации постоянных связей на опосредованные и непосредственные. Развитие значения *imate* → *imá* свидетельствует об эволюции языкового сознания, состоящей в преобразовании представления о женщине как «принадлежности клана» в представление о женщине как «принадлежности клана со своей непосредственной принадлежностью – ребенком». Это означает, что в обществе состоялся переход от имущественных отношений, при которых ребенок был собственностью клана, к отношениям, при которых ребенок стал собственностью женщины, которая его родила (она все еще оставалась собственностью клана). Данный пример также показывает, что среди правосторонних приемов деривации существовали не только такие, с помощью которых исходные слова удлинялись, но и такие, которые приводили к сокращению сллабем, и что в эпоху партитивно-посессивного строя функционировали не только моносиллабемы, а и многосложные корни, причем корни, относящиеся к наиболее древнему лексическому пласту – терминам родства. Возвращаясь к сллабеме *ta*, можно отметить, что наличие у нее сем связности – аффирмативности – партитивности – постоянства – непосредственности, эксплицированных в процессе анализа примеров 1–4, 7–9, служит ключом для понимания, почему эта сллабема стала формантом, посредством которого в зулу и других языках банту регистрируется **парность** (см. абстракцию от понятия о двух неразрывно связанных частях, непосредственно объединяемых в целое общностью оси, состава или структурных связей, – существительные с префиксом *-ta-*, предваряемым аугментом *a*: *amehlo* 'глаза', *amakhala* 'ноздри', *amadolo* 'колени', *atabele* 'зруди' и т. д.), **массовидность** (как обобщение понятия о множестве частиц, находящихся в неразрывных, непосредственных, постоянных связях: *amanzi* 'вода', *amazolo* 'поча', *amasi*

'простокваши' и т. д.), **двухчастность** или **многочастность структуры** (при дальнейшем развитии пространственно-темпоральных представлений это значение привело к превращению *та* в символ пестрых, многоцветных, полосатых, разноструктурных, многоступенчатых, дуалистических реалий, имеющих, например, душу и тело, форму и содержание, свет и тьму, добро и зло, ядро и оболочку, константную и изменяющуюся или эманулирующую части и т. д.), а также **связность** элементов совокупности, целого и частей, говорящего и реалии, признака и предмета. Наличие этих сем обусловило функционирование *та* в качестве именного показателя и согласователей *ата, та* (4–6-й примеры).

И, наконец, в 10–11-м примерах представлено наиболее сложное значение силлабемы *та*, которое сформировалось у нее вследствие прибавления к семам связности – аффирмативности – партитивности – постоянства – непосредственности темпоральных значений, развившихся при темпорально-пространственном строе в процессе дифференциации связей на мысленные – физические (устанавливаемые во внутреннем времени-пространстве vs имеющие не только прообраз внутри мозга, но и материальное выражение во внешнем времени – пространстве). Эта дихотомия обогатила *та* семьей «мысленной связи». Благодаря последней, силлабема *та* стала использоваться как показатель вежливого императива (ср. мысленный и физический «нажим» на собеседника), а слово *ита* превратилось в союз, выражающий мысленную непосредственную связь между событиями, которые регистрируются говорящим как неотъемлемые части друг друга и вследствие этого одно выступает как условие, предпосылка, причина или время осуществления второго.

5. Аналогичный анализ остальных показателей именных классов в зулу и других языках банту свидетельствует, что они прошли такой же путь развития, как силлабема *та*. Они зарегистрированы не только как грамматические форманты, но и как самостоятельные слова (знаменательные и служебные) или лексемы. В роли строевых элементов они встречаются в составе не только имен, а и других частей речи, не только в препозиции, но и в постпозиции или в виде циркумфиксов. Например, постфиксное функционирование локативных формантов в шумбва (F23) представлено в словах *ekwingiramo* 'он входит *внутри*', *ekwikarishako* 'он сидит *внизу*', а

циркумфиксное – в *hafundaho* 'это пространство'¹. Аналоги тех же силлабем в суахили также могут употребляться в постпозиции: *alimo* (*alipo*, *aliko*) *kwenda* 'куда он идет'; с их помощью могут быть образованы составные предикативные формы: *alimukulima* 'он обрабатывает землю' (букв.: «он в процессе обработки»), *alipakulima* 'он начал обрабатывать землю' (букв.: «он вступил в непосредственный контакт с обработкой»), *alikukulima* 'он собирается начать обрабатывать землю' (букв.: «у него нет непосредственного контакта с обработкой»), которые свидетельствуют, что сначала (в эпоху развития правосторонних тенденций при партитивно-посессивном строе) сформировались синтагмы как цепочки силлабем, современными аналогами которых являются структуры типа: [*a + li + mi + ku + (li + ma)*], а затем (при появлении левосторонних тенденций в эпоху пространственного строя) синтагмы стали интерпретироваться как слова, и силлабемы превратились в формативы – лексему *-lima* и ее префиксы. Архаическое значение зафиксировано в буквальном переводе, более позднее передано посредством видовременных форм глагола. В этой связи можно отметить, что наречия места в суахили (пространственный строй) являются собственными, а времени (пространственно-темпоральный) – арабскими заимствованиями (ср. 'после' – *nyuma ya* и *baada*; 'до, перед' – *mbele ya* и *kabba ya*; 'в' – *katika ya*, *katiya* и *tahalifu*).

6. Значение всех силлабем, выступающих в роли показателей классов, может быть охарактеризовано как результат абстракции от процесса возникновения и последовательного наслаения друг на друга сем, в которых «закреплены» ответы «да – нет» речевого коллектива, фиксировавшие на каждом этапе дуализации его реакцию на «освоение» объективной действительности. Моделью развития вербального сознания исследуемого речевого коллектива является древовидная система, каждый узел которой, образно говоря, представляет собой почку, выбрасывающую две ветви – две возможности («да – нет») ответа речевого коллектива на вопрос, задаваемый человеческим сознанием в отношении очередного свойства изучаемой материи: обладает признаком связности? связности постоянной? постоянной и контактной? и т. д.

¹Д. А. Ольдерогге. Определение времени и пространства в языках банту (локативные классы) // Памяти В. Г. Богораза. М.–Л., 1937.

Языковое развитие – непрерывный процесс. Эволюция языкового сознания и артикуляционных навыков, обуславливающая возникновение категорий и средств их языковой фиксации, происходит в языках банту и сейчас. Новый этап, события которого разворачиваются у нас на глазах, знаменуется увеличением темпорально-модальных категорий, вызываемым дуализацией времени-пространства на внутреннее – внешнее, и формированием средств, повышающих компрессию информации. Это приводит к расширению модальной подсистемы глагольных форм, возникновению модально-темпоральных союзов, формированию особой части речи – копулятивов как результата присоединения темпорально-модальных формантов не только к глаголам, но и к именам, возникающего вследствие фиксации темпорально-модальных характеристик как у действий, так и у предметов. Эти явления воспринимаются как рост глагольности и превращение предикативности в доминанту грамматических значений.

У существительных произошло появление темпоральных сем и ослабление пространственно-партитивных. Это привело к реструктурированию именных классов, иерархия которых стала строиться в терминах двух пространственно-временных систем (внутренней – внешней), описанных на с. 16–21 при характеристике зулу. Все больше генерализуется категория числа. Из средства, с помощью которого фиксировалась связность элементов в составе совокупности при партитивно-посессивном строе, форманты мн. числа превратились в языковые единицы, которые отражали результаты сложения пространств, занимаемых реалиями, а затем в символы процесса счета, когда каждой пространственной единице ставится в соответствие единица времени. Эталонирование множеств посредством темпоральных единиц, абстрагированных не только от качественных свойств объектов, но и от их пространственных характеристик, сделало избыточной тенденцию обозначать мн. число серий формантов, а не одним каким-либо показателем. В результате началось разрушение пар ед. – мн. числа, построенных по принципу одно-однозначного соответствия. Вместо прежних пар стали появляться корреляции, при которых один и тот же показатель мн. числа обслуживает несколько классов. Этот процесс в настоящее время охватил все языки банту. Особенно сильно унификация классов мн. числа происходит в случае билингвизма. Например, приехавшие в СССР африканцы, говорящие на таких языках и диалектах группы

Н, как киконго, вили, беembe, яка₁, йомбе и куньи, при параллельном владении лингала, из 100 слов, которые в других языках банту во мн. числе приобретают показатели 2-го, 4, 6, 8, 10 и 12-го классов, около 90 употребляют с одним и тем же префиксом *ba* (показателем 2-го кл.), например: *mwana* 'ребенок' – *bana* 'дети', *inti* 'дерево' – *bainti* 'деревья', *tima* 'сердце' – *batima* 'сердца', *singa* 'канат' – *basinga* 'канаты', *mbunda* 'барабан' – *bambunda* 'барабаны', *bima* 'вещь' – *babima* 'вещи' и т. д. (по данным студента ЛГУ А. Селестена, приехавшего в СССР учиться из Браззавиля, НРК; записи производились в 1984 г.). Аналогичные результаты дает обработка остальных материалов: примерно 9/10 существительных имеют унифицированную форму мн. числа и только около 1/10 еще участвуют в противопоставлении классов.

Этот процесс сопровождается разрушением традиционной системы согласования – вместо префиксов, фиксирующих формально-грамматический класс «хозяина», все чаще начинают употребляться морфемы, с помощью которых регистрируются его семантические характеристики. Аналогичные явления наблюдаются во всех языках. Поэтому даже там, где разрушение системы классов не столь заметно, как в киконго, грамматическое согласование постепенно отходит на периферию и заменяется семантическим, – см., например, в зулу: *Amahleghi (1) nezalukazi (2) bayahleka (3)*. '*Старуки (1) и (2) старухи (2) смеются (3)*', где в сказуемое введен согласователь *ba* - по 2-му кл., а в роли подлежащего выступают существительные 6-го и 8-го кл.; *Ikati (1) nengwe (2) nofudu (3) zeqile (4)*. '*Кот (1), леопард (2) и (3) черепаха (3) убежали (4)*', где субъектным согласователем является префикс *zi-* по 10-му кл., а «согласован» он с существительными 5-го, 9-го и 11-го кл., и т. д. Сущность смыслового согласования состоит в том, что в слово, связанное с существительным, вводится не согласователь по классу этого существительного, а какой-либо иной, как правило, наиболее близкий по значению или самый употребительный. Поэтому в зулу префикс *ba-* оказывается представителем класса людей, а *zi-* – животных, независимо от того, какую форму имеют показатели классов, употребленные в названиях этих реалий.

Во всех языках банту все больше развивается категория обстоятельств. Она расширяется за счет имен и композит на базе темпорально-модальных значений, формирующихся в языковом созна-

нии. Аналогичный процесс семантической эволюции наблюдается в сфере демонстративов, прилагательных и наречий. Вес имени уменьшается, вес глагола увеличивается. Например, в современных текстах на языке зулу глаголов примерно в два раза больше, чем в их переводах на русский язык, потому что многие зулуские глаголы соответствуют русским наречиям, предлогам, союзам и модальным словам. Общей тенденцией развития синтагматики оказывается вынесение грамматической информации влево от лексической и создание своего рода информационных центров, которые освобождены от лексического значения и служат для передачи целевой установки, а также всевозможных характеристик, в терминах которых говорящий описывает события, фиксируемые посредством лексем. Выделяется особый класс служебных глаголов, которые используются для образования аналитических форм, передающих разнообразные оттенки субъективных и объективных модальностей. Значимый глагол начинает все чаще употребляться в одной форме, которая соответствует деепричастию, причастию или инфинитиву индоевропейских языков. Формы глагольного спряжения функционируют неравномерно и, например, в зулу из нескольких тысяч элементов видовременной парадигмы встречается около двухсот. Начинается спецификация глаголов, приводящая к тому, что одни глаголы специализируются для передачи лексических значений, вторые – грамматических. Так, служебные и дефективные глаголы в зулу передают значения интенсивности, инхотивности, континуативности, результативности, ингрессивности, многократности, однократности, семельфактивности, временной соотносительности, субъективной и объективной модальности, а знаменательные глаголы служат лишь для называния типа действия и фиксации его связей с объектами (или субъектами), например, в следующих предложениях: *Akawe* (1) *awuthanda* (2) *umoba* (3). 'Он (1) *очень* (1) любит (2) сахарный (3) тростник (3)'. *Asisale* (1) *seqe* (2). 'Мы (1) *бы* (1) *лучше* (1) убежали (2)'. *Sanga* (1) *sangahlocoma* (2). '*Пусть* (1) *бы* (1) мы (1) запели (2) от (2) радости (2)'. *Ngilokhu* (1) *ngithanda* (2). 'Я (1) *все* (1) *еще* (1) люблю (2)'. *Yaza* (1) *yafika* (2) *ingwe* (3) *iphethe* (4) *impunzi* (5). '*Наконец* (1) появился (2) леопард (3), неся (1) антилопу (5)'. *Bazinge* (1) *bemdelela* (2) *njalo* (3). 'Соплеменники *всегда* (1) презирали (2) его (2)'. *Asho* (1) *ngenhliziy*o (2) *athi* (3) *selokhu* (4) *abakhona* (5) *akazange* (6) *ake* (7) *ambone* (8). 'Про (2) себя (2) он (1) сказал (1 + 3), что *никогда* (6), *ни* (7) *разу* (7) *в* (7) *жизни* (1), *не* (6)

видел (8) такой (8) красавицы'. Uma (1) kugcagca (2) izintombi (3) kudilike (4) amaphoyisa (5) akwaHulumeni (6) ezobeka (7) ukuthi (8) *lingaphindi* (9) lichiteke (10) igazi (11). 'Когда (1) устроили (2) свадьбу (2), свалилась (4), как (4) снег (4) на (4) голову (4), правительственная (6) полиция (5) наблюдать (7), чтобы (8) снова (9) не (9) пролилась (10) кровь (11)!'.

Доминантой развития артикуляционных процессов является угадание роли тона, усиление количественно-качественных оппозиций гласных, приводящее к их более дробной дифференциации, увеличение роли растворных различий и противопоставлений по горизонтали – вертикали взамен напряженности – интенсивности, переход к артикуляции исключительно во время эксплозии, факультативное оперирование резонаторами и ослабление их влияния на образование звуков, упрощение механизма образования фонем путем ослабления влияния резонаторов, переход от использования разнообразия возможностей тембрового механизма к анализу и синтезу речи преимущественно регистровыми средствами и т. п. изменения, становление которых наблюдается во всех языках банту и регистрация которых входила в одну из основных задач исследования, принятого в данной монографии.

7. Исследование морфемного шва между основой существительного и именным показателем в современных языках банту свидетельствует, что во всех языках звуковой облик корня определяет звуковой облик префикса. В частности, разновидность назального зависит от того, какую инициаль имеет корень: если тот начинается на билабиальный согласный, в префиксе стоит билабиальный назальный, если в инициали корня функционирует денальный согласный, назальный префикса также является денальным, и т. д. Специализация префиксов в зависимости от корней учитывает множество параметров: деление основ на односложные и многосложные, высокого и низкого тона, простые и редуцированные, исконные и заимствованные, исходные и деривационные, с вокалическими и консонантными инициалами, с гласными переднего и непереднего ряда, высокого и невысокого подъема, с согласными сонорными и несонорными, назальными и неназальными, латеральными и не латеральными, сегментированными и несегментированными, и т. п.

Эта закономерность является одним из свойств, присущих всем языкам банту, и проявляется в сфере преимущественного большинства классов. Более того: она свойственна не только банту, а и многим другим африканским языкам, родство которых с банту сейчас представляется несомненным¹. Различные реликтовые явления, засвидетельствованные в регионах языков, расположенных в географической изоляции (с. 66), диахронические сведения, которыми располагает африканистика, многочисленные следствия, к которым приводит проявление данной тенденции в ареале языков банту и за его пределами, – все это показывает, что доминанция основы над префиксом и его уподобление основе не только существовали в эпоху возникновения систем именных классов как групп существительных, каждая из которых имела своим означающим определенный префикс (парадигму алломорфов), но и были тогда значительно сильнее, чем в наши дни. Наличие этой закономерности во всех языках банту позволяет предположить, что на этапе формирования именных классов, происходившего при переходе от партиитивно-посессивного мировоззрения к пространственному, исследуемые языки образовывали единую общность, и их дивергенция еще не произошла.

Это подтверждается не только фонетическими чередованиями, связанными с ассимиляцией префиксных фонем в подсистеме предметных классов, но и акцентологическими особенностями структуры слова: отсутствием ударения на префиксе, наличием высокого тона или ударения на инициали основы, пролонгизацией корневых гласных, локализацией точек перегиба восходящих и нисходящих тонов на корне, ритмическими чередованиями вдохов и выдохов, соотносимых с типами тональных контуров основ и префиксов, направленностью изменений и их характером при таких фонетических процессах, как назализация, фарингализация, лабиализация, соноризация и т. п., а также многими другими явлениями, описанными выше.

Поэтому ситуации, при которой существовало по одному показателю на класс – для всех существительных, входящих в данный класс, – никогда в реальной языковой истории не было и не могло

¹ Actes du Colloque International du CNRS. I–III. Viviers (France), 4–16 avril 1977. SELAF. Paris, 1980.

быть: праформы префиксов именных классов¹ – это чистейшие абстракции, допущение о реальном функционировании которых противоречит звуковому строю языков банту, их ритмомелодическим особенностям и грамматическим структурам. Многообразию алломорфов, представленных в каждом именном классе современных языков, некогда было значительно обширнее, поскольку разветвленное было многообразие основ, которое сокращается из-за угасания тональных оппозиций и роли тона в звуковой структуре. Более сильным было и взаимодействие префиксов с основами, так как на наших глазах затухают все фонологические оппозиции, кроме противопоставлений, связанных с местом образования начального согласного основы и степенью его сонорности.

Если прабанту, действительно, существовал в виде койне или совокупности диалектов, то на том этапе, когда в нем возникли именные классы, было, с одной стороны, многообразие основ и, с другой, многообразие формантов, которые функционировали перед ними. Между элементами обеих многообразий была установлена корреляция, при которой происходило формирование пар (препозита + основа) и уподобление звукового облика препозита звуковым обликам корней. Соответственно префиксов в каждом классе возникло столько, сколько в нем было различных типов основ – различных по фонологическим и тональным признакам.

Попробуем: представить, как должен был развиваться в этом случае глоттогонический процесс.

Исходную точку образования систем именных классов можно соотнести с синкретичным консонантно-вокалическим коэффициентом, который имел недифференцированные темброво-регистровые характеристики и был противопоставлен отсутствию такого коэффициента рядом с силлабемой, обозначающей реалию слева. Синкретичный коэффициент употреблялся для того, чтобы зафиксировать, что данная реалия находится в соединении с какой-то другой реалией, т. е. имеет бытие в мире остальных реалий, соотнесена с ними, существует и может быть обозначена языковой единицей. Отсутствие коэффициента обозначало, что языковая еди-

¹ La classification nominale dans les langues négro-africaines. Paris, 1968. K. Meinhof. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Berlin, 1906 и др.

ница не соотносится с реалией, связанной с другими реалиями, а существует как бы сама по себе, вне связей и отношений в объективной действительности. Поэтому присоединение консонантно-вокалического коэффициента к силлабеме превращало ее в существительное (слово, которое опредмечивает реалию), а изъятие коэффициента осуществляло обратный переход: от существительного к лексеме или к слову, которое из названия предмета преобразовывалось в заместитель предмета, или квази-существительное (ср. с отмеченными на с. 281 функциями аугмента в современных языках банту).

Возникновение дифференциации связей на постоянные и временные в окружающем человека мире привело к появлению означающего этой дифференциации в вербальном мире. Таким означающим было противопоставление двух состояний назального резонатора – активного и пассивного. Постоянство связей между реалиями фиксировалось с помощью активизации назального резонатора, временность – отсутствием назализации. Из одного синкретичного коэффициента возникли два: назальный и неназальный. Первый регистрировал постоянное присоединение одной реалии к другой, второй – временное. Следующий этап развития способов отражения объективной действительности был связан с фиксацией реалий, соединенных с говорящим, и реалий, соотносимых друг с другом, но с говорящим не связанных. Выражением этой антиномии в языке была оппозиция растворных различий. Связанность с говорящим регистрировалась сужением голосовых связок и образованием узкорастворных звуков, а отсутствие связи с говорящим при наличии связей между реалиями, существующими независимо от говорящего, – расширением голосовой щели и артикулированием широко растворных звуков. В этой оппозиции узкорастворный звук был синкретичным, а широко растворный, как показывают данные современных языков, имел *a*-окраску. В итоге произошла дифференциация каждого из синкретичных консонантно-вокалических коэффициентов (назального и неназального) на два типа, различающихся степенью раствора речевого канала: с помощью узкорастворной артикуляции обозначались связи с говорящим, посредством широко растворной – связи между реалиями. При этом активизация назального резонатора использовалась для обозначения постоянных (партитивных) связей, а противоположное состояние резонатора – для фиксации временных (посессивных) связей.

Далее связи, в которых участвовал говорящий, стали подразделяться на два вида: непосредственные и опосредованные. Для маркирования этой оппозиции было использовано движение «по горизонтали» (от губ к гортани, и наоборот). Растворные различия начали интерпретироваться как движение «по вертикали» («высокий – низкий подъем»). Недифференцированные нейтрализованные узкорастворные огласовки распались на *i*-огласовку (передний ряд высокого подъема) и *u*-огласовку (задний ряд высокого подъема) в противовес *a*-огласовке (средний ряд низкого подъема). Таким образом, с помощью трех оппозиций: 1) постоянная – временная связь (активизация назального резонатора – отсутствие таковой); 2) связь с говорящим – связь между реалиями вне говорящего (узкий – широкий раствор); 3) контактная – дистантная связь (передняя – задняя часть ротовой полости) стали различаться шесть типов отношений, с помощью которых осуществлялся процесс вербального отражения. Каждое отношение имело языковое выражение – показатель связи, присоединением которого к силлабеме, фиксировавшей некоторую реалию, говорящий как бы производил ее «прикрепление» к чему-то (к себе или к другой реалии).

Например, если говорящий хотел отметить, что он (2) временно (1) связан с какой-то реалией, существующей вне него на некотором расстоянии от него (3), производился ряд артикуляционных движений, результировавшихся пассивным состоянием назального резонатора (1), узким раствором голосовых связок (2) и продвинутой назад артикуляции (3). В итоге возникал *u*-образный звук, который предварял силлабему, обозначающую данную реалию (ср. существительные 1-«а» кл. в зулу: *ибабa* 'мой отец', *итате* 'моя мать' и т. п.), и служил для обозначения ее связи с говорящим (т. е. проклитика *u* выступала как заместитель говорящего, к ней справа присоединялась силлабема *баба*, и возникало цельнооформленное слово *ибабa*). Если говорящий фиксировал, что он (2) соединился с другой реалией на некоторое время (1) таким образом, что она стала не отделимой (3) от него (см. ситуации, описываемые словосочетаниями 'брать что-либо в рот, в руки' и т. п.), комплекс артикуляционных движений был иным: хотя назализатор оставался пассивным (1), а раствор голосовых связок – узким (2), артикуляция продвигалась вперед (3), и возникал *i*-образный звук. Желая пометить какую-либо реалию указанным отношением, говорящий предварял силлабему, посредством которой обозначал эту реалию, своей энклитикой, вы-

ступавшей в роли проклитики перед названием реалии (см. инициальные *i*, *ui* перед моносиллабическими императивами, а также *i*-образный призыв перед существительными в нсенга и других языках, превратившийся впоследствии в аугмент, с. 199). Аналогично: чтобы указать, что некоторая реалья связана с ним (2) постоянно (1) и непосредственно (3), говорящий при узком растворе голосовых связок (2) и переднеязычной артикуляции (3) активизировал назальный резонатор (1), следствием чего оказывался *i*-образный звук (см. существительные 9–10-го классов во многих языках с назальной инициальной основы, обозначавшие некогда части тела, болезни, еду растительного и животного происхождения, а также другие неотчуждаемые принадлежности говорящего). Такую же природу имеют и остальные назальные частицы *ĩ*, *ã*, развившиеся впоследствии в префиксы всевозможных типов, рассмотренные выше (*im-*, *mi-*, *in-*, *in-*, *an-*, *an-*, *ta-* и т. д.). Из этого видно, что по своему происхождению аппарат проклитик, существующих в современных языках банту, был аппаратом «энклитик говорящего», имя которого не упоминалось, а воссоздавалось путем указания на соответствующую энклитику, регистрирующую его отношение к реалиям, описываемым посредством данного речевого высказывания. Другими словами, энклитики употреблялись для обозначения всевозможных ролей говорящего по отношению к окружающим его реалиям, и это являлось одним из средств правосторонней техники, развитие которой происходило в этот период (с. 312). Со временем антропоцентризм стал ослабевать, и роли говорящего начали переосмысляться как роли реалий по отношению к нему. Энклитики превратились в проклитики, и их дальнейшее развитие происходило в русле языковых процессов, имеющих левостороннюю направленность.

Различные силлабемы по-разному реагировали на эти преобразования. Среди них были такие, которые употреблялись всегда в одной и той же функции по отношению к говорящему (например, в функции, обозначавшейся посредством вокалического коэффициента, имевшего *u*-образную окраску и охарактеризованного выше). Эти силлабемы, в результате постоянного употребления с одной и той же энклитикой говорящего, начали складываться с ней в постоянные единства; в итоге энклитика превратилась в префикс, а композита – в термин родства. Поскольку *a*-образная энклитика говорящего фиксировала наличие временной связи, которая устанавли-

валась между реалиями независимо от говорящего, этот формант развился в показатель независимого от говорящего соединения реалий в совокупность, результатом которого было возникновение категории множественного числа (в случае равноправия членов совокупности) и посессивности (при подчиненном характере контактов между членами совокупности): ср. роль форманта *a* в композите: *a* + *убаба* 'мой отец' → (*au*)баба → *обаба* 'отцы' (т. е. *обаба* = *убаба* + *убаба* + . . ., где *a* играет роль оператора конъюнкции и предваряет соединяемые элементы) с ролью форманта *a* в композите *ilanga laseNalal* 'солнце Намаля', где *la* (в *lase*) = *li* + *a* и *a* инфигируется в последовательность связываемых силлабем.

Поэтому можно предположить, что, в силу избирательности, существовавшей между моносиллабемами и энклитиками, из совокупности моносиллабем, употреблявшихся с перечисленными энклитиками говорящего, выделилось шесть групп существительных, которые обозначали реалии, находившиеся в постоянно-контактных (\tilde{i}), постоянно-дистантных (\tilde{u}), временно-контактных (*i*), временно-дистантных (*u*) связях с говорящим, а также в постоянных (\tilde{a}) и временных (*a*) связях друг с другом. Кроме того, были силлабемы, которые могли употребляться с несколькими энклитиками (в зависимости от значения). Указанные шесть групп силлабем и были протосистемой именных классов существительных, функционировавшей при партитивно-посессивном строе. Они составляют наиболее древний слой в каждом классе. Это – термины родства (*u*-группа), слова с назальными инициалями основ в составе существительных всех современных классов (существительные, основы которых начинаются на назальные композиты, развившиеся вследствие назализации инициалей основ при соединении их с \tilde{u} -, \tilde{i} -, \tilde{a} -образными энклитиками говорящего, – например: *-ntu*, *-ŋkuku*, *-ŋfula* и т. п. основы существительных в зулу), а также существительные с нулевыми префиксами, в инициалах которых отмечаются различные призвуки \tilde{i} , \tilde{a} , \tilde{u} , \tilde{A} - типа (см. с. 199). Наиболее древним противопоставлением, как это следует из вышеизложенного, в этой протосистеме была оппозиция силлабем с назализованными и неназализованными основами и развившаяся на ее основе двухчленная иерархия (два класса, – см. противопоставление терминов родства и других слов с неназализованными инициалями, обозначающими временные связи говорящего с реалиями, названиям животных, рас-

тений, частей тела и болезней с назализованными инициалами, обозначающими постоянные связи говорящего – съединенными им реалиями, какими-либо своими частями и т. п.). Затем каждый класс распался на два подкласса, и возникло четыре класса, – и т. д. в соответствии с рассмотренным выше процессом дифференциации означающих.

Параллельно процессу сращения энклитик со следующими за ними силлабемами и постепенного образования указанных шести групп существительных шло формирование в самостоятельные силлабемы энклитик (например: *ā, ī, ū, ta, mi, tu, na, ni, ngu, nga* и т. д. из *ā, ī, ū*, – см. многообразие формантов в ямба на с. 336). Каждая силлабема имела определенное значение, соотносимое со значением составляющих ее компонентов, и функционировала вместе с другими силлабемами, входя в состав различных композит. Зарождение этих процессов относится к самому древнему этапу партитивно-посессивного строя, когда действовали правосторонние тенденции, а их эволюция сопровождает всю языковую историю. Особенно значительно их роль в образовании систем именных классов стала проявляться при переходе от посессивно-партитивного строя к пространственному, когда были исчерпаны правосторонние тенденции развития слов из силлабем, и в жизнь вступили левосторонние тенденции. В эту эпоху к основам, с которыми срослись энклитики говорящего, вызвавшие назализацию инициалей этих основ, начали прибавляться слева препозиты, функционировавшие до этого в роли самостоятельных силлабем. Эти препозиты впоследствии развились в префиксы, обычно фигурирующие как показатели именных классов. Причиной слияния префиксов с основами была эволюция супрасегментных характеристик, которая привела к образованию новых интонационных структур (см. с. 313–317). Втягивание препозит в систему классов, как показано на с. 313, началось с показателей аугментативности и диминутивности, выступавших в роли самостоятельных моносиллабем, и затем распространилось на остальные препозиты, передававшие всевозможные пространственные, а затем и темпоральные характеристики реалий, дифференциация которых определялась развитием вербального мышления и сопровождала переход от партитивно-посессивного строя к пространственному и темпоральному. Специфика этих преобразований отразилась на облике возникших во время них классов и обусловила в современных языках на-

личие трех подсистем – предметной, оценочной и локативной, каждая из которых имеет свою историю и свой статус в синхронии¹.

Описанные выше материалы показывают, что локативные и оценочные классы отличаются от предметных и по значению, и по синтаксическим особенностям, и по форме образования. Так, предметные классы имеют префиксы, с помощью которых основы существительных превращаются в цельнооформленные слова. В отличие от них локативные префиксы присоединяются к уже «готовым» словам. Это говорит о более позднем вовлечении формантов локативных классов в сферу функционирования согласовательных систем. Префиксы предметных классов служат для называния реалий, локативных – для фиксации пространственных отношений между реалиями. Это также свидетельствует в пользу гипотезы о более позднем возникновении подсистемы локативных классов и четко фиксирует этот период в относительной хронологии глоттогонического процесса как эпоху распада партитивно-посессивного строя и формирования пространственного. Различаются они и иными параметрами. В большинстве языков предметные классы участвуют в системе согласования, локативные – нет. За редким исключением, локативные классы, в противовес предметным, иррелевантны к категории числа. В локативных классах почти отсутствует синонимия формантов. Форма префикса, как правило, не зависит от фонетического облика основы. Это свидетельствует о различном характере процессов на стыке корня и префикса у предметных и локативных классов: в эпоху, когда начали функционировать силлабемы, впоследствии ставшие показателями локативных классов, связь между ними и прото-существительными осуществлялась механическим путем – как между отдельными словами (с помощью порядка слов), а в эпоху, когда возникли префиксы предметных классов, главенствовали законы фузии, вызываемой обертонами и приводящей к изменениям вокализма и консонантизма на стыке префиксов и основ. Во многих языках префиксы предметных и локативных классов имеют также различное интонационное оформление (акцентологическую и тональную структуры, количественно-качественные характеристики гласных). По-разному они ведут себя при эволюции языковых форм, неодинаково реагируют на изменения артикуляци-

¹ О протосистеме см.: Л. З. Сова. Синхрония и диахрония языков банту. С. 121–140.

онных навыков и преобразование артикуляционной базы в случае билингвизма. Не совпадают у них характеристики и собственно звуковой субстанции – спектр фонем, подверженность фонетическим процессам, количественно-качественные характеристики фонем. Нет у показателей локативных классов и того диалектного многообразия, которое свидетельствует о множественности реализаций одних и тех же возможностей. Практически все они имеют стабильную форму, возводимую к одной и той же праформе. И хотя при их функционировании процессы назализации, фарингализации, лабиализации и соноризации играют немаловажную роль, супрасегментные явления, возникающие вследствие этих процессов в отдельных языках, носят фоновый характер, а основными оказываются особенности фонеморфологического порядка.

Это подтверждает предположение, что показатели предметных классов, возводимые к назализованным, фарингализованным и лабиализованным инициалам корней, зарождались в недрах просодических преобразований, а показатели локативных и остальных предметных классов (например: *li, ma*, – см. с. 319–323), возникшие и функционировавшие в виде самостоятельных силлабем задолго до формирования системы классов, впоследствии влились в нее и образовали подсистему, характеризующуюся ослаблением роли супрасегментных явлений, стабилизацией фонемного состава слов и развитием левосторонних тенденций удлинения слова без изменения его внутренней звуковой структуры. Поэтому локативные форманты наиболее легко реконструируются, и их праформы воссоздаются одинаково всеми бантуистами.

Развитие показателей локативных классов из служебных слов – энклитик говорящего, ставших самостоятельными моносиллабемами, – подтверждается также их материальным тождеством с предлогами, наречиями, частицами и глагольными постфиксами, которые были втянуты в систему согласования уже после того, как сформировалась и функционировала подсистема предметных классов. Что касается оценочных классов, их судьба неотделима от предметных и локативных. Например, форманты, выступающие в роли аугментативных или диминутивных, материально тождественны показателям предметных классов, существующим в данном языке. В зависимости от условий коммуникации эти форманты выступают то как нейтральные по окраске, то как оценочные. Соответст-

венно изменяются правила их функционирования – тонального оформления, сочетания с другими морфемами или основами. В первом случае эти форманты играют роль показателей предметных классов, во втором – оценочных.

В функции показателей оценочных классов они употребляются однотипно с префиксами локативных классов, не вошедших в систему согласования, и другими морфемами, передающими синтаксические связи – посессивные, инструментальные, темпоральные, локативные и т. д. Форманты оценочных классов двойственны по своей природе: по звуковой субстанции они тождественны показателям предметных, а по функциям – локативных классов. Возможно, двоякое употребление проклитик, присоединявшихся к инициалам существительных, – в роли оценочных формантов и в роли номинаторов, превращающих основы в цельнооформленные слова, – явилось тем фактором, который содействовал вовлечению и локативных служебных слов в сферу приименных префиксов в тех случаях, когда локативные моносиллабемы обозначали пространственные отношения существительных.

В остальных случаях они отошли к иным подсистемам – предлогам, наречиям, частицам или суффиксам и постфиксам глагольных форм. Например, используя в нсенга префиксы 7–8-го классов как пре-префиксы, можно передать аугментативное значение: *muti* 'дерево' – *chimuti* 'большое дерево', *vimuti* 'большие деревья'; аналогично форманты 13–12-го кл. употребляются для выражения диминутивного значения: *tuntu* 'человек' – *kamuntu* 'карлик', *tuntuntu* 'карлики'. В то же время, функционируя в качестве префиксов, эти морфемы служат целям, для которых предназначены показатели предметных классов: с их помощью образуются из корней слов цельнооформленные существительные, распределяемые на классы в зависимости от передаваемых ими посессивно-пространственно-темпоральных категорий.

Примеры этого типа представлены в преимущественном большинстве современных языков (см.: *kilima* 'горка', от *mlima* 'гора' в суахили, *kamidzi* 'деревенька', от *mudzi* 'деревня' в чева, *kamuti* 'дерево', от *muti* 'дерево' в шона и т. д. на фоне функционирования тех же формантов в роли показателей предметных классов). Все это говорит, что система именных классов в языках банту является неоднородной и разбивается на различные подсистемы (локативную,

предметную и оценочную), каждая из которых имеет специфический статус в синхронии из-за различной диахронии.

Показатели оценочных классов, скорее всего, возникли на том этапе, когда основы существительных уже обладали назализованными инициалами и развитие языка от правосторонних тенденций перешло к левосторонним. К этим основам могли присоединяться моносиллабемы, развившиеся из энклитик говорящего и функционировавшие как показатели предметных классов, либо те же моносиллабемы, но в функции пре-префиксов (как более поздняя форма эволюции этих морфем, возникшая на базе древних отношений, передававшихся между корнями, еще не оформленными префиксами).

Аналогично этому в новых условиях развивались показатели предметных классов, образовавшие второй слой препозит и наслоившиеся на основы с назализованными инициалами в виде префиксов. Прежняя зависимость уподобления облика префикса облику корня осталась в силе, но теперь эти процессы стали опосредованными в силу появившихся между новыми префиксами и старыми корнями промежуточных назальных проклитик, возникших из энклитик говорящего. Постепенно сформировалась новая задача: корреляция основ, образовавшихся из корней и проклитик, с новыми препозитами.

Эта задача в разных языках решена по-разному, что свидетельствует о том, что в период, когда она решалась, исследуемые языки уже не составляли единое целое и функционировали как самостоятельные образования. Результатом ее решения являются форманты, которые считаются префиксами именных классов в современных языках.

Их анализ показывает, что на этом этапе развития языков банту также не существовало по одному показателю на класс, а был представлен алломорфизм. Центральной оказалась проблема формирования категории, означающим которой стал аугмент (с. 280). Алломорфизм повсеместно определялся общностью артикуляционных процессов (свойство, перешедшее в дочерние языки из протосистемы) и теми различиями, которые в них возникли после дивергенции.

Так, общей чертой глоттогонического процесса является закономерность, в силу которой назализация корневой инициали может

рассматриваться как причина возникновения в предынициали гоморганных назальных (*m, n, ny, ŋ*), назальных гласных (*ā, ô, ê, î* и т. п.), назальных полугласных (*ǝ* в *ǝǝɛŋ* в B22b), слогов типа ГС_н или С_нГ, где С_н – назальный согласный, и т. д. Различия в системах алломорфов вызываются тем, как именно используют языки возможности, регистрируемые данной закономерностью. Например, при образовании показателей 6-го класса в ямба (A62): *a Æ-, m-, ɔŋ-, oŋ-, eŋ-, ta-, mɔ-, mɛ-, m-* реализуются одни возможности, а в ндзиндзиу (B74a) – другие: *m-, ā-*; ср. также префиксы 1-го кл. в нсенга (N41): *um-, tu-, mw-, ŋ-, w-, u-*, кете (L21): *omu-, omw-, om-, on-, ong-*, венда (S21): *tu-, ŋw-* и т. д.

Аналогично: наличие префиксов *hm-, hŋ-, hz-, hɔz-*, которые выступают в роли показателей 10-го кл. в сукума, может быть объяснено не общностью их происхождения из гипотетических формантов *lɪni* или *ɲ¹*, а единством артикуляции, которое наблюдается в наши дни и, по-видимому, имело место и прежде; инициальное *h* в этих префиксах – результат фарингализации, сопровождавшей назализацию, следы которой сохранились в виде гоморганных назальных, озвончения корневой инициали и других модификаций корневых фонем.

Не меньшую роль (с. 237) в формировании именных префиксов играли и процессы лабиализации. Так, все исследователи языков банту отмечают наличие в них большого количества лабиализованных фонем, обычно фиксируемых в виде сочетания согласного с полугласным. Вместе с другими закономерностями, отмеченными выше, эта черта создает своеобразие звукового строя языковой семьи, делает ее не похожей на остальные.

За всеми этими явлениями, фиксируемыми при анализе результатов речевой деятельности, стоит общность артикуляционной базы, которая их создает, однотипность резонаторного механизма, которым обладают говорящие. Европейское произношение отличается от артикуляции тех, кто говорит на языках банту, в первую очередь, тембровыми характеристиками: расслабленности губ про-

¹ La classification nominale dans les langues négro-africaines. Paris, 1968. K. Meinhof. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Hamburg, 1948.

тивопоставлена их напряженность, пассивному состоянию лабиально-фарингально-назального резонатора – активное. Бантуязычный носитель языка не артикулирует особых полугласных после согласных, но произносит эти согласные при большем напряжении губ, чем к этому привык тот, кто говорит, например, на индоевропейских языках. Возникающий при этом эффект лабиализации используется как грамматическое средство: в инициалах существительных с его помощью противопоставляются лабиализованные и нелабиализованные показатели классов, в финалях глаголов – залоговые формы (см. в зулу противопоставление суффикса пассива *-wa* остальным залоговым суффиксам – *-ana, -isa, -eka, -ela*).

Активное положение резонаторов связано с эксплозивно-имплозивным характером образования фонем и особым толчковым ритмом, регулирующим создание интонационных структур (с. 242). Ритмикой дыхания объясняется и возникновение циркумфиксных структур различного типа: циркумфиксного оформления основ префиксами и суффиксами в одних языках, циркумфлексных тонов в других, нанизывания гласных и согласных при образовании слов в виде консонантно-вокалических «матрешек» в третьих. С переходом от имплозивно-эксплозивного к эксплозивному речеобразованию, наблюдающимся в современных языках, эволюционирует характер артикуляционных навыков и звуковых структур, которые порождаются говорящими.

Например, изменяется дыхательный акцент, подчеркивающий инициаль слова. Вместо выделения начала слова с помощью назализации, фарингализации или лабиализации начинает использоваться иной прием – снабжение слов особыми фонемными «метками», которые играют роль префиксов, сигнализирующих о границах слов и их функциях в предложении. В ходе этих преобразований «сгустки» назальной, фарингальной и лабиальной интонации превратились в фонемы, а фонемы стали префиксами. Все части резонаторного механизма взаимосвязаны, поэтому активизация одной приводит, как правило, к возбуждению остальных (с. 245). Этим объясняется тембровая сложность большинства рассмотренных выше звуковых процессов (см. сочетание назального с фарингальным обертоном на с. 223, лабиального с назальным на с. 240 и т. д.), которая является причиной многообразия префиксов, образовавшихся в предынициалах основ в эпоху активизации резонаторов.

В наши дни наблюдается (с. 216) постепенное сокращение сферы влияния указанных процессов на формирование звуков; ослабевает сила процессов, их взаимодействие друг с другом, область использования артикуляции, при которой вступают в действие назальный резонатор и фаринкс, а вместе с этим исчезает противопоставление основного тона резонаторным. Это подтверждается и сокращением многообразия префиксов, и ослаблением избирательности связей между основами и префиксами, и уменьшением количества классов, которое наблюдается во многих языках, и многими другими явлениями.

Выше было показано, каким коммуникативным целям служит тонирование инициалей основ с помощью резонаторных обертонов и почему различные обертоны оказываются взаимодополнительными (с. 247). Все обертоны объединены общей функцией: превращать основу или корень в цельноформленное слово. Их дополнительность и наложение друг на друга определяются аналогичными свойствами пространственных субкатегорий, означающими которых они являются.

Наслоение пространственных признаков на партитивно-посессивные привело к образованию сложной системы субкатегорий, которая реализовалась в языке посредством деления существительных на семантические классы (круглые – длинные, большие – маленькие, замкнутые – открытые, вертикальные – горизонтальные, однодольные – многодольные, парные – непарные, обладающие локацией в окружающем человека пространстве или нет, и т. п. распределения предметов). Для закрепления этой иерархизации в языке были использованы тембровые возможности артикуляционного аппарата, и многообразие обертонов было поставлено в соответствие с многообразием субкатегорий. Так сформировались предметные классы эпохи пространственного и пространственно-темпорального строя.

8. Лучшей иллюстрацией тенденций языковой эволюции, описанных выше, служат идеофоны. В языке зулу их очень много. В словаре по количеству входящих в нее элементов эта часть речи занимает третье место (после глаголов и существительных): на десять тысяч словоформ приходится примерно тысяча идеофонов. Наиболее древние способы употребления идеофонов связаны с использованием правосторонних тенденций, приводивших к тому, что

идеофон функционировал в качестве основного элемента синтагмы, а остальные слова дополняли его смысл и выстраивались справа от него.

Отношения в синтагме передавались порядком слов, например: *Cába-cába (1) amathonzi (2) ayamuka (3)*. '*Kan-kan (1) крупные (2) капли (2) сбегают (3)*'. *Bekumenywe (1) umhlangano (2) kodwa (3) do (4) amadoda (5)*. '*Собрание (2) созвано (1), но (3) мужчин (5) нет (4)*'. В 1-м предложении идеофон *cába* в редуцированной форме образует самостоятельное высказывание, соотносимое с остальной частью предложения по тому же типу, что два сочинительных предложения. Посредством идеофона передается ситуация в целом, не членимая на субъект и предикат, – аналогично тому, как это происходит при функционировании междометий. Во втором предложении идеофон выступает в роли «хозяина», от которого зависит в смысловом плане слово *amadoda*.

Если слово, сопровождающее идеофон, было не знаменательным, а служебным, происходило его объединение с идеофоном в семантико-интонационное единство и образовывалась композита, которая впоследствии начинала употребляться как основа глагола или существительного; например, к идеофону *daби*, обозначающему разрывность, прибавилась моносиллабема *ka*, превратившаяся в суффикс, и образовалась основа глагола *-daбика* '*разорваться, быть разорванным*' (*Ithembe (1) ladaбика (2)*). '*Рубашка (1) разорвалась (2)*').

Переход к пространственно-темпоральному строю, который знаменовался развитием левосторонних тенденций построения синтагм, изменил и способы введения в предложения идеофонов. За идеофонами сохранилась функция выражать лексическое значение описываемого действия или состояния, а грамматическая информация начала сосредоточиваться слева от идеофона – в информационном центре, роль которого взял на себя служебный глагол *-thi*. Употребляясь с идеофоном, *-thi* превращается в связку без лексического значения. Единственной функцией этого глагола становится оформление идеофона показателями времени, наклонения, аспекта и синтаксических связей.

Например, идеофон *swe*, введенный в предложение посредством глагола *-thi*, вместе с ним переводится словом '*искричься*': *Ummfula*

(1) *uthi* (2) *cwe* (3). '*Река* (1) *искрится* (2 + 3)'. Показатель класса слова *ummfula* вводится в глагол *-thi* в виде префикса *u-*, а идеофон остается аморфным. В глагол *-thi* также вводится показатель времени и аспекта действия (ср.: *Ummfula* (1) *wathi* (2) *cwe* (3). '*Река* (1) *искрилась* (2 + 3)').

Выступая в качестве связки, *-thi* может оформляться морфологически так, как это «нужно» говорящему для передачи действия или состояния, фиксируемого с помощью идеофона. Например, это могут быть формы времен любого из наклонений, а также безличные и релятивные конструкции: *uthi*, *wathi*, *uthe*, *athe*, *kuthi*, *ukuthi*, *musa ukuthi*, *ngokuthi*. Так, в предложении: *Kuthi*(1) *béje* (2) *enzansi* (3). '*На востоке* (3) *алеет* (1 + 2)' глагол *-thi* стоит в безличной форме; в предложении *Inkonjane* (1) *iyathanda* (2) *ukuthi* (3) *siu* (4) *phezu* (5) *kwamanzi* (6). '*Ласточке* (1) *нравится* (2) *скользить* (3 + 4) *над* (5) *поверхностью* (6) *воды* (6)' глагол *-thi* стоит в инфинитиве; в предложении *Musa* (1) *ukulithi* (2) *chithe-chithe* (3) *ifa* (4) *likayihlo* (5). '*He* (1) *проматывай* (2 + 3) *наследство* (4) *отца* (5)' глагол *-thi* стоит в негативной форме императива.

Не является редкостью в этой функции и пассив от глагола *-thi*. Например, в предложении: *Kuhlalwa* (1) *kuthiwe* (2) *chéme* (3) *nxa* (4) *kubenywa* (5) *igudu* (6). '*Сидели* (1) *полукругом* (2 + 3), *когда* (4) *закурили* (5) *коноплю* (6)', – идеофон *chéme* вводится глаголом *-thi*, стоящим в пассивной форме *-thiwe*; субъектный согласователь указывает на неопределенный характер деятелей (ср. с неопределенноличными формами глаголов в русских предложениях типа: '*Говорят, что. . .*', '*Считают, что. . .*'). При употреблении с идеофоном глагол *-thi* становится переходным или непереходным в зависимости от целевой установки говорящего. Так, в словосочетании *sathi cwe* '*она искрилась*' в глагол *-thi* нельзя ввести объектный согласователь, так как здесь *-thi* употреблен как непереходный; в словосочетании *wathi hlúthu* '*он дернул*' в тот же самый глагол можно ввести объектный согласователь: *wasithi hlúthu* '*он дернул ee*': ср. также: *Wathi co, co, co*. '*Он цокал: «цо-цо-цо»*' и *Wawuthi bu, bu, bu*. '*Он сбивал его (огонь): «бу-бу-бу»*'.

Эти примеры иллюстрируют, с одной стороны, как изменяется языковая техника в процессе эволюции грамматического строя и, с другой, как приспособляются к нуждам каждой эпохи строевые элементы. Реликтовая категория «идеофон», наполненная новым

содержанием в составе синтагматического целого, которое является формой ее реализации в наши дни, звучит не менее современно, чем единицы более позднего образования, – синтаксические согласования, темпоральные союзы и форманты модальности. О пройденном ею пути свидетельствуют лишь особенности функционирования, соотносящие нас со всеми этапами развития языкового сознания, которые отразились в языках банту.

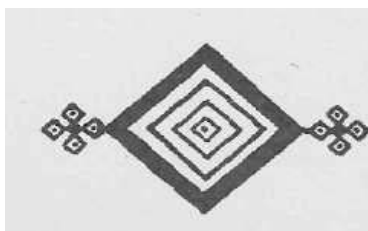
Форзац

Послесловие

На форзаце автор попытался изобразить с помощью зрительных образов общую линию развития глоттогонического процесса и трансформацию языкового сознания, описанную в монографии. Основная тенденция вербальной деятельности, проявляющаяся в создании все более утонченного аппарата отражения объективной действительности, передана посредством изменения графических приемов: сначала языковое сознание как бы прочерчивает во мраке неизвестности контур реалии (1-й рисунок, соответствующий категориям партитивно-посессивного строя), затем оно строит плоскостной образ (2-й рисунок, символизирующий развитие языкового сознания в эпоху пространственного строя) и, наконец, последним создает объемное изображение (3-й рисунок, пространственно-темпоральный строй). На 1-м рис. реалии как бы не имеют общего

времени и пространства: каждая из них мыслится конкретно, время и пространство оказываются их неотъемлемыми принадлежностями, – такими очевидными, что сознание не останавливается на них и не регистрирует их в языке и в графических изображениях. Абстрагирование пространства от вербализуемых реалий приводит к появлению способов его регистрации в языке и в живописи. Реалии начинают фиксироваться как феномены, обладающие одним общим свойством – пространством. Это свойство объединяет предметы, упорядочивает в плоскости рисунка, связывает композиционно в единое целое как подвижные части одного и того же пространственного механизма (рис. 2). Введение темпоральной перспективы (рис. 3) дает возможность сформировать категорию информации как абстракцию от вербальных процессов. Именно речь объединяет элементы третьего рисунка в одно композиционное целое. Поэтому на 1-м рис. реалии изображены в статике, на 2-м – в динамике движения, на 3-м – в динамике обмена информацией (вербальной деятельности).

Синхрония и диахрония языков банту

1. Наиболее заметной чертой грамматического строя языков банту, одним из его важнейших компонентов является система именных классов. Часто ее называют доминантой грамматического строя, а языки банту – просто языками с именными классами¹. И хотя системы именных классов засвидетельствованы не только в банту, есть они также в дагестанских, суданских, австралийских, австронезийских, индейских и других языках², вся внутренняя структура грамматического строя языков банту настолько проникнута духом системы именных классов, что она является ключом, который отворяет двери к пониманию всех грамматических категорий, формаций, которая связывает воедино различные части языковой структуры и превращает ее в целостный организм. Поэтому все бантуисты так или иначе увязывают свои работы с проблемой именных классов, – будь то исследования по синхронии или диахронии, лексике или грамматике, ареальной лингвистике, этногенезу или каким-либо иным проблемам. Чаще всего лингвисты останавливаются на двух вопросах: описании систем именных классов в современных языках и гипотезах о них в прабанту. Темой данной статьи также являются две проблемы: современный статус именных классов в языках банту, или их синхрония, и характеристика тех элементов грамматического строя, из которых они могли возникнуть в диахронии.

Из 500 языков и диалектов банту нет ни одного, система именных классов в котором повторяла бы систему именных классов другого языка или диалекта. Например, префиксы 1-го кл. *iti-*, *u ɱ-* в зулу (*ɱ* – слогообразующий билабиальный назальный сонант) соответствуют префиксам *Ɂ* в манди, *m-* в каалонг и мбонг, *m-*, *n-* в кее, *mɔ-*, *m-*, *mɛm-* в квакум, *ɔ̃-* в нгунгвел, *mi-*, *mbhu-*, *mhi-*, *mhe-*, *ɔ* в кукуя, *mɔ-*, *mw-* в нгала, *(u)mi-*, *(u)mw-* в руанда, *(u)mi-*, *(o)mi-*,

¹ Африканское языкознание: Сб. статей. М., 1963.

² G. Royen G. Die nominalen Klassifikationssystem in den Sprachen der Erde: Historischkritische Studie mit besonderer Berücksichtigung des Indogermanischen. Berlin, 1929.

(o)m-, (o)mī-, (o)mw- в ганда, *mi-*, *mw-*, *nw-*, *m-* в ньямвези, *mi-*, *mw*, *mwi-*, *m-* в суахили, *mi-*, *mw-*, A_\circ^- - в конго (A_\circ^- – гоморганные слогаобразующие назальные сонанты), *mi-* в лози, *mi-*, *mī-*, *mw-* в луба-касаи, *miti-*, *imī-*, *imw-* в бемба, *mi-*, *mw-*, *m-* в ньянджа, *it-*, *ity-*, *mw-*, m_\circ^- , n_\circ^- - в маконде (m_\circ^- , n_\circ^- – назальные слогаобразующие сонанты), (o)*mi-*, *omw-*, *oto-*, *o-*, *u-* в умбунду, *im-* в к'оса, (a)*mi-*, (a)*mw-*, *mī-*, *mhi-*, m_\circ^- , n_\circ^- - в ронга, (i) A_\circ^- в чопи, (e)*mwaŋ-*, (e)*wan-*, (e)*mi-* в тонга и т. д. для всех именных классов (в скобках регистрируются гласные, произносимые факультативно). Всего в каждом именном классе, если иметь в виду сумму формантов, встречающихся в языках банту, представлено до 100 и более алломорфов, большинство из них повторяется во многих языках и объясняется позиционными условиями, но есть уникальные префиксы, зарегистрированные только в одном каком-либо языке или регионе (например: ɔ - в манди, ɔ - в нгунгвел, (e)*mwaŋ-*, (e)*wan-* в тонга на фоне типичного для 1-го кл. форманта *mi-*). В каждом языке количество префиксов одного класса невелико. Как правило, среди показателей классов не встречается более 2–3 алломорфов, но бывает, что их количество доходит до десяти, а в единичных случаях превышает и эту цифру. Наиболее широко алломорфизм представлен в полярных по географическому положению северо-западных и юго-восточных языках (аква, дуала, тетела, венда, ронга, тсвана, чопи и др.). Особенно много алломорфов наблюдается в 5, 7, 9 и 10-м кл., а в ряде случаев также в 1, 3 и 6-м. В большинстве случаев алломорфия оказывается позиционно обусловленной: выбор формантов определяется фонетическим обликом инициала основы или закономерностями взаимодействия фонем при их соединении в синтагматическое целое, варьирующими в зависимости от языковой специфики. Встречается варибельность префиксов и по другим причинам – из-за различия диалектных форм произношения, за счет употребления архаических и более новых форм или ввиду синтаксической обусловленности.

Считается, что в древности система классов в банту была более богатой и разветвленной, чем сейчас (например, для прабанту реконструированы префиксы 24 классов). Со временем она стала угасать, и в современных языках представлены лишь ее реликты – в виде 19 классов, например, в бемба, 18 – в ганда, луба, конго, каранга, 16 – в руанда, суахили, 14 – в преимущественном большинстве языков (в том числе, зулу, к'оса) и т. д., – вплоть до ситуации,

зафиксированной в комо, где наблюдается отсутствие классного согласования, или амба, где зафиксировано только два класса (1-й и 2-й) и множество слов с различными префиксами (например: *i-*, *ma-*, *ke-*, *fi-*, *A-*), которые, хотя и соотносятся с показателями классов в других языках, морфологической значимости, связываемой с идеей класса, не имеют¹. В итоге такого процесса может возникнуть дву-членная или трехчленная система, и его можно интерпретировать как перерастание категории класса в иную категорию – грамматического рода (*genre*²), одушевленности – неодушевленности, социально активных – социально пассивных предметов³ и т. д. Возможен и иной подход: рассматривать класс и грамматический род как разновидности одной и той же категории, а сами термины – как синонимы⁴.

Хотя статус прабанту не ясен, поскольку в распоряжении лингвистов нет памятников, написанных на нем или свидетельствующих о его существовании, наличие прабанту ряду филологов представляется несомненным. Есть несколько гипотез о миграции африканских племен в доисторическую и историческую эпохи и соответственно о времени и пространстве существования праязыка и коллектива, говорившего на нем. Прародину языков банту Мейнхоф искал в районе Великих озер, Джонстон – у озера Чад (с последующим очагом у озера Виктория), Гасри – в саванне между реками Убанги и Шари, Гринберг – в долине р. Бенуэ, Уэлмерс – в долине Верхнего Нила и т. д. Оценивать эти гипотезы невозможно: в археологических находках нет языковых памятников, и соотносить материальную культуру с языковым типом или каким-либо конкретным языком в этой ситуации бесперспективно. Несомненно одно: на протяжении последних нескольких тысяч лет на территории Африки происходили многочисленные миграции племен и народов, в числе которых были и предки современных банту⁵. Эти миграции

¹ M. Guthrie. *Comparative Bantu: An introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages*. Gregg International Publications. Vol. 1–4. Westmead, 1967–1971.

² La classification nominale dans les langues négro-africaines. Paris, 1968.

³ Д. А. Ольдерогге. Определение времени и пространства в языках банту (локативные классы) // Памяти Богораза. М.–Л., 1937.

⁴ La classification. nominale dans les langues négro-africaines. Paris, 1968. P. 356.

⁵ Африка: Культурное наследие и современность. М., 1985; Т. Бютнер. История Африки с древнейших времен. М., 1981; История Тропической Африки (с 98

привели к смешению и креолизации языков, выделению некоторых из них на роль койне и полной утрате каких-то древних языков. На карте Африки появилась лингвогеографическая пустыня – Сахара. Об этом периоде африканской истории известно мало. Поэтому лингвистические исследования о времени и пространстве существования прабанту и гипотезы о языковой ситуации в Африке Древнего мира приобретают значение, далеко выходящее за рамки языкознания¹.

В языках банту контуры системы именных классов впервые очертил Блик². Происхождение рода Блик связывал с процессом

древнейших времен до 1800 г.). М., 1984; Actes du Colloque International du CNRS Viviers (France). Vol. 1–3. Paris, 1980.

¹ Характеристике процесса исторического развития африканских цивилизаций посвящена глава «Африканские цивилизации: становление и эволюция» (в монографии: Африка: Культурное наследие и современность. М., 1985), написанная Ю. М. Кобищановым. Автор отмечает, что «число цивилизаций, исторически существовавших на огромной территории Африканского материка, не превышает двух десятков. Это – древнеегипетская, финикийско-карфагенская, древнеэллиническая, эллинистическая, римская, византийская, или романо-византийская, и исламская цивилизации в Северной Африке, гарамантская цивилизация Восточной Сахары, керма-кушитская, мероитская, нубийская ветвь византийской цивилизации Восточного Судана и местная ветвь исламской; сабейская, аксумская, средневековая эфиопская и эфиопская ветвь исламской цивилизации (плюс высокоразвитые протоцивилизации и кафская «почти цивилизация» в юго-западной Эфиопии), суахильская ветвь исламской цивилизации на восточном побережье Африки, западно-суданская (с центрально-суданской и центрально-сахарской ветвями) и йорубабенинско-дагомейская цивилизации, а также «почти цивилизации» ашанти, моси и бамум на западе Африки, окруженные «золотым кольцом» протоцивилизаций, несколько очагов протоцивилизаций в поясе южных саванн и в Междуречье и малагасийская на Мадагаскаре. К этому можно добавить колониально-креольские очаги западной цивилизации на островах и в приокеанских городах Африки; лишь на юге материка один из таких очагов постепенно охватил обширные внутренние территории» (С. 78). Процесс развития этих цивилизаций, как указывает Ю. М. Кобищанов, характеризуется двумя основными особенностями: «Во-первых, очаги мелконатурального производства, а затем и цивилизаций исторически появляются, прежде всего, на периферии Тропической Африки и, в общем, тяготеют к ее северо-восточной, северной и восточной границам, т. е. к древнейшим, древним и средневековым цивилизациям Азии и Средиземноморья. Во-вторых, в Африке средний уровень развития цивилизаций понижался в направлении с севера на юг и с северо-востока на юго-запад по мере удаления от высоких цивилизаций Северной Африки и Средиземноморья» (С. 77).

² W. H. I. Bleek. A comparative grammar of South African languages. London, 1971 (1862).

сокращения некогда большого количества именных классов. Мейнхоф расширил сферу описываемых языков, пополнил систему Блика, добавив к ней несколько реликтовых классов, и на основании сопоставительного изучения языков банту (дуала, венда, гереро, суахили, шамбаа, покомо, бондеи, зигула, зарамо, ньика, ньямвези, сукума, макуа, яо, зулу и др.) и семито-хамитских создал основы сравнительно-исторического описания языков банту. Установив регулярные звуковые соответствия, Мейнхоф вывел фонетические законы и реконструировал праформы. Так, система показателей именных классов была реконструирована Мейнхофом в следующем виде: 1-й кл. – *tu-*; 2-й – *βa-*; 3-й – *tu-*; 4-й – *mi-*; 5-й – *li-*; 6-й – *ma-*; 7-й – *ki-*; 8-й – *βi-*; 9-й – *ni-*; 10-й – *lɪni-*; 11-й – *lu-*; 12-й – *tu-*; 13-й – *ka-*; 14-й – *βu-*; 15-й – *ku-*; 16-й – *pa-*; 17-й – *ku-*; 18-й – *tu-*; 19-й – *pɪ-*; 20-й – *yu-*; 21-й – *yi*¹. Кроме того, Мейнхоф полагал, что в прабанту существовала универсальная копула *ya*, которая присоединялась как пре-префикс к перечисленным префиксам, образуя композиты *yatui-*, *yami-*, *yata-*, *yani-*. В результате ассимиляции гласных *yatui-*, *yami-*, *yani-* впоследствии превратились в *yitui-*, *yimi-*, *yini-*, а затем в те формы, которые встречаются в современных языках.

Многие ведущие африканисты, например Док, Гасри, Мейссен, Гринберг и другие, занимались реконструкциями праязыка. Хотя они пользовались различными методами, но результаты, которые они получали, в целом не отличались от реконструкций Мейнхофа. Для сравнения можно привести систему префиксов, которые восстановил Гасри: **tu-*, 1-й; **ba-*, 2-й; **tu-*, 3-й; **mi-*, 4-й; **i*, 5-й; **ma-*, 6-й; **ki-*, 7-й; **βi-*, 8-й; **n-*, 9-й; **n-*, 10-й; **du-*, 11-й; **ka-*, 12-й; **tu-*, 13-й; **bu-*, 14-й; **ku-*, 15-й; **pa-*, 16-й; **ku-*, 17-й; **tu-*, 18-й; **pɪ-*, 19-й². Не занимаясь специально характеристикой этих результатов, отмечу следующее. Во всех реконструкциях, проводимых в бантуистике, за исходное принимаются формы, засвидетельствованные в современных языках банту, и фонетические соответствия между ними. Целью реконструкций признается поиск форм, аналогичных современным, из которых те могли развиваться. Процесс развития языковых навыков внимания исследователей не привлекает. Эволюция артикуляционного аппарата говорящих остается вне

¹ См.: Л. З. Сова. Эволюция грамматического строя в языках банту. Л., 1987. С. 13.

² La classification. nominale dans les langues négro-africaines. Paris, 1968. P. 344.

поля зрения исследователей. В данной статье представлена попытка охарактеризовать явления, позволяющие судить о характере артикуляционных особенностей речи тех людей, потомки которых говорят на современных языках банту.

2. Исследование согласовательных классов обычно начинают с констатации трех различных подсистем: предметной, локативной и оценочной. Самыми частотными префиксами предметной подсистемы являются форманты (в нумерации, сохраняемой со времен Мейнхофа): *m-*, 1-й кл.; \emptyset , 1«а»; *ba-*, 2-й; *a-*, 2«а»; *m-*, 3-й; *mí-*, 4-й; *l-*, 5-й; *ma-*, 6-й; *ki-*, 7-й; *bi-*, 8-й; *n-*, 9-й; *n-*, 10-й; *lu-*, 11-й; *tu-*, 12-й; *bu-*, 14-й; *ku-*, 15-й. Локативную подсистему могут репрезентировать ее самые частотные для каждого класса префиксы: *pa-*, 16-й; *ku-*, 17-й; *tu-*, 18-й¹.

О характере локативных классов можно судить по примерам из квангари: *Rónzúgo* (1) *ta-pa-wará* (2). 'Дома (1) хорошо (2)'; *Kónzúgo* (1) *ta-ku-wará* (2). 'Дома (1) хорошо (2)'; *Mónzúgo* (1) *ta-tu-wará* (2). 'Дома (1) хорошо (2)', где *rónzúgo* = *ró* (16-й кл.) + *nzúgo* 'дом' (9-й кл.) с согласователем *-pa-* в сказуемом *ta-pa-wará*; *kónzúgo* = *kó* (17-й кл.) + *nzúgo* с согласователем *-ku-* в сказуемом *ta-ku-wará*; *mónzúgo* = *mó* (18-й кл.) + *nzúgo* с согласователем *-tu-* в сказуемом *ta-tu-wará* (различие в значениях слов *rónzúgo*, *kónzúgo*, *mónzúgo* можно эксплицировать описательными характеристиками понятия, передаваемого словом *dóma* в русском языке: *rónzúgo* 'рядом с домом, при доме, на подворье'; *kónzúgo* 'около дома, у дома, на земле, где стоит дом'; *mónzúgo* 'в доме, в домашней обстановке'). Аналогичная ситуация представлена в кингвана, букусу и некоторых других языках; например, в кингвана: *pa-nuyumba pa-ngu* 'у моего дома', *ku-nuyumba kwa-ngu* 'к моему дому', *tu-nuyumba twa-ngu* 'внутри моего дома'; в букусу: *á* + *átè:cí* → *átè:cí* 'на воде' (соприкасаясь с водой, на поверхности воды, 16-й кл.), *xí-tè:cí* 'о воде, у воды, над водой, на воде' (не соприкасаясь с водой, 17-й кл.), *tí-tè:cí* 'в воде' (кроме того, в букусу есть префикс *é-*, рассматриваемый как показатель особого 24-го кл., с общелокативным значением: *étè:cí* 'где-то на воде, где-либо у воды').

Оценочные префиксы характеризуются меньшей употребительностью и большей индивидуализированностью, чем остальные. О статистических оценках и репрезентативности здесь говорить трудно, можно лишь отметить, что в роли аугментативных встречаются

¹ Кроме того, зарегистрированы локативные префиксы *la-*, *l'-*, *lo-*, *v'-*, *vo-*, *wi-* и т. д., а также непрефиксные (суффиксные, циркумфиксные) способы передачи пространственных отношений.

форманты: *lu-(olu-)* в мабиха, чокве, луимби, лучази, лвена, лунда, хемба, луба-катанга и ганда, *ki-* в хемба, луба-катанга, *tʃi-* в лунда, *ki- – bi-* в санга, *ci- – fi-* в ламба, *chi- – vi-* в лвена и нсенга, *tʃi- – yi-* в чокве, *li-* в мбунду, *li- – ta-* в ньямвези, *e- – di-* в кела, *ogu- – aga-* в ганда, *ku-* в букусу и т. д.; диминутивных – *ka-* в хемба, лвена, мбунду, шона, *aka-* в ганда, *aka- – obu-* в ганда, *ka- – tu-* в ламба, мабиха, нсенга, чева, ньямвези, квангари, луба-катанга, лунда, *otu-* в ганда, *i- – to-* в кела, *ki-* в суахили и кукуя, *xi-* в тсонга, *ki- – bi-, fi-, fi-mwa, mwa-* в диалектах конго, *ku-* в венда; дерогативных – *si-* в квангари, *tci- – vi-* в чева, *li-* в ламба и т. д.

Из оценочных классов наиболее распространены диминутивные (А) и аугментативные (Б). Представление о них можно составить на основании следующих иллюстраций: А) *tu-ntu* 'человек' – *ka-muntu* 'карлик' (*tu-muntu* 'карлики') в нсенга; *miuto* 'река' – *ka-miuto* 'речка' (*miuto* 'реки' – *tu-miuto* 'речки') в мабиха; *mbuzi* 'козел' – *ka-mbuzi* 'козленок' в чева; *nzó* 'дом' – *ki-nzú-nzó* 'домик' в кукуя; *iso* 'глаз' – *akaaso* 'глазик' в ганда; *mongo* 'река' – *ka-mongo* 'речка' в ньямвези; *mwana* 'ребенок' – *fi-mwá:-mwana* (*mwa:-mwana*) 'маленький ребенок' в конго; *sitji* 'дерево' – *ka-sitji* 'дерево' (*yitji* 'деревья' – *tu-yitji* 'деревца') в квангари; *tʃintu* 'вещь' – *ka-ntu* 'вещица' в луба-катанга; *mpembi* 'козел' – *ka-mpembi* 'козлик' в лунда; (*u*)*musi* 'деревня' – *ka-musi* 'деревенька' в ламба; *mbueti* 'палка' – *ka-mbueti* 'палочка' в мбунду; *thavha* 'гора' – *ku-thavha* 'пригорок' в венда; *muti* 'дерево' – *ka-muti* 'дерево' в шона; *mlima* 'гора' – *ki-lima* 'горка' в суахили и т. п.; Б) *muti* 'дерево' – *chi-muti* 'большое дерево' (*vi-muti* 'большие деревья') в нсенга; *mbómbodo* 'буйвол' – *e-mbómbodo* 'большой буйвол' в кела; *iso* 'глаз' – *oguiso* 'глазище' в ганда; *muti* 'дерево' – *li-muti* (*linti*) 'большое дерево' (*miti* 'деревья' – *ta-miti* 'большие деревья') в ньямвези; *mukuro* 'река' – *e-mukuro* 'большая река' в квангари; *muntu* 'человек' – *ki-muntu, li-muntu* 'большой человек, человецище' в хемба; *mutondo* 'дерево' – *tʃi-mutondo, lu-mutondo* 'большое дерево' в чокве; *mutondu* 'дерево' – *tʃi-mutondu, lu-mutondu* 'большие деревья' в лунда; *umutwi* 'голова' – *ci-mutwi* 'большая голова' в ламба и т. д.

Сравнивая предметную, локативную и оценочную подсистемы, можно заметить, что вторая и третья меньше, чем первая, в них не так регулярно представлены корреляции единственного и множественного числа, инвентарь их означающих в большой степени дублирует форманты предметных классов, префиксы оценочных и локативных классов схожи по функционированию и противопоставлены префиксам предметных классов, оценочные и локативные форманты находятся в отношении дополнительной дистрибуции

друг к другу по фонетическому облику. Эти особенности подсказывают, что все подсистемы имеют общий генезис и обязаны своим возникновением различию в функционировании одних и тех же формантов.

Действительно, во многих языках, если префикс с омонимичным значением присоединяется к основе существительного, он имеет значение предметного, а если к цельноформленному существительному – локативного или оценочного, например: *ku-ta-usi* 'на севере' (от *ata-usi* 'народность ауши, проживающая севернее народности ламба'), *ku-kū-lu* 'к ноге' (от *uku-lu* 'нога'), *pa-tu-si* 'в деревне' (от *utu-si* 'деревня'), *ka-tu-si* 'деревенька' в ламба, где префиксы *ku-*, *pa-* имеют локативное, а *ka-* – оценочное значение (ср. с *uku-lu* 'нога' и *aka-lute* 'раб', где те же префиксы имеют предметное значение), *ka-si-tji* 'деревцо' (от *si-tji* 'дерево') и *ka-curu* 'черепаша', *ka-kambe* 'лошадь' в квангари, *m̄-m̄-sútù* 'в лесу' и *m̄-sútù* 'лес' в кукуя, *ka-tu-ti* 'деревцо' (от *titi* 'дерево') и *ka-keta* 'берег' в ньямвези, *pa-t̄-dzi* 'в деревне' (от *t̄-dzi* 'деревня') и *rā-пуэ* 'анус', *ph̄gi* 'гора'; *m̄-khwā-ra* 'подмышка' (букв.: «внутри мышц руки», от *khwāra* 'рука', 15-й кл.) или *tu-m̄-thūzi* 'в тени' и *m̄-thūzi* 'тень', *m̄-dzi* 'деревня' в чева и т. д.

В языках, где омонимия снимается с помощью супрасегментных явлений, предметные классы маркируются безударными префиксами, локативные и оценочные – ударными; например, в кукуя префиксы 1–10-го и 14-го кл. (предметных) являются безударными и присоединяются к основам существительных, а 16, 17 и 18-го – ударными и выступают как пре-префиксы. Форманты 7–8-го кл., если функционируют как предметные, являются безударными и прибавляются непосредственно к основе, а если выступают в роли диминутивных, приобретают ударение и присоединяются не к основам, а к словам, уже оформленным предметными префиксами. В букусу предметные показатели являются двусложными, локативные – односложными (если формант 16-го кл. функционирует в виде редуцированного префикса *rārà-*, он играет роль предметного, ср.: *á-mè:cí* 'на воде', – где показатель 16-го кл. *á-* является односложным, и *rārà-ndù* 'место', где показатель 16-го кл. двусложный), а оценочные – односложными вариантами двусложных предметных префиксов (ср. *kútì-xà:fú* 'корова' и *kū-xà:fú* 'большая корова', где *kū-* является усеченным вариантом префикса *kútì-*).

Аналогичную роль могут играть и иные признаки: оппозиция низких – высоких или нисходящих – восходящих тоном, долгих – кратких гласных, сильных – слабых обертонов и т. д. Так, в диалектах конго в показателе 18-го кл. представлен более долгий гласный *и*, чем в показателях 1-го и 3-го. Кроме того, назальный обертон при произнесении локативного форманта значительно сильнее, чем при артикуляции таких же предметных префиксов, и в силу этого согласователи к локативным префиксам имеют более яркую назальную окраску, чем к предметным, – ср. согласовательные морфемы в фразах: *тí:-ma* (1) *tu-bote* (2) *nwe* (3) 'в (1) этих (1) местах (1) хорошо (2)' и *tu-ntu* (1) *ɲ-bote* (2) *wè* (3) 'этот (1) человек (1) хороший (2)', где *тí:-ma* – существительное 18-го кл 'в этих местах, место' с локативным префиксом *тí:-*, а *tuntu* – существительное 1-го кл. 'человек' с предметным префиксом *tu-*. Различием в супрасегментных характеристиках локативного и предметного префиксов объясняются и остальные особенности их функционирования: локативный префикс произносится с акцентом, звучит более отчетливо, чем его предметный аналог, поэтому во всех контекстах он имеет стабильное произношение, тогда как предметный префикс в различных позициях произносится по-разному – перед основами на согласный возникают варианты *n*, *ɲ*, *ɸ*, перед основами на гласный – *ω* (здесь *ɲ* обозначает назальный велярный, *ω* – огубленный лабиовелярный полугласный, *ɸ* – нуль звука).

Эти примеры показывают, что локативные и оценочные форманты более самостоятельны в синтагме, чем предметные, их функциональный статус сближается со статусом самостоятельных слов (предлогов), а форманты предметных классов употребляются лишь как части слов (приставки). Показатели предметных классов более тесно спаяны с основой, чем локативных и оценочных. В плане содержания это приводит к тому, что локативные и оценочные классы имеют более единообразные и легче формализуемые значения, чем предметные, в плане выражения – к тому, что между префиксами предметных классов и корнями устанавливаются отношения фузии (модификация фоном на стыке, взаимоуподобление фонетических обликов основы и префикса, интонационно-фонетический сплав элементов в единое целое, свидетельствующий о непрерывности артикуляции), а между префиксами оценочных или локативных классов и основами существительных – отношения агглютинации

(механического соединения разнородных по интонационно-фонетической структуре частей, являющегося результатом дискретного артикулирования каждого элемента в отдельности)¹.

Техника соединения формантов локативных и оценочных классов с основами существительных является типичной для инвентаря изолирующего строя, техника построения микросинтагм из предметных префиксов и основ существительных присуща флективному строю. Поэтому, если предположить, что флективная техника является естественным развитием изолирующей в результате многократного совместного повторения одних и тех же элементов с образованием из них интонационно-фонетических единств и последующим «склеиванием» швов, можно отметить, что техника присоединения формантов локативных и оценочных классов является более древней, чем предметных, и что форманты предметных классов в составе существительных спаялись с корнями существительных до того, как к ним стали прикрепляться префиксы оценочных и локативных классов.

Этот тезис кажется парадоксальным, если не отметить, что в составе слова более древним является соединение ближайшего к корню префикса, более новым – пре-префикса и что за «двойное время» своего существования префикс прошел два этапа развития: механическое соединение с корнем по типу проклитики, затем фузионные превращения, в ходе которых он превратился в приставку, а пре-префикс за «одинарное время» своего существования – только один этап развития: механическую связь с основой по типу проклитики. Дальнейшее функционирование языка при образовании устойчивых синтагм из данных элементов должно привести к возникновению фузионных процессов между пре-префиксами и основами по типу процессов между префиксами и корнями, срастанию прежних элементов в новое целое, опрощению основ и появлению новых проклитик перед пре-префиксами, которые будут восприниматься как новые пре-префиксы перед элементами, развившимися из пре-префиксов в префиксы. Это и наблюдается в конкретных языках. Например, в ламба случаи опрощения основ приводят к тому, что изменяется модель образования диминутивов и аугментативов, ср.: *ka-ti-si* 'деревенька' от *ти-си* 'деревня' – *ti-ti-si* 'деревеньки' от *ими-си* 'деревни' и *kā-tiṃwanwa* 'велосипед' – *tū-tiṃwanwa* 'велосипеды', где произошло опрощение основы *-tiṃwanwa*, на что указывает долгий гласный в префиксе *kā-* (*tū-*); аналогично: *ci-ti-twi* 'большая голова' от *ти-тви* 'голова' – *fī-ti-twi* 'большие головы' от *ими-тви*

¹ Доказательство см.: Л. З. Сова. Эволюция грамматического строя в языках банту. Ленинград, 1987. С. 333–335 и сл.

'го́ловы' и *cī-lutobāla* 'аррум' – *fī-lutobāla* 'аррумы'. Срастание префиксов с корнями является одной из причин повсеместно распространенного явления композиции префиксов при образовании множественного числа на фоне замены префиксов единственного числа префиксами множественного. Например, в ссenga параллельно образованию множественного числа путем замены префиксов ед. числа префиксами мн. числа функционирует ряд слов, в которых формант мн. числа наслаивается в виде пре-префикса на показатель ед. числа: *lu-limi* 'язык' (анат.) – *ma-lu-limi* 'языки', *li-to* 'земля, почва' – *vi-li-to* 'земли, почвы', *u-zu* 'травы' – *ma-u-zu* 'травы' и т. п. То же наблюдается в чева: *bwáto* 'каноз' – *ma-bwáto* 'каноз' (мн. ч.); здесь префикс *bu-* слился с основой и уже не воспринимается как самостоятельный структурный элемент; результатом аналогичных процессов являются также слова *phìri* 'гора' – *ma-pìri* 'горы', *mséri* 'секрет', *mkamwa* 'ром', *khwápa* 'рука', *kumáso* 'лицо' (от *má-sɔ* 'глаза́') и др. Только сравнение данных из различных диалектов помогает выявить сложность структуры таких слов в мбунду, как *poi. nette*, *onete* 'зрудь', *polipere*, *erepe* 'плечо', *pongólo*, *olongola* 'колени', *v'itni* 'живот', *k'iru* 'небо' и т. д.

Из этого следует, что префиксы и пре-префиксы в составе существительных имеют различный исторический возраст (более древней внутрисконструктурной связью в слове является отношение между корнем и префиксом, более новой – между основой и пре-префиксом) и что форманты, развившиеся в пре-префиксы оценочных и локативных классов, существовали в виде самостоятельных силлабем на том этапе, когда форманты, ставшие впоследствии префиксами предметных классов, уже функционировали как части слов. Это позволяет сформировать два различных набора показателей классов: один восходит к служебным моносиллабемам ближайшего прошлого (префиксы *tu-*, *ku-*, *pa-*, *la-*, *lu-*, *ki-* – *bi-*, *li-* – *ma-*, *ka-* – *tu-* и др., функционирующие в роли показателей локативных и оценочных классов), второй – к префиксам существительных (того же исторического этапа): *tu-* – *ba-*, *tu-* – *mi-*, *li-* – *ma-*, *ki-* – *bi-* и другие форманты предметной подсистемы. Наличие идентичных по форме элементов в обоих наборах (*li-* – *ma-*, *ki-* – *bi-*, *tu-*, *lu-* и т. п.) подсказывает, что ближайшему предшествовало более отдаленное прошлое и что сегодняшние префиксы, как и пре-префиксы, в более отдаленную эпоху могли быть самостоятельными силлабемами. Возникает проблема: выяснить, нет ли доказательств, что и префиксы предметных классов некогда функционировали как самостоятельные служебные слова, а не как части существительного. Для этого надо исследовать морфемный шов на стыке именного

префикса и корня и убедиться, что явления, происходящие на шве, идентичны результатам, наблюдаемым при связывании самостоятельных слов.

Действительно, подобно цельнооформленным словам, именной префикс и корень (каждый в отдельности) обладают своей собственной интонационной и фонологической структурой, которую можно возвести соответственно к структуре служебных и знаменательных слов, а также формирование существительного из префикса и корня происходит по специфическим для каждого языка законам, напоминающим образование синтагм. Так, при связывании слов в бинарные синтагмы обычно наблюдаются девокализация финального гласного первого слова (его элизия, превращение в полугласный), исчезновение инициального согласного второго слова или изменение его артикуляции (см. в зулу у Вилакази: *Ngifun'ukuf'usangithanda*. . . 'Я при смерти, а ты все еще меня любишь', из *Ngifuna ukufa usangithanda*). В шона девокализация наблюдается особенно в случае финальных гласных низкого тона *i*, *u*. В букусу сокращаются финальные гласные любого тона. В монго финальные *i*, *u* становятся соответственно *y*, *w* (*mbebu iné* 'эти губы' звучит как [mbebw'iné]), а инициальный билабиальный согласный исчезает (*baebi báfé* 'два товарища' произносится [baɛby'áfé], *bunyu bōnko* 'этот стул' – [bunyw'ōnko]). В кела, если два слова, следующие подряд, начинаются с билабиального смычного согласного, второе слово теряет его, а предшествующий ему финальный гласный предыдущего слова превращается в гоморганный полугласный (*i* → *y*, *u* → *w*) или исчезает (*e*, *o*, *ɛ*, *ɔ*, *a*); если второе слово начинается альвеолярным смычным согласным *d*, этот согласный выпадает (в ближайшем соседе кела – языке йела *d* соответствует *l*, который и подвергается афезе). В букусу латеральный функционирует только в начале синтагмы, после гласных и неназальных согласных (в остальных случаях он элизируется), а глухой велярный *k* – в начале синтагмы и после гласных. В суто-тсвана латеральный перед *i*, *u* апикализируется и элизируется или превращается (в тсвана и педи) в *d*-образную многоударную фонему, которая европейцами регистрируется как *l*, *r*, *d* в зависимости от контекста¹. В чева или конеч-

¹ Если *i*, *u* возникли из *e*, *o* в результате гармонии гласных, т. е. имеют не исконное происхождение и развились не из древних *i*, *u*, но появились позднее факторов, обусловивших модификацию *e*, *o* в *i*, *u*, данная закономерность не действует и пе-

ный гласный перед начальным опускается, или начальный гласный превращается в гоморганный полугласный (*ngátí úk'ó* → *ngátí wūk'ó* 'примерно там'), или оба гласных сливаются; начальный велярный согласный звучит звонко [g], его глухой коррелят в этих позициях отсутствует, интервокальный лабиодентальный фрикативный опускается. В мабиха интервокальные латеральный и увулярный согласные являются слабыми и могут элизироваться (латеральный – вместе со слоговым гласным), а в ряде случаев аферезе подвергается и финальный слог *-ni*. В суахили в интервокальной; и начальной позициях часто элизируются *l*, *r* и т. д.

Уже из приведенных формулировок («интервокальная, постназальная, соседняя, инициальная, финальная позиции» без указания на то, фиксируется точка на стыке двух слов при их слиянии в синтагму или на морфемном шве) видно, что во многих из перечисленных выше случаев явления, происходящие между префиксом и корнем, идентичны в современных языках фактам, регистрируемым на синтаксическом уровне. Всеобщность этих закономерностей можно подтвердить также другими фактами. Так, повсеместно в языках банту отмечается исчезновение латеральных, вибрантов и альвеолярных в показателях 5-го и 11-го кл., девокализация финального гласного (префикса) с его элизией или превращением в гоморганный полугласный в показателях всех предметных классов (особенно часто появление полугласных наблюдается в показателях 1-го, 3-го и остальных предметных *u*-классов, элизия – в показателях *i*-классов). По этим признакам интервокальная позиция между морфемами внутри слова не отличается от интервокальной позиции между словами внутри синтагмы. Нет принципиальных различий и в остальных параметрах: во многих языках происходят и элизия увулярных, билабиальных или лабиодентальных на шве между

ред «новыми» *i*, *u* латеральный не превращается в альвеолярный (педи, иногда тсвана). Эти явления показывают, что каждый фонетический закон, действующий в синхронии, имеет собственную хронологию: одни законы возникли раньше, другие позже; например, закон гармонии гласных, функционирующий на стыке префикса и корня, сформировался на том этапе развития языков банту, когда тип артикуляции среднеязычных обуславливался степенью закрытости следующего за ними гласного и еще не образовалось структурное целое из префикса и корня (элементы оставались самостоятельными единицами, превращение гласных *e*, *o* в *i*, *u* поэтому еще не происходило, артикулирование альвеолярного вместо латерального не имело места).

префиксом и корнем, и афреза слога *ni* в показателях 9–10-го кл., и озвончение глухих велярных, попадающих в начало слога при объединении префикса и корня, и слияние гласных, – по законам, определяемым спецификой каждого языка, но единообразно действующим между словами и между морфемами. Например, в чева этот закон проявляется в том, что одинаковые гласные либо непосредственно связываются, либо соединяются при посредстве полугласных, либо один из гласных элизируется; различные гласные или следуют друг за другом, сохраняя свое качество (*ai*, *ai* и т. д.), или сливаются в новый гласный (*βa + tni* → *βéni* 'владельцы'), или первый из гласных превращается в гоморганый полугласный (*u + a* → *wa*, *i + a* → *ya* и т. п.). Та же закономерность наблюдается в ньанджа, мвера, чева и других языках, только реализуется она по-разному (ср. в ньанджа *i + o* → *o*; в мвера *e + o* → *o*; в чева *ε + u* → *o*). В ламба одинаковые гласные стягиваются в долгий или соединяются при посредстве полугласного. Поведение различных гласных отличается от ситуации в чева тем, что из цепочек гласных образуются дифтонгоиды. Управляет процессом связывания гласных просодика: если первый из двух гласных долгий, ударный и иного тона, чем второй, они связываются через посредника – гоморганый полугласный (*awu*); если первый гласный безударный и оба гласных имеют различный тон, первый гласный превращается в полугласный (*ye*); если оба гласных имеют одинаковый или однонаправленный тон и второй гласный или оба являются безударными, происходит контракция гласных (*a + u* → *o*). В суахили два одинаковых гласных с одинаковым тоном или тоновым контуром ВН (В – высокая тонема, Н – низкая) сохраняются, а с тоновым контуром НВ при ударном втором гласном и безударном первом сокращаются (*ââ* → *â*). Два одинаковых гласных, если ударение падает на первый гласный, не изменяются и следуют друг за другом; если ударение падает на второй гласный, их цепочка имеет тоновый контур ВН и второй гласный является более закрытым, чем первый, образуются нисходящие дифтонги (*iè*, *îâ*, *îd* и т. д.); при тоновом контуре НВ с более закрытым вторым гласным возникают восходящие дифтонги (*âí*, *âè* и т. п.). В куриа одинаковые гласные сливаются в долгий, различные либо ассимилируются (*a + o* → *oo*), либо не изменяются (образуются дифтонги *io*, *ie*, *ai*), либо выпадают (*o + e* → *o*). Ассимилироваться могут гласные не только префикса, но и основы. Определяющим является степень раствора гласного (широкораствор-

ные гласные коррелируют с широкорастворными, а узкорастворные – с узкорастворными). Аналогичный закон префиксного сингармонизма действует и в других северо-восточных языках банту, одним из которых является куриа. В ганда на стыке префикса и основы одинаковые фонемы соединяются, а различные (кроме *a*) подвергаются девокализации; префиксное *u* перед корневыми *a, e, i, o* превращается в гоморганный полугласный *w* (исключение: *olu-* + *-iso* → *oluuso*); префиксное *i* перед *a, e, o, u* вызывает йотирование корневой инициали (исключение: *ezi-* + *-ana* → *ezaana*), префиксное *a* уподобляется корневому *e, o, u* или, наоборот, уподобляет себе корневое *i* (*ama-* + *-iso* → *amaaso*). В букусу происходит частичное или полное уподобление префиксных гласных корневым, наряду с контракцией и превращением одного гласного в гоморганный по отношению к нему полугласный на фоне пролонгизации второго гласного (тональный рисунок гласных при этом сохраняется). В кела (один из западных языков) одинаковые гласные пролонгизируются, сохраняя тон (*bà-* + *-àtà* → *bààtà* → *bà:tà* → '*утку*', *bò-* + *-òdó* → *bòòdó* → *bòdó* '*сила*'), префиксный гласный либо опускается, либо превращается в гоморганный полугласный (*dì-* + *-àtà* → *dỳ:tà* '*утка*'), либо сохраняется (между ним и корневым гласным появляется полугласный). При этом высота подъема корневого гласного и степень его раствора определяют соответствующие параметры префиксного гласного. Кроме того, префиксный билабиальный согласный перед корневым гласным *e* превращается в полугласный, гоморганный префиксному гласному (*bò-* + *-ědà* → *wedà* '*хвост*', *bè-* + *-ěsé* → *yè:sè* '*костю*').

При столкновении двух гласных в юго-восточных языках, если в непосредственном контакте оказываются два одинаковых гласных, они произносятся друг за другом, каждый со своим тоном и ударением: *tudzidzi* '*новичок*', *kureeteka* '*говорить*' в зезуру; *khoorò* '*старая курица*', *k'ut'eererà* '*следовать*' в ндау. В отдельных случаях между ними может вставляться эвфонический полугласный: *ukwakhayakha* '*непрекращающееся строительство*' в зулу. Если встречаются гласные разного тона, образуется гласный глайдового типа: *ǿrà* '*давно*' в ндау, *íkali* '*оружие*' в зулу. Если объединяются два различных гласных, они либо остаются неизменными, либо с ними происходят следующие превращения: *a + i* → *ai*, *a, e, e* (в южных диалектах судо: *ma-* + *-inɔ* → *mainɔ*, *tenɔ* '*зубы*', *ma-* + *-ilɔ* → *mailɔ*, *malɔ* '*глаза*'; в зулу: *na-* + *indoda* → *nendoda* '*с мужчиной*'); *a + e* → *ae, aye, e, e, ē* (в тсвана: *paġa* '*давать*' – *ne* '*подарок*', *ba* + *eŋ* → *beŋ* '*хозяйева*'; в зу-

лу: *ба-* + *-enza* → *бенза* 'они делают', где *б* – имплозивный билабиальный согласный; *ikwenza* + *-enza* → *ikwenzaenza* 'непрекращающаяся деятельность'); *a* + *o* → *ao*, *ayo*, *ō* (в зулу: *аобаба* 'наши отцы', *иквонауона* 'постоянно наносимый ущерб, вред, неприятности, оскорбления', *ба-* + *-опа* → *бōпа* 'они портят'); *a* + *u* → *au*, *u*, *o*; *e* + *Г* → *yГ*, *a*, *o*; *o* + *Г* → *oГ*, *wГ*; *u* + *Г* → *uГ*, *yГ*, *wГ*, *o*; *i* + *Г* → *yГ*, *Г* (*Г* – любой гласный). Если два гласных не сливаются в один, каждый гласный сохраняет тон и способность к слогаобразованию. Если второй гласный произносится низким тоном, а первый высоким, оба гласных артикулируются отдельно, но, если второй гласный имеет нисходящий тон, могут образовываться дифтонги; например, в зезуру и маньика встречаются дифтонги *ōi*, *āi* (*mhōi* 'страус' в зезуру на фоне *mhōi* в остальных диалектах шона; *zōi* 'слон' в каранга – *nzōi* в зезуру; *māi* 'мать' в зезуру и маньика и т. п.). Случаи этого типа для юго-восточных языков не типичны, значительно чаще представлены ситуации, когда каждый гласный сохраняет свое качество и является в слогe самым стабильным элементом.

То же наблюдается в языках других зон. «Контракции очень редки в каранга (и, вероятно, во всех языках банту). Фактически они происходят только в случае присоединения проклитик или в случае конечного *a* глаголов перед энклитиками. Они никогда не встречаются в середине слова. Если согласный опускается между двумя гласными, что происходит довольно часто, два гласных не соединяются в один новый звук большей длительности, а каждый гласный сохраняет свое качество и остается самим собой, количество слогов не изменяется. Гласные – это наиболее устойчивый элемент в фонетике банту»¹.

Это мнение является косвенным подтверждением того, что, когда на стыке префиксов и корней наблюдается контракция гласных, происходит объединение клитик (частиц, служебных слов) и лексем как элементов, каждый из которых имеет или имел в прошлом статус суверенного слова, т. е. ситуация «внутри, слова» восходит к ситуации «между словами внутри синтагмы».

3. Историческая суверенность именных префиксов, в сфере которых действуют описанные выше законы, подтверждается и другими особенностями функционирования микросинтагм, связываемых швом между именным показателем и корнем. Так, в кете (од-

¹ F. A. Marconnès. A grammar of central Karanga, the language of old Monomotapa, as at present spoken in central Mashonaland. S. Rhodesia. Witwatersrand, 1931. P. 24 (перевод мой – Л. С.).

ном из центральных языков) слева от этого шва функционируют открытые слоги, справа – закрытые или полузакрытые (*omi-nfw* 'человек', *om'-ka* 'женщина', *o-m'-thond* 'дерево', *iri:-n* 'зуб', *itsi-u* 'дверь', *okà-bw* 'собака', *owâ:-t* 'каное', *râ-ndz* 'в краале' и т. п.), т. е. префикс и корень имеют различную силлабическую структуру и противопоставлены друг другу как два класса силлабем (слова одного класса имеют вокалическую финаль, второго – консонантную). Слогораздел между префиксом и корнем представлен и в других языках. Так, в ганда не бывает в префиксах долгих фонем, хотя в корнях они функционируют повсеместно – не только гласные, но и согласные. В корнях в любых позициях встречаются все гласные, имеющиеся в ганда: *a*, *e*, *i*, *o*, *u* и их аллофоны; в префиксах в предкорневой позиции, кроме полугласных, могут стоять только гласные *a*, *i*, *u*, в инициальной позиции – только *a*, *e*, *o*.

По мнению Мейнхофа¹, подтверждаемому современными данными, более древними были гласные *a*, *i*, *u*, более новыми – *e*, *o* (последние возникли в результате коалесценции цепочек первых), причем гласный *a* является наиболее стабильным во всем ареале языков банту (независимо от степени архаичности языковых единиц, в состав которых он входит). Поэтому гласный *a* не является диагностическим для определения «возраста» морфемы или слога, а остальные гласные могут использоваться в этих целях. Применительно к описанному случаю, указанная выше дистрибуция гласных относительно морфемного шва свидетельствует, что вблизи корня функционируют «старые» гласные, а вдали от него – «новые» и что аугмент в инициали префикса возник на более позднем этапе, чем произошло объединение корня и именного показателя (ср. позицию аугмента с позицией пре-префикса, о которой шла речь выше). О вторичности аугмента говорят и явления сингармонизма, обуславливающего функционирование инициального гласного в зависимости от широты раствора, высоты подъема, ряда и огубленности предкорневого гласного: если перед корнем стоит *a*, инициальным является также *a*, если *i* – инициальным *e*, если *u* – инициальным *o* (ср. *aba-*, *ama-*, *aka-*, *aga-*, *awa-*, *emi-*, *eli-*, *eki-*, *ebi-*, *ezi-*, *omi-*, *olu-*, *otu-*, *obu-*, *oku-*, *ogu-*). Это показывает, что способ артикуляции аугмента полностью определяется артикуляцией предкорневого глас-

¹ C. Meinhof, N. J. Warmelo. Introduction to the Phonology of the Bantu Languages. Berlin, 1932. P. 23.

ного и что этап произнесения аугмента является подготовительным к артикуляции предкорневого гласного. Таким образом, слева от шва возникает дистрибутивность гласных и избирательность функционирования по отношению друг к другу, справа нет. Это подчеркивает соотносительность языковых единиц, находящихся слева и справа от шва, с различными классами силлабем и фиксирует различный возраст морфем, возникших из этих силлабем.

О суверенности силлабем говорят и иные факты – просодического порядка. Известно¹, что если импловзивная группа является непрерывной, в инициали должен стоять гласный меньшего раствора, чем в финали, поэтому в группе, состоящей из префиксного и корневого гласного, в числе префиксных гласных не может появляться *a*. Тем не менее, он функционирует. С другой стороны, если экспловзивная группа является непрерывной, в инициали должен стоять гласный большего раствора, чем в финали, и префиксным гласным не может быть *i* или *u*, однако они, как показано выше, функционируют. Из этого следует, что группа, состоящая из финали префикса и инициали корня, не является непрерывной, т. е. между префиксом и корнем проходит слогораздел, и если слева от шва артикулируется импловзивный гласный, то справа – экспловзивный, и наоборот. Объединение исторически различных силлабем в единое целое приводит к возникновению и развитию фузионных тенденций (превращению разрывных групп в непрерывные и ассимиляции на фонем на шве).

Столь же самостоятельным является регистровое оформление силлабем слева и справа от шва. Так, было отмечено, что в монго на стыке слов их фонемные характеристики изменяются, а тональные нет. Аналогичные явления наблюдаются на шве префикса и корня. Каждый из этих элементов имеет собственное не только фонемное, но и регистровое оформление, причем фонемное подвергается модификации, а тонемное – практически нет. То же наблюдается в ганда. Здесь префиксы начинаются с низкой тонемы, корни – с высокой. Префиксные гласные являются неинтенсивными, безударными, краткими, ровного низкого тона, а первый гласный корня – и наиболее интенсивным, и ударным. Эти характеристики также свидетельствуют о противопоставленности префикса и корня как двух

¹ Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 90–93.

различных классов силлабем, исторически восходящих к отдельным словам. Сравнение ганда с кете показывает, что в кете доминирующими оказались тенденции, которые привели к противопоставлению префиксной и корневой силлабем по силлабо-фонемным признакам, а в ганда – по регистрово-фонемным. Каждый язык прошел свой собственный исторический: путь, обусловивший облик звуковой структуры. Этот путь определяется направленностью артикуляционных изменений, закреплявшихся в языковом коллективе и приведших к тому, что в обоих коллективах синтагма стала артикулироваться в виде одного слова, но переход от разрывной артикуляции к связной осуществился по-разному, – в зависимости от того, какие артикуляционные факторы стали более важными для членов каждого речевого коллектива.

Самостоятельность просодического статуса каждой из частей слева и справа от шва наблюдается во всех языках банту, но проявляется по-разному. В букусу историческая суверенность префикса и корня отразилась на том, что каждый из этих классов силлабем имеет специфическое регистровое оформление: префиксам свойственны инициали только низкого регистра, корням – обоих регистров. В суто-тсвана префиксы обладают средним тоном, основы – различными тоновыми контурами (как правило, глайдовыми). В зулу префиксы характеризуются высоким или средним тоном (корни имеют многообразные контуры), в к'оса – восходящим или нисходящим, в луба-касаи – высоким (низкий тон представлен лишь в заимствованиях, что подчеркивает их появление в языке после того, как возникла регистровая противопоставленность префиксов и корней на основе данной оппозиции)¹. В ламба префиксы как класс силлабем отличает наличие только узких и широких гласных (*i, u, a*), – гласные *e, ε, ə, o* в показателях именных классов не встречаются, и т. д.

Не менее заметна тембровая независимость элементов слева и справа от шва, Например, один из них может артикулироваться основным тоном, второй – с обертоном или каждый со своим обертоном, подобно синтагме, состоящей из отдельных слов. Так, корень произносится при активизации назального резонатора, а префикс

¹ Префиксы именных классов в этом отношении сходны с глагольными корнями, начинающимися на гласный (существительные имеют разнообразные тоновые контуры).

именного класса – при его пассивном положении в кете. В нем многие показатели именных классов артикулируются с фарингальным обертоном, а корни – нет; независимо от наличия или отсутствия фарингального обертона в корне веляризируются показатели 1, 3, 5, 11, 14 и 16-го кл. в рунди, 1, 3 и 16-го кл. в сукума и т. д. Анализ соотношения назализации и слоговой структуры в юго-западных языках показывает, что в регионе мбунду назальным обертоном характеризуется, в основном, финаль существительного (ударный и первый заударный слог, а иногда и второй заударный, если ударение падает на предпоследний слог). Так, в нано середины XIX в. примерно у 33 % существительных с назализованными гласными и согласными (всего насчитывается около 2/3 таких существительных в материалах по нано¹, остальные существительные назальных не содержат) назализован только последний слог, у 28 % – предпоследний, у 25 % – последний и предпоследний, у 10 % – финаль слова (последний, предпоследний или оба при наличии предупредительной назализации) и лишь у 4 % – только инициаль слова, т. е. у 96 % существительных, содержащих назальные, зафиксирована назализация справа от морфемного шва между префиксом и корнем и только у 4 % – слева от него. Существительные, у которых назализация представлена равномерно вправо и влево от шва составляют 10 %. Это свидетельствует, что некогда префикс и корень имели самостоятельные тембровые окраски, причем доминантой корня был назальный обертон, а префиксы этим свойством не обладали (у 96 % существительных с реликтами назального обертона его следы представлены в корне). Фарингальный обертон чаще всего имеет вид циркумфлексной рамки вокруг корня, т. е. выделяет префикс и суффикс, которые соответственно возводятся к проклитике и энклитике². Это позволяет предположить, что знаменательные и служебные слова в языке, из которого развились архаические диалекты нано, имели тембровое противостояние: знаменательные силлабемы, ставшие впоследствии корнями существительных, произносились с назальным обертоном, а служебные слова, обслуживающие их, – с фарингальным обертоном или основным тоном без обертонов. Отсюда следует, что префиксы именные классы, в составе ко-

¹ I. Fodor. Introduction to the history of Umbundu: L. Magyar's records (1859) and the later sources. Budapest, 1983.

² Л. З. Сова. Эволюция грамматического строя в языках банту. Ленинград, 1987. С. 312 и сл.

торых есть назальные, имеют иную природу, чем префиксы без назальных: вторые восходят к служебным частицам, а первые – либо к полнозначным лексемам («протосуществительным»), либо к проклитикам, развившимся из просодем и представлявшим собой «сгустки» назального тона, «осевшие» на инициалах корней в виде самостоятельных фонем и слогов с назальными. Примером показателя именного класса, восходящего к полнозначному слову, является формант 6-го класса *ta-* и его алломорфы в различных языках¹; просодемная природа прослеживается у гоморганных назальных показателей 9-го кл. *A'*.

Наличие просодической и фонологической самостоятельности у элементов слева и справа от шва подтверждается и другими фактами. Еще недавно показатели именных классов при записи текстов на языках банту исследователями фиксировались отдельно от основ существительных. Это объясняется не только тем, что письмо вводилось носителями индоевропейских языков, которые в ряде случаев отождествляли показатели классов с артиклями, предлогами или иными служебными словами из известных им языков, а и тем, что интонационная отделимость показателей классов, когда осуществлялся переход от устной речи к письменной, была сильнее, чем теперь. Слитное написание показателей классов с корнями существительных усилило процесс их интеграции в единое целое. О том, что именно этот процесс происходит в языках банту, говорит комплекс явлений, вызывающих превращение агглютинативной техники в фузию на шве между префиксом и корнем. Связь между равноправными членами, наблюдаемая в случаях, когда каждый из элементов является самостоятельным словом, постепенно заменяется связью между неравноправными в синтагматическом отношении элементами. Одна силлабема становится главной, вторая – зависимой, и звуковой облик главной подчиняет себе звуковой облик зависимой. Это сказывается на направленности ассимилирующих тенденций: если сначала оба элемента взаимосогласовываются по интонационно-фонетической структуре (в одних отношениях проклитика подчиняет себе корень, в других – корень проклитику), то с усилением неравноправия ослабляется влияние проклитики на корень, и ее звуковой облик начинает играть все меньшую роль в формировании звукового облика корня. Произношение проклитики все больше

¹ Там же. С. 319–323.

превращается в подготовительный этап к артикуляции; корня, что и наблюдается в современных языках банту¹. Поэтому регрессивная ассимиляция, при которой префикс изменяется под воздействием корня, воспринимается во всех языках как развивающаяся, а прогрессивная, вызывающая модификацию корня, становится все более редкой и начинает казаться анахронизмом (ср. глобальность правила о регрессивной ассимиляции гласных в ганда и единичность исключения из этого правила, свидетельствующих об остатках бывшего влияния, распространявшегося с префикса на корень).

Эти исключения подсказывают, что проклитики, на базе которых сформировались данные префиксы, относятся к наиболее древнему слою системы классных показателей в ганда: *lu-*, *ka-*, *ga-*, *ma-*, *zi-*². С другим примером таких реликтовых явлений исследователь сталкивается в мпонге. Здесь представлены две разновидности пары префиксов *ɔ-* – *i-*: одна пара состоит из безударных формантов (ударение при связи с ними падает на основу), которые служат показателями 3–4-го кл. и присоединение которых к корням не сказывается на их фонетическом облике; например: *ɔ-tɔndɔ* 'корзина' – *itɔndɔ* 'корзины' (мн. ч.). Вторая пара состоит из показателей 11–19-го кл. Эти префиксы являются ударными, и их артикуляция влияет на произношение следующих за ними корней: после префикса *ɔ-* артикулируются в инициалах основ *β*, *r*, *γ*, *m'*, *n'*, *l*, *y*, *v*, *z*, *ω*, а после *i-* – их десоноризованные, оглушенные и деспирантизованные варианты *p*, *t*, *k*, *b*, *m*, *n*, *d*, *j*, *f*, *s* (здесь *β* – билабиальный звонкий фрикативный, *γ* – увулярный звонкий фрикативный, *ω* – лабиовелярный, *m'*, *n'* – фрикативные назальные).

Таким образом, интонационно-фонетическая обособленность префикса и корня, имевшая место в прошлом, разрушается процессами, возникающими вследствие их постоянного соположения друг с другом и использования в виде единого целого. Совместное функционирование обеих силлабем и превращение доминанции полнозначного слова над служебным в доминанцию главной части слова (корня) над второстепенной (грамматическим формантом) изменяют характер процессов ассимиляции, происходящих на шве. Теряя самостоятельность, первая силлабема постепенно лишается мощности своего энергетического потенциала – присущих ей интонационных и фонетических характеристик. Вместе с этим ослабевают все

¹ Там же. С. 316.

² Там же. С. 96.

разновидности ее влияния на вторую syllabemu и, наоборот, усиливается зависимость от более мощного в интонационном, фонетическом и категориальном плане соседа. В итоге доминирующей становится вторая syllabema, и первая превращается в ее сателлит.

Одновременное уподобление основе вокализма и консонантизма префикса наблюдается во всех языках банту. Подготовка к артикуляции инициального согласного основы начинается задолго до произнесения префикса и обычно определяет его форму, – в зависимости от степени углубленности корневой инициали осуществляется продвижение назад артикуляционных органов перед произнесением префикса, поэтому в нем появляется тот или иной звук, удобный для артикуляции основы членами речевого коллектива. Это повсеместно зарегистрировано в сфере показателей предметных классов с сонорными согласными – назальными (1-й, 3-й, 4-й, 6-й, 9-й, 10-й кл.) и латеральными (5-й и 11-й), а во многих языках – и с другими согласными. Наибольшее разнообразие алломорфов представлено среди показателей ед. числа у формантов 5-го и 7-го кл. (соответственно 124 и 128 формантов). Например, в качестве показателей 5-го кл. употребляются префиксы: *li-*, *di-*, *d↓i-*, *ji-*, *zi-*, *ti-*, *ni-*, *ri-*, *idy-*, *iry-*, *ili-*, *eli-*, *iri-*, *eri-*, *izi-*, *edi-*, *eti-*, *ɛ̀ni-*, *l-*, *ly-*, *d-*, *dy-*, *d↓-*, *j-* и т. д. Их выбор в преимущественном большинстве случаев определяется требованиями основы (в единичных примерах обусловлен причинами исторического порядка или взаимодействием фонем внутри префикса).

Так, в эвондо перед основами на гласный переднего ряда *i* показателем 5-го кл. является префикс *dy-* (*dís* 'глаз'), перед основами на палатальный полугласный – *dz-* (*dzóm* 'вещь', ср. *byém* 'вещи', мн. ч.), перед основами на велярные согласные *æ-* (*ækoŋ* 'копье'). Подготовка к артикуляции инициального согласного основы начинается с произнесения префикса, и его форма зависит от степени углубленности корневой инициали и продвижения артикуляционных органов. Образование алломорфов становится понятным, как только мы вспоминаем, что все они являются вариантами ретрофлексного звука, по-разному произносимого носителями языков и диалектов банту. Ретрофлексный звук, который сам по себе имеет низкий тембр благодаря большому объему ротового резонатора (за счет значительного опущения спинки языка вниз и сильной изогнутости вверх верхнего нёба), при углублении артикуляции перед произношением

заднеязычного *k* (более глубокого, чем ретрофлексная фонема *r* или ее аллофоны) превращается в звук *æ*, характеризующийся еще большим объемом ротового резонатора благодаря еще более низкому положению языка при схожем профиле верхнего нёба. Влияние артикуляции гласного *i* на формирование предыдущего звука состоит в том, что вся масса языка продвигается вперед при одновременном подъеме его средней части, и ретрофлексный звук, наблюдаемый в других языках банту в составе показателей 5-го кл., приобретает в эвондо *d*-образный характер (отмечается, что при артикуляции префикса в слове *dis* сначала происходит продвижение кончика языка к зубам, а затем образуется *r*-образный звук)¹. При артикуляции полугласного *y* средняя часть языка прижимается к нёбу, а кончик передней части опускается к альвеолам, подготовка к этой артикуляции вызывает превращение ретрофлексного *r* в альвеолярный *dz*-образный звук. Аналогичные явления наблюдаются и в остальных языках. Например, в дуала перед основами на *i* образуется префикс *dy-*, посредством которого ретрофлексный звук *r* приближается по артикуляции к гласному *i* (*dīsò* 'глаз'); перед основами на *a* – префикс *l-*, который произносится наподобие имплозивного *d-* (*lambò* 'вещь'); перед основами на *o* – префикс *y* (*yongó* 'копьё'); перед билабиальными, палатальными и велярными согласными – *dj-* (*djǒbò* 'наук', *djyo* 'якорь', *djǫbè* 'банан'); перед дентальными согласными – *ɸ* (*tɔǐ* 'ухο'); наличие узкорастворных гласных *i*, *ɥ* в инициали основы или назального согласного обуславливает появление эксплозивного варианта ретрофлексного звука (в виде *r*-образного *d*), а исходы основ с гласным более широкого раствора определяют имплозивное образование префиксной инициали; в силу этого *r*, *l*, *d* различаются только позиционно и являются вариантами одной и той же фонемы, которая в одних языках регистрируется как ретрофлексное *r* (бубе, кее), в других – как *l* (лунда, дуала, оли), в третьих – как эксплозивное или имплозивное *d*.

Подобно северо-западному обстоит дело в юго-восточном регионе. Так, перед *i*, *ɥ* в тсвана и педи артикулируется *d*-образная многоударная фонема, которая воспринимается европейцами как *l*, *r* или *d*. Как и в северо-западных языках, она может заменяться назальной фонемой *n*; в южных диалектах суто вариантом ретрофлексного *r* является церебральный двухфокусник *gd* или имплозив-

¹ Н. Nekes. Die Sprache der Jaunde in Kamerun. Berlin, 1913. S. 7.

ное альвеолярное *d*; в диалектах Зимбабве функционируют плавный континуант *l* и многоударное дрожащее *l*, в центральных диалектах шона – одноударное и многоударное *r*, а в западных диалектах представлены все эти фонемы (например, в санга есть латеральный континуант, одноударный и многоударный вибрант). В зависимости от особенностей артикуляции, свойственных каждому языку, эти фонемы произносятся как различные альвеолярные, дентальные, латеральные, ретрофлексные, палатальные одноударные и многоударные моно- или бифокусники, произношение которых является результатом приспособления органов речи к артикуляции корневой инициали. Вариативность одноударных и многоударных *l* и *r* отмечается и в других языковых зонах; например, в ламба (центральная зона) функционируют одноударный и многоударный латеральные (боковой многоударный звучит наподобие различных фонем – *l*, *r* или *d* в зависимости от окружения и соответствует многоударному вибранту в других языках). В ньянджа вибрант артикулируется в виде латерального перед *e*, *i*. В его соседях чева и мабиха эта закономерность не проявляется (в мабиха есть только *l*, вибранта нет). В квангари вибрант перед *i* превращается в многоударный дрожащий латеральный, а перед *y* – в одноударный и т. д. и т. п.

Зависимость префикса от основы проявляется в изменении не только его фонемного состава, но и в модификации супraseгментных характеристик. Так, в языках суто-тсвана, где в изолированном употреблении префиксы имеют средний тон, их тон изменяется в зависимости от тона основы. Стыковка префикса и основы в одних языках идет по линии ассонанса тоном, в других – диссонанса. Например, в букусу префиксы с низкой финалью присоединяются к основам с низкой же инициальнойю, а в ганда и к'оса – наоборот: монотонные префиксы коррелируют с глайдовыми основами, а глайдовые префиксы – с основами ровного тона (ганда), и низкая финаль префикса сочетается с высокой инициальнойю основы, а высокая финаль префикса – с низкой инициальнойю основы (к'оса).

Особенно разнообразными являются ситуации приспособления префикса к основе в случае активизации назального резонатора. Во всех языках представлено явление, которое известно как возникновение гоморганных назальных в показателях классов и которое состоит в том, что артикуляция префиксного согласного повторяет по месту образования артикуляцию инициального согласного основы,

а по тембру отличается от него активизацией назального резонатора. В итоге перед основами на билабиальный согласный в префиксе произносится билабиальный назальный *m*, перед основами на альвеолярный – *n*, перед основами на палатальный – *ny*, перед основами на велярный – *ŋ*. Спектр гоморганных неодинаков для всех языков. Стандартной является ситуация с названными четырьмя назальными (суахили, куриа, конго, букусу, ямба, мбунду, мбене, лунду и т. д.), но есть языки, где дифференцируются пять назальных (кроме стандартных, дентальный в нкоя и шона, лабиодентальный в нгуни и кукуя, билабиальный с дополнительной дентальной артикуляцией в ганда и аква, лабиовелярный в эвондо) и даже шесть (кроме стандартных, лабиодентальный и дентальный в квангари и ламба, билабиальный и альвеолярный с дополнительной фрикативной артикуляцией в мьене). Повсеместно гоморганные назальные зарегистрированы в показателях 9–10-го кл., но есть они также в формантах 1-го (мбене, лунду, мпонгве, галва, конго, кете, луяна, ньикюса, манганджа, яо, мабиха, мвера, маконде, маньика, каранга, ндау, каланга, лилима, венда, тсвана, педи, паи, пулана, кутсве, тонга, чопи, ронга), 2-го (кете), 3-го (мпонгве, галва, конго, мбене, лунду, аква, сафва, ньикюса, манда, манганджа, яо, матенго, нсенга, матумби, мабиха, макуа, ломве, маконде, мвера, сена, тонга, тсва, тсонга, ронга, чопи, маньика, каранга, каланга, лилима, венда, педи, паи, пулана, кутсве), 4-го (мпонгве, галва, мбене, конго, педи, пулана, кутсве, тсва, ронга), 5-го (мпонгве, галва), 6-го (ямбаса, мпонгве, галва, педи) и 18-го (яо, мвера, мабиха, манганджа, тсва, ронга) классов.

Не менее обширны и случаи изменения инициали основы под воздействием префиксов, в состав которых входят назальные. Например, в луба-касаи глухой билабиальный взрывной артикулируется только при активном положении назального резонатора, в остальных случаях вместо него произносится звонкий лабиодентальный фрикативный *v*, поэтому присоединение к основе префикса, содержащего назальный, деспирантизует и оглушает ее инициаль. В луба-катанга в тех же условиях происходит только деспирантизация инициали и вместо глухого билабиального взрывного (*p*) возникает глухой же билабиальный спирант. Балуба, живущие в Лубилаши, Ломами и Танганьике, в этих случаях произносят вместо *p* глухой велярный спирант, т. е., кроме спирантизации, происходит веляризация согласного в результате углубления артикуляции. В квангари

вместо *p* появляется аспирированный билабиальный или фарингализованный билабиальный, который вместе с назальным фиксируется с помощью одной из композит: *mph*, *mhp*, *mhp^h*, что также является результатом углубления согласных и их спирализации. В суахили происходит аспирация основ с инициальными *p*, *t*, *k*, *ch*, относящихся к 9–10-му кл. (причина этой аспирации – активизация назального резонатора – на письме не отражается, и назальные, присутствующие в других языках перед аналогичными основами, не фиксируются из-за слабой активизации назального резонатора). Те же основы с неаспирированными инициалами рассматриваются как существительные 5–6-го кл. В букусу перед корнями на *f*, *s*, *x* назальные также не произносятся, а основы сохраняют свою инициаль. В остальных случаях происходят изменения инициального согласного, вызывающие его озвончение, десоноризацию и назализацию, в результате чего *r* превращается в *d*; *t* → *nd*; *c* → *nyj*; *p* → *mb*; *k* → *ηη* (с последующими модификациями: *nd* → *nn* → *n*; *nyj* → *nuny* → *ny*; *mb* → *mm* → *m*; *ηη* → *η*). В руанда присоединение к основам префиксов, содержащих назальные, приводит к превращениям: *p* → *mp^h*, *t* → *nt^h*, *k* → *nk^h*, *r* → *nd*, *l* → *nd* (остальные согласные не изменяются). В куриа аналогичные преобразования имеют вид: *b* → *mb*, *r* → *nd*, *h* → *n*, *m* → *m*, *n* → *n* (в заимствованиях также: *s* → *ns*); в южных диалектах суто: *h* → *kh*; *l* → *t*; *f* → *ph*; *j* → *ntj*, *tj*; *r* → *th*; в педи: *r* → *nth*, *th*; *b* → *mp*, *p*; *f* → *mph*, *mp*; *g* → *nkg*, *kg*; *ld* → *nt*, *t*; *h* → *nkh*, *kh*; в к'оса: *p* → *mp*; *f* → *mf*; *d* → *nd*; *ty* → *nyty*; *k* → *ηk*; в зулу: *ph* → *mp'*; *th* → *nt'*; *kh* → *ηk'*; *ch* → *nc*; *qh* → *nq*; *xh* → *nx*; *c* → *ngc*; *q* → *ngq*; *x* → *ngx*; *f* → *mf'*; *v* → *mv*; *s* → *nts'*; *z* → *ndz*; *f* → *nytf'*; *hl* → *ntl*; *dl* → *ndl*; *b* → *mb*; *w* → *w*; *y* → *y*, *ny*; *h* → *h*, *ηk'*; *hh* → *hh*, *ηg* (*c*, *q*, *x*, *gc*, *qq*, *gx* – кликсы) и т. д., и т. п. – в зависимости от особенностей артикуляции каждого языка и диалекта.

Таким образом, при связи основ с показателями, содержащими назальные, происходят процессы ассимиляции, идущие в двух направлениях – от основы к префиксу и от префикса к основе. Процессы первого типа, как отмечалось выше, являются более новыми, чем процессы второго типа. Единообразие процессов второго типа, их повсеместность и архаический характер делают назализацию явлением, особенно интересным для реконструкции протосистемы. В языках представлены неодинаковые результаты назализации: в одних случаях наиболее подверженным назализации оказывается консонантизм, во вторых – вокализм, в третьих – супraseгментные

признаки фонем. В возникающей многообразии явлений наиболее типичным является формирование композит согласных или сегментированных фонем, первым элементом которых является назальный (*mp, nt, nuj* и т. д.; – по этому пути пошли языки Конго, в которых зарегистрированы назальные варианты всех простых фонем, кроме сонорных), превращение неназального согласного в назальный (например, *b → m, d → n, k → ŋ* и т. д., аналогично рассмотренным выше иллюстрациям из языков Восточноафриканского побережья), появление слогообразующих назальных или отдельных слогов (инициальное слогообразующее *ŋ*, передаваемое на письме посредством *m'* во многих диалектах конго; слогообразующие назальные в инициалах основ существительных 4-го кл. после префикса *m̃-* в чева; финальные слогообразующие в юго-восточных языках; инициальные назальные полугласные в нгом), нуннация или назальный призвук (слабо различимое инициальное *n* в нсенга, которое, как считается, употребляется для благозвучия¹; артикуляция инициальных назальных, которые не регистрируются на письме в начале многих слов в холохоло), изменение артикуляции согласных помимо назализации (спирантизация и озвончение согласных в луба-касаи; спирантизация в луба-катанга; спирантизация и веляризация в луба; аспирация и веляризация в квангари; аспирация в суахили; озвончение и десоноризация в букусу; аспирация и десоноризация в руанда; аспирация, десоноризация, сегментация, деспирантизация и оглушение в результате продвижения артикуляции вперед в суто; эйективация, деаспирация, сегментация, эксплозивация (деимплозивация), озвончение и появление дополнительной артикуляции в зулу; изменение артикуляции соседних с *m, n* звуков в нсенга), назализация гласных (назализация гласных перед всеми назальными композитами в кете; назализация предкорневых гласных в ньянкоре, тотела (*om̃-*), ила (*m̃-, ĩ-*), чева (*m̃-*); тенденция к назализации следующих за *m* гласных, особенно *i, u* в суто-тсвана; префиксы, состоящие из назальных гласных в нгунгвел, бали, ндзиндзиу, фа', нгом и других северных и северо-западных языках; назализация гласных *a, i, e, u* под влиянием назального согласного, стоящего в предыдущем слоге, в ронга, в результате чего, например, слово *nkhĩsi* 'долина' звучит как [*nkhĩnsi*]; назализация гласных, происшедшая в XIX в. в бенгела, в силу которой, наряду с неназаль-

¹ A. C. Madan. Senga handbook. Oxford, 1905. P. 8.

ными, существовали семь самостоятельных назальных гласных, которые впоследствии из языка исчезли), превращение назальных гласных в композиты, состоящие из гласных и назальных согласных, закрывающих слог (см. показатели 6-го кл. *am-*, *an-*, *añ-* в ямба; появление в локативах особого финального слога, заканчивающегося на назальный согласный в юго-восточных языках) и т. д. Столь же многообразной может быть и локализованность назализации – назализация в инициали слова в одном языке может соответствовать назализации финали его эквивалента в другом, инициали и финали – в третьем, центральной части – в четвертом, всего слова целиком – в пятом и т. д.

4. Сравнение данных о распределении гласных и согласных назальных фонем относительно частей одного и того же слова в различных языках показывает, что все перечисленные, на первый взгляд, разнородные факты являются рефлексамии одной и той же ситуации – существовавшей некогда активизации назального резонатора при артикуляции корней, впоследствии развившихся в существительные. Активизация резонатора происходила до филиации протоязыка на диалекты, поэтому все языки сохранили реликты описываемых явлений. В процессе филиации протосистемы возникали особенности артикуляции, регистрируемые ныне у каждого речевого коллектива и отличающие его от соседей. В частности, такая дифференциация протоязыка на диалекты осуществлялась благодаря различному использованию назального резонатора. При активизации назального резонатора можно зафиксировать множество состояний, незначительно отличающихся друг от друга по положению артикуляционных органов, но приводящих к неодинаковым результатам речевой деятельности. Увеличивая или уменьшая силу и время активизации назального резонатора, а также изменяя моменты включения резонатора относительно цепочек силлабем, можно произвести все то многообразие языковых форм, о котором шла речь выше. Например, считая образование самостоятельной назальной фонемы результатом наиболее мощной активизации назального резонатора, появление назальной «части» сегментированной фонемы можно рассматривать как ослабление мощности резонатора, отсутствие назализации в слове при наличии иных изменений, вызываемых назальным резонатором, – как еще более слабую фазу назализации и т. д. Аналогично: охват назализацией всех слогов является свидетельством наибольшей длительности активизации

ции резонатора; сокращение количества назализованных слогов указывает на угасание процесса. В качестве иллюстраций можно привести следующие серии слов с одним и тем же значением из различных диалектов нано: *n'kasi – mukaye – ukāŋi – ukāi – ukai* 'замужняя женщина, жена'; *-nyanra – -nyá:'ra – -nyala – -fala – -ala* 'ноготь'; *enyuno – enyūŋ – enyulu – eny'ōru – enhulu – eúhúro – disul* 'нос'; *sonyi – sonhe – ossoin – osōyi – osohi* 'смыд'; *kuana – kwana – kũā:rā – kwāla* 'четыре'; *enyānya – eyāyā* 'скорпион'; *tame – māyi – māe – māi – mai-mae* 'мать'; *-nyíhí – -nyihí – -nhí – -nhique* 'пчела'; *inani – imánu – manu – nantu – mantá* 'дядя'; *-kumi – kuin – kunyi – kuinhle – kwĩ* 'десять'; *ngolo – ngonlo* 'колени'; *onusi – nunci* 'антлопа'; *mundjla – ongyila – mongira – ondyilla – njila – onjila – onghira – ondjila* 'дороба'.

Наиболее сильно назализация происходила в диалектах XIX в. бенгера и бенгела. Действие назального резонатора охватывало не только отдельные слоги, но и все слово в целом. В остальных диалектах назализовалась, как правило, только ударная и заударная часть слова. В современном мбунду назализуется преимущественно ударный или заударный гласный (ср. *enyūŋ*) в бенгера – *enyulu*, *enhulu* в совр. нано; *ɛrunyāra* в бенгера – *ólonyanra* в хаМбундо – *olonyále* в нано и т. д.). Общей закономерностью является затухание заударной и предупредительной назализации, сосредоточение ее на одном (последнем или предпоследнем) слоге и превращение из фонологического фактора в супrasegmentный, – ср. примеры, в которых назализация материализована посредством назальных согласных (*kuáná*), со словами, где она выступает в роли назальной окраски гласных (*kwāla*). Как показывают приведенные иллюстрации, сила назализации, моменты и длительность «включения – выключения» резонатора, наличие или отсутствие преград, образуемых органами речи и специфика этих преград, если они возникают во время назализации, смысловозначительного значения в мбунду не имели и не имеют. Анализ минимальных пар в архаических диалектах мбунду, члены которых различаются наличием или отсутствием назализации в префиксе, показывает, что присоединение к корню назальной силлабемы, развившейся в префикс, является средством словообразования и что слово, снабженное назальной проклитикой, обозначает различные «неотчуждаемые принадлежности» реалий, регистрируемых посредством слов без назальных проклитик (болезнь:

otbumbi 'мошоночная грыжа' – *bumbi* 'человек с мошоночной грыжей', процесс выявления свойств реалий: *otbulungi* 'пытка ядом' – *bulongo* 'доза яда'; пространственную форму, существенный признак: *tukwallo* 'кинжал, меч' – *ikwalla* 'остролист', букв.: «растение с листьями-кинжалами»; *tukongo* 'никообразная рыба' – *ohunga* 'угорь', т. е. рыба, в качестве признака номинации которой в мбунду был зафиксирован фактор ее принадлежности к классу пикообразных рыб, и т. п.).

С помощью назализации говорящий как бы фиксирует две связи: одновременности и партитивности (с пространственно-временной точки зрения, неотчуждаемая принадлежность – то, что неотделимо от времени существования реалии и составляет ее часть в пространстве). Тем самым один предмет как бы закрепляется во времени и пространстве другого предмета, уже известного говорящему и выделенного из окружающих реалий до этого. Назализуя номинат, говорящий осуществляет локализацию его денотата во времени и пространстве уже известного ему денотата. Назализация выступает как средство конкретизации одной реалии путем соотнесения ее с другой реалией: сначала путем регистрации новой реалии в качестве объекта обладания старой реалией, а затем, с развитием пространственных и темпоральных представлений, – путем локализации новой реалии во времени и пространстве уже познанной реалии. Этот процесс передачи каждой новой реалии в чье-то обладание, введения нового в сферу уже познанного лежит у истоков субстантивации. Маркером процесса выступает назализация как обширный комплекс операций, вызывающих изменение формы исходного слова путем активизации назального резонатора. Повидимому, первоначально активизация резонатора была недифференцированной по времени, силе и соотношению с частями слова, практически все слово попадало в поток назализации и выходило из него с различными «метками» на всех слогах. Поскольку многие современные многосложные слова являются композитами древних моносиллабем¹, результатом их редупликации или более поздними образованиями, противопоставление назальной и неназальной частей в случае композит из древних моносиллабем служит свидетельством некогда возникшего морфемного шва: часть слова со следами

¹ Л. З. Сова. Эволюция грамматического строя в языках банту. Ленинград, 1987. С. 313 и т. д.

назализации соотносится с древним существительным, а часть слова без следов назализации – либо с более новыми напластованиями, либо с иной частью речи (глаголом или служебным словом).

То, что назализация является средством превращения основы в существительное (корня, силлабемы в самостоятельное слово), сигналом о том, что денотат наделен границами в окружающем его пространстве и принадлежит другому денотату, а номинат обладает теми же свойствами во внутреннем (языковом) времени-пространстве, подтверждается материалами всех языков банту. Например, в структуре преимущественного большинства существительных отмечаются назальные гласные или согласные, а также различные модификации вследствие активизации назального резонатора при артикуляции основ. Хотя вопрос о назализации основ существительных рассматривается бантуистами применительно к показателям 1, 3, 4, 6, 9, 10 и 18-го кл., т. е. к показателям, содержащим назальные, более внимательный анализ показывает, что многие префиксы 5, 7 и 11-го кл., на деле, являются пре-префиксами, которые наслоились на назальные префиксы или прилепы, возникшие в результате назализации инициалей основ. Во многих языках есть большой пласт лексем, при образовании пар ед. и мн. числа которых отмечаются различные нерегулярности (ср. пары ед. и мн. числа существительных 5-го кл. в южных диалектах *суто* и *педи*, где присоединение префикса мн. числа *di-* приводит к преобразованиям основы, свидетельствующим, что некогда здесь была инициаль, подвергавшаяся назализации: *leʃɔkwa* 'оханка сена', ед. ч. – *ditʃɔkwa*, мн. ч. в *суто*. Аналогично обстоит дело в парах ед. и мн. числа для существительных 11-го кл.: *loxopɔ* 'ребро' – *ɕikxopɔ* 'рёбра' в тсвана, *lerole* 'ныль', ед. ч. – *dithole*, мн. ч. в *педи*, а в отдельных случаях – для слов остальных классов: 7-го *sefuʒe ɕu* 'наук' – *ɕikhuʒe ɕu* 'науки' в тсвана и других языках, 12-го, 14-го и т. д.).

В ряде случаев оказывается, что даже показатели 1, 2, 3, 4, 6-го, не говоря о формантах 9–10-го и 18-го кл., являются не префиксами, а пре-префиксами, т. е. формантами, возникшими перед основой существительных после того, как их инициали были назализованы и «обросли» назальными. В частности, об этом свидетельствует серия слов со значением 'человек': *tonhi* в джонга – *thunhi* в ронга, *тохи* в хланангу, *unhi* в рожи и намбзья, *n:ɪ*, *nɪɪ* в каланга (со слогаобра-

зующим назальным в инициали), *ndhù* в талахундра, *n̄ thù* в лилима, *umuntu* в зулу и т. п.¹

5. Исследование проблем, связанных с активизацией назального резонатора, показывает, что в истории языков банту есть два типа назальных, которые противопоставлены друг другу по функциям и особенностям артикуляции, позволяющим возводить их к двум различным исходным образованиям. Одни назальные согласные могут обладать собственным тоном, изменять качество (тембр) и количество (долготу) соседнего гласного, быть слогообразующими и эквивалентами гласных, вторые этих признаков не имеют и по функциям не отличаются от остальных согласных. Эта оппозиция представлена с большей или меньшей силой во всех языках. Ее истоки относятся к протосистеме. Назальные первого типа зарегистрированы в префиксах и инициалах основ (или на древних швах), неотделимы от назального тона, имплозии и супрасегментных процессов. Назальные второго типа встречаются в корнях (предударном слоге, под ударением, в сопровождении долгих и интенсивных гласных). Назальные первого типа появляются сериями или цепями, имеют представителей в различных частях слова, могут пронизывать его как трансфикс или okayмлять как циркумфикс, т. е. имеют рассеянную по всем слогам локализацию и передают свое влияние на расстоянии. Назальные второго типа локализованы в каком-либо одном слоге и влияния на соседние слоги не оказывают. Назальные первого типа в различных языках имеют корреляты всевозможных структур – в виде согласных, гласных, полугласных, просодем или слогов; их артикуляцию характеризует нефиксированность места образования, поэтому их представители формируются в серии гомоганных звуков. Назальные второго типа имеют более четкий фонетический облик и стандартную артикуляцию. По-видимому, назальные, которые не имеют стабильных фонетических признаков, являются результатом материализации назальных просодем, а их антиподы развились из фонем. Однотипность во всех языках артикуляции и фонетического облика назальных, имеющих фонемное происхождение, указывает на то, что они восходят к протоязыку и существовали в нем до филиации протосистемы. Отсутствие стабильных признаков, общих для всех языков, региональная вариативность, свойственная назальным, происшедшим из «густков»

¹ Там же. С. 304 и др.

назального тона, говорят о том, что их возникновение относится к этапу после филиации протосистемы и выделения из нее диалектов, давших начало региональным образованиям, каждое из которых характеризуется специфическим набором присущих ему способов образования звуков (в том числе, превращения просодем в назальные фонемы первого типа).

По этому параметру префиксы именных классов, содержащие назальные, распределяются на две группы: 1) показатели 9–10-го кл., которые обладают характеристиками назальных первого типа и, значит, восходят к тонемам (назальному обертону); 2) показатели 1, 3, 4, 5, 6 и 18-го кл., которые в большинстве случаев произошли из служебных или полнозначных силлабем (изредка здесь представлены существительные, которые имеют префиксы, развившиеся из назальных тонем, на них указывают ряды гоморганных, которые зарегистрированы в кете, мабиха и других языках). Например, в ямба префиксы 1-го и 3-го кл. имеют низкий тон (подобно служебным словам), а 9–10-го кл. – высокий, и это тембровое противостояние еще сильнее подчеркивает их различный генезис. В мпонгве назальные первого типа образуют в префиксах ряды гоморганных вследствие регрессивной ассимиляции префикса основе; назальные второго типа, наоборот, вызывают прогрессивную ассимиляцию, при которой префикс подчиняет себе основу (об архаическом характере этой зависимости см. ниже). Так, после префикса 6-го кл. *ta-* инициальный согласный основы теряет спирантность и веларность, а также оглушается вследствие продвижения вперед артикуляции инициала основы и сближения ее с артикуляцией билабиального согласного в префиксе (*i-βaβa* 'крыло' – *at-paβa* 'крылья'); если в инициале основы стоит лабиовеларный полугласный, он превращается в билабиальный согласный, гоморганный префиксному *t*: *i-wéñj* 'зрудь' – *at-βéñj* 'зрудь', мн. ч.

О различной природе назальных во всех языках группы мьене, к которым относится и мпонгве, говорит также то, что в показателях 4, 5 и 6-го кл., содержащих реликты древних назальных фонем, наблюдаются назальные фрикативные, восходящие к архаическим многофокусникам. Наоборот, в показателях 9–10-го кл. функционируют только простые назальные (без дополнительной фрикативной артикуляции), т. е. фонемы, возникшие из просодем на том этапе, когда полифокальная артикуляция, происходившая в древности,

уступила место более новой – монофокусной, и многофокусность произношения заменилась политонией и богатством обертонов. О распаде многофокусников и возникновении на их основе различных монофонов, образующих ряды соответствий в различных языках, говорят данные всех регионов и, в первую очередь, корреляты из юго-восточных языков, в которых представлены рефлексы разнообразных ретрофлексных звуков, развившихся во всевозможные латеральные, вибранты, дентальные и альвеолярные, примеры которых приводились выше. Подтверждается языковыми фактами и всеобщность тенденции перехода от многофокусной артикуляции к многотембровой, наиболее ярким представителем которой явились назальный тон и назальные тоны, возникшие вследствие активизации назального резонатора.

3. Итак, в составе показателей классов выделяются префиксы, восходящие к тономам (форманты 9–10-го кл. с гоморганными назальными), служебным словам (форманты локативных и оценочных классов), долгое время остававшимся таковыми, и силлабам, некогда функционировавшим как суверенные служебные и знаменательные единицы языка, а затем превратившимся в препозиты существительных, и, наконец, префиксы (форманты остальных классов). Наиболее древним и самым близким к корню является слой материализованных тоном, затем следуют препозиты, ставшие префиксами. Наиболее удалены от корня элементы, которые последними были втянуты в структуру современного существительного – пре-префиксы и аугменты. Пространственная структура слова служит отражением хронологической упорядоченности этапов ее формирования вокруг корня, выступающего в роли центра, ядра, организатора структуры. Наличие назальных, являющихся реликтами тоном в инициалах корней существительных, отмечается во всех языках банту, особенно широко они представлены в показателях 9–10-го кл. Всеобщность этого явления свидетельствует, что оно относится к протосистеме. До филиации протосистемы начали функционировать в качестве препозит перед назализованными силлабам, которые были противопоставлены неназализованным силлабам, также и моносиллабам со служебным (к этому времени) значением, развившиеся впоследствии в показатели классов, представленные во всех регионах языков и имеющие одинаковую форму (с точностью до алломорфизма), т. е. показатели десяти предметных классов, отмечаемые во всех языках, где функционируют согласо-

вательные системы: 1–8, 11 и 14-го кл. Различия в процессах, происходящих на морфемном шве, свидетельствуют, что превращение препозит в префиксы произошло позднее (после распада протоязыка на диалекты). Префиксы остальных предметных классов проявляют меньшую однородность функционирования, ими характеризуются не все языки и регионы, поэтому они могут служить диагностическим признаком, помогающим выявить этапы процесса филиации протосистемы.

4. Например, исследование материалов по способам образования и употребления показателей 12-го кл. дает возможность разбить языки банту на два региона: прибрежные и континентальные. Прибрежные языки, к которым относятся языки атлантического побережья (зоны А, В у Гасри), Африканского Рога (зоны F, G и примыкающие к ним регионы языков С, Д, Е, М) и южноафриканского побережья Индийского океана (зона S)¹, характеризуются отсутствием *tu*-класса. Континентальные языки, в число которых входят языки центральной части бантуского ареала К, L, М с распространением во все стороны от центра – на запад Н, северо-запад (часть языков зоны С), север (часть языков зон Д и Е), восток (N, P), юго-восток (часть диалектов шона зоны S) и юго-запад (R), отличает наличие *tu*-класса. Это позволяет предположить, что зарождение 12-го *tu*-класса относится к эпохе, наступившей после распада протосистемы на две части (прибрежную и континентальную). Это же разбиение можно получить, исходя из анализа функционирования показателей оценочных классов (в частности, 13-го).

Говоря о динамике формирования системы классов, которая представлена в современных языках, можно выделить следующие этапы: 1) возникновение группы силлабем, у которых стала назализоваться инициаль; 2) превращение назальной тоны в фонему,

¹ Большая часть зон Гасри оказывается однородной с точки зрения данного параметра, однако в отдельных случаях возникают несоответствия, свидетельствующие о различиях в генезисе отдельных представителей зон. Например, большинство языков зон А, В не имеют *tu*-класса, но в тсого его следы зарегистрированы в виде префикса *-to*. Особенно однородными в этом отношении и сходными с юго-восточными языками группы нгуни являются языки мьене, а с диалектами тсва – северо-западные языки, обладающие *ti*-классом. Среди языков зоны S выделяются два пласта – генетически «прибрежные» (они распадаются на две подгруппы: с *ti*-классом и без него) и генетически континентальные (шона). Чисто прибрежными являются F, G, континентальными – К, L, N, P, R, смешанными – С, D, Е, Н, М.

служившую меткой формирующегося класса силлабем, противопоставленного остальным силлабемам, не имеющим данной метки;. 3) снабжение силлабем данного класса препозитами, с помощью которых передавались их функции в предложении и конкретизировались оттенки значения, регистрируемого посредством назализации; 4) превращение части препозит в префиксы тех силлабем, с которыми они регулярно употреблялись; 5) формирование внутри класса назализуемых силлабем нескольких подклассов, члены которых характеризовались постоянными связями с одними и теми же для них препозитами; 6) развитие этих подклассов в современные системы предметных классов; 7) свободное функционирование части препозит (без избирательности по отношению к каким-либо силлабемам) и их развитие в предлоги и служебные слова; 8) превращение последних в показатели оценочных и локативных классов; 9) «втягивание» в системы классов, существующие как предметные в современных языках, оценочных и локативных формантов и образование, по аналогии с предметными, оценочных и локативных классов; 10) унификация подсистем и формирование единой системы классов в каждом языке. Этапы 1–3, 5 и 7-й соотносятся с протязыковым состоянием, остальные характеризуют языки, возникшие после распада праязыка.

Реконструкции Мейнхофа и Гасри, о которых шла речь выше, являются и правильными, и неправильными одновременно. Если говорить о том, из каких силлабем развились современные показатели классов, оба исследователя во многом правы¹. Если ставить вопрос о том, чем были эти силлабемы в праязыке – показателями классов, просодемами, служебными или полнозначными словами, – оба исследователя не правы, ибо показателей 9–10-го кл. вовсе не существовало в виде морфем, когда показатели остальных классов уже функционировали как самостоятельные моносиллабемы. Кроме того, на том этапе, когда начала формироваться система слов, ставших затем представителями различных именных классов, препозиты, из которых впоследствии образовались показатели классов, еще

¹ Оба исследователя отметили моносиллабемный характер исходных единиц (кроме препозиты 10-го кл. у Мейнхофа, имевшей, по его мнению, более позднее образование), противопоставленность растворных различий гласных и характер основного артикуляционного компонента, определяющего консонантную часть. Расхождения связаны с фиксацией факультативной или дополнительной артикуляции, а также с нумерацией и номенклатурой классов.

не противопоставлялись по значениям, которые «развели» их по различным классам, поэтому существовало не три различных силлабемы *mi*, оказавшихся родоначальниками соответственно показателей 1, 3 и 18-го кл., а одна силлабема с синкретичным значением, которое развилось в современное и «обросло» оттенками, результатившимся образованием трех различных языковых единиц. Учитывая данные различных языков о том, что дифференциация согласных по звонкости – глухости является более поздним процессом и восходит не к протоязыковому состоянию, можно отметить, что показатели 2-го и 16-го кл., возводимые Мейнхофом и Гасри к силлабемам с лабиальным согласным (лабиодентальным и билабиальным у Мейнхофа и билабиальным у Гасри), в протоязыке должны были иметь один и тот же коррелят (с лабиальным компонентом артикуляции как обязательным и дентальным, велярным, лабиодентальным или лабиовелярным как факультативным). Аналогично обстоит дело с показателями 8-го и 10-го кл., по-видимому, соотносимыми с одной и той же протосиллабемой. Так же можно объяснить и наличие одинаковых префиксов в качестве показателей 15-го, 17-го и 20-го; 7-го и 21-го; 13-го (*aka*) и 22-го (*aga*) классов.

Для определения облика остальных первообразных силлабем следует учесть еще два фактора: 1) описанную выше взаимозаменяемость латеральных и альвеолярных, обусловливаемую особенностями артикуляции слога в целом, которая объясняет возведение формантов 5-го, 10-го (пре-префикса в протоформе Мейнхофа) и 12-го кл. в тех языках, где они имеют *tʲi*-формы, к одной и той же **ʃi*-силлабеме с многоударным ретрофлексным консонантом, развившимся в латеральный, вибранный или одноударный звук с артикуляцией в средней части ротовой полости. Аналогично обстоит дело с формантами 11-го и 12-го кл., по классификации Мейнхофа; 2) зафиксированные в различных языках следы моносиллабемы *ʃa* со служебным значением, развившейся в локативный формант в некоторых из северо-западных языков.

В итоге можно сформировать систему моносиллабем, которая условно обозначена ниже с помощью следующих фонем: **mi* (протосиллабема, из которой образовались показатели 1, 3 и 18-го кл.), **wa* (с многофокусным полугласным, компонентами которого, как показывают рефлексy в современных языках, были звуки, возникшие вследствие лабиовелярной артикуляции; на его основе

сформировалось многообразие префиксов 2-го и 16-го кл.), **m*₁ (прообраз показателя 4-го кл.), **ma* (полнозначная силлабема, на базе которой возник префикс 6-го кл.), **l*₁ (ретрофлексный многофокусник, развившийся в форманты 5-го, а в некоторых языках также 10-го и 12-го кл.), **k*₁ (см. 7-й и 21-й кл.), **o*₁ (8-й и 19-й), **l*₂ (11-й и 12-й *tu*-класс), **ka* (13-й и 22-й в ганда), **ou* (14-й), **ku* (15, 17 и 20-й в ганда), **la* (20-й по терминологии Джонстона¹).

Система является симметричной по отношению к способам артикуляции слога в целом: с одной стороны, выделяется противопоставление гласных по степени раствора (гласный *a* в противовес *i*, *u*) и по степени продвинутой артикуляции (оппозиция узкорастворного гласного переднего ряда *i* гласному заднего ряда *u*); с другой стороны, эксплицируются признаки, по которым формируется система согласных и дифференцируются артикуляционные движения при их произнесении (назально-губные согласные и неназальные, делящиеся на «задние» однофокусники – велярные смычные согласные, «более передние» многофокусники – ретрофлексные согласные и «задне-передние» многофокусники – лабиовелярные полугласные). Систему моносиллабем можно представить в следующем виде:

**mi* – **ma* – **m*₁

**ou* – **oa* – **o*₁

**lu* – **la* – **l*₁

**ku* – **ka* – **k*₁

Эти 12 протосиллабем могли быть использованы как «строительный материал» при формировании префиксов именных классов, которые присоединялись к силлабемам, становившимся существительными (ср. с реконструкциями Мейнхофа на с. 24. и Гасри на с. 41.). Как отмечалось выше, во многих случаях показателем субстантивности стала назализация инициалей протосиллабем, приобретавших статус существительных. Однако назализация была не единственным таким средством. Во всех языках банту, кроме охарактеризованных выше именных классов, выделяются еще два – так называемые 1«а» и 2«а». К ним относятся существительные,

¹ Н. Н. Johnston. A comparative study of the Bantu and Semi-Bantu languages. Vol. 1–2. Oxford, 1919–1922.

большую часть которых составляют термины родства. Единообразие оформления этих существительных, значения и функционирования во всех языках и регионах показывает, что они принадлежат к наиболее древнему пласту.

Указанные существительные, как правило, употребляются в двух формах: общей и вокативной. Вокативная форма в ед. числе представляет собой чистую основу (корень, лексему). Общая отличается от вокативной в большинстве случаев наличием префикса или просодического признака, лабиализующих инициаль основы (в зулу: *баба 'отец!' – ибаба 'мой отец'*). Аналогичным образом (путем отсечения предынициали корня); могут образовываться вокативные формы и от существительных не только 1–2«а» кл., однако они, как правило, не употребляются и относятся к потенциально возможным, но и не реализуемым языковым единицам (в отличие от существительных 1–2«а» кл.). Направленность деривации общей и вокативной форм у существительных 1–2«а» и всех остальных классов является противоположной: у первых от вокативной образуется общая форма, у вторых – от общей вокативная. Вторичность вокативной формы у существительных не 1–2«а» кл. подтверждается тем, что у них при отсечении предынициали сохраняется назальный компонент, возникший на шве между корнем и именным префиксом из просодемы (вследствие возникновения вокативной формы после того, как уже функционировала общая с назализованной инициалью; ср. в зулу: *inkosi 'вождь', 9-й кл. – nkosi 'вождь!'*).

Употребление вокативов показывает, что исходной была оппозиция назального и лабиального обертонов (вследствие активизации носа и губ) при формировании двух различных групп силлабем: слова со значением «термины родства» противопоставлялись остальным протосуществительным как силлабемы, при произнесении которых активизировались губы, силлабемам, артикуляция которых начиналась с «включения» назального резонатора. Первые функционировали в двух формах – общей и вокативной (последняя была более древней, так как в ней не содержится никакой отделяемый от нее показатель функции; в общей такой показатель в виде лабиализующего инициаль компонента содержится), вторые – только в общей. Круг первых существительных сужался, и лабиализация инициалей отступала на периферию. Вторых существительных становилось все больше, и дифференцирующее их средство (назализа-

ция) превращалось в главный способ выделения существительных из остальных силлабем.

Возвращаясь к динамике формирования системы классов, можно отметить, что в предыстории к зафиксированным процессам находились этапы дифференциации всех силлабем на два класса: с обертоном (назальным или лабиальным) в инициалах и без него. Из них возникли существительные и глаголы, с последующим ветвлением этой системы на подклассы. Внутри силлабем первого типа выделились силлабемы с лабиальным обертоном, на базе которых впоследствии сформировались корни с лабиализованными инициалами, и силлабемы с назальным обертоном, давшие начало представителям остальных существительных, в структуре которых сохранились признаки реликтового назального тона.

Указанная эволюция означавших происходила не сама по себе, а в тесной связи с эволюцией означаемых. В работе «Эволюция грамматического строя в языках банту»¹ показано, что в истории языков банту выделяются три периода: 1) партитивно-посессивный строй; 2) пространственный; 3) темпоральный (в настоящее время формируется темпорально-модальный способ отражения действительности). Предыстория образования систем согласовательных классов относится к первому периоду. Категории, из которых развились способы познания мира, отраженные в современных системах классов, восходят к партитивно-посессивным. Пространственно-темпоральные значения, определяющие иерархизацию классов в современных языках, развились на основе детализации и конкретизации пространственно-посессивных и пространственно-партитивных значений, которые в свою очередь явились естественным продолжением партитивно-посессивных.

Например, можно отметить, что все существительные в зулу отражают деление силлабем на те, которые являются обозначением посессоров, и те, которые служат для номинации целого и его частей. Посессоры распределяются на два типа: владеющие отчуждаемыми (часто «себе подобными») принадлежностями и неотчуждаемыми, а «части» классифицируются в зависимости от того, каким способом отделяются от целого. В итоге дифференцируются сле-

¹ Л. З. Сова. Эволюция грамматического строя в языках банту. Ленинград, 1987. С. 308–340.

дующие классы реалий, обозначаемые посредством особых классов силлабем: люди (как посессоры, владеющие самостоятельно существующими в пространстве реалиями – людьми, животными, вещами, и как посессоры, обладающие неотъемлемыми принадлежностями – частями тела, душой, признаками, свойствами); животные (посессоры только неотчуждаемых принадлежностей); растения (посессоры отчуждаемых принадлежностей – листьев, плодов, цветов); вещи (не-посессоры); части целого, имеющие фиксированную локализацию в пространстве (такие, как рука, нога, любые части тела и предметов); части целого, локализация которых, по мнению первобытного человека, соотносилась не с реальным пространством, а с потусторонним или ирреальным миром (это – душа, различные духовные сущности, которые нельзя локализовать среди реалий, окружающих говорящего, а также признаки, характеристики, качества, свойства); целые, изъятие частей из которых уничтожает их и превращает в качественно иные объекты (всевозможные физические тела); целые, которые не изменяются при отнятии от них «частей» (солнце и различные явления природы, эманация которых в окружающее пространство не изменяет их признаков, ощущаемых говорящими).

Это деление восходит к категориям партитивно-посессивного строя, составляет подтекст современных категорий, представленных в системах именных классов. В частности, в зулу эти значения коррелируют следующим образом: значение 1–2-го кл. соотносится с представлением о посессорах, имеющих двуединую сущность, свойственную людям. Существительные 3–4-го кл. образованы от силлабем, описывающих реалии в виде посессоров, обладающих отчуждаемыми принадлежностями, подобно растениям. Лексика 5–6-го кл. сформировалась на базе слов, обозначающих целые, безразличные к операциям отчуждения частей, т. е. могущие излучать запах, свет, тепло, звуки, смысл, значение, всевозможные признаки и качества без какого-либо для себя ущерба. К 7–8-му кл. относятся названия реалий, которые не являются обладателями других реалий и не состоят из отдельных частей (не имеют ничего «постороннего» внутри). Наиболее представительными среди существительных 9-го кл. являются названия животных. В 14-м собраны «части» – названия качеств, признаков, свойств, принадлежащих каким-либо посессорам и вне их не имеющих собственной пространственной локализации. К 15-му принадлежат, наоборот, названия таких частей,

которые имеют собственную пространственную локализацию (ср. также в других языках названия частей тела, входящие в этот класс, а также названия действий, регистрируемых в виде сущностей, имеющих пространственную протяженность). Не менее очевидным оказывается и партитивно-посессивный подтекст 11-го кл., в котором собраны названия различных частей и неотъемлемых характеристик пространства (физических тел, локаций).

Наложение на эти значения пространственно-темпоральных и модальных категорий, возникших впоследствии, создает характеристики, с помощью которых специфицируется значение каждого класса в современном зулу и формируется категориальный статус его грамматической системы. У истоков этого процесса находится вербальная деятельность по посессивно-партитивному ориентированию каждой номинируемой реалии в отношении говорящего. В качестве означающего одной из исходных операций этой деятельности, в соответствии с изложенными выше фактами, выступает «обертонирование» (в противовес основному тону) тех силлабем, которым придается партитивно-посессивная определенность (быть названиями реалий, обладателем которых стал говорящий). Дальнейшая дифференциация означающих идет по пути противопоставления обертонов друг другу по месту образования (губы – нос), а означаемых – по линии «не-посессоры» (термины родства и названия всевозможных частей целого) и посессоры (остальные протосуществительные). Этот этап развития языкового мышления и формирования грамматических категорий является общим для всех языков банту, если судить по тождествам форм, и может рассматриваться как одна из характеристик протоязыка. Следующие этапы соотносятся с распадом протосистемы и зарождением в недрах партитивно-посессивного способа отражения действительности пространственного, а затем темпорального и модального.

Итоги реконструкции протоформ и соотношения с современными префиксами языка зулу представлены в таблице 1. В ней зафиксированы протосиллабемы и протопросодемы, из которых возникли префиксы именных классов. Протопросодемы разбиты на два типа: тембровые и регистровые. Просодемы выделены в результате фиксации бинарной (активизация назального резонатора – ее отсутствие) и тернарной (*u*-напряженность губ – их пассивное положение (*a*) – *i*-напряженность) резонаторных оппозиций. Бинарная оппози-

ция результировалась возникновением тембровых противопоставлений (наличие назального обертона – его отсутствие), тернарная привела к формированию регистровой спецификации речи: переход от *u*- или *i*-напряженности губ и узкого раствора голосовой щели к пассивному положению губ и широкому раствору щели создал замеченный во многих языках банту эффект образования нисходящего тона, а противоположная направленность артикуляции – восходящего тона, поэтому лабиальное резонирование можно рассматривать, с одной стороны, как источник возникновения последующей регистровой политонии языков банту и, с другой, как средство формирования фонем (из *u*-образной окраски инициали – вследствие «вертикального» растяжения губ, из *i*-образной – благодаря «горизонтальному» растяжению и из *a*-образной – при отсутствии напряжения).

В таблице 1 с помощью *m* фиксируется «передний» (билабиальный) назальный звук, *l* – «средний» (ретрофлексный), *k* – «задний» (велярный, увулярный или глоттальный, недифференцированный по глухости – звонкости), *ω* – «задне-передний» (огубленный лабиовелярный). Гласные противопоставлены по трем степеням раствора (*a – u – i*), напряженности (*u/i – a*) и ряду (*i – a – u*). Качество гласных зафиксировано на основании анализа рефлексов, представленных в современных языках и диалектах банту. Показатели классов, которых в зулу нет и форманты которых функционируют в качестве предлогов или префиксов наречий, указаны в скобках. Около общебантуских классов, отсутствующих в зулу, стоит прочерк. Множественное число существительных 7-го кл. образуется в зулу, как и во многих других языках банту, с помощью префикса, соотносящегося не с общебантуским показателем 8-го кл. (*β*l* у Мейнхофа, *ω*l* в данной статье), а с формантом 5-го кл. (**li* у Мейнхофа, **l**i* в статье). Показатель 2«а» кл. в зулу функционирует в качестве пре-префикса, который присоединяется слева к показателю 1«а» кл. *u* и результируется звуком *o* (см. *a + ибаба* → *обаба* 'наши отцы'), остальные префиксы связываются непосредственно с основой¹.

¹ Работа написана по материалам моей монографии «Эволюция грамматического строя в языках банту» (1987). Опубликовано в виде статьи: Л. З. Сова. Синхрония и диахрония языков банту // Актуальные проблемы сравнительного языкознания. Ленинград, 1989. С. 203–238.

Таблица 1

Классы по общебантуской номенклатуре Мейнхофа	Наиболее частотные префиксы в зулу	Единицы протоязыка, из которых они развились		
		Служебные и знаменательные моносиллабемы	Просодемы	
			Регистровые	Тембровые
1	<i>umi-</i>	<i>*mi</i>	<i>U</i> -окраска инициали	
1 «а»	<i>u-</i>	–		
2	<i>aba-</i>	<i>*wa</i>	<i>A</i> -окраска инициали	
2 «а»	<i>a-</i>	–		
3	<i>umi-</i>	<i>*mi</i>		
4	<i>imi-</i>	<i>*mi</i>		
5	<i>i(li)-</i>	<i>*li</i>		
6	<i>ama-</i>	<i>*ma</i>		
7	<i>isi-</i>	<i>*ki</i>		
8	<i>-(izi-)</i>	<i>wi(*li)</i>		
9	<i>iN-</i>	–	<i>I</i> -окраска	<i>N</i> -окраска
10	<i>iziN-</i>	<i>*li</i>	– » –	– » –
11	<i>ulu-</i>	<i>*lu</i>		
12	–	<i>*lu</i>		
13	<i>(ka-)</i>	<i>*ka</i>		
14	<i>ubu-</i>	<i>*wu</i>		
15	<i>uku-</i>	<i>*ku</i>		
16	<i>(pha)</i>	<i>*wa</i>		
17	<i>(ku-)</i>	<i>*ku</i>		
18	<i>(mu-)</i>	<i>*mu</i>		
19		<i>*wi</i>		
20	–	<i>*ku</i>		
21	–	<i>*ki</i>		

ЧАСТЬ 2. АФРИКАНСКОЕ И ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Эволюция категории существительного в разноструктурных языках

На любой известной нам стадии развития вербальных систем мы имеем дело с языком как сложным образованием, состоящим из множества элементов (звуковых и смысловых) и их классов. Например, гласные противопоставляются согласным, слова грамматическим формантам или предложениям, существительные глаголам и т. п. Хотя языкознание до сих пор не пришло к единой точке зрения на большинство из этих противопоставлений, интуитивно каждому лингвисту ясно, как отличить один языковой класс от другого.

О. Есперсен, например, писал: «При преподавании элементарной грамматики я не стал бы начинать с определения различных частей речи и тем более с обычных определений, которые говорят так мало, а претендуют на многое. Я избрал бы более практический способ. Опытный грамматист, не прибегая к таким определениям, всегда знает, чем является данное слово – прилагательным или глаголом. И подобно тому, как мы с первого взгляда различаем корову и кошку, могут научиться различать части речи и дети...»¹.

Действительно, в каждом конкретном языке легче отличить существительное от глагола, знаменательное слово от служебного, корень от суффикса, чем формализовать эти явления. Еще трудней понять их диахроническую природу.

Обратимся к одному из самых кардинальных противопоставлений в системе классов слов – к оппозиции существительного (имени) и глагола. Она представлена во всех языках, и с незапамятных времен. Посмотрим, какие определения дают этому противопоставлению языковеды.

А. А. Потебня, вслед за В. Гумбольдтом и Г. Штейнталем, пишет: «Глагол изображает признак во времени его возникновения от действующего лица, а имя – нет. В этом определении глагола безразлично, будет ли момент возникновения признака современен ре-

¹ О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958. С. 67–68

чи говорящего или нет; будет ли время представляться продолжительным или мгновенным; будет ли самое возникновение признака фактом, или повелением, желанием, условием. При большом разнообразии прочих формальных определений в глаголе постоянно лишь то, что в нем признак представляется «энергетическим обнаружением силы, непосредственно вытекающим из действующего лица» (Humb. Veb. Versch. 256, 259; Steint. Charakt. 278). В понятие о глаголе непременно входит отношение к лицу, каково бы ни было это последнее: известное или нет, действительное или фиктивное»¹. И далее: «Отыскивая такое определение имени, которое бы соответствовало вышеприведенному определению личного глагола, находим, что, по отношению к познающему лицу и акту познания, имя относится к глаголу, как воспоминание прежде познанного к познанному вновь; что, по отношению к познаваемому, в имени представляется признак не как производимый предметом (*солнце светит*), а как данный в предмете, находящийся в нем (*светлое солнце, свет солнца*). Когда говорю: «*солнце светит*», то это (при ясности этимологического значения слова «*солнце*» – светлое, светящее) значит: то, что я прежде называл светлым и что под этим ярлыком было сложено в моей памяти, то, как замечаю, производит теперь свет»².

Наиболее важным для понимания категории глагола А. А. Потебня считает то, что глагол фиксирует признак в момент его отторжения от действующего лица, а в категории существительного – что существительное регистрирует признак как присущую ему данность: глагол и существительное объединяются А. А. Потебней как носители признака и разъединяются как две категории, по-разному описывающие его выявление. Одна категория (существительное) изображает признак как вневременной, постоянно существующий, потенциально имеющийся у субъекта, вторая (глагол) – как соотносящийся с тем моментом, когда происходит его отделение от субъекта и «испускание» в окружающее пространство (реализация потенции).

Это – весьма интересное определение, хотя для выяснения категориального значения таких слов, как '*чтение*', с одной стороны, и

¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Ч. 1–2. Изд. 2. Харьков, 1888. С. 84.

² Там же, с. 87.

'читать', – с другой, оно мало что дает. Например, 'вчера я прочитал статью' и 'прочтение мной вчера статьи' в отношении момента ('вчера') реализации признака 'читать' одинаковы, и значит, 'прочитал' и 'прочтение' по этому параметру должны быть признаны словами одного и того же класса (глаголами). Аналогично: 'курить – здоровью вредит' и 'курение здоровью вредит'. Здесь 'курить' и 'курение' выступают как носители нереализованного (потенциально присущего субъекту) признака, т. е. как существительные.

Не легче понять, исходя из определений А. А. Потебни, как и почему возникло противопоставление существительного и глагола в диахронии. Опираясь на мнения философов, идеи которых были близки А. А. Потебне, можно использовать кантовский тезис о саморазвитии идеи, «вещах в себе» и «вещах для нас» и предположить, что «явления» обретают в языках форму существительных и глаголов, – например, после того, как сочетаются с признаками, сохраняющими свою потенциальность вне времени и пространства до тех пор, пока у субъекта не появляется возможность ее реализовать.

Каким бы ни был процесс становления языка и мышления на самом деле, объяснить с помощью этой модели эволюцию современных языков еще трудней, чем с помощью охарактеризованной О. Есперсоном позиции «здорового смысла». Наверно, поэтому в языкознании существует так много различных, но более удобных для практических исследований формулировок.

Вспомним, например, Д. Н. Ушакова: «В русском языке мы можем различать следующие грамматические, или формальные, классы слов: 1) слова без всяких форм; 2) слова только с формами словообразования; 3) слова с формами словообразования и словоизменения, а в них: а) слова с формами склонения, но без изменения в роде: существительные, часть местоимений, часть числительных; б) слова с формами склонения и с формами изменения в роде: прилагательные, часть местоимений, часть числительных (порядковые); в) слова с формами спряжения: глаголы»¹.

И значит, то, что склоняется без изменения по родам, – существительное; то, что спрягается, – глагол. Базисным в этом и аналогичных ему определениях является понятие склонения и спряжения.

¹ Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке. М., 1929. С. 73–74.

При таком подходе для понимания сущности оппозиции имени и глагола в историческом плане необходимо ответить, как возникло противопоставление склонения спряжению и какими формами оно манифестировалось в различных языках.

В русском языке инфинитив не склоняется и не спрягается, поэтому он, если следовать приведенному выше определению, оказывается вне глагольно-именной системы и попадает в такой таксономический класс, как '*вчера*', '*еще*', '*кенгуру*', плюс остальные неизменяемые слова. В языках, где инфинитив спрягается, он остается внутри класса глаголов. Зато возникают новые трудности: например, отсутствие категории склонения у существительного. И снова параметр «склонение – спряжение» оказывается неудобным для формирования таксономических классов имени и глагола.

Так, в зулу нет падежей, образование же множественного числа происходит не столь регулярно, как в русском. Значение числа здесь является скорее лексико-грамматической категорией (словообразовательной), чем чисто грамматической (словоизменительной), поэтому параметр «склонение» к зулуским существительным применим с большой натяжкой. Достаточно сравнить существительные такого ряда: *umu-ntu* 'человек', *aba-ntu* 'люди', *isi-ntu* 'человечество', '*гуманоиды*', '*культура банту*', *ibu-ntu* 'человечность'.

Такие ситуации обуславливают возникновение полипараметрических дефиниций. Их примером являются, например, формулировки: «... Именем существительным называется знаменательная часть речи, обозначающая представление о предмете, требующая согласование от частей речи с родовыми и личными формами и изменяющаяся по падежам и числам, если формы в ней имеются»¹; «Имя существительное – это часть речи, обозначающая предмет (субстанцию) и выражающая это значение в словоизменительных категориях числа и падежа и не словоизменительной категории рода»².

Здесь мы снова сталкиваемся с вопросом об определении, что такое предмет и субстанция, как строить их характеристики. И опять приходим к комплексу неразрешимых диахронических проблем: какими эти категории были в истории языка; когда и почему

¹ И. П. Лысков. О частях речи. М., 1926. С. 33.

² Русская грамматика. Т. 1. М., 1982. С. 460.

возникли, если не существовали изначально; какими были на разных этапах развития мышления; во что эволюционировали, и т. д.

Возникает мысль, что проще начать с конца, – прежде всего, выяснить, что такое существительное и какими оно характеризуется категориями, и уже после этого браться за итоговое определение типа: предметом язык считает все, что обозначает существительным.

Став на эту точку зрения, можно на время забыть о формальных определениях, положиться на интуицию и, сформировав с ее помощью совокупность слов, которые в языках воспринимаются как существительные, исследовать их историю и современный статус. Эти предпосылки определили характер моей работы в 1975–1995 годах¹.

Мной были проведены исследования разноструктурных языков², позволившие сформулировать следующую гипотезу о возникнове-

¹ Л. З. Сова. Эволюция грамматического строя в языках банту. Ленинград, 1987. Л. З. Сова. У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков. Санкт-Петербург, 1996.

² Изучаемое лингвистическое пространство охватывает синхронное и диахроническое состояние около двух тысяч языков. Используются, в основном, данные африканских (нигеро-кордофанских и нило-сахарских) и австралийских языков. Из африканских привлечены материалы банту (около 500 языков, важнейшими являются: суахили, лингала, дуала, зулу, луба, чокве, конго, умбунду, бемба, ньянджа, шона, руанда, макуа и др.), западно-атлантические (волоф, серер, тенда, фула, диола, маньяку, кобиана, темне, шербо, гола, кисси, басари, коньяги, паяде, биафада), вольтийские (бвamu, нанканна, гурманджи, моба, моси, мооре), манде, кру (гребо), ква (агни), так называемые языки Плато (рукуба, биром, анагута, ганавури), убангийские, юкуноидные (агбо, кенту, аквенго, боки, укелле), восточно-адамавские (мбум, мба, ндунга, банда, нмбака-ма'бо), центрально-суданские (группа мбаимойссала), кордофанские и сахарские (северо-восточные суданские: маба, таби, мими), нилотские (юго-восточные суданские: динка, нуэр), паранилотские (бари, лотуху, туркана, тесо, маасаи), дидинга-мурле (мун), сонгайские. Австралийские представлены языками: йимиджир, питта-питта, гумбайнгир, яйгир, варгамай, мпаквити (с диалектами агутимри, ватжари, марганы, гунья), австронезийские – мальгашским. Отдельные данные собраны по тасманийскому языку, а также по языкам бушменов и готтентотов. Родство австралийских языков с другими семьями не установлено, есть попытки связать их с дравидийскими и неавстронезийскими языками Новой Гвинеи, где около десяти тысяч лет назад существовали участки суши, позволяющие говорить о мосте между изолированными сегодня этносами. Во всех языках представлены сходные суффиксы и постфиксы, одинаковые личные местоимения, похожие фонологические системы, найдено около пятидесяти общих корней, четко просматривается родство с языками банту.

нии и эволюции грамматической категории слов, которые в современных языках являются существительными.

Процесс формирования категории существительных в африканских языках предстает как последовательная бинаризация исходного элемента – в виде дерева, каждый узел которого возникает в результате деления предыдущего элемента путем соотношения с очередной антиномией. Первичным в этой иерархии (корнем дерева) является нерасчлененное общее (аморфное) понятие. Затем происходит его поэтапная постепенная конкретизация.

Этот процесс управляется последовательным введением в действие (формированием в сознании говорящего субъекта) таких антиномий, как: наличие связи – ее отсутствие, аффирмативность – негативность, временная связь – постоянная, контакт – его отсутствие, тождество – различие, количество – качество, обладаемое – обладатель, часть – целое, большое – маленькое, внутри – снаружи, до – после, длительность – мгновенность, типы соотносимости по величине, форме, взаимному расположению, точечность – направление, и т. д. (взаимодействие параметров в истории языков банту и их полный перечень см. в монографиях, указанных в примечании на с. 145).

Эволюция языкового мышления – это спецификация исходного элемента, происходящая в ходе бинаризации ветвей с помощью указанных признаков.

Каждый новый узел как бы «впитывает» в себя характеристики, возникающие в процессе манифестации очередной оппозиции. «Цветочки» дерева – сегодняшние лексико-грамматические категории (род, число, падеж, наклонение, и т. д.), отразившие историю бинаризации исходного понятия (графически ее можно изобразить как путь от корня к побегам). Чем больше этапов деления, тем богаче, многообразней грамматическая категория, тем больше дифференциальных признаков в ней присутствует. И соответственно – тем она старше.

Противопоставление существительного и глагола относится к числу самых древних. Материалы африканских языков показывают, что его история начинается с этапа появления синкретичной катего-

рии номино-вербалов. Их осколками в языках банту¹ являются идеофоны и корни с префиксами *uki*-класса, которые могут функционировать одновременно и как существительные, и как глаголы (инфинитивы).

В недрах этой двуединой категории начинается формирование партитивно-посессивных и количественно-качественных отношений. До них, по-видимому, возникают категории, которые можно зафиксировать в терминах таких противопоставлений, как «конкретное – неконкретное», «мое – не мое», «снаружи – внутри», «дискретное – непрерывное» и др. (см. выше).

Взаимодействие «первичных» антиномий между собой приводит к появлению новых оппозиций: «часть – целое» и «посессор – принадлежность», с одной стороны, и «качественно-количественная конкретность – неконкретность», с другой. Затем в рамках количественной конкретности происходит формирование категории числа, а в сфере качественной конкретности – категории определенности – неопределенности, лежащей у истоков образования артиклей, демонстративов, различных показателей определенности – неопределенности в языках банту.

В зависимости от ранжирования по способам связи между целым и его частями, посессором и его принадлежностями, выявляется спецификация посессивных отношений и выделяются четыре ранга обладателей: посессор высшего ранга, среднего, низшего, не посессор. Детальные взаимосвязи устанавливаются аналогично в сфере «часть – целое».

Иерархизация этих отношений и превращение их в систему признаков, отвечающих за конкретизацию языковых значений, являются отправной точкой в противопоставлении имени и глагола. Дальнейший процесс связан с субкатегоризацией существительных и образованием таких специфических для существительных категорий, как согласовательные классы, склонение, род, число, аугментативность, диминутивность и др. Параллельно идет развитие глагольной подсистемы и субкатегорий глагола (от аспектных и зало-

¹ При формировании каждой категории сохраняются осколки, позволяющие восстанавливать весь путь пройденной ею бинаризации. Именно они оказываются особенно важными для составления эволюционного «портрета» языкового элемента.

говых подсистем, как самых древних, к темпоральным, а затем к модальным)¹.

Например, посессорами высшего ранга в африканских языках признаются мужчины, как обладатели неотчуждаемых и отчуждаемых принадлежностей (имущества); к последним относятся «не-посессоры» (скот) и посессоры более низких рангов (женщины, дети). Посессорами среднего ранга являются женщины, как обладатели неотчуждаемых принадлежностей (частей тела, свойств) и имущества; таковым считаются посессоры самого низкого ранга (дети) и не-посессоры (утварь). И, наконец, в качестве посессоров самого низкого ранга выступают дети, слуги, чужеземцы, старухи и другие неполноценные, в соответствии с первобытным мировоззрением, существа.

Из этого противопоставления (вместе с делением на части и целые) и классификации частей по типам (душа – тело; части, имеющие жизненную силу, – части, не обладающие ею; движущиеся части – неподвижные) сформировался арсенал именных категорий.

Так, в одних речевых коллективах возникло противопоставление живого неживому (с одной стороны, «все посессоры и те не-посессоры, которые воспринимаются как целые с частями, обладающими жизненной силой», с другой – «не-посессоры без жизненной силы»). Это – посессивные отношения.

Для ряда языков они оказались краеугольными. В них появилась оппозиция социально активных и социально пассивных предметов. В класс социально активных попали люди, животные, растения, персонифицируемые существа и вещи, боги, силы природы (повидимому, изначально также признаваемые богами). К социально

¹ Ср. полученные результаты с эволюцией тех же категорий в индоевропейских языках: «Преобразование глубинной структуры праиндоевропейского языка выразилось в переносе доминантной классификации из сферы имени в сферу глагола, который начинает различаться по бинарному принципу транзитивности – интранзитивности, становящемуся определяющим классификационным принципом, имплицитующим ряд характеристик в поверхностной структуре языка. Содержательная оппозиция с класса имен переносится на класс глаголов. Такой сдвиг в глубинной структуре языка с именной оппозиции на глагольную отражает, по-видимому, процесс перехода с более конкретного именового противопоставления на более абстрактное глагольное, с противопоставления конкретных денотатов на противопоставление типов действий и деятельности». Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. В. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1. Тбилиси, 1984. С. 312.

пассивным предметам была отнесена утварь, части растений (листья, плоды), «части людей» (тела и занимаемые ими локации).

В других речевых коллективах первичным признаком оказалась партитивность (часть – целое), а не посессивность (обладаемое – обладатель). Поэтому акцент был перенесен с признака посессора («жизненная сила») на часть целого («душа»). Здесь появилось противопоставление одушевленности и неодушевленности.

В некоторых языках оно закрепилось оппозицией вопросительных местоимений (ср. *nani* 'кто' – *nini* 'что' в суахили на фоне прото-банту **ni*, давшему в зулу склоняемое по классам вопросительное слово с синкретичным значением 'кто, что': *ubani*, 1-й кл., ед. ч., *obani*, 1-й кл., мн. ч., *umuni*, 2-й кл., ед. ч., *imini*, 2-й кл., мн. ч., *lini*, 3-й кл., ед. ч. и т. д.).

Противопоставление одушевленности – неодушевленности и социальной активности – социальной пассивности, как полагал Д. А. Ольдерогге, проявилось также в оппозиции классов людей и классов вещей (ср. *mntu* 'человек' – *kintu* 'вещь' в суахили).

Абстрагирование совокупности посессоров всех рангов от не посессоров результировалось противопоставлением людей и остальных предметов. Деление на посессоров трех рангов стало источником возникновения грамматического рода (мужского, женского и среднего). Затем в этот процесс стали вовлекаться не-посессоры. Посессивная классификация была переосмыслена как половая. При этом распределение по родам существительных, не имеющих пола, оказалось немотивированным.

В зулу и других языках банту этого нет. О формировании грамматической категории рода судить сложно. Однако, учитывая типологию развития посессивности, можно предположить, что отнесение к женскому роду неодушевленных предметов связано с их прежней принадлежностью посессорам женского ранга, или сходством по форме с этими посессорами, или функционированием в особом «женском языке» (наличие таких диалектов характеризует многие африканские этносы). Аналогичное толкование можно представить и для «бесполох» слов мужского или среднего рода.

В дальнейшем классификация по родам стала опираться только на грамматические признаки, которые сформировались у существи-

тельных каждого конкретного языка по-своему и привели к появлению свойственных только им грамматических категорий (рода в одном случае, именного класса – в другом, склонения – в третьем, и т. д.).

Субкатегоризацию посессоров сопровождала аналогичная эволюция отношений «часть – целое». Взаимодействие этих процессов привело к возникновению различных типов иерархизации существительных, которые зафиксированы в языках банту и позволяют говорить о наличии в каждом из них специфической системы грамматических категорий (именной класс, грамматический род, число, определенность – неопределенность, аугментативность – диминутивность и др.)¹.

Перейдем к иллюстрациям. В истории языков банту выделяются² три периода: 1) партитивно-посессивный строй; 2) пространственный; 3) темпоральный. В настоящее время формируется новый способ отражения действительности – темпорально-модальный. Предыстория образования категории существительных во всех языках банту относится к первому периоду. В это время дивергенции на различные языки еще не было. То, что наличествовало в языке-предке, впоследствии перешло в дочерние языки и оказалось тем общим, что объединило их в одну семью. В сфере имени существительного это – система именных классов.

Так, в языке зулу с партитивно-посессивным периодом соотносятся следующие явления. Все существительные в зулу отражают

¹ Эти результаты можно опять-таки сравнить со следующим тезисом Гамкрелидзе-Иванова: «К именам активного класса относятся именные образования, обозначающие людей, животных, деревья, растения, то есть имена, денотаты которых характеризуются наличием у них жизненной активности, в противовес именам неактивного класса, денотаты которых являются объектами, лишенными жизненного цикла... Поэтому имена, обозначающие деревья в индоевропейском, относятся к активному именному классу, тогда как плоды этих деревьев мыслятся как неактивные объекты, соотносимые с неактивным именованием... К... именам, относимым к активному классу, принадлежат названия подвижных или наделенных способностью к активной деятельности частей человеческого тела: рука, нога, глаз, зуб и другие, а также названия персонифицированных, активно мыслимых явлений природы и абстрактных понятий: ветер, гроза, молния, осень, вода, река; рок, судьба, доля, благо и др... К активному классу относятся также названия светил и космических тел (солнце, месяц, звезды)». Там же, с. 274.

² Л. З. Сова. Эволюция грамматического строя в языках банту. Ленинград, 1987. С. 309–339.

деление слов на те, которые являются обозначением посессоров, и те, которые служат для номинации целого и его частей. Посессоры распределяются на два типа: владеющие отчуждаемыми (часто «себе подобными») принадлежностями и неотчуждаемыми, а «части» классифицируются в зависимости от того, каким способом они отделяются от целого. В других языках банту дело обстоит так же.

Поэтому во всех языках банту наличествует дифференциация восьми классов реалий, обозначаемых посредством префиксов. Это:

1) люди (как посессоры, владеющие самостоятельно существующими в пространстве реалиями – людьми, животными, вещами, и как целые, обладающие неотъемлемыми принадлежностями – частями тела, душой, признаками, свойствами);

2) животные (целые, имеющие неотчуждаемые принадлежности);

3) растения (неподвижные в пространстве целые, имеющие отчуждаемые принадлежности – листья, плоды, цветы);

4) вещи (не-посессоры);

5) части целого, имеющие фиксированную локализацию в пространстве и могущие менять эту локализацию (такие, как рука, нога, различные части тел и предметов);

6) части целого, локализация которого соотносится не с реальным пространством, а с воображаемым (потусторонним или ирреальным) миром: душа и различные духовные сущности, которые нельзя локализовать среди реалий, окружающих говорящего, а также признаки, характеристики, качества, свойства;

7) целые, изъятие частей из которых уничтожает их и превращает в качественно иные образования (всевозможные физические тела);

8) подвижные целые, которые не изменяются при «отнятии» у них частей (солнце и различные явления природы, эманация которых в окружающее пространство не изменяет их признаков, воспринимаемых говорящим).

Деление на согласовательные классы в современных языках банту отражает наличие указанной системы в сознании всех бантуя-

зычных речевых коллективов. Это позволяет предположить, что оно восходит к явлениям праязыка и соответственно к категориям паритивно-посессивного строя. Гипотеза подтверждается также тем, что все оппозиции, релевантные для построения системы именных классов, базируются только на понятиях из сферы соотношений части и целого или способов (типов) обладания.

Продемонстрируем изложенное на материале языка зулу¹. Значение 1–2-го классов в нем (префиксы *umi-* – *aba-*) соотносится с представлением о посессорах, имеющих двуединую сущность, свойственную людям: душу и тело. Душа владеет различными посессорами, а тело – неотчуждаемыми принадлежностями. Сюда относятся такие существительные, как *umuntu* 'человек', *umfazi* 'женщина', *umfundisi* 'учитель', и т. д.

Существительные 3–4-го классов (префиксы *umi-* – *imi-*) восходят к синлабам, описывающим реалии в виде посессоров, обладающих отчуждаемыми принадлежностями, подобно растениям, рекам, пространственным системам. Души у них нет. Это, например, слова *umuthi* 'дерево', *umfula* 'река', *umbuso* 'царство'.

Лексика 5–6-го классов сформировалась на базе слов, обозначающих «целые», «безразличные» к операции отчуждения частей. Поэтому денотаты могут излучать запах, свет, тепло, звуки, смысл, значение, всевозможные признаки и качества без какого-либо для себя ущерба. Номинаты имеют префиксы *ili(i)-* – *ama-*: *ilanga* 'солнце', *izulu* 'небо', *ikhanda* 'голова', *izwi* 'слово'.

К 7–8-му классам относятся названия реалий, которые не являются обладателями других реалий и не имеют отчуждаемых принадлежностей. Денотаты могут попадать в чье-то владение как целостные структуры. Формальное отличие номинатов – префиксы *isi-* – *izi-*: *isibaaya* 'загон для скота', *isihlalo* 'стул', *isalukazi* 'старуха', *isizulu* 'язык зулу'.

Наиболее представительными среди существительных 9–10-го классов являются животные. Это – слова с префиксами *in-* – *izin-* (их различными фонетическими вариантами): *impisi* 'гиена', *inyoka* 'змея', *inkabi* 'бык'. У денотатов нет души, но есть различные неот-

¹ Более подробно см. на стр. 17–21 «Эволюции грамматического строя в языках банту».

чуждаемые и отчуждаемые принадлежности. Посессорами они не являются (их детеньши рассматриваются как отчуждаемые принадлежности). Они могут менять свою локализацию в пространстве и развиваться во времени.

В 14-м классе собраны «части» – названия качеств, признаков, свойств, принадлежащих каким-либо посессорам и вне их не имеющих собственной пространственной локализации. Это, в частности, такие слова с префиксом *ибу-*: *ибибі 'зло'*, *ибuthongo 'сон'*, *ибоуа 'шерсть'*.

К 15-му классу принадлежат, наоборот, названия частей, которые имеют собственную пространственную локализацию. В различных языках названия частей тела, попадающие в этот класс, а также названия действий регистрируются в виде существей, имеющих пространственную протяженность и могущие менять свою локализацию. Например, к этому классу относятся названия руки и ноги. В зулу этот класс состоит преимущественно из названий действий (инфинитивов): *ukudla 'еда, есть'*, *ukwenza 'дело, делать'*, *ukwazi 'знание, знать'*.

Не менее очевидным оказывается и партитивно-посессивный подтекст слов 11-го класса с префиксами *ulu-* – *izin-*, в котором собраны названия различных частей и неотъемлемых характеристик пространства (физических тел и локаций): *udada 'поле'*, *udadawe 'континент'*, *исengese 'плато'*, *идіні 'край'*, *иһлу 'цепь, ряд, шеренга, волна'*.

Остальных общекбантуских классов в зулу нет.

Конечно, в каждом классе есть не только существительные, в которых легко выделяются охарактеризованные признаки, но представлены и существительные, реконструировать исходный подтекст которых удастся только по аналогии с остальными членами класса. Например, в зулу к 5-му классу относятся такие слова, как *икати 'кот'*, *иһаши 'лошадь'*, *ибібеси 'лев'*. Только при сравнении с остальными словами 5-го класса (их денотаты могут что-то излучать без какого-либо ущерба для себя и без изменения своей формы и сути), можно предположить, что существительные, служащие в зулу для обозначения кошки, лошади и льва, названы не по признаку «быть животным» (ср. с существительными 9–10 кл.), а из-за наличия у них таких свойств, как «источать звуки» (мяуканье, ржание, рык)

или какие-то другие признаки в окружающее их пространство (силу добра, вызывающую благоденствие в доме; страх – перед царем зверей, и т. п.).

Понимание «образного» подтекста существительных дает возможность видеть в языке не только средство номинации явлений, но и способ отражения действительности, меняющийся в зависимости от угла зрения, присущего тому или другому этносу. Благодаря наличию множественности систем описания объективной действительности, возникает многомерное лингвистическое пространство, постулируемое лингвистической теорией относительности Сепира – Уорфа.

Языки банту, а вместе с ними и системы именных классов, не оставались неизменными со времени посессивно-партитивного строя. В жизнь вступали новые признаки эпохи пространственных, темпоральных и модальных отношений. На их базе создавались характеристики, которые специфицировали в том или ином направлении значение каждого класса и всей системы имен существительных в целом. Слово приобретало новый подтекст, в каждом языке свой, но одной из его «частей» неизменно оставалось общее значение, которое возникло в «исходную» эпоху (при партитивно-посессивном строе) и сохранилось у всех членов данной семьи.

В итоге появился комплекс характеристик, которые конкретизировали по-своему значение существительных в каждом языке. Возникли системы согласовательных классов, индивидуальные в деталях (см. верхние ветви дерева), но внутренне сходные (благодаря посессивно-партитивному «корню» дерева).

Рост дерева и удаление побегов от корня привели к тому, что в современных языках стало острее всего ощущаться «более близкое к нам» значение (пространственно-темпоральное и модальное в современных существительных, а не партитивно-посессивное). Свидетельством уменьшения роли пространственных значений и увеличения веса темпорально-модальных является, в частности, тенденция языков банту использовать старые локативные связи для выражения новых – темпоральных – значений.

Чем дальше от нас значение, тем менее четко оно воспринимается. Поэтому партитивно-посессивный подтекст грамматических категорий выявляется значительно труднее, чем темпорально-

модальный или пространственный. Особенно это заметно при сравнительном анализе имени и глагола.

Хотя обе категории, по-видимому, возникли на основании внутреннего противостояния номино-вербалов в эпоху партитивно-посессивного строя, «обзаводиться» грамматическими категориями, прежде всего, стало имя, – этому благоприятствовали дифференциальные признаки самой эпохи партитивно-пространственных отношений.

Глагол как грамматическая категория долгое время продолжал оставаться мало активным. Развитию его категорий не способствовали оппозиции пространственного строя. В эту эпоху глагол, скорее всего, можно определить с помощью отрицательного признака: «то, что не имя».

Затем наступила новая эпоха – темпоральных отношений, эра глаголов. Все основные глагольные категории (развернутая система времен в языках банту) сформировались именно в этот период.

От «пространственного прошлого» остались немногочисленные «аспектные» оппозиции, связанные с фиксацией различных направлений движения в пространстве глагольного действия и его квантованием (при понимании действия как «отрезка или места»), а от посессивно-партитивного – противопоставления в системе глагола, положившие начало отделению посессора от обладаемого и сказавшиеся на появлении прототипов современных залогов и субъектно-объектных отношений (см. субъектный и объектный согласователи в сказуемом).

С течением времени на них наслоились более новые (сначала пространственные, а затем темпорально-модальные) значения. Появились оппозиции, определяющие аспектные и залоговые подсистемы в том виде, как они существуют сейчас. Однако их понимание невозможно без вскрытия таких посессивно-пространственных характеристик, как протяженность действия, типы его квантования, ориентация относительно деятеля и реципиента.

Описание посессора отдельно от обладаемого, сопровождаемое пространственными и темпоральными характеристиками, положило начало противопоставлению субъекта и объекта.

Язык не стоит на месте. На смену древним пришли новые категории – модальные. Возникла система наклонений в глагольном спряжении, сформировались понятия темы и ремы, модуса и диктума, появились новые части речи (модальные глаголы как специальный класс слов, модальные слова как особая «категория состояния») и грамматические средства. Например, при образовании согласительного наклонения и будущих времен в зулу самостоятельные слова стали грамматическими формантами. Новый период, как и предыдущий, является эпохой бурного развития грамматических средств, фиксирующих характеристики действий и состояний.

Существительное тоже не законсервировалось, не застыло в прежнем виде. Система согласовательных классов, наиболее активно формировавшаяся в эпоху партитивно-посессивного строя, со временем стала «распадаться». Обогащенные темпоральными параметрами, именные классы расслоились на подклассы с различным темпоральным смыслом. Группы со схожей семантикой, первоначально входившие в различные классы, объединились. Приоритетная роль пространственно-партитивных оппозиций исчезла. Ей на смену пришли модальные и темпоральные признаки.

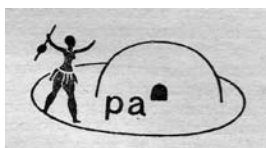
Семантическая мотивация именных классов стала многоплановой. Выделение исходных противопоставлений затруднилось. Наиболее прозрачными оказались формальные признаки категорий, функционирующих в языке. Типология семантических явлений стала все больше превращаться в характерологию отдельных слов и их небольших групп. Возникла необходимость объединить синхронию и диахронию, чтобы выработать методологический прием для выявления критериев определения грамматических категорий.

Если вернуться с позиции синтеза синхронного и диахронического описания к началу данной статьи, станут более понятными приведенные там определения.

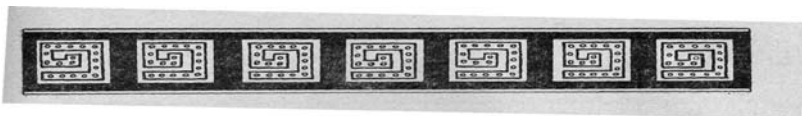
Именем существительным в языке зулу, является совокупность слов, фрагменты развития которой охарактеризованы выше. Все, что носитель языка зулу фиксирует с помощью существительных, наделяется признаком предметности. Поэтому понятие «предмет» (или представление о предмете) у говорящих на зулу ассоциируется с формулировкой: «то, что может быть названо с помощью существительного».

Если обратиться к цитированному выше пониманию А. А. Потебней противопоставления имени и глагола, можно увидеть, что характеристики имени он соотносит с категориями партитивно-посессивного строя (признак, существующий в предмете, – это «вневременная» принадлежность посессора), а характеристики глагола – с категориями всех исторических периодов. Об этом говорят его тезисы об отношении глагола к лицу и о признаке, производимом предметом, т. е. создаваемом в определенный момент времени действием (здесь учитывается не только временной характер действия, но и его пространственная протяженность, позволяющая выделить тот или иной момент, а также наличие у действия посессора – «лица»).

А. А. Потебня полагал, что существительное древнее глагола. В соответствии с описанными предположениями об эволюции языков банту, обе категории имеют один и тот же возраст, однако комплекс именных категорий сформировался прежде глагольных, и это создает впечатления разницы в возрасте обеих категорий, потому что расцвет существительных происходил в партитивно-пространственный период, а глаголов – в более позднее время¹.

¹ Данная работа является подведением итогов исследований, описанных в моих книгах «Эволюция грамматического строя в языках банту» (1987) и «У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков» (1996). Работа вышла в виде статьи: Л. З. Сова. Эволюция категории существительного в разноструктурных языках // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Санкт-Петербург, 2006. С. 421–430.

Космогоническая лексика у народов Тропической Африки

1. В лингвистической литературе неоднократно высказывалось предположение, что наши предки и говорили, и думали не так, как мы. Свидетельства различных языков показывают, что наше мышление прошло через три фазы: *партитивно-посессивную*, когда реалии осмыслялись человеком через призму отношений «часть – целое», «обладатель – обладаемое», *пространственную*, при которой сформировалось представление о пространстве как некоей окружающей человека данности, и все связи (в том числе, прежние партитивно-посессивные) стали трактоваться как спатиальные (пространственные, локативные, направительные, местные и т. п.), и, наконец, *темпоральную*, которая превратила трехмерный пространственный мир в четырехмерную реальность, благодаря введению нового фактора, названного «время». В соответствии с языковыми данными, время сначала осознавалось всего лишь как еще одна характеристика пространства – та мера, с помощью которой определялись усилия говорящего, необходимые для преодоления данного расстояния, т. е. превращения его в «собственность» говорящего (см. такие выражения, как 'очередь длиною в год', 'два дня пути, где пространство измеряется временем или время – пространством).

Поскольку развитие языкового сознания является процессом постепенного накопления качественных изменений, деление на описанные три фазы условно. На самом деле, в недрах партитивно-посессивного строя постепенно зарождалось переосмысление пространственно недифференцированных отношений «часть – целое», «обладаемое – обладатель» в отношения «снаружи – внутри», «слева – справа», «вверху – внизу» и т. п. По мере развития локативных отношений усиливалась «пространственная» призма описания реалий, первоначальный способ их восприятия ослабевал, и партитивно-посессивный языковой строй сначала превратился в пространственно-партитивный (посессивный), а затем в пространственный, пространственно-темпоральный, и, наконец, темпоральный (с большими или меньшими следами прежних фаз, – в зависимости от степени сохранности реликтовых особенностей в том или

ином языке).

Заканчивая этот обзор, можно отметить, что эволюция нашего мышления на этом не прекратилась. Темпоральная фаза ныне уступает место новому способу осмысления действительности, который можно назвать *модальным*. В его основе лежит бинаризация прежних «просто» темпоральных связей на абсолютные и относительные, а последних – на субъективные и объективные, потенциальные – реализованные, специфицированные – обобщенные (см. такие типы модальности, как долженствование – возможность – намерение), синхронные – последовательные и т. п. Поэтому современную фазу языкового мышления можно определить как *темпорально-модальную* (с реликтовыми явлениями различной глубины, соотносимыми с пройденными этапами эволюции).

Каждая языковая категория является продуктом своей эпохи. Например, оппозиция имени и глагола возникла в недрах партитивно-посессивного строя, формирование категории аспектных (видовых) противопоставлений в системе спряжения глагола относится к пространственной фазе, образование временной части глагольной парадигмы (например, конфронтация прошедшего – настоящего – будущего в русском языке) знаменует становление темпорального мировоззрения, категория наклонения практически оформляется на наших глазах (как и новая «темпорально-модальная» часть речи – категория состояния, выделяемая некоторыми русистами, или новые «члены предложения» – тема и рема, модус и диктум, топик – фокус и т. д.).

Хотя языкознание занимается, в основном, объектами, характеризующими две последние из указанных выше фаз, не менее важным является осмысление всего пройденного пути в целом и его исходной точки. Естественно, об этом можно строить только гипотезы большей или меньшей достоверности по отношению к известным фактам. Иного метода проникновения в предысторию нашего мышления, как конструирование моделей развития языка на основании анализа тех следствий, которые представлены в известных лингвистам языках, в науке пока нет. Поэтому ниже пойдет речь об одной из таких моделей.

2. Исследуя языки банту – одну из наиболее многочисленных семей африканских языков, генетическое родство которых является

доказанным фактом¹, – можно обратить внимание на то, что в них выделяются два однотипных семантико-грамматических поля – земли и солнца. Все члены каждого поля в любом языке представляют собой слова (существительные, глаголы, прилагательные, наречия, предлоги), которые имеют одну и ту же семантическую составляющую (например, сему света, – ср. такие эквиваленты банту-ских слов, как 'солнце', 'свет', 'день', 'гореть', 'белый', 'искрящийся', 'светло' и т. п.), выраженную одним и тем же звуковым комплексом. Учитывая фонетические изменения, свойственные данным языкам (взаимозаменяемость *r* и *l* в различных диалектах, превращение в определенных фонетических условиях *l*, *r* в *d*, *z*, *nz*, *nd*, *j*, *a* – в *s*, *ns*, *ts*, *nts*, *ʃ*, *nʃ*, *tʃ*, *tsh*, *tʃh* и пр.), можно сказать, что для обозначения «земных» реалий в исследуемых языках используется *t*-слог, а для фиксации «солнечных» реалий – *r(l)*-слог. В частности, *t*-слог представлен в словах, обозначающих такие реалии, как *земля*, *на земле*, *внизу*, *низ*, *под*, *страна*, *грунт*, *почва*, *необработанная* или *обработанная земля*, *ком*, *глыба*, *жнивьё*, *покос*, *осадок*, *корень*, *основа*, *основание пня*, *пень*, *основание дерева*, *пятка*, *нога*, *в земле*, *внутри*, *подземный мир*, *могила*, *тропа*, *дерево*, *лес*, *термит*, *человек* (абориген, африканец, чернокожий), *отец*, *мужчина*, *собирать дрова*, *спускаться*, *устанавливать*, *тащить*, *волочить*, *ковать*, *резать*, и многие другие.

Так, слово 'земля' в тикую имеет вид *iʃi*, в мпонгве *-tʃe*, в нтсуо *ntsʃi*, в бобанги *tsʃe* (*ntsʃe*), в луимби *tʃi*, в ямба *tʃi*, в ньика *tshi*, в ун-гуджа *tʃhi*, в макуа *ʃʰhi*, в камба *ʃe*, в мбунда *ʃi*, в хаи *si*, в сукума *•si*, в булу *si*, в мбене *-si*, в рунди, ньоро, ньянкоре, ганда, диалектах конго и умбунду *-si*, в руанда *-•si*, в дуала, мбете и келе *-se*, в шамбаа *ʃi*, в бемба и ила *-ʃi*, в каланга *-ʃe*, в нгом *ʃe*, в луба (касаи и катанга) *nʃi*, и т. д.²

¹ В настоящее время известно более 830 языков и диалектов банту. На них говорят свыше 225 млн. человек в 24 африканских государствах южнее Сахары (Ангола, Ботсвана, Бурунди, Габон, Гамбия, Замбия, Зимбабве, Кения, Коморы, Конго, Демократическая республика Конго, Лесото, Малави, Мозамбик, Намибия, Нигерия, Руанда, Сан-Томе и Принсипи, Свазиленд, Танзания, Уганда, Центральноафриканская Республика, Экваториальная Гвинея, Южная Африка) и на о. Реюньон. Кроме того, отдельные вкрапления языков банту есть и в других государствах, граничащих с бантуязычными, например, в Камеруне, Сомали и Мадагаскаре.

² Полный список компаративных серий см.: M. Guthrie. *Comparative Bantu: An introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages*. Gregg International Publications. Vol. 1–4. Gregg Press, Ltd. Westmead. 1967–1971. Испол-
160

От основы со значением 'земля' формируются дериваты. Прежде всего, это существительные и наречия со значением 'на земле, внизу, низ, под' с префиксами *pa-*, *pha-*, *ha-*, *m̄-*, *wā-*, суффиксом локатива *-ini* и алломорфами корня *-ti*: *phantsi* в к'оса, *phansi* в зулу, *pansi* в ньянджа, *m̄nsi* в рунди, *wānsi* в ганда, *haasi* в ханга, *m̄n̄si* в бемба, *tshini* в каума, *t̄hini* в унгуджа, *īini* в тикую и т. д. по всему региону банту. Тот же корень входит во многие другие существительные; например, это слова со значением 'страна' (*tiko* в тсонга, *-tiyo* в тонга), 'саванна' (*-tsiɔ* в нгунгвел, *tsie* в лаали, *-sio* в бали), 'остров' (*-si:ɛ* в мфину), 'корень, основа' (*-ɸina* в болиа, *tuina* в ниламба, *tina* в рунди, *-tsina* в бали, *sina* в каланга, *sina* в гирьяма и центральных диалектах конго, *-sina* в теге-кали, *-sina* в ханга, *-eçini* в мфину, *-ɸina* в сонге, *-nt̄ina* в мбете), 'основание пня' (*tina* в дуала, *tin* в булу, *-tina* в гикую, камба и бобанги, *-tsina* в монго и теге-кали, *tina* в мпонтве, *t̄ina* в бембе, *t̄ina* в тетела, *-ɸina* в луба-катанга, *sina* в лвена и сагала, *-ɸin* в бушоонг, *sina* в каума и центральных диалектах конго, *-sina* в хехе, *-sĩnã* в мбунду, *-ɸina* в кваньяма и т. д.).

Из наиболее часто встречающихся и широко представленных *r(1)*-слов отметим названия таких реалий, как *солнце, небо, луна, свет, утренняя звезда, пламя, Плеяды, бог, первопредок, человек*

зую результаты работы М. Гасри по реконструкции протоформ банту и пытаюсь осмыслить систему этих протоформ с точки зрения их значений, я пришла к фиксации описываемых в данной статье соотношений между семантическими полями воды, солнца и земли и попыталась реконструировать динамику развития протозначений (по пути от синкретичного, общего ко все более конкретным). Зафиксировав эволюцию развития значений в виде цепочки означаемых («семантических конструкторов», соотносимых с семами тьмы, света, воды, воздуха, солнца, земли и т. д.), первым элементом которой является конструктор с синкретичной семой «света – тьмы», я установила, какие формы («формальные конструкторы») им могут соответствовать. Означающее первого означаемого в цепочке семантических конструкторов было зафиксировано как протоформа, из которой образовались остальные формы (означающие). При этом применялись методы анализа – синтеза (анализ семантических полей, синтез цепочки семантических конструкторов и общей для них семы, синтез означающего этой семы из зарегистрированных М. Гасри форм). Методы, процедуры и результаты проведенного М. Гасри сравнительно-исторического исследования не обсуждаются. Приводимые примеры и их объединения в компаративные серии М. Гасри принимаются за данное. На их основе строится гипотеза для объяснения динамики развития понятийного аппарата языков банту и человеческого мышления как такового. Для фиксации примеров используется система транскрипции, выработанная М. Гасри (более подробно о ней см. с. 44–48.).

(белый, европеец), *женщина, родственник жены, красный цвет, белая или красная глина, греть, сверкать, искриться* и т. п. В качестве иллюстраций можно привести слова со значением 'солнце' – *гѣра* в гикую, *игуѣ* в хаи, *лоѣ* в дуала, *лиуѣ* в мвера, *лилуѣ* в нден-герекко, *ѣоѣ* в лунду, *дцѣ* в мвумбо, *диуѣ* в макаа, *'диуѣ* в луба-касаи, *идиуѣ* в маконде, *'ѣуѣ* в венда, *изуѣ* в ила, *езуѣ* в нгандьера, *'зуѣ* в маньика, *изоѣ* в ньоро, *идзиуѣ* в рунди, *идзуѣ* в сагала, *дзиуѣ* в манганджа, *пзоѣ* в ниламба, *кизиуѣ* в мбунду, *изуѣ* в руанда, *иизуѣ* в тотела, *ниѣуѣ* в нгулу, *ѣоѣ* в бенга, *ѣѣ* в булу и бене, *ѣѣ* в каланга, *ѣѣ* в унгуджа, *ѣѣ* в луба-катанга, *енѣуѣ* в ганда, *иѣуѣ* в хаи, *иѣуѣ* в тикую, *'еѣуѣ* в гереро и т. д.; 'небо' – *игури* в ньоро и ньянкоре, *еггулу* в ганда, *ѣѣѣѣ* в логоли, *ѣѣѣѣ* в сукума, *рилу* в мбунду, *еѣлу* в ндонга, *еѣѣѣ* в гереро, *идзурѣ* в рунди, *изулу* в зулу и к'оса, *иулу* в лунда, *илу* в умбунду, *лилу* в лвена, *улу* в хунгу, *ѣѣѣѣ* в поке, *лиѣѣѣѣ* в ломбо, *ликѣѣѣѣ* в ханга, *иѣѣѣѣ* в субиа и др.; 'луна' – *хѣѣѣѣ* в ронга, *кѣѣѣѣ* в луба-катанга, *кѣѣѣѣ* в лвена, *кѣѣѣѣ* в лунда, *ѣѣѣѣ* в сукума, *ѣѣѣѣ* в шамбаа, *ѣѣѣѣ* в маньика, *ѣѣѣѣ* в венда, *кѣѣѣѣ* в мбове, *кѣѣѣѣ* в нгандьера, *иѣѣѣѣ* в рунди, *окѣѣѣѣ* в ньоро и ньянкоре, *риѣѣѣѣ* в мбунду, *ѣѣѣѣ* в вундѣ, *ѣѣѣѣ* в ниламба, *ѣѣѣѣ* в макуа, *ѣѣѣѣ* в гикую, *ѣѣѣѣ* в камба, *ѣѣѣѣ* в мвера, *ѣѣѣѣ* в унгуджа, *ѣѣѣѣ* в ганда, *ѣѣѣѣ* в луба-касаи, *ѣѣѣѣ* в ила, *ѣѣѣѣ* в манганджа, *ѣѣѣѣ* в гереро, *ѣѣѣѣ* в маконде, *ѣѣѣѣ* в дуала и т. п.; 'лунный свет' – *еѣѣѣ* в бобанги, *ѣѣѣѣ* в эна, *ѣѣѣѣ* в булу и бене, *ѣѣѣѣ* в тетела, *ѣѣѣѣ* в кваньяма, *ѣѣѣѣ* в центральных диалектах конго, *ѣѣѣѣ* в хунгу, *ѣѣѣѣ* в рунди, *ѣѣѣѣ* в ньоро, *ѣѣѣѣ* в бвенде, *ѣѣѣѣ* в лвена, *ѣѣѣѣ* в луба-катанга, *ѣѣѣѣ* в манганджа, *ѣѣѣѣ* в зулу и т. д.

Большинство животных, растений, предметов быта и различных пространственных реалий иррелевантны к *t-r(I)*-параметрам: в одних языках их названия имеют *t*-слог, в других – *r(I)*-слог, в третьих – оба слога, в четвертых – ни того, ни другого. Объяснить этот факт можно тем, что данные названия являются образованиями, которые возникли после того, как единый язык распался на различные диалекты и в каждом из них сформировались собственные названия путем соотношения новых реалий (скажем, неизвестных ранее жи-

вотных, увиденных после перекочевки в новые места) с «познанными» (с землей, солнцем, объектами, уже названными по отношению к ним).

3. После полей солнца и земли можно перейти к словам, которые выступают как компоненты поля со значением «мокрая, темная, водная стихия». Это – аналоги таких существительных, как 'вода', 'ливень', 'дождь', 'туча', 'река', 'озеро', 'поток', 'течение', 'родник', 'источник', 'ключ', 'водопад', 'лужа', 'пруд', 'холод', 'тьма', 'жидкость', 'раствор' и т. д. Среди глаголов наиболее широко представлены: 'мыть', 'промокать', 'стирать', 'лить', 'пить', 'плыть', 'орошать', 'течь', 'дождить' и др. Звуковой образ корня, который формируется в центре этого поля, представляет собой комплекс, составными частями которого являются звуковые образы корней, находящихся в центрах полей солнца и земли. Иначе говоря, если для слов «солнечного» поля реконструируется протокорень с $r(l)$ -консонантом, а для «земного» – с t -консонантом, то конструкт для «темно-мокро-водного» поля имеет вид комплексного $tr(l)$ -консонанта. Например, рефлексы $r(l)$ в одном слоге, а $t(s, \int)$ в другом слоге представлены в таких словах со значением 'река', как $\phi lwes\epsilon$ в ньякюса, $lusi$ в матенго, $rusi$ в нданди, $l\phi fi$ в тетела, со значением 'поток' – в яо, хемба, суунди (*sulo*), тетела ($\int\phi l\phi$), 'поса' – в ганда (-*sulo*), 'слеза' – в макуа (-*tfori*), тсва (-*hloti*), ила (-*so\li*), манганджа (-*sozi*) и т. п. О наличии $r(l)$ -компонента в первообразном корне со значением 'вода' говорят такие основы с фонемами l, j, d, nz , как *-li\ca* в келе, *-yi* в тикую, *-zzi* в ганда, *-di* в венда, *-nzi* в зулу и к'оса, а на присутствие t -компонента в том же первообразном корне указывают такие родственные им основы с фонемами $t, ts, s, \int, ns, t\int$, как *-ti* в тсва, *-ts'i* в южных диалектах суто, *-tsi* в лухья, *-t\int\epsilon* в таита, *-\fi* в мвера, *-si* в монго-нкундо, *nsi* в тонгве и др.

В процессе исследования слов, входящих в описанные выше поля, становится также ясно, что, кроме язычного компонента, манифестирующегося посредством звуков $t, r(l)$ и их аллофонов, необходимо учитывать еще два компонента – лабиальный и глоттальный (см., например, такие формы со значением 'река', как *orwihz* в ньян-коре или *uryudzi* в рунди; со значением 'луна' – *hweri* в ронга; со значением 'земля' – *-hlabathi* в зулу и т. п.). Первый чаще всего реа-

лизуется посредством различных губных фонем (*b, p, v, f, o, u*), второй – увулярных, веллярных, глоттальных и ларингальных (*g, k, h, ɣ, ʁ*, глоттальной смычки, аспирации, фарингализации). Соединение этих двух компонентов в единый звук рождает феномен лабиовеллярных фонем, которые встречаются во многих африканских языках и русскими воспринимаются как *kp, gb* или лабиовеллярный полугласный.

Обращает на себя внимание и то, что лабио-глоттальная составляющая в «земных», «солнечных» и «водных» словах представлена по-разному: в корнях, входящих в поле «водной стихии», регистрируются, как правило, рефлексы обоих компонентов, а также наблюдается назализация корней с превращением ротового язычного консонанта в назальный; в «солнечном» поле одни языки усиливают «глоттальную» тенденцию и ослабляют лабиальную, другие – наоборот (ср. *lɔba* 'солнце' в дуала и *ilanga* в зулу; *iwulu* 'небо' в субиа и *igulu* в сукума). В поле «земли» оба компонента затухают, причем лабиализация почти исчезает, а глоттализация результируется появлением дополнительной заднеязычной окраски у среднеязычных фонем (иностранцами воспринимается как аспирация, спирантизация или эйективация).

Эти факты позволяют предположить, что протокорень со значением «земля» образовался от протокорня со значением «солнце», а тот – от протокорня со значением «темной, водной стихии». Иными словами, эволюция лексики, входящей в данные три поля, моделируется в виде цепочки $x_1 \rightarrow x_2 \rightarrow x_3$, где x_2 и x_3 представляют собой развитие в формальном и смысловом плане исходного поликонсонанта x_1 , который является многофокусником с обобщенным значением водной субстанции, состоящим из синкретичного язычного компонента (недифференцированного *tr(I)*-звука, приобретающего *t*- или *r(I)*-звучание в зависимости от конкретных фонетических условий) с лабио-глоттальной «добавкой»¹, – например, с лабиали-

¹ В соответствии с предположениями Я. ван Гиннекена, Г. Хьюса, Ч. Хоккета, Р. Стопы и других, экспираторные консонанты современных языков являются вторичным образованием, развившимся из кликсблоков, т. е. кликсов (щелкающих звуков), связанных с гуттуральными согласными. По этой гипотезе из лабиальных кликсблоков развились лабиальные согласные, из дентальных – дентальные, а экспираторные веллярные появились в результате эволюции эйективных веллярных. Не считая возможным обсуждать в рамках данной работы вопрос о том, какую

зованной инициальной и глоттализованной финалью (*orwihz* 'peka' в ньянкоре), лабио-глоттализованной инициальной (*uryudzi* 'peka' в рунди), лабио-велярной инициальной (*ɔlwɛzɛ* 'peka' в сафва, *ɔlwɛsɛ* в ньикюса, *rwizi* в маньика, *lwizi* в умбунду, чокве, лвена и др.).

Движущие силы «смысловой эволюции» можно объяснить возникновением в предыстории к трем полям синкретичного образа враждебных человеку стихий, ассоциируемых, прежде всего, с бурей, грозой, ураганом, ливнем, потопом, наводнением и поэтому наиболее четко отраженных в «водной» лексике, а затем появлением на его основе бинарного противопоставления, которое в терминах партиитивно-посессивного строя интерпретировалось говорящим как «моя» (родная, нечужая, познаваемая, невраждебная, т. е. «обладаемая») и «не моя» (чужая, не подчиняющаяся, враждебная, непокорная, т. е. «необладаемая») среда. Это противопоставление результировалось расщеплением единого образа стихии вне человека на два производных образа: негативный (воздушно-водная, чуждая говорящему среда) и позитивный («твердь земная и небесная», дружественная говорящему).

Языковые данные показывают, что негативный образ воздушно-водной среды является развитием исходного синкретичного представления о хаосе, тьме, враждебных говорящему силах (во многих языках поля хаоса – тьмы и воздушно-водной среды перекрещиваются, и на их основе формируется общее семантическое поле). Наоборот, эмоционально противопоставленный им позитивный образ приобретает все большее по самостоятельности и независимости значение и становится центром нового семантического поля. Все, что не является темным, мокрым и воздушным, говорящий начинает относить к этому полю. Так возникает языковое представление о твердых телах. Дальнейшая эволюция этого образа результируется

конкретную форму имел описываемый выше многофокусник, мы оставляем в стороне отличия кликсов от остальных консонантов. Несомненно, как следует из экспонируемых материалов, одно: в качестве стержня первообразного корня выступал консонант сложной структуры, имевший синкретичный характер, вызываемый симультанностью (одновременностью) артикуляционных движений всех трех активных органов речи: губ, языка и глотки. В процессе последующего развития деятельность одних органов речи стала ослабевать (в различных языковых коллективах по-разному, параллельно направлению эволюции органов речи), других усиливаться, и симультанный диффузный комплекс распался на последовательность звуков или их просодических характеристик.

распадом семантического поля «твердых тел» на два новых поля: «тверди небесные» и «тверди земные». В центре первого поля оказывается корень со значением «небесное тело» (солнце, звезда, луна, небеса, которые у древних считались «твердью»), в центре второго – корень «земля».

Параллельно развитию значения идет формирование звуковых образов, – исходный синкретичный многофокусник x_0 со значением враждебных говорящему стихий, втянувший в свое поле все «водные» семы, становится обозначением не только хаоса, тьмы и прочих субстанционно не конкретизированных «твердо-воздушно-водных» бедствий, но и конкретизированных, т. е. только воздушных и водных (x_1), а затем, в результате последующей деривации, – воды и прочих реалий, определяемых по отношению к ней (водоемов, сосудов, жидкостей, растений и субстанций, из которых эти жидкости добываются, действий и процессов, которые для этого производятся, и т. д.).

Противопоставление «твердей» воздушно-водной среде закрепляется звуковой оппозицией. Образ твердых тел, по материалам языков банту, ассоциируется с твердым или глухим компонентом многофокусника, а образ воздушно-водной среды – с мягким, плавным или звонким. В силу этого, в названиях твердых тел регистрируется развитие глухих разновидностей плавной фонемы (см. *t, s, f* и др.) с отмеченным выше затуханием лабио-глоттального компонента и превращением его в просодический элемент или факультативный признак, а в названиях воздушно-водных реалий представлены рефлексы звонкой разновидности плавной фонемы (*d, z*) с усилением лабио-глоттального компонента. Особенно много здесь назальных. Их появление можно объяснить расширением сферы влияния назально-фарингального резонатора, с помощью которого, по мере развития языка, регистрировалось все больше реалий, вводящихся говорящим в «свою собственность»¹. Поэтому типичной

¹ Назализация является языковым средством, аналогичным жесту или иному знаку, посредством которого субъект «закрепляет» за собой интересующую его реалию (см.: Л. З. Сова. Эволюция грамматического строя в языках банту. Л., 1987. С. 222 и др.) и устанавливает между собою и ею связь (см. метки и зарубки, оставляемые на деревьях людьми, медведями, собаками). Ту же функцию выполняет у различных народов плевок на вотивный предмет, который создает, по представлению верующих, таинственную связь между человеком и его невидимым партнером.

формой «твердей земных и небесных» стали слоги с «твердыми» и «глухими» вариантами исходного протоконсонанта в виде *ru, lu, ti, si, fi* и т. п., а водно-воздушных субстанций – слоги с «мягкими» и «звонкими» вариантами в виде *ri, li, di, dli, zi* и т. д., а также с лабиовелярными или назальными (см. *lw, rwh, hl, ngw, nya, mhw, kw* и т. п. консонантные композиты, наиболее часто представленные в названиях воздушно-водных реалий)¹.

4. Подводя итоги, можно отметить, что реконструкция звуковых образов протокорней, стоящих в центрах описанных выше полей, позволяет представить их эволюцию в виде цепочки дериватов (языковых форм, образованных от исходной протоформы), которые имеют следующие значения: 1) континуумная «стихия» (тьма, мокрое, хаос, бездна, темные силы, враждебные говорящему, стихийные бедствия, нечто бесконечное, ужасающее, непознаваемое и т. п.) → 2) воздушно-водная субстанция (ураган, буря, гроза, ливень, потоп, наводнение, дождь, туча, облако, вода, река, море и т. п.) → 3) «тверди» (небесные: солнце, небо, луна, планета, звезда и др.) → 4) земля (все реалии, которые могут быть рассмотрены как части земли, ее «дети», «владельцы», насельники, признаки, качества и пр.).

Интерпретируя развитие этих дериватов как единств означаемых и означающих, получаем, что исходным пунктом деривации («первоматерией») является континуумная стихия (тьма, мокрое, хаос, бездна, непонятная и недоступная говорящему), из нее «рождается» воздушно-водная субстанция (мировой океан, космос, атмосфера, вода), затем, когда «разверзаются хляби небесные» (ср. цепочку фонем в слове *хляби* с описанным выше многофокусником, в составе которого содержатся те же компоненты), из мирового океана и тьмы «возникает» свет (ср. библейскую формулу: *да будет свет!*), а вместе с ним солнце, луна и небеса (по легендам, твердые). Далее из «тверди небесной» «создается» (т. е. образуется от корня, обозначавшего небесную твердь) «твердь земная» (земля).

Параллельно этому процессу идет образование слов от корней

¹ Это не исключает случаев, когда название, например, реки отражает не то, что она «водная» (т. е. образована от корня со значением '*вода*'), а то, что она «светлая» (или «темная»), т. е. произведена от корня со значением '*свет, солнце*' (соответственно: '*земля*').

'*тьма*', '*вода*' и '*солнце*', а также от их дериватов и дериватов этих дериватов. Затем в этот процесс включается и корень со значением «земля». Из-за параллельной деривации (например, в одном языке название реки образуется в результате деривации от корня со значением «*мокрое, тьма*», во втором – от корня со значением «*солнце, свет*», в третьем – от корня со значением «*земля*» и т. п.) возникают слова с различными означающими и означаемыми, но служащие для называния одних и тех же реалий. История, сохраняя деривационные связи между словами, интерпретирует их как отношения между реалиями, и языковое творчество со временем переосмыслиется в сотворение мира. Внутренняя форма слов, упорядоченных в цепочку дериватов, превращается в космогоническую легенду. Миф о мироздании с какого-то этапа становится различным у разных народов, хотя до какого-то деривационного узла продолжает сохранять единство во всех уголках земного шара, куда расселились потомки одного и того же протоэтнуса. Сравнивая сходства и различия в вариантах мифа о мироздании, бытующих у разных народов, можно увидеть, до какого этапа существовало единство между их предками и с какого этапа каждый этнос стал развиваться самостоятельно, постепенно утратив все связи со своим протоязыком, кроме деривационной истории слов и ее фантастической интерпретации.

5. По-видимому, так появились формулы Ветхого завета и дошедшая до нас библейская история создания человека и окружающей его действительности. Из приведенных выше примеров видно, что слово '*человек*' в одних языках является дериватом от «*солнечного*» корня, в других – от «*земного*». В терминах мифов этот факт интерпретируется как создание человека, после того как возник свет, – по данным одних легенд, сразу же после сотворения солнца, в соответствии с другими легендами – на следующий день после создания земли. Есть и иные версии – до солнца и земли, «*из воды*» или «*хаоса*», а также от божественных особей растительного или животного мира. Почему возникают такие варианты, нетрудно понять.

Дело в том, что названия животных в различных языках имеют неодинаковую деривационную историю. Некоторые животные предстают в легендах как «созданные» до человека, остальные – после него. Среди предшественников человека выступают *нау*к (символ единства множественности и многоликости единого как

основы сущего, позволяющей производить описанную выше бинаризацию, которая определяет характер развития языкового сознания), *черепаха*, *змея*, *крокодил* (символы единства воздушно-водно-твердой среды их обитания), *питон* (олицетворение синкретизма воздушно-водной субстанции, связываемое с представлением о водной стихии, с одной стороны, и жизненной силе – с другой), *хамелеон* (знак взаимных превращений в полях света – тьмы, образов – реалий), *птица* (знамение единства воздушно-твердой субстанции) и некоторые другие животные. Названия этих животных являются дериватами от первокорней хаоса, водно-воздушной субстанции или «*твердей*», поэтому соответствующие данным словам реалии интерпретируются как «возникшие» до человека. В ряде языков имя первопредка оказывается более древним, чем слово '*человек*', являющееся абстракцией от особой одного и того же рода или племени. В этих случаях имя первопредка обычно возводится к тому же корню, что и название одного из указанных выше животных, или является дериватом от последнего. Потомки переосмыслили этот факт, как происхождение от паука (или черепахи, или змеи, и т. п.) и превратили название животного в тотем.

Например, у акан мифы о происхождении мира повествуют о большом черном пауке, подчиняющемся приказам верховного разума. Он осуществляет созидательную деятельность, поставляя жизненное вещество, из которого возникают все человеческие расы. Происхождение сенуфо «предопределяют» пять животных: черепаха, змея, крокодил, хамелеон и птица, они же соответствуют и пяти главным ветвям сенуфо. Обожествленными оказались: паук (*Коло* в Верхней Гвинее, *Заколо* у бете и т. п. имена, являющиеся рефлексамми исходного многофокусника с велярным, лабиальным и плавным компонентами), питон, змея, дракон, ламантин, крокодил – у йоруба, бауле, сенуфо, фон, манджа, бете, дида, годье, тура, сусу, бамбара, бага, налу, бали, бамум, марка, бамилеке, куба, луба, бена-лулуа, сараколе, бозо, сомоно, сонгаи, конкомба, бобо, моси, груси, ашанти, ибо, фанг, у жителей прибрежных районов озер Чад и Виктория, рек Конго и Замбези, т. е. практически по всей Тропической Африке, хамелеон – у бауле, суто, ньоро, тсвана, тонга, венда, нгони, булу, фанг, яунде, зулу, к'оса и др., богомол – у бушменов, черепаха (по всему континенту).

6. Историю развития своего сознания говорящие считали на-

столько важным фактом своей «биографии», что постепенно придавали ей статус божественного откровения и вменяли в обязанность всем поколениям свято ее хранить. Процесс мироздания Библия не случайно начинает формулой: «*Вначале было Слово (Логос), и слово было у Бога, и слово было Бог*». Слово в устах человека, давшего себе впоследствии имя, артикулировавшееся в виде многофокусника, о котором в языках-потомках свидетельствуют рефлексии различных лабиовелярных консонантов (ср. *Бугуи* у бете, *Бог* у славян, *Яхве* у израильтян и т. п.), стало демиургом Вселенной, как этот процесс понимали древние, которые, в силу принципа параллелизма между названием и вещью, мир слов отождествляли с миром реальных (это повсеместно отражено в табу, заклинаниях, обрядах и пр.) и интерпретировали процесс образования слов как процесс создания реальных, названных этими словами. Поэтому слову, животворящей речи в большинстве религий отводится главная роль, а верховное божество в пантеонах народов Тропической Африки, как отмечается в литературе, носит характер простого философского понятия, идеи в чистом виде, плодотворного слова.

7. В ходе этих наблюдений возникает вопрос о том, какой была предыстория «создания» космических реальных (тьмы, небес, солнца и земли), о которых шла речь выше. Можно предположить, что это был этап, на котором произошло выделение говорящим своего «я» из окружающей среды. Это противопоставление могло закрепиться, например, посредством оппозиции ротового и носового резонаторов: факты различных языков свидетельствуют, что для обозначения реальных, соотносимых с личностью говорящего, часто используются назальные звуки, а для реальных, классифицируемых им как чуждая непознанная и недостижимая стихия, – ротовые. В этом случае, чтобы стать мысленным «обладателем» чужой реальности, достаточно было набросить на нее «назальную сеть», т. е. «включить» назальный резонатор и, назализовав прежнее название, тем самым «объявить» о своей «власти» над реальностью (связи с ней, – см. примечание 2). Так создавалась граница между познанным и непознанным, введенным в обладание говорящего и чуждым ему.

Этап, предшествовавший этим процессам, впоследствии был осмыслен как время, когда не существовало еще названий ни неба, ни земли, ни космоса, ни человека (все эти названия появились, как это видно из вышеизложенного, позднее). Впоследствии «не существо-

вание названий» приобрело смысл «не существования реалий», поименованных данными названиями. В результате возникли формулы «до сотворения неба, земли, человека» и т. п. «Вне времени и пространства» (осознание этих реалий также пришло позднее), в еще чистом, почти совсем пустом сознании говорящего витало некое «я» как инобытие (т. е. в противовес остальному миру) и предтеча, демиург, творец всего, что впоследствии появилось в языковом сознании и мышлении.

И, наконец, этому этапу предшествовал период полного синкретизма образов, когда «я» говорящего не было противопоставлено остальной среде, процесс дискретизации сущего говорящим еще не начался, и все воспринималось как первояйцо, природа, «триединный бог», тьма, хаос, смешение всего сущего, всеобщая взвесь, единая материя, первородный океан и прочие образы, отражающие континуумность (непрерывность, недискретность) исходного элемента деривационного ряда и неприменимость к нему каких-либо противопоставлений и дифференциальных признаков, развившихся в человеческом сознании впоследствии. Об этом, в частности, говорят теофорные образы, подчеркивающие единство протомира, из которого еще не вычленены отдельные особи, и указывающие на потенциальные возможности «развертывания» исходной точки по кругу, спирали, циклам, древовидным структурам для конструирования процесса дискретизации единого целого на самостоятельные реалии. Чаще всего, это образы клубящегося пчелиного роя, ткущего паутину паука, разматывающегося клубка шерсти, вращающегося над огнем облачка насекомых, разрастающегося корнями в землю, а ветвями в небо дерева и других реалий, расширяющихся из единого крохотного центра и самим процессом роста как бы набрасывающих свою сеть на окружающее пространство, чтобы «овладеть» им и целиком заполнить.

Суммируя, можно отметить, что исходной точкой формирования языка, языкового сознания и мышления был этап, предшествовавший выделению говорящим своего «я» из природы и абстрагированию ее признаков и характеристик. Механизм вербального сознания начал функционировать в тот момент, когда возник отдел «память», зафиксировавший первый образ: единство всего сущего. Затем над этим исходным символом была проведена первая мыслительная операция – отрицание его неделимости. Второй операцией было

деление исходного символа на два: один из образовавшихся новых символов был соотнесен субъектом со своим «я» (путем активизации назального резонатора), второй явился «продолжением» исходного символа (с помощью ротового резонатора говорящий по-прежнему фиксировал среду своего обитания: опять-таки единый мир, но теперь уже не «сам по себе», а по отношению к мыслящему субъекту, который поместил свое название в его центре).

За этим актом дуализации последовал новый, и т. д. по схеме, описанной выше. Поэтому можно сказать, что у истоков речеобразования и языка стоит представление о единстве всего сущего, как начале деривационного процесса, который имеет вид цепочки элементарных актов дуализации и в ходе которой от «большей» реалии рождаются «меньшие»: недифференцированное синкретичное сущее → «я» говорящего субъекта + (континуум, окружающий человека как воздушно-водно-твердая среда его обитания) → (воздушно-водная среда + «тверди») → ((воздух + вода) + (космические тела + земля)) и т. д. (при параллельном членении «я» говорящего).

8. Процессу деривации, как таковому, в большинстве мифологий уделяется много внимания. Наиболее распространенным его символом является образ дерева, растущего между небом и землей и тем самым как бы объединяющего обе субстанции, возникающие из общего деривационного ствола. Рост корней дерева при этом символизирует процесс формирования «земных» реалий, появление все новых и новых ветвей соотносится с процессом создания «небесных» названий. На вершине дерева обычно представлены две птицы – символы света и тьмы, дня и ночи, воздуха и воды, добра и зла, духовного и материального, человеческого и божественного, а также иных противопоставлений, определяющих последующие деривационные акты. У корней дерева изображается человек (см. образование слова *человек* от корня *земля*). Есть и иные интерпретации процесса «мироздаия»: в виде гончарного круга, вращающейся или движущейся по спирали субстанции, лестницы или тропы, соединяющей небо и землю, и др.

Хотя сотворение мира различные народы изображают по-разному, есть в этой символической картине много общего. Во-первых, однотипно фиксируется исходная точка. Повсеместно она представлена как нечто не членимое, не дискретное, никем не созданное, бесконечное, превышающее любые пространственные границы, изначаль-

ное, способное к развитию и расширению, и соотносимое с речью, сознанием, воображением, мышлением и вербальной деятельностью. Во-вторых, деривационный процесс повсеместно фиксируется как непрерывно продолжающийся «от исходной точки до наших дней» (преемственность деривационной истории отражается посредством образов «от родителей к детям»). В-третьих, мифологии особо выделяют бинарный характер каждого единичного акта путем указания на рождение близнецов у богов, фиксации двуликих или двуполых особей, регистрации процесса развития как расчленения на две части и т. п. Французский африканист Б. Оля замечает: „Напомним в этой связи, что подобные процессы расчленения и специализации божественных существ часто встречаются на всем континенте, и в литературе можно найти много таких примеров. Их можно разделить, по меньшей мере, на три группы: 1 – объединение двух или нескольких существ в виде единого крупного божества; 2 – расчленение первоначального существа на два или несколько божеств с разными функциями; 3 – тенденция крупного божества приобретать два самостоятельных облика, дополняющих друг друга или противостоящих друг другу, наподобие ипостасей в религиях, основывающихся на учении о спасении»¹.

В-четвертых, традиционные африканские религии подчеркивают эволюционный характер деривационного процесса, при котором изначальное не уничтожается, а продолжает функционировать вместе с вновь образованным. В силу этого особую роль начинают играть тройки (верховное божество и два его «ребенка», триединое божество, ствол и два направления его роста – к небу и земле), семерки (после первого акта деривации начинают функционировать три элемента: исходный и два новых, после второго акта – семь: к трем, полученным ранее, добавляются четыре новых, – по два от предыдущих), символы «множественности» в едином (образ паука, отмеченный выше, многоруких и многоликих божеств, представленных в скульптуре, культ богов и богинь, приносящих плодородие, большое потомство). Наиболее отчетливо характер деривационного процесса обычно передают схемы древовидного характера. Не случайно образ дерева занимает такое большое место в символическом процессе мироздания (см. опять-таки семь ветвей, которые вырастают от главного ствола, семь птиц, которые на них сидят, и

¹ Б. Оля. Боги тропической Африки. М., 1976. С. 92.

т. д., – в зависимости от специфики деривационной истории в каждом конкретном языке). Та же непрерывность процесса и сохранность «протовещества» не менее ясно передаются и образами вкладывающихся друг в друга вещей (холм между небом и землей, в нем пещера, в ней – два рога, в них – «семья плодородия» в виде масла или воды и огня и т. п.).

В-пятых, однотипной оказывается и половая соотношенность космогонических образов. Исходной точкой деривационного процесса является бесполое бестелесное существо или гермафродит. Далее появляются два производных образа, не имеющих к зачатию отношения (созданы «словом», «божественным актом творения», «появились неизвестно откуда», «существовали всегда», «пришли из небытия»), но числящих своим «отцом» первотворца. Первый из производных образов, соотносимый с водно-воздушной стихией, как правило, приобретает женские черты, второй символизирует «тверди» и имеет четко очерченный облик мужчины божественного происхождения. С этого момента все элементы деривационного ряда имеют строго фиксируемые половые признаки.

Например, зулу и к'оса почитают небесную принцессу *Номкубулвану*, которую описывают так: *Uhamba (1) ngenkungu (2), nganhlanye (3) ungumuntu (4), nganhlanye (5) ulihlathi (6), nganhlanye (7) ungumfula (8), nganhlanye (9) umile (10) utshani (11), uyisikhotha (12)*. 'Она (1) идет (1) туманом (2), частично (3) она (4) человек (4), частично (5) она (6) лес (6), частично (7) она (8) река (8), частично (9) она (10) стала (10) травой (11) – исикотой (12)'. Культ Номкубулваны, как отмечает один из крупнейших исследователей народов банту А. Т. Брайянт¹, имеет поразительное сходство с культом греческих богинь Деметры и Персефоны, много общего в нем и с культом фракийской «матери богов» Кибелы.

В приведенном выше отрывке Номкубулвана характеризуется как существо, объединившее в себе три субстанции: воздух (см.: *uhamba ngenkungu* 'появляется туманом, из тумана' – слово *ngenkungu* можно перевести любым из этих эквивалентов), воду (*nganhlanye ungumfula* 'частично она река') и «тверди» (*nganhlanye ulihlathi, uyisikhotha* 'частично она лес, частично трава-исикота').

¹ Обсуждение этого вопроса представлено в монографии: А. Т. Брайянт. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953. С. 377–388.

Женский характер облика передается не с помощью портретной характеристики, а указанием на одну из важнейших женских функций – производить потомство, давать начало росту живых существ (сема роста и множественности фиксируется посредством собирательных существительных *ihlathi 'лес'* и *utshani 'трава'*). Поскольку телесный образ Номкубулваны, как ее описывает легенда, никак не напоминает человеческое существо, остается считать, что человеком она является лишь в духовном отношении (*nganhlanye ungumuntu 'частично она человек'*). Когда народы банту персонифицируют в сказках животных, они наделяют их одним и тем же неизменным свойством – умением говорить. Тем же атрибутом легенда характеризует Номкубулвану, приносящую людям не только плодородие, но еще обычаи и законы. И значит, перед нами образ синкретичной субстанции, давшей начало различным явлениям и обладавшей животворящим словом. Мужского антипода Номкубулваны в зулу и к'оса нет, она является единственным божеством, существующим вне времени и пространства, где-то в предыстории к возникновению народа нгуни, представителями которого являются зулу и к'оса. Зато свою историю все племена нгуни свято хранят и передают от поколения к поколению. Начинается эта история с прадеда мужского пола *Ункулункулу*.

В-шестых, легенды сохраняют не только семантику деривационных отношений, но и их звукопись. Например, деривационные возможности протокорня фиксируются посредством указания на божественных двойников, имена которых образованы с помощью метатезы друг от друга (см. *Лаго* и *Коло* у бете, *Рузу* и *Куру* в различных вариантах у банту). Члены пар, на которые разбиваются исходные образы первотворцов, находятся в отношении дополнительной дистрибуции друг к другу и в сумме составляют имя первотворца (скажем, имя одного из детей первобога содержит билабиальные компоненты, второго – глоттальные или велярные, а имя отца состоит из тех и других; такие отношения представлены в тройке *Ибо – Гейи – Догбоза* у бете). Возможны и иные отношения: двуединный первообраз (см. у бамбара образ первоначальной пустоты *Гля* и ее звучащего двойника, появившегося по зову голоса) и произведенное на следующем деривационном этапе триединое божество, каждая ипостась которого имеет имя, соотносимое с одним из компонентов исходного многофокусника (у бамбара это тройка *Фаро – Телико – Пемба*: в *Фаро* представлен дрожащий и лабиодентальный консонант).

нанты со следами глоттализации в виде спирантизации лабиодентального согласного, в *Телико* лабиальный компонент почти совсем исчез и о нем свидетельствует лишь лабиализованный гласный в финали, а в *Пемба* четко представлены только лабиальные компоненты, и о плавном или дрожащем можно догадываться по назальному в середине слова, который мог возникнуть на месте прежнего плавного или дрожащего консонанта, как это часто случается в африканских языках). Есть и иные типы деривационных преобразований, поэтому особое внимание при их выявлении следует уделять всевозможным подсказкам семантического плана, – например, указаниям, что герои являются близнецами, двойниками, оборотнями, братьями-сестрами, имеют две или три ипостаси, двуединую природу, произошли от таких-то родителей и т. п.

В этом контексте приобретает особое значение совпадение фонетических обликов имен верховных божеств у различных народов. Так, эве в Бенине и Того рассказывают предания о древнем божестве, которого звали *Нана-Булуку* (ср. с *Номкубулваной*, культ которой сохранился на юге Африке). Соотношение имен можно объяснить перестановкой слогов, возникшей вследствие различного упорядочения компонентов исходного многофокусника: в слове *Булуку* артикуляция начинается с губ и завершается велярным компонентом, поэтому появляется комплекс *блк*, в слове *Номкубулвана* произношение корня *-кубул-* начинается с активизации гортани, затем вступают в действие губы. В первом случае назализация сосредоточена только в инициали слова (компонент *Нана*), во втором назализация охватывает слово в виде циркумфикса. По-разному включается в действие и латеральный компонент: перед активизацией гортани и после нее. Йоруба сопровождают своего бога эпитетом *Аругбо* («древний») – см. появление, вместо плавного консонанта, дрожащего и развитие велярной и лабиальной артикуляции в финали слова. Ашанти поклоняются богине *Ньямие Кпли*, что значит *Большое Небо*, – здесь представлена последовательность *кпли* артикуляции того же многофокусника. Свою богиню неба кробу называют *Кловечи*, а манде считают, что вокруг их домов бродят ночные духи *воклоу*, или просто *вокло*. Бамбара говорят, что все возникло из первоначальной пустоты *Гля*, племена лесной зоны поклоняются божеству *Гле*, сереры в Сенегале и Гамбии помнят исполнителей воли верховного божества по имени *Панголь*, у народности банен в Камеруне плодородную силу верховного бога, которая падает с дож-

дем на землю, называют *Хоель*. Сонгаи знают духов *Холле*, а бамбара – божество воздуха и олицетворение дыхания *Телико*. Божество-творец нематериальной силы у сенуфо-миньянка известно под именем *Келе*, а лоби тем же словом называют индивидуальную жизненную силу. Ашанти поклоняются индивидуальной жизненной силе – душе-дыханию *Окра*, эфе – бессмертной жизненной субстанции *Борупи*, мусульмане говорят о сверхъестественной силе *Барака*, лоби-бирифор чтут *Барка*, хауса и маури проводят обряды в честь духов *Бори*. Эве и фон одного из своих главных божеств называют *Легба*, луго-луголлони, герзе-кпелле, коно, мано, коньянка, галла – *Оглие-Ататье*, ангольцы – *Калунга*, ираку на противоположной стороне континента *Нетланга* (божество, живущее в воде), герзе и коно за тысячи километров от них – *Алатанга*, пастухи-кочевники гереро – *Карунга*, земледельческие народы Междоурья – *Руанга*, догоны – *Йуругу*, коньяги-басари – *Игвар*, сереры – *Гбекре* (судья загробного мира). Египтяне сохранили предания о божественном соколе *Гор*, а пигмеи Габона и ныне рассказывают легенды об огромном слоне по имени *Гор*. Верховным божеством у сереров признается *Рог* (см. метатезу *Гор-Рог*), а у бете – *Лого*. Его двойником является божественный паук *Заколо* (на метатезу в словах *Лого-Коло* неоднократно указывалось в литературе). У нуэров *Кол* – дух, который управляет грозами и поражает людей молниями, у киси в другой части континента его аналогом является *Хала*, а у банен – небесный бог *Коло*, и т. д. и т. п. по всей Африке.

Сюда же относятся и производные имена следующей ступени деривации, в которых глоттальный компонент либо совсем исчез (см. выше *Бори*, *Борупи*), либо сохранился в виде спирантизации или аспирации. Это – главный бог йоруба *Олорун*, ашанти – *Алуруа*, бог солнца ираку *Лоа*, предок-охотник народов лунда и леле *Фабори*, божества лоби-бирифор *Йуло*, крачи *Вульбари*, мано *Вулу*, солнечный бог эве *Лиз*, духи *Трово*, бог-солнце у фон Бенина *Лиз*, божественная черепаха бага и налу *Абуль*, воплощение солнца – жизни у галла *Аду*, верховный бог бауле *Адудва* (*Алуруа*), распределитель жизненной энергии у йоруба *Алаье* (как одна из ипостасей *Олоруна*) и мн. другие. К ним примыкают имена со следами глоттализованных или без них, относящиеся, в соответствии с водно-воздушной семантикой образов, называемых данными именами, к первой ступени деривации. Это – двуполое водяное чудовище *Фаро*, олицетворяющее водную стихию Нигера у бамбара и выступающее в облике

сказочного длинноволосого ламантина, верховный бог бушменов Калахари *Гор*, хозяин атмосферы у пигмеев на р. Итури *Тор*, хозяин неба у бамбути, повелевающий грозами, дождями и временами года, *Тор* и пр.

Трактуя мифы как летописи деривационных языковых процессов, можно в названиях образов, являющихся атрибутами верховного божества, выявить звукопись, с помощью которой языковое сознание говорящих фиксировало данный образ. В частности, образ Номкубулваны соотносится с такими земными реалиями, как *-khottha* 'разновидность быстрорастущей длинной травы', *-tshani* 'трава' (родовое понятие), *-hlathi* 'лес', *-ntu* 'человек', и это подчеркивается *t*-компонентом этих корней, а также глухой разновидностью плавного фрикативного согласного *hl*, противопоставленного в зулу звонкой разновидностью *dl* и не фрикативному *l*. «Водно-воздушная» ипостась *Номкубулваны* ассоциируется с назализованными лабильными и велярными компонентами, о которых шла речь ранее и которые представлены в словах *ngenkungu* и *ungumfula*, а также плавным согласным в корне *-mfula*. Легенда сохранила не только семантику деривации (образование от первичной воздушно-водно-твердой субстанции воздушных реалий, к которым относится туман, водных, к которым принадлежит река, и твердых, которыми являются человек, лес и трава), но и ее звукопись: те языковые формы, которые образовались на данном этапе, и те звуковые закономерности, посредством которых закрепилось развитие означающих в каждом языке.

И, наконец, есть еще одна характеристика, которая объединяет мифы различных народов и позволяет рассматривать их как регистрацию процессов словообразования. Как правило, в легендах описывается не одно верховное божество, а два. Каждый из образов как бы живет в своей плоскости. Эти плоскости не пересекаются. Один образ соотносится с первоматерией, функционирует вне времени и пространства и воплощает пассивное начало, которое, постепенно развиваясь, превращается в бесконечность и порождает все остальные реалии. Второй образ, наоборот, представляет собой активного субъекта, первотворца, создателя, носителя животворного слова, первопредка. Первый священнодействует над космическими объектами, создавая с помощью магии или божественного слова небо, солнце, землю, животных и человека. Второй занимается обычными

земными делами: лепит горшки, обжигает глину, пасет стада, строит жилища, расставляет силки на птиц, управляет семьей, выбирает жен и т. п. Первый является отцом богов и в земные дела не вмешивается. Второй живет на земле и только после смерти или при иных каких-либо важных событиях попадает на небеса. Первый выступает без определенных половых признаков: это либо бестелесная субстанция, либо гермафродит, либо духовное начало, ассоциируемое с животворными свойствами какой-либо материи – слова, энергии, воды, огня и т. п. и часто соотносимое с девственницей; например, это первоначальная пустота *Гля* и двуполое водяное чудовище *Фаро* у бамбара, бестелесное существо, заполняющее собой космос, *Кулотиоло* у сенуфо, небесная принцесса *Номкубулвана* у нгуни и многие другие. Второй образ имеет четкую половую соотношенность: повсеместно он описывается как особь мужского пола. «У догонских теологов, – отмечает Б. Оля, – совершенно безличное понятие верховного небесного бога сосуществует с другим, согласно которому бог – самец, ревнивый муж, похожий на человека»¹.

Хотя у некоторых народов происходит контаминация обоих образов и сюжеты, в которых верховное божество предстает в одном облике, соседствуют с сюжетами, где оно приобретает иной облик, в большинстве случаев сказители четко знают, о каком из персонажей идет речь. Тем более что во многих языках каждый из образов соотносится со своим особым именем. При наличии двух имен, имя абстрактного бога артикулируется, как правило, в виде описанного выше многофокусника или его рефлексов (*клб*, *кбл*, *коп*, *гор* и т. п.), имя предка – в виде цепочки назальных: *Нун*, *Нан*, *Ной*, *Нанни*, *Ньямбе*, *Ньямие*, *Номмо*, *Имана*, *Амма*, *Амон*, *Оман* и т. п. Каждый образ имеет свою генеалогическую ветвь: от одного образуются боги, от другого – люди. Впоследствии родословные склеиваются. Поскольку это делается для оправдания приоритетного положения определенного клана перед остальными, божественное происхождение приписывается предку этого клана, его родословная подклеивается к генеалогии богов, и имя строится как дериват от имени абстрактного бога (см. корень *-кул-* в зоне бантуязычия как один из рефлексов корня *-кубул-*). Тем самым соотношение культурных слов, отразившееся в формировании каждого из божеств, заменяется прямо противоположным, ибо исследователи отмечают, что более

¹ Б. Оля. Цит. соч. С. 67.

древним является сюжет, посвященный первопредку, а более новым – космическому богу.

В соответствии с объяснением, предлагаемым в данной работе, образ пассивного бестелесного божества возник как абстракция от процесса деривации слов и соотносится с исходной точкой этого процесса, а активный персонаж мужского пола соответствует облику реального предка, который был субъектом данного процесса и демиургом всех тех вербальных субстанций, которые впоследствии нашли отражение в виде генеалогии богов. Наличие двух божеств отражает фиксацию языковым сознанием двух различных периодов его формирования: довербального и ранневербального, на котором человек не вычленил себя из окружающей природы и еще не начал описывать ее в виде цепочки дериватов, получившей статус божественной генеалогии, и собственно вербального, на котором началось освоение водно-воздушно-твердой среды с помощью языка и «сплетаемой» из его элементов сети, набрасываемой говорящим на мир для его покорения и объяснения.

Формируя «сеть» для охвата объективной действительности, говорящий тем самым создавал и свое собственное сознание. При этом исходной «пустой» точке своего сознания он придавал бестелесный и абстрактный образ, единственной существенной стороной которого было то, что тот служил началом всех начал в человеческом мировосприятии. Наоборот, характеризуя того человека, который начал «плести эту сеть», говорящий видел в нем своего предка и мог четко очертить его облик. Впоследствии оба образа приобрели статус самостоятельных реалий и стали обрастать собственными мифологемами¹, а еще позднее произошла их контаминация, или

¹ Ср. с положениями, которые развивали М. Мюллер, А. Кун, Э. Мейер и Ю. Беллох в связи с лингвистической теорией мифологии. Эти ученые полагали, что вследствие бедности древних языков человек обозначал различные явления одними и теми же словами; когда первоначальное значение слов забывалось, люди начинали приписывать словам статус особых существ и олицетворяли таким образом различные явления в виде божеств. Иллюстрируя процесс «порчи слов» (придания мифологического содержания названиям реалий), представители лингвистической теории мифов не ставили своей задачей вскрыть деривационные связи и интерпретировать их как отражение взаимоотношений между миром формирующегося языкового сознания и миром реалий, поэтому они не заметили параллели между «сотворением мира» и созданием слов. Однако они собрали большой материал, осмысление которого дает возможность для создания модели, предлагаемой в данной работе.

склейка божественной и человеческой генеалогий, искажившая не только отношения между миром слов и миром реалий, но и хронологию внутри деривационных процессов.

Вторичный образ был помещен в начало мироздания и стал выступать как основная динамическая субстанция, отвечающая за создание не только языкового сознания, а и того субъекта, с которого начиналась эта эволюция. Естественно, что «пересаженный» из головы человека в объективную действительность образ стал носить крайне абстрактный и обобщенный характер. Поэтому хранители преданий даже у тех народов, культурное наследие которых сохранилось достаточно хорошо (коно, гуру, дида, тура, сенуфо, бете, бамбара, курумба, бозо, лоби, бобо, бумбути, бабинга, мпонгве, лунда, луба, чокве, куба, масаи, нуэры, готтентоты, дамара, бушмены), всегда затрудняются описать свое высшее существо и соотносят его не с реальной исторической перспективой, а с небытием, пустотой, космосом и т. п. образами.

9. Приведем несколько иллюстраций. Верховное существо пантеона сенуфо, имеющее чрезвычайно абстрактную форму, буквально заполняет космос; одновременно оно присуще всем людям, животным и вещам; оно определяет их материальное существование и придает ему смысл. Зовут его *Кулотиоло*. Центральные группы сенуфо, расположенные в районе Корхого и возглавляемые тиембара, утверждают, что в первый день Кулотиоло, вышедшее из небытия благодаря своему божественному слову, построило себе небесное жилище и зажгло солнце, чтобы оно светило днем, а также луну и звезды, чтобы они сияли ночью. На второй день Кулотиоло опустило вниз кусочек небесного свода, создав таким образом землю, и подняло горы, и т. д. вплоть до появления человека и животных.

Аналогичную роль в пантеоне бете играет уже упоминавшийся *Лаго-Заколо*: у бете *Лаго* буквально заполняет все пространство. Все формы бытия не только исходят от него, но сами являются *Лаго*. Все достоинства, все ценности, все положительные и отрицательные качества – это продолжение *Лаго*. *Лаго* появляется из небытия после возникновения главных сил вселенной, породивших *Догбозу* (искусство говорить). От *Лаго* и его супруги *Майи* рождается пара божеств следующего ранга производности. Одним из их детей является *Бугуи* – родоначальник предков двух рас: со светлой кожей (*Гомана*) и черной (*Сели*).

В мифах бамбара «после периода полного хаоса из первоначальной материи появились стихии, живые существа и неодушевленные предметы. Их становлению помогли космические взрывы, вибрации и творческое слово»¹. Этому периоду, как полагают бамбара, предшествовала эпоха накопления человеком творческих сил *зо*, произведенных вибрацией *йерейерели* в первоначальной пустоте, именуемой *гля*. «От этой безмолвной субстанции по зову голоса, исходящего при колебаниях, отделился ее звучащий двойник. Их союз породил влажную субстанцию *зо сумале*. Затем обе *гля* вступили в борьбу между собой. В результате произошел космический взрыв, который вылил на землю (она еще была в потенци) тяжелую и плодородную материю (будущее владение бога *Пемба*), а также знаки, предвещавшие зарождавшиеся предметы»². Затем начался процесс сотворения живых существ, растений и предметов – всего 22 витка спирали, т. е. 22 деривационных этапа. На первом этапе возникли: *Фаро* – властелин слова, духовная сущность, предстающая в виде благотворной воды или ламантина, *Пемба* и *Телико* – олицетворение воздуха и дыхания. Затем создаются остальные божества. *Фаро* построил семь небес, соответствующих семи частям света, и зачал двух водяных близнецов – первых рыбаков из племени бозо. *Пемба* кружился семь лет и создал землю с ее горами и долинами, а затем превратился в семя растения баланза, из которого выросло дерево, являющееся воплощением *Пемба*.

У догонов первоначальный бог *Амма* стал бросать в космос шарики и создал светила. Затем он сделал два сферических горшка, украсив один спиралью из красной меди, а второй – из белого металла. Так появилось Солнце, благосклонно относящееся к поколениям черных людей, и Луна, покровительствующая белым людям. Затем *Амма* создал Землю – свою супругу.

Банту в Кавирондо утверждают, что их верховный бог *Веле Хакаба* в течение двух дней построил себе небесный дом, создал Луну – старшую сестру и Солнце – младшего брата, а затем Землю и поместил на ней, помимо буйвола, слона, гиппопотама и носорога (остальные животные появились позже), первого мужчину, которого вагусу зовут *Мвамбу*, и первую женщину по имени *Села*. От их брака появились все поколения людей. Палеонегритские племена се-

¹ Б. Оля. Цит. соч. С. 43.

² Там же. С. 70.

верного Камеруна считают, что сначала существовал огонь, потом его залила вода, а первые люди появились после потопа. Мифы сенуфо, догонов, коно и бозо первоначальный мир представляют в виде огромного моря грязи.

Фактически по всей Африке – и в зоне бантуязычия и за пределами этой зоны – в мифах встречается понятие хаоса как ранее существовавшей субстанции. Бантуязычной Африке при этом свойственны легенды, в которых наиболее ранние космогонические этапы отсутствуют и все события разворачиваются уже после появления людей и животных, а не-бантуязычной – легенды, в которых наибольшее внимание рассказчика сосредоточено на «первых днях творения». Например, такие племена банту, как суто, полагают, что мир никогда не был создан, а находился на своем месте с незапамятных времен, – только пастухи и их стада появились позднее: они зародились в недрах земли (см. отмеченную выше деривацию слова 'человек' в диалектах суто от корня 'земля') и вышли из нее через огромное отверстие в пещере (после тотемных животных)¹.

Соседние с суто племена нгуни считают, что человек впервые появился в болотистом месте, где растет тростник. Его создал первотворец *Ункулункулу*² (ср. назализованный вариант корня *-нкулу* с

¹ Ср. также: «Кру в Либерии, например, считают себя потомками человека, который упал с неба вместе с первым дождем, ниспосланным на землю по воле великого божества *Нионсва*. А их соплеменники, живущие в устье Кавалли, вокруг Табу, ведут свое происхождение от четы предков, спустившихся сверху по длинной лиане... реже встречаются версии, согласно которым первые люди вышли стихийно из земли, из горы, из пещеры, из норы, из термитника, из глубины леса, с морского дна, из реки или болота. В других местах бытует миф, в котором первая чета сошла с неба. Об этом рассказывают экои, ибо, эдо, ашанти, сонгаи, нилоты, батутси, балуба, бемба, бена-лулуа, вачокве, тетела и ила». Б. Оля. Цит. соч. С. 79.

² На языке зулу, в частности, говорят: *UNkulunkulu (1) wadala (2) abantu (3) ohlangeni (4)*, что обычно переводят как 'Бог (1) создал (2) людей (3) из (4) тростника (4)' или 'в (4) тростнике (4)', поскольку локативная форма *ohlangeni* слова *uhlanga* 'тростник' является многозначной. Однако Б. В. Вилакази и К. Док указывают (С. М. Doke, В. W. Vilakazi. *Zulu-English Dictionary*. Johannesburg, 1958. P. 319), что слово *uhlanga* имеет также значение 'корень генеалогического древа, общность происхождения, возводимость к одному и тому же предку, генеалогия, генезис, род, династия, предки'. При такой трактовке слова *uhlanga* фантастика сменяется реальной языковой формулой о происхождении людей от общего генеалогического древа. Кроме того, слова *-nkulu* и *-hlanga* являются еще одним вариантом метатезы, представленной в *Коло-Лао*, поэтому данная формула отражает звукопись процесса деривации: корень слова 'человек' (*-ntu*) создан в результате развития пары кор-

корнем *-коло* у бете и с другими корнями, приведенными выше). «*Омукуру* (у гереро) и *Ункулункулу* (у зулусов) означают то же самое имя и то же самое лицо, что *Мулунгу* в Ньясаленде и *Муунгу* у суахили, хотя эти последние имена и утратили теперь свое первоначальное значение. Мы думаем, что перед нами еще один пример столь частой в языках банту инверсии слов: «*нкулу*» превращается в «*лунгу*», и наоборот... Так, если сами гереро называют своего бога или великого праотца *Омукуру*, то их родственники и ближайшие соседи – вамбо изменили это имя на *Карунга*, что означает... «отец человека по имени *Овакуру*»¹. Формант *ому-* в *Омукуру*, *му-* в *Мулунгу*, *ова-* в *Овакуру* – префиксы, за их вычетом остаются корни, являющиеся различными звуковыми вариантами описанного выше многофокусника с дрожащим или плавным (*r*, *l*), глоттальным или велярным (*k*, *g*) и лабиальным (*m*, *w* в предынициали, лабиализованные гласные) компонентами, осложненными назализацией.

Аналогичная ситуация представлена у многих бантуязычных и небантуязычных народов. Бессмертные души умерших вождей в западной Африке банту йомбе называют *Нкулу*, манджа и банда за тысячи километров от них боятся *Нгакола* – духа, злого пожирателя людей, которого представляют как черного мохнатого силача. Басари и коньяги предков своего рода называют *Унонкуол*. Ганда в восточной Африке говорят о своем обожевленном предке аристократического рода ханья *Калуви*, сенуфо хранят сказания о мифическом герое *Нголо*, на восточно-африканском побережье широко распространена легенда о *Лионго Фумо*², в районе Великих озер са-

ней-перевертышей *кулу-гола* в назализованной форме (с развитием глухого фрикативного *tr(l)*-консонанта в глухой альвеолярный *l*).

¹ А. Т. Брайдант. Цит. соч. С. 39.

² Предполагается, что легенда о *Лионго Фумо* или *Фумо Лионго* («царе Лионго») возникла вокруг имени некогда жившего человека. Л. Хэррис указывает даты его жизни 1150–1200 гг., У. Хиченс помещает его в XIII в., Я. Кнапперт говорит о конце XVI–начале XVII в. А. А. Жуков в работе «Культура, язык и литература суахили» (Л., 1983) на с. 53 справедливо отмечает, что «образ Лионго многослоен, он впитал в себя черты многих эпох и неоднократных контаминаций». Особенно интересными в легенде являются указания на древний язык, которым владел *Лионго* и который был непонятен его современникам. Есть и иные доказательства контаминации древнего образа и реально жившего в средневековье поэта (ритуальное убийство медной иглой, следы древней системы наследования власти, культ воды, связь с землей, проявляющаяся в мотиве «Ахиллесовой пяты» *Лионго* – его пупке, и др.). Поэтому наиболее правдоподобным кажется, что некогда слово '*Лионго*' могло «обозначать представителя социально могущественной группы, в которую

мым крупным из местных богов стал *Руанга*. В Руанде во главе пантеона богов, которым поклоняются маконде и ньямвези, стоит *Мулунгу*. «Его, – пишет Б. Оля, – можно считать, очевидно, самым распространенным божеством по всей Восточной Африке, в частности, у акамба, акикую и чага... Традиционная доктрина воспринимает *Мулунгу* как сумму древних темных потенций или, другими словами, как конденсированную генетическую силу, которая посылает дождь, оплодотворяет женщин и гарантирует пропитание»¹. Верховным божеством у банту Анголы является *Калунга* (*Карунга*), которому приписывается эпитет «верховный разум». У бантуязычных народов южной Африки имена *Мукаранга*, *Вуаранго* и т. п. обычно свидетельствуют, как отмечает Л. Фробениус², о принадлежности к роду вождей. У племени ила на р. Кафуэ есть божество *Булонго*, и т. д. и т. п.

10. Суммируя языковые факты, отраженные в легендах и мифах африканских народов, можно отметить, что идея создания земли и солнца из хаоса, тьмы, воздушно-водной среды и иных континуумных субстанций отражает представления древних не об истории мироздания, а об истории словообразования: синкретичный первообразный многофокусник, обозначавший окружающий человека континуум реалий, распался на два менее синкретичных поликонсонанта, и первый стал названием воздушно-водной среды, а второй – твердой. Эти многофокусники снова дуализовались, в результате образовалось семь поликонсонантов, и т. д. Каждый многофокусник отражал спецификацию исходного элемента деривационного ряда в определенном артикуляционном отношении: в одном деривате развился лабио-глоттальный компонент, во втором – язычный, затем произошел распад лабио-глоттального на лабиальный и глоттальный, а язычного – на дрожащий и плавный, и т. д.

Сравнение материалов различных языков показывает, что распад языковой общности произошел на этапе синкретизма исходного протоконсонанта: во всех языках сохранились реликты обеих воз-

входили хранители культов доисламской идеологии» (А. А. Жуков. Культура, язык и литература суахили. Л., 1983. С. 109), а впоследствии реально жившего поэта, благодаря тому, что корень этого слова суахилийцы, как и другие народы банту, возводили к имени первопредка, прародителя вождей или иной исходной точке генеалогического древа.

¹ Б. Оля. Цит. соч. С. 28.

² L. Frobenius, D. C. Fox. African Genesis. New-York, 1937. P. 40.

возможностей артикуляции – в направлении от гортани к губам (см.: *кбл, кбр, хбл, кпл, клб, крб,...*, *гор, кол,...*, *кро, хло*) и от губ к гортани (*брх, брк, блх, плк, пхл, ...*, *врх, плг,...*, *рбк, лвх*)¹. Например, к образованиям по первому типу можно отнести имена небесной принцессы *Номкубулваны*; фригийской богини плодородия и Великой матери богов у римлян *Кибелы*; детей нимфы *Кабиро*, которые в древнегреческой мифологии считались покровителями мореплавания и богами света, огня, полей, плодородия земли и были божествами малоазиатского происхождения, *Кабиров (Кавиров)*; первородного каннибала *Ихебила* у кабиллов; одного из наиболее древних тотемов ганда *Кабиро*; почитавшегося с глубокой древности многими народами Европы *Купалы*, а также многих других божеств, названия которых распространены на различных континентах. По-видимому, в этот ряд также входит имя племенного бога иудеев, выступающего в роли творца неба и земли в Ветхом завете, *Яхве – Элохима*.

По второму типу образованы имена высшего божества и управителя мира в индуизме *Брахмы*; бога солнца и покровителя финикийских городов *Молоха*; главного бога древнеславянского пантеона, бога дождя, молнии и грома *Перуна (Перкунаса* у литовцев, если допускать правильность сближения славянских и балтийских сло-

¹ Профессор де Люмлей из лаборатории фонетики университета Экс-ан-Прованс (Известия. 1986. 4 авг.) совместно со специалистами в области физиологии речи и информатики восстановил внешнюю морфологию тотавельского человека, жившего в одной из пещер Руссильона 450 000 лет назад, и с помощью компьютера создал действующую модель артикуляции, производимой индивидом, который имеет аналогично тотавельскому человеку выдвинутую вперед нижнюю челюсть с горизонтальными мышечными связками, лежащий в передней части ротовой полости массивный язык и не соприкасающиеся друг с другом губы. Оказывается, что этот индивид не в состоянии произносить такие гласные, как *o, u*, и может артикулировать лишь различные фонетические варианты *e*. Индивид, нижняя челюсть которого прикреплена к шее вертикальными мышцами и который обладает параллельными губами и языком меньших размеров, свободно двигающимся в ротовой полости, может произносить все гласные и согласные современных языков. Именно такого индивида и приходится рассматривать как члена протообщности, внутри которой впоследствии наметились отмеченные выше две тенденции развития артикуляции. В пользу принципиальной возможности сведения человеческого рода к первоначальному говорят выводы биологов А. Уилсона, Р. Канн и М. Стоукинга, которые, изучив митохондрии ДНК 147 человек, представляющих пять географических регионов, показали, что различия в структуре митохондриальной ДНК столь малы, что их можно объяснить только наличием общей ДНК-«предка». Существование этого предка датируется периодом 280–140 тысяч лет назад (За рубежом. 1987. № 12. С. 21).

воформ)¹; бога огня у хеттов (^d*raḥḥur*, – см. также лувийск. *pa-a-ḥu-и-ur* 'огонь', тохарское Б *riwār* 'огонь', оскское *pirasiāi* 'огонь')²; богини брака, любви, семейного очага и супруги верховного божества скандинавской мифологии Одина *Фригг*, образ которой слился с образом богини плодородия, любви и красоты *Фрейи*; итальянского бога огня, пожаров, очага и покровителя ремесел, связанных с использованием огня, *Вулкана*; различных богинь в Прибалтике и на Балканах, которые выступают как символы плодородия и входят в ближайшее окружение громовержца, играя роль *Богородицы*, дочери Громовержца, девушки-героини и т. п.: серб.-хорв. *Пропоруша*, *Прпац*, болг. *Папаруна*, *Пеперуна*, *Преперуна*, *Пеперуда*, *Преперуда*, *Пеперуга* (ср. укр. *Баба Руга*), *Преперуга*, *Пеперунга*, *Пемперуга*, рум. *Pǎrǎrudă*, *Pǎrǎrugă*, *Pǎrǎlugă*; арум. *Pirpirună*, *Pǎrǎrınă*, *Porpirita*; алб. *Perperonë*; ново-греч. *Перпероѡна*, *Перперѡна*, *Перперѡа*, *Перперѡса*, *Потерѡа*; русск. *Параскева* и др.³

11. Исходная точка деривационного ряда отражена не только в именах верховных божеств различных народов, но и в топонимах, этнонимах и лингвонимах. Преимущественно по первому типу построены этнонимы и лингвонимы, содержащие все три компонента первообразного многофокусника⁴, в следующих языковых семьях: нигеро-кордофанской (*тлхваро*, *тлхатинг*, *ликпе*, *логба*, *легбо*, *легба*, *лигби*, *лингбе*, *ленгве*, *рунгва*, *эрегба*, *эраква*, *эрохва*, *урхобо*, *ирагве*; *галва*, *гелава*, *келава*, *хулуф*, *лубли*, *коалиб*, *гарве*, *гребо*, *крепе*, *кробо*, *крави*, *керебе*, *кереве*, *короп*, *кру*; *квели*, *квала*, *кволл*, *кпелле*, *квелле*, *квала*, *кпилакпила*, *хвила*, *хвела*, *нгвили*, *нгунгвел*, *гбигбил*, *гобла*, *кваре*, *квири*, *кпере*, *кпер*, *кепере*, *каффир*, *кабре*, *кабуре*, *гбари*, *игбира*, *гвере*, *говера*, *гбекре*; *кулу*, *горо*, *гулу*, *гуру*, *кула*, *коло*, *голи*, *нгола*, *нгулу*, *нголо*, *нгоро*, *нгуру*, *холохоло*, *холо*, *холу*, *хорохоро*, *коро*, *кур*, *хор*, *гур*, *гуро*, *гола*, *голо*, *гула* и т. д.), нило-сахарской

¹ Обсуждение этого вопроса см. в Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера (Т. 3. М., 1987. С. 246–247).

² Вяч. В. Иванов. Культ огня у хеттов // Древний мир. М., 1962. С. 272.

³ В. Н. Топоров. К древнебалканским связям в области языка и мифологии // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. Отметим следующее замечание В. Н. Топорова: «Сам принцип называния жены, дочери и т. п. Громовержца тем же корнем, которым обозначается и его имя, хорошо известен во многих традициях» (С. 52). Другими словами, во многих традициях отмечается принцип параллелизма между деривацией слов и их мифологическим истолкованием: исходное слово и отец, производные и дети (или жены).

⁴ Речь идет о «самоназваниях». Лингвонимы взяты из монографии: Языки и диалекты мира. Проспект и словник. М., 1982.

(кпала, капала, гбара, кориок, гульфан и т. д.), койсанской (нхарон, гриква), афразийской (семитские этнонимы: гура, гураге, хоран, хауран, хвара; берберские: кабил, ахбалу, кхалфун, гхобри, ихклеф; чадские: гобир, кабвир, кофьяр, гавар, габри, габери, карбо, гаруа, гулей, кулере, квалла; кушитско-омотские: квара, кулло, харро, харуро, каро, гороя, горова, ираку, иракв, алагва, галаб, гелеба), сино-тибетской (корен, гурунг, бодо-гаро), тайской (лаква, гэлао, каолан), корейской (корейский), палеоазиатской (коряк), хуррито-урартской (хурритский), абхазо-адыгской (кабардинский, агульский, хваршинский, картвельский, цахурский, грузинский), аустроазиатской (корва, кхервари, кравет, крол, горум, кора, кораку, корку, куриу, кол, колха, кор, рехонг, рэхонг, ррекуебуро), папуасской (горову, гирава, карава, каруб, корафе, коропа, каруфа, керевокарам, карами, карон, колом, калоу, клеб; квале, кваре, каувол, кеулу, кибири, кебар, копар, купел, капори, капрун, кверба, кверби, кабола, капаур, нгавир, гвейра; аригби, року, галу; короро, коруа, корак, корики, йекара, кол, коле, догора, гороху, ангор); австралийско-тасманийской (карова, карава, карлуу, галбу, корлла, горлба, галбу, голба, калва, карва, гарава, гарама, курума, карама, курама, яеарабал, калибал, каруло, арагби, гувара, коара, каувала, якабурра, юкабурра, говар, гавор, гаурна, каурне, кавурна, коковара, кокопера, кокобера, агиквала, араквал, квалуп, камор, гулу, гургула, нгури, нгурлу, нгуру, гугур, гура, гурну, кула, якула, юкула, кулур, кулунг, кулин, гола, гулу, голер, нгуру, рангу), австронезийской (см. тайваньские этнонимы: кулалау, кулалао, киварава, кувараван, кавалан, ракавонг, кабулуван; южнокордильерские: карау, каболан; Калимантана и Мадагаскара: кроконг, грого, сакалава, сахафатра, келабит, колор; Сулавеси: горонтале, холонтале; Явы и Суматры: ангола, джохор, каро, кроэ, круи, хрой, харой, хруэ, клуа, клуэт; Индонезии: хоруру, гором, горам, коор, кур, ахиоло, коло, кола, лакор, рикау, аргуни, калабахи, коброор; Океанийские: икоро, хура, хула, игора, гура, гула, кауру, коро, кеапара, гулегулеу, корекоре, калокало, киливила, квара'аэ, куливиу, кеакало, кеакаро, гвавили, галави, галубва, гарувахи, энграо, энграс, хироа, михироа), индейской (надене: ква-люкве; салишские: колвилл, копалис; чимакуа-вакаш: квакиутль, квилеум; хокальтек: акваала, килива, карок, каранкава, хокальтек; ючи-сиу: крау, кроу; ироква: ироква, гурон; галф: галф, аквера, гвале, крав; юто-ацтекские: екора, никарао, окорони, текуаль, кавилла; аравакские: кабре, каоури, кариб, киррута; же: акроа, арикоба, гурупи, короно, крао; карибские: кариб, галиби, курина, каррана, акуриа, гикуру, коре; боротуке: короа, кураве; самуко: хорио, циракуа, гуаранья; пуинаве: гуарина; гуахибо: гирикоа; хиваро: хиваро; арауа: коло, куриа; чибча: корруэ, хурру; кечумара: колла, каранга; куйка-тимоте: кура, чигвара; такана-пано: накагвара, ниарагуа; тупи-гуарани: гуарани, гуараю, гуаракию и т. п., карио, рирагуара, поти-гуара, купероб, арикобе, арааруара, араарохор; макро-гуайкуру: гуайкура, гуайкуру; изолированные: карато, каратото, карипон, агуале, куллу, аригао, кариу, карон; тукано:

йохороа, короуа, орехон).

В отдельных случаях этнонимы в этих семьях образованы по второму типу. Это *барка, баргу, бургу, беллех, тлокоа, тлехаро, эвхро, болго* в нигеро-кордофанской семье, *биркед* в нило-сахарской, *балха, бахры, бракна, брхер, вуркум, биргит* в афразийской, *рук, рок, бру, прегар, прэх* в аустроазиатской (подгруппы вьетьюонгская, северная, малаккская), *благар, брагат, брахман, варкаи, баруга, булака* в папуасской, *бикол, вирах* в австронезийской (центральнофилиппинская подгруппа), *вилкут, перику, борике, пополуке, пополока* в алгонкинской, отомангской и майя-соке-тотонак подгруппах индейских языков. Среди перечисленных ранее подгрупп индейских языков второй тип представлен в аравакских (*аравак, аруаки, бараккоа, барбакоа, вараику*), чибча (*борука, брунка, бурика, бурукана, покора*) и изолированных (*бургева, бахаире, парека, парики*) языках.

В индоевропейских языках встречаются лингвонимы обоих типов: *бахари, атабхраниша, бхили, пахари* (индоарийские), *бактрий-ский, башкарди* (иранские), *пхалура* (дардский), *вайгали* (нуристан-ский), *болгарский* (славянский), *фракийский, фригийский* (реликтовые), с одной стороны, и *гурхвали* (индоарийский), *гурани, кевир, курдский* (иранские), *гавар, кховар, курдари* (дардские), *кимврский, корнский* (кельтские), *хорватский* (славянский) – с другой. Оба типа представлены и в уральских лингвонимах: ср. *койбалы* и *венгры (угры)*. Только второго типа лингвонимы отмечаются в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и дравидийских языках (*башкирский, болгарский, долганский, уйгурский, орхонский, югурский, торкские, туркменский, могольский, орокский, ульчский, брагуи, телугу*).

12. В настоящее время на африканском континенте представлены языки, относящиеся к шести макросемьям: нигеро-кордофанской, нило-сахарской, афразийской, койсанской, австронезийской и индоевропейской. Языки банту входят в нигеро-кордофанскую макросемью. Материалы, описанные выше, преимущественно характеризуют деривационные связи между элементами исследовавшихся семантических полей в языках банту. Приводившиеся примеры из мифов и легенд соотносятся значительно с более широким языковым регионом. В основном, они описывают положение дел в нигеро-кордофанской и нило-сахарской семьях. Отдельные иллюстрации соотносят полученные выводы с койсанской и афразийской семьями, однако, их, конечно, недостаточно для того, чтобы переходить к обобщающим положениям универсального характера. Еще меньше оснований относить изложенную гипотезу к индоевропейским языкам, фигурировавшим в отдельных аналогиях.

Не ставя вопрос о всеобщности предлагаемого объяснения из-

вестных фактов, попытаемся привести несколько иллюстраций, показывающих, как обстоит дело в языках, входящих в афразийскую и индоевропейскую семьи. Например, в древнеегипетской мифологии Нил олицетворен в образе бога водной стихии *Xanu* (ср. с лабио-глоттальной частью описанного выше многофокусника 2-й деривационной ступени), а солнце – в образе бога *Pa* (т. е. «в сумме» из двух корней образуется все тот же исходный трехфокусник, да и распадается он на такой же, как в банту, «солнечный» *r*-корень и глоттально-лабиальный «водный» корень, причем последовательность артикуляции «от глотки к губам» также напоминает бантускую). Есть здесь и два изначальных божества. С одной стороны, это – *Xepri* (ср. «сумму» *Xanu* и *Pa*), с другой – *Hun*, или Первоокеан (см. выделенный выше субъект деривации, имя которого формируется из назальных). Есть и указание на то, что «все вышло из моих уст», т. е. на роль созидательного слова в сотворении мира, и на бинаризм деривации, и на преемственность процесса «от отцов к детям», и на все остальные параметры, общность которых для африканских традиционных систем отмечалась выше. Проиллюстрируем это на конкретных примерах.

«Общей для всех космогонических концепций была идея о том, что сотворению мира предшествовал хаос воды, погруженной в вечную тьму. Начало выхода из хаоса связывалось с возникновением света, воплощением которого являлось солнце... Любопытно, что при множестве космогонических актов, объясняющих сотворение мира, чрезвычайно мало уделено места созданию человека... Согласно «Текстам пирамид», *Pa-Атум-Xepri* создал себя сам, возникнув из хаоса, именуемого *Hуном*. *Hун*, или Первоокеан, изображался обычно как необозримое предвечное водяное пространство. *Атум*, появившись из него, не нашел места, на котором ему можно было бы удержаться. Поэтому он в первую очередь создал холм *Бен-Бен*. Стоя на этом первом островке твердой почвы, *Pa-Атум-Xepri* приступил к созданию других космических богов... Другой значительно более поздний источник, «Папирус Бремнер-Ринд», дает несколько иное, более подробное изложение тех же событий. От лица бога *Pa* в нем говорится: «Я тот, кто возник, как *Xepri*. Все, что было создано, появилось после того, как возник я, и все, что возникло в великом множестве, вышло из моих уст. Не было еще неба, не было еще земли, не было еще суши и змей в этом месте. Я создал их из *Hуна*, из Небытия. Не нашел я места, где я мог бы

встать, и я задумал в сердце своем, размыслил перед лицом своим и создал все сущее, будучи один: я (еще) не выплюнул *Шу* и не изрыгнул *Тэфнут*, и не было другого творца, который творил бы со мной»... В продолжающемся акте творения от первой пары богов – *Шу* (Воздух) и *Тэфнут* (Влага) – родились *Геб* (Земля) и *Нут* (Небо). Они в свою очередь породили двух богов и двух богинь: *Осириса*, *Сета*, *Исиду* и *Нефтиду*. Так возникла Великая Девятка богов – Гелиопольская Эннеада¹».

Таким образом, если на первой деривационной ступени (см. «деление» *Хепри* на *Хати* и *Ра*; наличие двух первосуществ *Хепри* и *Нуна*) обнаруживаются сходства в деривационной истории между рассматривавшимися выше материалами и древнеегипетскими мифологемами, на последующих ступенях выявляется индивидуализация деривационной истории: хотя возникает противопоставление *r*-слов *t*-словам, отразившееся в оппозиции *Ра-Атум*, связывается оно не отношением «солнце – земля», как у банту, а представлением о различных ипостасях *Хепри*; при том, что фигурирует та же первая пара «богов» (Воздух и Влага), но представлена она иной звукописью, чем в банту. Возникшие впоследствии «*тверди*» также имеют названия, противопоставленные друг другу по иным звуковым законам, чем отмечавшиеся выше, и т. д. Это можно рассматривать как свидетельство тождеств и различий этнической истории данных народов, т. е. как подсказку о том, что отделение древнеегипетского и прабанту произошло после совместного первого этапа бинаризации протокорня на два деривата, но до этапа формирования названия «*твердей*».

Рассматривая под этим углом зрения приведенные выше этнонимы и лингвонимы, можно предположить, что первый распад прото-общности соотносился с формированием двух, противоположно направленных тенденций артикуляции, – от губ к гортани и от гортани к губам². Наиболее четко тенденция «от гортани к губам» про-

¹ Я. Липинская, М. Марциняк. Мифология Древнего Египта. М., 1983. С. 7–25.

² «Источник одного, а не другого положения органов речи, прежде всего, следует искать в антропологических элементах данной популяции: например, длинная шея у бушменов предрасполагает к фарингализации, короткая голова, большое лицо и романское нёбо вызывают палатализацию, хотя не следует забывать и behavior доминирующего типа поведения, который, например у африканцев приводит к лабиализации» (R. Stopa. Baza artykulacyjna polszczyzny wobec baz niektórych języków zachodnie-europejskich // Prace językoznawcze, zeszyty naukowe uniwersytetu

является в койсанских, сино-тибетских, тайских, палеоазиатских, абхазо-адыгских, австралийско-тасманийских языках. Особенно заметна тенденция «от губ к гортани» в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и дравидийских языках. Более сильным является взаимопроникновение обеих тенденций с превалированием движения «от гортани к губам» в нигеро-кордофанских, нило-сахарских, афразийских, австроазиатских, австронезийских, папуасских и индейских языках, с превалированием движения «от губ к гортани» – в некоторых индоевропейских (особенно индоарийских) и уральских языках, а также в отдельных группах аустроазиатской, австронезийской, папуасской и индейской семей.

Приведем пример одного из языков индоарийской группы индоевропейской семьи языков, в котором наблюдается развитие тенденций «от губ к гортани» при формировании главного теофорного образа. Высшим объективным началом индуизма, «из оплотнения которого возник мир со всем, что в нем находится¹», в древнеиндийской философии, разработанной в «Упанишадах и далее – в сочинениях ряда религиозно-философских направлений, прежде всего в адвайта-веданте Шанкары и Рамануджи»², признается *брахман*. Считается, что *брахман* находится «вне времени и пространства, вне причинно-следственных отношений, вне субстанции; он свободен от качеств и действий, и поэтому его нельзя описать в терминах дифференциальных признаков»³. Эпитетами брахмана являются слова: непреходящий, бесконечный, бессмертный, невоплощенный, непроявленный, непостижимый, неизмеримый, неизменный, нерожденный, безначальный, бестелесный, лишенный образа, не имеющий частей и т. п. «В старой иранской традиции неоднократно подчеркивается возрастание, увеличение, расширение *фарна/фарра* (ср. авест. *x^urθnah*) или его участие в этих действиях»⁴.

Основываясь на параллелях из различных индоевропейских языков, В. Н. Топоров сближает *bráh-man* с *barh-ís* и, учитывая балтославянскую форму **b-l-gh'*, говорит о возможности реконструиро-

Jagiellonskiego. Zeszyt 82. Warszawa; Kraków, 1986. S. 177. Перев. мой - Л. С.).

¹ В. Н. Топоров. О брахмане: К истокам концепции // Проблемы истории языков и культуры Индии. М., 1974. С. 21.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 29.

вать в качестве первоисточника для *bráhma*n-праформу **b(h)-r/l-gh-*, с которой соотносится и *barhís*. Далее он доказывает, что есть не только лингвистические аргументы в пользу связи между *bráhma*n и *barhís*, но и «свидетельства связи объектов, обозначаемых этими словами, в рамках жертвоприносительного ритуала в соответствующей мифологической концепции»¹. Среди мотивов, «которые порознь и в разных сочетаниях друг с другом постоянно выступают в описании *barhís*'а»², В. Н. Топоров упоминает мотивы двух птиц, плодородия, богатства, нахождения богов на *barhís*'е и принятия ими здесь жертвы, мотив молодой женщины, противопоставления Ночи и Утра, Неба и Земли, символику чисел семь и три и др. Здесь же он отмечает, что звукопись *b hante – bhrāmyate – bráhma* вообще характерна для многих отрывков, в которых речь идет о *brahman*'е³.

Кроме того, он пишет, что «на основании простейших сюжетов (из Упанишад), в которых участвует *bráhma*n, также можно реконструировать его старшинство по отношению к богам, идею порождения богов (в конечном счете) *bráhma*n'ом; ср. *B had-ār.* – Упан. V, 5, 1: «действительное – это *bráhma*n. *Bráhma*n (сотворил) Праджапати, Праджапати – богов»⁴. *Bráhma*n идентифицируется с мировым деревом («Ибо сказано так. Наверху ее корень – трехстопный *bráhma*n, (ее) ветви – пространство, ветер, огонь, вода, земля и прочее. Это *bráhma*n, зовущийся единой смоковницей»)⁵. Эта схема «принципиально дуальна»⁶. На том же дереве – человек»⁷: «с *bráhma*n'ом, как и с мировым древом и другими его заместителями, связаны птицы, крупный рогатый скот, лошади и люди (они же связаны и с *barhís*'ом»⁸). «Земля – часть (его стопы), воздушное пространство – часть, небо – часть, океан – часть... Огонь – часть (его стопы), солнце – часть, луна – часть, молния – часть»⁹. «Это *bráhma*n, зовущийся единой смоковницей... Он стал таким, как

¹ Там же. С. 34.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 63.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Там же. С. 65.

⁷ Там же. С. 65.

⁸ Там же. С. 65.

⁹ Там же. С. 71.

женщина и мужчина, соединенные в объятиях. Он разделил сам себя на две части. Тогда произошли муж и жена»¹. «Помимо этого, название *bráhmaṇ* (или *bráhmāṇi*) могла получить словесная часть ритуальной службы, синхронизированная с основными действиями, связанными с *bráhmaṇ*'ом»², и т. д. – аналогично тому, что мы видели при образовании теофорных образов в африканских языках.

Эти иллюстрации показывают, что в древнеиндийской мифологии представлены сюжеты и мотивы, перекликающиеся с описанными ранее. Исходное понятие древнеиндийской религии имеет звуковую форму, которая соотносится с цепочкой фонем *brh/bhr*, представляющей одну из разновидностей все того же исходного многофокусника, в состав которого входят лабиальный, глоттальный (велярный) и плавный (дрожащий) компоненты. В отличие от большинства африканских вариантов реализации этого многофокусника, в индоарийских языках при артикуляции слова, которое обозначает первовещество, регистрируется последовательность фонем, свидетельствующая о развитии движений «от губ к гортани». Соотнося звукопись деривационных процессов в космогонической лексике различных народов, можно судить о ветвлении языковой праобщности и благодаря этому – о характере родства³ в каждой паре сравниваемых языков⁴.

¹ Там же. С. 62.

² В. Н. Топоров. Цит. соч. С. 73.

³ О различных мифологемах, соотносимых с описываемым процессом деривации в языках разных стран и континентов, см.: Вяч. В. Иванов. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva*-«конь» // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.

⁴ Работа написана по материалам моей монографии «У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков». Опубликовано в виде статьи: Космогоническая лексика у народов тропической Африки // Этнолингвистические исследования. Этнические контакты и языковые изменения. Санкт-Петербург, 1995. С. 203–232.

At the Beginning of African Languages

1. There are two periods in the development of language systems: preverbal and verbal ones. The paper is devoted to the modelling of the evolution of the verbal semiosis, that is to the formal-and-semantic reconstruction of the initial point of language consciousness as well as of the primary verbal operations and semiotic procedures from which the sign system arose and developed into contemporary languages. The test data for modelling are the results of the linguistic research into the theological personages of the traditional African religions in connection with the origin of the cosmogonic and theological lexemes in the Nigero-Kordofanian and Nilo-Saharan Languages. The results are such.

2. In many African languages there are two formal-and-semantic fields: a sun field and an earth one. All members of each field in every language are the words (nouns, verbs, adjectives, adverbs) with the same semantic feature (f. ex.: with a sememe of light; cp. such words as 'sun', 'light', 'day', 'to sparkle', 'to burn', 'white', 'luminous', etc.), which is registered with the same sound characteristics. Taking into account the phonetic changes in these languages (*r/l* dialect interchangeability, the transformation of *r/l* into *d*, *z*, *nz*, *nd*, *j*, of *t* into *s*, *ns*, *ts*, *nts*, *ʃ*, *nʃ*, *tʃ*, *tʃh*),¹ it could be noticed that *t*-syllable is used to designate the "earth" phenomena and *r/l*-syllable is used to designate the "sun" phenomena. Particularly, *t*-syllable appears in the Bantu² names of such phenomena as *earth*, *on the earth*, *underground*, *ground*, *soil*, *below*, *bottom*, *country*, *clod*, *meadow*, *stubble*, *sediment*, *root*, *base*, *stump*, *stub*, *heel*, *grave*,

¹ In language examples *ʃ* = *sh*, *tʃh* = *t+s+h*, *ɓ*, *d'* – bilabial and dental implosive sounds, *β* – bilabial fricative, *θ*, *ð* – dental fricative, *ɗ*, *ʈ* – dental, *ɣ* – velar, *ŋ* – nasal velar, *ɽ* – retroflexive, *ʁ* – uvular, *h* – glottal consonants.

² There are above 830 languages and dialects of the Bantu family (~225 mln. persons in 24 African states: Angola, Botswana, Burundi, Comores, Congo, Democratic Republic of Congo, Gabon, Gambia, Guinea Equatorial, Kenya, Lesotho, Malawi, Mozambique, Namibia, Nigeria, République Centrafricaine, Republic of South Africa, Rwanda, São-Tome and Príncipe, Swaziland, Tanzania, Uganda, Zambia, Zimbabwe and on the Réunion island).

tree, path, forest, termite, man (autochthon), male, father, etc. (cp. following equivalents of the word 'earth, country': *iŋ* in Tikuu, *-tye* in Mpongwe, *ntsɪ* in Ntsuo, *tse (ntse)* in Bobangi, *tʃi* in Luimbi, *tʃi* in Yam-basa, *tshi* in Nyika, *tʃhi* in Ungudja, *θhi* in Makua, *θe* in Kamba, *θi* in Mbunda, *si* in Hai, *•sɪ* in Sukuma, *sɪ* in Bulu, *-sɪ* in Mbene, *-si* in Rundi, Nyoro, Nyankore, Ganda, Mbundu, Congo dialects, *-•si* in Rwanda, *-se* in Duala, Mbete, Kele, *ʃi* in Shambaa, *-ʃi* in Bemba and Ila, *-ʃe* in Kalanga, *ʃe* in Ngom, *nʃi* in Luba.¹

The different derivative forms (nouns and adverbs) have been generated from these allomorphs of *ti*-stem with the meaning 'on the earth, below, bottom, at the bottom of, at the foot of' and with the locative prefixes *pa-*, *pha-*, *ha-*, *mū-*, *wā-*, or with the suffix *-ini* (f. e.: *phantsi* in Xhosa, *phansi* in Zulu, *pansi* in Nyanja, *mūnsi* in Rundi, *wānsi* in Ganda, *haasi* in Hanga, *mūnʃi* in Bemba, *tshini* in Kauma, *tʃini* in Ungudja, *iʃini* in Tikuu, and so on, in all Bantu region). The same stem is represented in many other nouns, f. e. in the nouns with the meaning 'a country' (*tiko* in Tsonga, *-tiyo* in Tonga), 'a savannah' (*-tsiɔ* in Ngungwel, *tsie* in Laali, *-sio* in Bali), 'an island' (*-sɪ:ɛ* in Mfinu), 'a root, a stem' (*-tɪna*, in Bolia, *tyina*, in Nilamba, *tina* in Ndandi, *tsina* in Bali, *šina* in Kalanga, *sina* in Giriyama and in Congo central dialects, *-šina* in Tege-kali, *sina* in Hanga, *cçini* in Mfinu, *-ʃina* in Songe, *-ntʃina* in Mbete), 'a base of a stump, of a stub' (*tina* in Duala, *tɪn* in Bulu, *-tina* in Gikuyu, Kamba and Bobangi, *-tsina* in Mongo and Tege-kali, *-tina* in Mpongwe, *-tʃina* in Bembe, *tʃina* in Tetela, *-ʃina* in Luba-Katanga, *ʃina* in Lwena and Sagala, *-ʃin* in Bushoong, *sina* in Kauma and in Congo central dialects, *-sina* in Hehe, *-sĩnã* in Mbundu, *-fina* in Kwanyama and so on).

3. The most representative and frequent *r/l*-words are those which used to designate the sun, the sky, the moon, a star, Pleiades, light, flame, moonlight, daylight, the ancestor, a white man, an European, a woman, white or red clay, to shine, to fire, to sparkle, to scintillate, red, white, above, up, overhead, etc. (cp. the following words with the meaning 'the sun': *reɔa* in Gikuyu, *iɓuɓa* in Hai, *lɔsa* in Duala, *liuɓa* in Mwera, *lilɔɓa* in Ndengereko, *ɔɔsa* in Lundu, *duɔ* in Mwumbo, *diuawo*

¹ See the full comparative series in: M. Guthrie. Comparative Bantu. An introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages. Gregg International Publications. V. 3–4. Gregg Press Ltd. Westmead, 1967–1971.

in Makaa, *'diūba* in Luba-Kasai, *iduwā* in Makonde, *'duβa* in Venda, *izuβa* in Ila, *ezuβa* in Ngandyera, *'zuwa* in Manyika, *izoofa* in Nyoro, *idzuuβa* in Rundi, *dzuβa* in Sagala, *dzuwa* in Mangandja, *nzoa* in Nilamba, *kizuwa* in Mbundu, *izuβa* in Ruanda, *iizuβa* in Totela, *niđuwa* in Ngulu, *joβa* in Benga, *jop* in Bulu and Bene, *joβa* in Kalanga, *jua* in Ungudja, *jiyūba* in Luba-Katanga, *enjuba* in Ganda, *iβuβa* in Hai, *iyuβa* in Tikuu, *'eyuβa* in Gerero and so on; with the meaning 'a sky': *iguru* in Nyoro and Nyankore, *eggulu* in Ganda, *eligolo* in Logoli, *igulu* in Sukuma, *riulu* in Mbundu, *eyulu* in Ndonga, *eyuru* in Gerero, *idzuru* in Rundi, *izulu* in Zulu and Xhosa, *iulu* in Lunda, *ilu* in Mbundu, *lilu* in Lwena, *ulu* in Hungu, *iololo* in Poke, *likololo* in Lombo, *likulu* in Hanga, *iwulu* in Subia, etc.; with the meaning 'the moon': *hwezi* in Ronga, *kwēzi* in Luba-Katanga, *kakwezi* in Lwena, *kakwēzi* in Lunda, *ηwēdzi* in Sukuma, *ηwezi* in Shambaa, *mηedzi* in Manyika, *ηwedzi* in Venda, *kwedzi* in Mbowe, *kwedzi* in Ngandyera, *ukwēzi* in Rundi, *okwēzi* in Nyoro and Nyankore, *riezi* in Mbundu, *mwezi* in Wunjo, *mwēzi* in Nilamba, *mweri* in Makua, *mweri* in Gikuyu, *mwezi* in Kamba, *mwēzi* in Mwera, *mwezi* in Ungudja, *omwēzi* in Ganda, *mwēzi* in Luba-Kasai, *mwezi* in Ila, *mwezi* in Mangandja, *omwezi* in Gerero, *mwēzi* in Makonde, *mōdzi* in Duala, etc.; with the meaning 'moonlight': *eyeli* in Bobangi, *mæli* in Ena, *mjel* in Bulu and Bene, *wedzi* in Tetela, *omwedzi* in Kwanyama, *lwezi* in Congo central dialects, *kiezi* in Hungu, *umηēzi* in Rundi, *omwēzi* in Nyoro, *mwezi* in Bwende, *myezi* in Lwena, *mwēzi* in Luba-Katanga, *mwezi* in Mangandja, *unyezi* in Zulu, etc.).

The names of the most animals, plants, things and locations are irrelevant to *t-r/l*-characteristics, i. e. some of them have only *t*-syllable, others have *r/l*-syllable or both syllables and the rest has no *t-r/l*-syllable. This fact may be explained in such a way. These names can appear after the disintegration of the single proto-language into the different dialects when every dialect began to form its lexics (f. e. the names of the animals and plants, unknown before) owing to its individual rules in the co-ordination with the ancient names of the sun and the earth or without it.

4. In addition to the “sun” and to the “earth” semantic fields there are the words, which may be considered the components of the “water” field

(more exactly: of the field of the wet and dark forces, of the water element). This field includes such nouns as *water, rain, mist, cloud, fog, lake, sea, river, upstream, wave, spring, stream, pool, cold, darkness, solution*, etc. The most frequent verbs are following: *to rain, to wash, to draw water, to get wet, to launder, to drink, to pour, to swim, to irrigate, to flow*, etc. The sound image of the stem in the centre of this field is formed as a *tr/l*-complex consonant from which both images (the *r/l*-sound image of the “sun” and the *t*-sound image of the “earth”) may be generated, f. ex.: *r/l*-reflex in one syllable and *t*-reflex in other syllables are represented in the following words with the meaning 'a river': *olwese* in Nyikyusa, *Iusi* in Matengo, *rusi* in Nyanga, *lofi* in Tetela, with the meaning 'dew' in Ganda (-*sulo*); with the meaning 'a stream': -*sulo* in Yao, Hembra, Luba-Katanga, *fofo* in Tetela; with the meaning 'tears' in Makua (-*tfori*), in Tswa (-*hloti*), in Ila (-*sofi*), in Mangandja (-*sozi*) and so on. The *r/l*-component in the ancient stem with the meaning 'water' is reconstructed on the base of such stems with *l, j, d, nz*-phonemes as *lja* in Kele, -*yi* in Tikuu, -*zzi* in Ganda, -*di* in Venda, -*nzi* in Zulu and Xhosa; the *t*-component of the same ancient root with the meaning 'water' is explicated by means of the congener stems with *t, ts, s, f, ns, tf*-phonemes in Tswa (-*ti*), in Southern Sotho (-*ts'i*), in Luhya (*tsi*), in Taita (-*tfe*), in Mwera (-*fi*), in Mongo-Nkundo (-*si*), in Tongwe (*nsi*) and so forth.

5. Researching of the words, which belong to the “sun”, “earth” and “water” fields, makes clear that, in addition to the *tr/l*-reflexes of lingual component of the ancient stem, it is necessary to explicate at least two extra components, i. e. the labial and the glottal ones (cf. the cognate words with the meaning 'a river' in Nyankore *orwihz* and in Rundi *uryudzi*; with the meaning 'the moon' in Ronga *hwezi*; with the meaning 'the earth' in Zulu -*hlaḡathi*). As a rule, the labial component is realised by means of the different labial phonemes (*b, p, v, f*, labialized vowels) and the glottal one is manifested with the uvular, velar, glottal and laryngeal phonemes (*g, k, h, γ, ʁ*, aspiration, faringalization, velarization, glottal stop). Consolidation of the labial and the glottal components into a complex monophoneme may be considered the result of the labiovelar articulation that causes the appearance of the labiovelar phonemes in African languages (*k^p, g^b, k^w, g^w*, labiovelar semi-vowels, etc.). Besides, one may notice that the labioglottal sounds do not have the same func-

tion in the different fields, – f. ex.: in the “water” stems there are the reflexes of both components (the labial and the glottal ones) with the facultative nasalization which causes the transformation of the lingual consonant into the nasal one; in the “sun” field the glottal tendency increases while the labial tendency diminishes (for some languages) and vice versa (for others), – cp.: *lɔ̃ba* in Duala and *ilanga 'sun'* in Zulu; *iwulu 'sky'* in Subia and *igulu* in Sukuma; in the “earth” field both components die down, the labialization disappears and the glottalization results in the appearance of the back coloration for the dorsal phonemes which is interpreted by the Europeans as aspiration, spirantization or ejection.

6. These data allow to suppose that the proto-stem with the meaning '*the earth*' has been generated by the proto-stem with the meaning '*the sun*' and the latter has been formed from the proto-stem with the meaning '*the dark and wet forces*'. In other words, the evolution of the stems belonging to three mentioned above fields may be described as a chain of symbols $x_1 \rightarrow x_2 \rightarrow x_3$, where x_2 and x_3 fix the successive stages of the formal-and-semantic evolution of the proto-stem x_1 , having the meaning of the water substance and the form of the syncretical undifferentiated lingual *tr/l*-sound with the labioglottal additional coloration.¹ According to the language data it has the articulation as *t*-, *r*- or *l*-sound. The degree of the labiovelar coloration depends on the concrete phonetic conditions, – f. ex.: to designate the river Nyankore-language uses the labialized initial and the glottalized final (*orwihz*) while Rundi (*uryudzi*), Safwa (*ɔ̃lwɛzɛ*), Nyikyusa (*ɔ̃lwɛsɛ*), Manyika (*rwizi*), Mbundu, Chokwe and Lwena (*lwi*↘*i*) form the labiovelar initial (*w* in the language examples is a labiovelar semi-vowel).

The semantic aspect of the proto-consonant evolution may be ex-

¹ According to J. I. A. van Ginneken, R. Stopa and other scholars, the expiratorial consonants in contemporary languages have been developed from the click-blocks, i. e. from the clicks in connection with the guttural consonants. Thus, the labial click-blocks were transformed into the labial consonants, and the dental click-blocks were developed into the dental consonants; besides, the ejective velar consonants evolution resulted with the appearance of the expiratorial consonants. Not discussing here what kind of the articulation (the muscle moving in the case of the clicks or the breath energy in the case of other consonants) was the earliest one, it may be noticed that these researchers fix more complex and more syncretic character of the proto-consonant than of its descendants. It may be supposed that the simultaneous activity of all organs of speech (the lips, the tongue and the gullet) has changed into the successive one, and the polyfocal monophoneme has become to be articulated in a form of the succession of the "simple" sounds or of their prosodic features.

plained by means of the registration of the earliest image of chaos, darkness, the cosmic forces, natural calamity which has been associated, first of all, with the Deluge and its attributes (hurricane, rain, water, flood, cloud and other phenomena, which were mentioned above in connection with the “water” field). On the base of this image of the terrible Nature (outer of a weak human being), two derivative images have appeared – the negative and the positive ones. The negative image has been associated with the hostile surroundings where the human being could not inhabit (i. e. with the air-water surroundings) and the positive image has been connected with the friendly surroundings fit to be resided (i. e. with the solids). It was the first step in the way of the further bifurcation to create the language history of the World with its attributes. The next step in the consciousness evolution is explicated by means of the fixation of two oppositions: 1. air vs water; 2. the earth solids (the earth, the stones, the trees, etc.) vs the heaven ones (the sun, the moon, the heaven and other substances which have been considered the solids by many ancient peoples).

Because of a dualistic (sign) character of the verbal consciousness, which always operated with the bilateral units having the form and the meaning, the first semantic proto-image did not exist outer of the first formal proto-element, but there was the connection between the image of chaos, darkness, the cosmic forces, etc. and the sound image, which was manifested with the polyfocal proto-phoneme (x_1) generated by the complex labio-glottal-lingual articulation. Thus, at those time; the human being had fixed only one phenomenon outer of him and has articulated only one complex consonant (x_1) to designate any being or substance from his surroundings. At the second stage he has already differentiated two semantic images (of the non-solids and of the solids) in addition to the earliest one and has done this by means of two sound images (x_1 and x_2). According to the African language data, the bifurcation of the sound images has begun with the separation of the resonator labioglottal articulation from the lingual non-resonator articulation. On the base of this differentiation two variants (the resonator one and the non-resonator one) of the earliest proto-phoneme have transformed into two independent phonemes: the first variant, which has correlated with the meaning of the non-solids (i. e. of the air-water surroundings), has explicated the tendency to develop the resonator (labioglottal and nasal) features and to weaken the lingual component, the second one, which has served to designate the solids, has realised the contrary tendency – to strengthen the

lingual articulation and to weaken the labioglottal features. Thus, at this stage of the verbal evolution the human being has already fixed three phenomena and has articulated three consonant phonemes to designate them: a) the resonator phoneme has signified air, water and all phenomena which has been grasped through their relation to air, or water (f. ex.: any reservoirs, vessels, liquids, plants and substances consisting of water or sap; actions and processes to extract the liquids; the animals living in the rivers, and so on), b) the non-resonator phoneme has used to designate the solids and all phenomena which have been represented as the parts of solids, their qualities, properties, attributes, etc., c) the earliest syncretic monophoneme (without the resonator differentiation) to designate any phenomena in accordance with the language usage that had been established at the previous stage. As it was mentioned above, at the third stage of the evolution of the verbal consciousness the images of the earth solids have been opposed to the images of the heaven solids, and the lingual articulation has been differentiated into two types: 1) the non-sonants (the dental and alveolar phonemes); 2) the sonants (the lateral resonants, trilled, rolled, liquids, retroflexive phonemes). The first type of the articulation has become to serve for the designation of the images of the earth solids (x_3); the second type has been used to signify the heaven solids (x_2).

The consonantal oppositions of the hardness – softness and of the voicelessness – resonance have been formed similar to the timbre differentiations. They have served to the correlation of the sound image with the substance one. According to the Bantu languages, the images of the solids have been associated with the hard and voiceless variants of the polyfocal proto-consonant, and the images of the air and water surroundings have been connected with the soft, voiced and liquid variants. That is why the names of the solids in the contemporary languages contain, as a rule, the voiceless allophones of the lingual phoneme (cf. *t*, *s*, *f* and other allophones in the examples above) with the attenuation of the labioglottal component and with the transformation of it into the prosodeme or into the facultative feature. In the contrary, the most names of the air and water substances are the words with the reflexes of the voiced allophones of the lingual phoneme (cf. *d*, *z*, *ʒ*) and with the reinforcement of the labioglottal component.¹ So that the syllables with the hard

¹ The names of the air – water substances are frequently characterized with the nasal consonants. The appearance of the nasals here can be explained by means of the appellation to the functions of the nasal resonator. Because it has served from the very beginning

and voiceless variants of the ancient proto-consonant (*ru, lu, ti, si, fi*, etc.) have become to serve for designating the solids while the syllables with the soft and voiced variants of the same polyconsonant (*ri, li, di, dli, zi*, etc.) or the syllables with the labiovelar and nasal consonants (see *lw, rwh, hl, ngw, mhw, kw* and other polyfocal phonemes in the names of the air – water phenomena) have started to designate the air – water surroundings and their attributes.¹

To summarise these observations it is necessary to registrate the semantic evolution of the ancient proto-stems being in the centres of the “water”, “sun” and “earth” fields in the following form: 1) a continuum of wetness and darkness, chaos, abyss, natural calamity, the terrible eternal forces beyond the grasp of the mind → 2) a water – air substance (hurricane, deluge, storm, rain, cloud, mist, water, sea, river, etc.) → 3) a solid (the heaven solids: the sun, the heaven, the moon, the planets, the stars, etc.) → 4) the earth with the phenomena, which may be considered the parts of the earth and its possessors (i. e. its "children", "owners", habitants, attributes, qualities, characteristics, etc.). In parallel to this

of semiosis to mark the possessive relations between a speaking subject and an object of his thought, the nasalization of the word has been used as the language marker of belonging of a thing to an owner designated with a nasalizing word (f. ex. to the speaking subject). At the first steps of the verbal consciousness evolution the results of the word nasalization have been similar to such signs as the gestures and notches, by means of which the human beings and animals (bears, dogs, etc.) have marked their "property" (f. ex.: the territory, the cattle, the plants). The spittle on the votive object can play the same role if it is used to establish the connection of the believer with his invisible partner (Cf.: L. Z. Sova. *Evolutsija grammaticheskogo stroja v jazykah Bantu* (The Bantu grammatical structure evolution). Leningrad, 1987. P. 222). Figuratively speaking, the nasal intonation has been analogous to such spittle; thus, the appearance of the nasal consonants and of other results of the nasal resonator activity can be considered the property right certificate for the thing designated with the nasalized word. Having made the thing to be in his "property", the speaker has begun to think himself its owner (its Lord, ruler, master) and has ceased to fear it. The language has helped the person to subjugate the World and to survive. This function of nasalization has been the most evident at the first stage of the consciousness evolution, then it has begun to be hidden and now it becomes to be seen only under the special investigation. That is why the most ancient "Deluge" lexics (i. e. the words of the “air – water” semantic field) represents this function of nasalization in the clearest form and the most ancient words with the nasal consonants are registered just here.

¹ Side by side with the case when the name of a river in a language reflects its "water character" and the name is generated from the "water stem", there are the cases when a light (dark) character of a river is fixed and its name is derived from the "sun stem" (or from the "earth stem").

process, the formation and extension of the sphere of every field have occurred, f. ex.: all things with the water inside as well as the water inhabitants have been designated with the “water” stem, the phenomena with the light emanation have been derived from the “sun” stem, etc. Thus the names of the different animals, plants, things, natural phenomena and other objects have appeared. Then the derivative forms of these words have been created, and so on right up to our days.

7. In accordance with the principle of the parallelism between the names and their referents which is realised by all verbal societies of the world,¹ the chain of the names mentioned above may be interpreted in the form of the following referential chain that describes the Creation of the World: it had been the Primary Continuum (chaos, cosmos, abyss, darkness, wetness, terrible Nature beyond the grasp of the mind of the speaking subject), that has been pictured as the beginning of all phenomena, their substance and the first point of all derivative processes in their creation; this primary substance had generated an air – water abyss (the all-world ocean, atmosphere, water), then the light had appeared in it together with the sun, the moon and the heavens. After all the earth and the earth solids had been formed from the heaven solids (i. e. the stem designating the earth solids had been formed from the stem designating the heaven solid). At the same time the formation of the stems had occurred inside of every family of the words. Because of the parallel derivative processes (f. ex.: in one language the name of the river had been formed from the stem with the meaning *'wet and dark'*, in the second language it had been derived from the stem with the meaning *'the sun'*, and in the third language it had been made from the stem with the meaning *'the earth'*) the words with the different signifiers – signifieds and with the same referent (thing, natural phenomenon) had been created. The history of the mankind has conserved these derivative relations between the words but it has interpreted them as the relations between the referents (things). The time caused to re-comprehend the **Word** creation as the **World** creation. The inner form of the words in the derivative chain has transformed into a cosmogonic legend. Up to the definite derivative point, the myth of the World creation carries on to stay the same one amongst the different peoples being the descendants of the proto-ethnos; from the next derivative point the myth seemed to be divided

¹ L. Z. Sova. *Analiticheskaja lingvistika* (The Analytical Linguistics). Moscow, 1970. P. 102.

into the different versions. The resemblance and the distinctions of these versions are the tools which help us to recognise up to what point the unity between the peoples has existed and from what point every ethnos has begun to develop independently and has lost its connections with the proto-language having conserved the memory about its family genesis by means of the derivation history of the words and by means of its fantastic interpretation.¹

8. I think that in such a way the Old Testament formulas and the well-known Bible history of the creation of the man have appeared. The analogous stories are told in the different corners of the Globe. Let's illustrate it. Let's begin with non-Bantu peoples of Tropical Africa. The Supreme Being of the Senufo pantheon having an extra abstract form literally fills all Cosmos. At the same time it is inherent to all persons, animals and things. It determines their existence and gives them the sense. Its name is *Kulotiolo* (cf. the labiovelar initial and its *lt*-continuation). The central Senufo groups being under the direction of the Tiembara in the Korhogo-district narrate that the first day *Kulotiolo* which appeared from the non-existence through his divine Word built the heaven house for himself and lit the sun to shine at day time and the moon with stars to shine at night. On the second day *Kulotiolo* pulled down the piece of the Dome, formed the Earth from it, created the mountains, and so on, – right up to the appearance of the man and animals.²

It is *Lago* who plays the same role in the pantheon of the Bete people. Like *Kulotiolo* *Lago* fills all space. All forms of beings are originated from him and exist in him because all of them are *Lago*. All values and qualities (the positive and negative ones) are *Lago*. *Lago* appeared from the non-existence after the creation of the important forces of the Universe, which had generated *Dogboza* (the art of word), *Ibo-Peo* (Sea-

¹ On the base of Belloch's, Kun's, Meyer's and Müller's works, the linguistic theory of the mythology has been formed in XIX century. In accordance with it, the different phenomena have been designated with the same words because of the poverty of the ancient languages. When the ancient meanings of the words have been forgotten the words have been acquired the status of the peculiar beings and have been personificated into the deities. In this paper the mythological interpretation of the derivative relations between the words is given rather than of the words themselves.

² As to the role of the Word in the creation of the World with the human beings and the animals, see: L. Z. Sova. U istokov jazyka i myshlenija. Genesis afrikanskich jazykov (At the beginning of language and consciousness. Genesis of African languages). Sankt-Petersburg, 1996.

Life) and *Geyi* (Eternity, Infinity, Endlessness). Lago and his wife *Maya* became the parents of two deities of the next derivative range, and so on. One of the children of *Maya* and *Lago* is *Bugui*, the forefather of two ancestors of the white (*Gomana*) and of the black (*Seli*) peoples.

In Bambara myths the elements, substances, animate persons and unanimated things appeared from the proto-matter after the periods of the whole chaos. They were made by means of the cosmic explosions, vibrations and the creative Word.¹ In the Prehistory of this period there was the epoch of the accumulation of the creative forces being caused by the vibrations in the primary emptiness *Glia*. The sounding and the vibrating double of it got detached from this silent substance at the call of the Voice uttered by the vibrations. This bifurcation and the further unity of both substances created wet matter *Zo Sumale*. Then both substances began to fight and the cosmic explosion occurred as a result of that. The heavy and fertile substance poured to create the Earth, which became the possession of *Pemba*-deity. At the same time the signs appeared to foretoken the originating things. Then the creation of the human beings, the plants and the things began. This procedure consisted of 22 spires of a spiral, i. e. of 22 derivative acts. At the first spire *Faro*, *Pemba* and *Teliko* appeared, after them other deities were created. *Teliko* is represented as the embodiment air and breath. *Faro* is described as the Lord of the World, the spiritual essence that appeared before the human beings in a form of the beneficial water or of the Lamantin. *Faro* built seven heavens corresponding to seven parts of the world and originated two water twins, the first fishermen of the Bozo-tribe. *Pemba* went round seven years,² created the Earth with its mountains and valleys and then transformed into the seed of the balanza plant from which the tree being the *Pemba*'s incarnation grew, etc.

Let's turn to the North Africa. In all cosmogonic conceptions of ancient Egypt there is an idea that the creation of the World was preceded with the water chaos plunged into the eternal dark.³ The beginning of the withdrawal from the chaos is connected with the appearance of the light

¹ B. Holas. *Les dieux d'Afrique noire*. Paris, 1968.

² As to the symbolics of such figures as three and seven in the Bantu mythology and as to their role in the derivative procedure, see: L. Z. Sova. *U istokov jazyka i myshlenija. Genesis afrikanskich jazykov* (At the beginning of language and consciousness. Genesis of African languages). Sankt-Petersburg, 1996.

³ J. Lipinska, M. Marciniak. *Mitologia starożytnego Egiptu*. Warszawa, 1977.

incarnated by the sun. According to the Pyramid Texts, *Ra-Atum-Hepri* created himself from the chaos existing in a form of the primary Ocean, i. e. in a form of an immense eternal water space. Atum plays a role of the creator of the first solid (an islet in the primary ocean, a piece of a dryland) while Ra represents the Sun god (cp. the opposition of the "earth" *t*-words and of the "sun" *r/l*-words registered above in the Bantu languages). Besides, the articulation of the word '*Hepri*' is built on the base of the differentiation of three components (i. e. of the glottal, labial and lingual ones) which can be considered the splinters of the same labioglottalized *tr/l*-proto-consonant described in the Bantu area. The onomatopoetic interpretation of the word '*Hepri*' becomes clear as soon as one remembers the extra deity *Hapi* being the god of Water represented by the river Nil. In confronting the words '*Hapi*' and '*Ra*' with the word '*Hepri*' one can assume that in the sound aspect the word '*Hepri*' is the peculiar contamination of the words '*Hapi*' and '*Ra*', and in the semantic plane the word '*Hepri*,' which personifies the withdrawal from the water chaos through the creation of the sun and the earth, may be fixed as the initial generalisation that bifurcated into the images of *Hapi* and *Ra* who, in his turn, "generated" *Atum*. Therefore the word '*Hepri*' may be compared with an ancient burgeon from which the words '*Hapi*' and '*Ra*' opened. In other words, '*Hapi*' and '*Ra*' are the splinters of the most ancient three-focal proto-consonant which has been articulated in many ways (f. ex.: *hpr* – as to the evidence of the ancient Egyptians, *kbr* – as to the evidence of the Ganda people, *kbl*, *kpl*, etc., – see below).

Let's turn to ancient India. In the ancient Indian philosophy represented by Upanishads, Advaita Vedanta of Shankara and Ramanuja, etc. it was *Brahman* who had been acknowledged as the supreme objective source from density of which the World with its all attributes had appeared.¹ *Brahman* has been considered to be out of substance, out of cause and effect, regardless of time and space, because it is free from any qualities and actions, it could not be described in the terms of the differential features. The epithets of *Brahman* are such words as '*primordial*', '*immortal*', '*eternal*', '*unlimited*', '*incomprehensible*', '*inconceivable*', '*immense*', '*immeasurable*', '*invariable*', '*non-transient*', '*indivisible*', '*inexhaustible*', '*immaterial*', '*incorporeal*', '*not possessing an image*', '*not having the parts*', '*not being burn*', '*non-incarnated*', '*non-occurred*',

¹ V. N. Toporov. O brahmane. K istokam kontseptsii // Problemy istorii jazykov i kul'tury Indii. Moscow, 1974.

'non-derived', etc.

According to Upanishads, all reality is *Brahman*. *Brahman* created *Prajapati*, *Prajapati* generated all deities. The earth, the air space, the heaven, the ocean, the sun and the moon as well as fire and lightning is considered to be different parts of *Brahman*. In accordance with Toporov's reconstructions, the word '*brahman*' as well as the word of the same root '*barís*' can be traced back to the proto-form **b(h)-r/l-gh*. In addition to the words '*brahman*' and '*barís*' there exist such sound sequences of the same stem as *brhante*, *bhramyate* and *brahma*. It means that the articulation of the earliest proto-stem could be realised in different forms with the obligatory presence of all three basic components (labial, glottal and lingual ones) combined in the different orders. Thus, it can be concluded that the initial image of the ancient Indian religion is manifested by means of the sound form correlating with the labioglottalized lingual proto-consonant that was reconstructed for the Bantu languages.

There are many examples of the analogous representations by the names of the supreme gods of the different peoples.¹ All these illustrations are the manifestations of the proto-stem with the polyfocal consonant described above. The portrait characteristics of these gods illustrate the syncretic images of a trial air-water-solid substance or of three dual substances: air-water, air-solid and water-solid ones that were used in the antiquity to form the theological personages. F. ex.: the Zulu and Xhosa tribes on the South of Africa hold sacred the heaven princess *Nomkubulwana* described in such a way: *Uhamba(1) ngenkungu(2), nganhlanye(3) ungumuntu(4), nganhlanye(5) ulihlathi(6), nganhlanye(7) ungumfula(8), nganhlanye(9) umiile(10) utshani(11), uyisikhotha(12)*. '*She(1) goes(2) with(2) mist(2), partly(3) she(4) is(4) a(4) person(4), partly(5) she(6) is(6) a(6) forest(6), partly(7) she(8) is(8) a(8) river(8), partly(9) she(10) has(10) become(10) a(11) grass(11), she(12) is(12) the(12) isikhotha-grass(12)*'. As the prominent researcher of the Bantu peoples A. T. Bryant² emphasises, the worship of *Nomkubulwana* (the root of this word is

¹ As to the similarity of the myths and the legends of the creation of the World among the peoples of the different countries and continents, see: *Myth and Law among the Indo-Europeans*. Studies in Indo-European Comparative Mythology. Berkeley-Los Angeles, 1970; Vjach. Vs. Ivanov. *Opyt istolkovanija drevneindijskich ritualnyh i mifologičeskich terminov, obrazovannyh ot aśva- 'konj' // Problemy istorii jazykov i kultury narodov Indii*. Moscow, 1974.

² A. T. Bryant. *The Zulu people as they were before the white man come*. Pietermaritz-

-*kubul-*) has striking likeness to the worship of the Greet goddesses *Demetra* and *Persephona*, it consists of many similar features of the cult of the Thracian goddess *Kibela*, the Great Mother of Gods in ancient Rome, and so forth. The Eve people in Benin and Togo tell the legend about the ancient deity *Nana-Buluku*. The correlation of the names '*Nomkubulwana*' and '*Nana-Buluku*' may be explained by means of the rearrangement of the syllables on the base of the different order sequences of the proto-consonant components: in the phoneme sequence '*Buluku*' the articulation starts from the lips and ends in the velar component while in the word '*Nomkubulwana*' the articulation of the root '*-kubul-*' opens with the activation of glottis and continues while the lips act; in the first case the nasalization concentrates only on the word initial (cp. the part of the word – '*Nana*') while in the second case all word is enveloped in nasal circumflex; at least, the lateral component comes into operation before the activation of glottis (cf. the word '*Buluku*') or after that (cf. the root '*-kubul-*').

The Ashanti people worship the goddess *Nyamie Kpli* that means '*The great heaven*' (cf. *kpl*-sequence in the articulation of the same proto-consonant, – with the nasalization of the pre-initial). The Krobu people call the goddess of the heaven *Kloveki* (the *klvk*-type of the proto-consonant articulation without the nasalization), the Mande people think that the night ghosts *Voklovu* (or simply *Voklo*) strolls about their villages, the Yoruba people decorate his god with the adherent *Arugbo*, i. e. ancient (cf. the appearance of the rolled consonant instead of the liquid as well as the development of the velar and labial articulation in the final of the word without the nasalization). The Serer people call the next world arbitrator *Gbekre*. The Konyagi-basari people think *Igwar* one of the supreme deities. The same role is attributed to *Yurugu* by the Dogons, to *Karunga* by the Gerero nomadic herdsmen, to *Ruanga* by the agricultural peoples of the Great Lakes, to *Kalunga* by the Angola peoples, to *Legba* by the Eve and Fon tribes, to *Barka* by the Lobi-birifor tribes, to *Bulongo* by the Ila tribe, and so forth in whole Africa. Amongst such examples one may enumerate the most ancient Ganda totem *Ka biro*, the primogenitural Kabil cannibal *Ihebil*, the children of the nymph *Kabiro* (*Kabiros*, *Kaviros*) being in the Hellenic mythology the patrons of the navigation and the deities of light, fire, fields, earth fertility (with the Asia Minor origin). This list may be added with the name of *Kupala*

who was worshiped from a deep antiquity by the ancient peoples of the Europe; with the name of the Israelites tribe god *Eloah (Yahweh)*, being a creator of the heaven and the earth; with the name of the supreme god *Brahma*, the Lord of the World in the ancient India; with the name of the Sun god *Moloh* who is considered the patron of the Phoenician cities; with the name of the supreme god of the Old-Slavonic pantheon *Perun*, the god of rain, lightning and thunder (cp. Lithuanian *Perkunas*)¹; with the name of the Hittite god of fire (*^dpahhur*, – cp. Luwian *pa-a-ḫu-u-ur 'fire'*)²; with the name of the goddess of marriage, love, home *Frigg* who was a wife of the supreme god Odin in the Scandinavian mythology (the image of *Frigg* has flowed together with the image of the goddess of fertility, love and beauty *Freya*); with the name of the Italic god of fire and home *Vulkan*, the patron of the artisans using fire in their trade; with the name of the Rome patron of the agricultural activity *Quirin* (the Old-Icelandic *Freyr*); with the names of the different goddesses at the Balkan Peninsula and at the Baltic sea, the symbols of fertility in the nearest surrounding of Thunderer, playing the roles of the Virgin, of the daughter of Thunderer, of the virgin-heroine, etc., – f. ex: Serbo-Croatian: *Proporusha, Prpač*; Bulgarian: *Paparuna, Peperuna, Preperuna, Peperuda, Preperuda, Peperuga, Preperuga, Peperunga, Pemperuga*; Rumanian: *Păpărudă, Păpărugă, Păpălugă*; Arumanian: *Pirpirună, Păpărună, Porpirită*; Albanian: *Perperonë*; Modern Greek: *Περπερούνα, Περπερίνα, Περπερία, Περπερίτσα, Ποπερία*; Russian: *Paraskeva*, and so forth.³

9. The facts collected in the myths and the legends of the different peoples show that the idea of the formation of the World from chaos, dark, air-water surroundings and other substances reflects the ancient notions of the history of the creation of the World rather than of the Word. The three-focal syncretic proto-consonant that designated the continuum of the surroundings with its all attributes (i. e. with all animate and inanimate beings and things) are subdivided into two less syncretic polyconsonants. The first of them has become the symbol of the air-water surroundings, the second designated the solids. These polyconsonants bifurcated again in their turn, – thus seven polyconsonants

¹ “Russisches etymologisches Wörterbuch” von Max Vasmer. Heidelberg, 1950–1958.

² Vjach. Vs. Ivanov. Kult ognja u hetov // Drevnij mir. Moscow, 1962.

³ V. N. Toporov. K drevnebalkanskim svjazjam v oblasti jazyka i mifologii // Balkanskij lingvističeskij sbornik. Moscow, 1977.

were generated, and so on. Every polyconsonant specified the initial element of the derivation in the definite direction. The labioglottal component was manifested by means of one form while the lingual component was represented with other form; then the labioglottal phoneme was subdivided into the labial and the glottal ones as well as the lingual component was specialised in the form of the sonants and of the non-sonants. At the next stage of the derivation procedure the labial sounds were differentiated into the bilabial and the labiodental ones, the sonants were dualized into the liquids and the rolled (flapped, trilled) phonemes, and so forth, – right up to our days.

The procedure of the lexics formation is reflected by the cosmogonic myths so that they have become the chronicles of the Word derivation history rather than of the World creation history. By means of the mythologemes and the theological personages the speaker fixed the successiveness of the lexics formation as well as the character of the relations between the basic and the derivative stems, f. ex.: the appearance of the twins in the legends may be considered the fixation of a bifurcation point of a derivation procedure;¹ the description of the World tree helps to reconstruct the order of the separate derivative acts that were registered by the ethnoses; the sound characteristics of the theological names may be used for the phonetic reconstruction of the sound peculiarities of the daughter language at the moment of its offshoots of the common trunk. The portrait characteristics of the gods and heroes may be interpreted as the mnemonics of the derivative procedure, and so on.

The consideration of the myths and the legends as the chronicles of the derivative processes and the interpretation of the mythologemes as the reflection of the procedure of the designata' formation rather than of the referents' creation are the powerful tools to reconstruct the history of the human consciousness, to explicate the genetic relations of the languages and to recreate the world picture at the moment when a human being started to discretize his surroundings and to reflect this process in

¹ Cp.: "In the researching of the oldest system of the Indo-European grammatical categories (...) it is non-difficult to establish the obvious features of the binarity that transpires all Indo-European language system with its grammatical and lexical-semantic subsystems". T. V. Gamkrelidze, Vjach. Vs. Ivanov. *Indoeuropejskij jasyk i indoeuropejtsy*. Tbilisi, 1984. V. 1. P. 256, – in my translation.

a form of the procedure of the word creation interpreted in time as the world creation.¹

¹ The paper is a fragment of the monograph: L. Z. Sova. U istokov jazyka i myshlenija. Genesis afrikanskich jazykov (At the beginning of language and consciousness. Genesis of African languages). Sankt–Petersburg, 1996.

Фрагменты из монографии «У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков»¹

Предисловие

С древнейших времен человечество постоянно задавало себе вопросы: «Что такое язык? Как он появился?» Но ответа на них дать не могло. Были разные гипотезы. «Язык это дар божий. Он, как разум и живая душа, является неотъемлемым свойством человека. Возник вместе с ним и существует, пока он есть», – говорили одни. Другие возражали: «Нет. Было время, когда люди жили без языка, общались с помощью жестов. Потом они поняли, что это неудобно, и ввели

общественный договор: дали имена вещам, которые их окружали». Снова нашлись несогласные: «Язык это организм, который имеет собственное бытие – вне человека, независимо от него. Язык рождается, живет и умирает по своим внутренним законам. Он был до человека, будет после него, может существовать вечно. Это Бог, который приходит к нему в момент рождения, ведет его душу по жизни и расстается с ней, когда она покидает тело. Но и после этого язык не умирает, он лишь меняет хозяина, вновь вселяется в новорожденного, являя ему вечную душу человечества». «Нет, – ответили четвертые, – Язык это порождение человеческого сознания, продукт речевой деятельности. Он не существует без человека, без речевого коллектива. Возникает общение, появляется язык. Исчезнет человечество, не станет речевой деятельности, не будет языка, останется только память о нем в виде книг. Язык не возникает в нашей жизни как откровение Всевышнего. Божьим даром являются органы речи, способность пользоваться ими. Ребенок шаг за шагом

¹ Л. З. Сова. У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков. СПб., Издательство ТОО «ЛАБРИС», 1996. 384 стр. ISBN 5-900772-02-0.

овладевает речевой деятельностью с помощью родителей и учителей, усваивает опыт, запечатленный в словах. Постепенно организуя их в систему, он овладевает процессом мышления. Абстракция от языковых систем, представленных в сознании всех индивидов, — это и есть язык. В этом смысле, он идеальная сущность, имеющая собственное бытие и подчиненная законам внутреннего развития».

Долгое время лингвисты считали, что вопрос о происхождении языка решается только после абстрагирования его от процессов речевой деятельности. Поэтому с середины XIX в. они регулярно сопоставляли родственные слова из разных языков и строили схемы для сведения их к форме, которую можно было считать их общим предком. Совокупность таких форм называли праязыком. Языки, имеющие одного и того же предка, стали именоваться генетически родственными. Так возникли понятия об индоевропейской, семито-хамитской, нигеро-кордофанской и многих других семьях. С помощью того же метода индоевропейская, семито-хамитская, картвельская, уральская, дравидийская и алтайская семьи были возведены к праязыку следующего уровня. Их стали называть ностратическими (от лат. слова *nostrum* 'наш'). Затем появились гипотезы о дальнейшем расширении ностратической общности языков. В ближайшее время, наверно, будут созданы словари компаративных серий, свидетельствующих, что все языки мира происходят из одного и того же источника. Однако ответа на вопрос, как возник язык, эти исследования не могут дать в принципе, потому что они занимаются статическими объектами («первоэлементами»), а не процедурами их создания. Совокупность процессов, ведущих к порождению слов и других единиц в реальной языковой практике, называют речевой деятельностью человека. Изучая ее модель, можно понять, как осуществляется вербальное поведение индивида. Чтобы узнать, как возник язык, надо исследовать речевую деятельность коллектива. С помощью ее модели можно описать процессы у истоков языка и сознания. Реализации этого подхода посвящена данная книга.

На основании опыта, накопленного в индоевропеистике и ориенталистике, выявляются процессы, характеризующие речевую деятельность человека с точки зрения устройства его органов речи и решаемых им коммуникативных задач. Наблюдение за динамикой их развития (ослаблением, исчезновением, консервацией, возникновением, усилением) позволяет поставить в зависимость от них все-

возможные изменения, которые происходят в языках и приводят к преобразованиям как отдельных слов или грамматических категорий, так и языковой системы в целом. Вместе с ней трансформируется вербальное сознание, становится иной философская (физическая) картина мира, потому что понятия, лежащие в ее основе, базируются на языке, присущих ему категориях и усваиваемом с детства способе отражения объективной действительности. Описывая этапы развития речевой деятельности «от нуля» до сегодня, от элементарных процессов ко все более сложным, мы получаем инструмент для проникновения в тайны процесса формирования категорий нашего мышления, который позволяет как бы перенестись в то время, когда они создавались, и следовать за ними на всем пути их развития. При замене ретроспективного движения проспективным, появляется средство для проникновения в будущее и составления научного прогноза о том, каким будет наш язык завтра, как будут эволюционировать категории мышления, в каком направлении будет развиваться философская или физическая картина мира, какие методологии будут определять развитие науки в новом тысячелетии.

Данная книга написана на материале африканских языков. Больше всего в ней содержится сведений по языкам банту, специалистом в области которых является автор. Однако к тем же выводам можно прийти, исследуя иные языки, например, славянские или германские, – об этом говорят приведенные в работе параллели из неафриканских языков. Коль скоро восстанавливается начальная точка генезиса человеческого сознания, в каком-то смысле безразлично, по какой тропинке к ней идти, – проложенной бантуязычным или каким-либо иным коллективом. Чем ближе к началу, тем больше в языковых процессах черт, общих для разных языковых семей, тем обобщеннее законы, которые ими управляют, тем менее дискретен континуум языковой действительности, фиксируемой мозгом. Сущность языковой эволюции, описываемой в книге, и процедуры реконструкций, предлагаемых автором, можно понять, независимо от того, на каком языке говорит читатель и фактами которого располагает, потому что для этого требуется оценивать не материал, а логику рассуждений о нем. Процедура поиска «нулевой точки» в истории праязыка, концепция перехода от начального этапа к последующим, то новое знание, которое вводится в науку открытием «языкового нуля», проблемы, которые возникают вслед за этим открытием, – все это может быть интересно не только для посвя-

щенных в дела лингвистические. Однако, анализ процессов речевой деятельности в языках банту, их выявление, установление, параметры, номенклатура, связь с результатами, – эти вопросы требуют особой, весьма высокой, филологической подготовки. Не меньшая квалификация нужна и для того, чтобы оценить соответствие экспонируемых в монографии материалов фактам современной науки. Поэтому книга состоит как бы из двух взаимопроникающих частей: для узкого и для широкого круга читателей. Страницы, доступные всем, оговорены особо, о них и о логике рассуждений, связывающей их в единое целое, пойдет речь ниже.

Суть выводов такова. Изученные материалы показывают, что речевая деятельность зарождалась в виде возгласов многофокусного образования, не расчленившихся на отдельные звуки и не дифференцировавшихся в зависимости от положения органов речи или характера дыхания. И смысл, и форма этих возгласов были максимально обобщенными, не соотносимыми с существующими сегодня понятиями. Исходную ситуацию легче всего представить посредством аналогии с картиной «гулящего» младенца. Речевое детство человечества, предстающее перед читателем, мало чем отличается от первого года жизни его отдельного представителя (как говорят, филогенез совпадает с онтогенезом). Со временем аморфный, с звуковой и смысловой точки зрения, первоэлемент вступил в процесс деления: вместо одного появились два, из них – четыре, и т. д., пока не образовались все слова и морфемы, из которых состоят современные языки. В книге этот процесс прослеживается шаг за шагом в обоих аспектах: как в отношении языковых форм (фонем, морфем, слов), так и стоящих за ними значений. В качестве исходной единицы плана содержания выступает понятие *хаоса*; его бинаризация приводит к понятиям *света* и *тьмы*; на их основе образуется противопоставление *воздушно-водной* субстанции и *твердей*; из противоречий, возникших внутри представления о твердых, формируется определение *твердей небесных* в противовес *твердым земным*, бинаризация понятия о *воздушно-водной* субстанции результируется отделением понятия о *воде* от понятия о *воздухе*, и т. д., и т. п., – пока не создаются все элементы нашего словаря. За этим процессом легко угадывается библейский сюжет о сотворении мира¹.

¹ «1. Вначале сотворил Бог небо и землю. 2. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и дух Божий носился над водою. 3. И сказал Бог: да будет свет.

В основе дуализации понятий лежит необходимость ориентироваться во времени и пространстве (вне человека и внутри его мозга). Параллельно смысловым, в истории языка происходят звуковые процессы: из синкретичного многофокусника, обозначавшего понятие *хаоса*, вычленяется *вокалический* компонент в противовес *консонантному*, каждый из них делится на два (например, гласные начинают противопоставляться по ряду и подъему, согласные – по месту и способу образования), и т. д., – вплоть до существующего сейчас многообразия фонем. Ответственными за этот процесс являются органы речи (специфика их развития и функционирования). В работе подробно исследуется, какие органы речи (нос, язык, глотка, ларинкс, велум) на каких этапах дуализации исходных элементов отвечают за возникновение новых оппозиций и посредством каких означающих закрепляются результаты их деятельности.

Перейдем к более подробному изложению содержания той части монографии, которая ориентирована на *широкого* читателя. Во Введении (с. 13–14¹) рассказывается, какие этапы прошло на своем пути вербальное сознание. В преамбуле к главе 1 (с. 23–24) представлены методы и исходные данные для построения модели. Затем приводится общая характеристика грамматического строя современных языков банту и показывается, каким мог быть прабанту и язык, предшествовавший ему, а также какими особенностями должна была обладать человеческая речь в эту эпоху (с. 53, 54, 70). На с. 82–85 описываются особенности ритмомелодической структуры банту, определявшие их эволюцию в прошлом и сохранившиеся

И стал свет. 4. ...и отделил Бог свет от тьмы. 5. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один... 7. И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердь, от воды, которая над твердь. И стало так. 8. И назвал Бог твердь небом... И был вечер, и было утро: день второй... 10. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями... 11. И сказал Бог: да произрастит земля зелень... 13. ...день третий. 14. И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной... 16. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, светило меньшее, для управления ночью, и звезды... 19. ...день четвертый. 21. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее... 23. ...день пятый. 24. И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их... 26. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему... 31. И был вечер, и было утро: день шестый». Библия. Бытие. Гл. 1.

¹ Здесь и далее в разделе дается отсылка к страницам моей монографии: У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков. СПб., 1996.

неизменными от праязыка до наших дней. Здесь фиксируются универсальные характеристики, обуславливающие во всех языках мира однотипные процессы образования слога, систем гласных, слияния элементарных единиц языка в более сложные и превращения одних элементов в другие. Во второй главе показывается, как мог сформироваться аппарат порождения согласных и какую роль при этом играли тонально-тембровые особенности речи, отвечающие за такие процессы, как назализация, фарингализация, лабиализация и др. (С. 86, 158–168). Третья глава посвящена процедуре реконструкции праформ на основе анализа современной артикуляции. На с. 177–184 излагается методика реконструкций и на примере компаративной серии со значением '*слеза*' в современных языках банту иллюстрируется процесс воссоздания артикуляции прототипа этого слова в прабанту. Та же методика применяется к семантическому полю бантуских слов со значением '*земля*' (с. 187–195), затем приводятся примеры, подтверждающие, что аналогичная ситуация имеет место за пределами бантуского ареала, – во многих нигеро-кордофанских, афразийских, койсанских и ностратических языках (с. 196–199).

Следующие реконструкции производятся в семантических полях со значением '*солнце*' (о языках банту см. с. 199–208, о других языках – с. 208–214) и '*вода*' (с. 214–219). Далее показывается, что протокорень со значением '*земля*' образовался от протокорня со значением '*солнце*', а тот – от протокорня со значением '*темная, водная стихия*' (с. 215). Поэтому наиболее аморфная артикуляция представлена у праформы с '*водной*' семой (это синкретичный язычный консонант с лабиоглоттализованной окраской). Дифференциация язычного компонента на два элемента: синкретичный сонант и несонант привела к выделению *r/l*-корней ('*солнечных*') и *t*-корней ('*земных*'). В предыстории к '*водному*' (синкретичному *r/l*-корню) был этап отделения слов, обозначавших *воздушно-водную среду*, от *твердей*. Этому этапу предшествовал период фиксации в языке полного синкретизма сред и отсутствия противопоставления *света-тьмы*, отраженных в понятии *хаоса* (с. 217). На с. 169–177 описывается модель артикуляционного механизма прабанту и процессы ее модификации в современную.

Итоги исследований по воссозданию начального этапа возникновения языка и мышления, а также гипотезы о том, какие факторы должны были ему предшествовать, представлены в заключении к

третьей главе (с. 231–255). Здесь приводятся иллюстрации из мифов и легенд, с помощью которых поясняются основные положения книги. Этот раздел является *кульминационным*. Он служит ключом для понимания всего материала.

Четвертая глава рассказывает о формировании грамматических категорий. В преамбуле к ней (с. 256–263) говорится о категориях, представленных в банту и соответствующих роду, числу и артиклю в других языках. Подробно описывается, как они возникли и каким должен быть язык, в котором они функционировали (с. 277–278, 284–287). Показывается процесс формирования категории существительных как способа фиксации в древних языках значения посесивности, а в современных – предметности (последнее значение развилось на базе первого в процессе де-синкретизации понятий). В качестве средства создания существительных из протокорней выступает назализация: с ее помощью говорящий показывает, что он становится «обладателем реалии», называемой данным словом. В формальном плане «факт обладания» запечатлевается появлением назальных в начале слова и другими феноменами, вызываемыми назализацией (с. 218, 288, 291–292). Аналогичный процесс формирования категории субстантивности, в противовес категории глагола, прошли и другие языки. Результаты реконструкции протоформ, определяющих грамматический статус существительных в банту, приводятся на с. 296–300. На с. 301–303 излагаются материалы о соотношении именных классов с категориями рода, числа и артикля. Сопоставление западно-атлантических, вольгийских, шаринильских, суданских и других африканских языков завершается экскурсом в их генезис. Для этого проводится исследование сходств и различий их грамматических категорий и показывается, до какого момента эти языковые общности были тождественны, с какого этапа их пути разошлись. Например, в одних случаях древнее посесивное значение превратилось в категорию рода (нубийские языки, с. 322), в других – класса и числа (банту, западно-атлантические, манде), в третьих – конкретности и определенности (нилотские, с. 327–329; паранилотские, с. 330–332), и т. п.

Итогом рассмотрения материалов является идея моногенеза африканских и ностратических языков (с. 338). Соединительный «мостик» между ними – афразийские (в частности, чадские), с одной стороны, и банту, с другой. Эти выводы подтверждаются ана-

лизом топонимов, этнонимов и лингвонимов (названий языков). По всей Африке представлены обозначения местностей, акваторий, племен и языков, которые соотносятся с корнем, реконструированным на с. 249. Это подтверждает, что современные языки, которым принадлежат указанные слова, имеют общее происхождение. Аналогичные названия, при изучении их как результатов речевой деятельности, вызывающей в них соответствующие изменения, можно найти на других континентах (в Европе, Азии, Америке, Австралии) и островах Океании (в составе аборигенной лексики). Собранные воедино, они свидетельствуют, что эти языки – потомки одного и того же предка. Как отмечалось выше, такая идея для языкознания не нова. Однако проведенное исследование не только доказывает ее правильность, но регистрирует процедуру эволюции праязыка в современные языки и его создания из одного единственного первоэлемента. Другими словами, при рассмотрении языка как продукта речевой деятельности появляются доказательства теоретической возможности развития существующих языков из протоядра (с. 235), а мышления – «от нуля» (шаги этой процедуры, от исходной точки до наших дней, описаны в книге). Тем самым дан положительный ответ на вопрос, могла ли речевая деятельность спонтанно возникнуть у субъекта, располагавшего «нашими» органами речи. Этот ответ, правда, рождает новый вопрос: являются ли «наши» органы речи результатом эволюции или на всем протяжении истории человечества (за пределами языковой ретроспективы, рассмотренной в работе) они были одними и теми же. Попытка найти решение снова приводит к исходной задаче, и т. д., – пока мы опять не сталкиваемся с тайной «перволчка» и его демиурга. Формируемые таким образом проблемы просто отодвигают искомое начало все дальше в глубь истории. Ответа на вопрос о том, как появилась именно наша языковая цивилизация, они не дают.

В книге предлагается преодолеть этот парадокс с помощью сведений, отраженных в легендах, бытующих у африканских народов. Возможна, например, такая версия. В одной из легенд рассказывается, что несколько тысячелетий назад, в местности, где были горы, вода и лес, появилась группа детей (50 мальчиков и 50 девочек) в сопровождении взрослого мужчины. По другим преданиям, его называли именем, которое артикулировалось в виде лабиоглоттализованного вибранта, реконструированного на с. 171. В зависимости от особенностей произношения оно могло дать такие рефлексy в со-

временных языках, как *Бог, Бузуи, Яхве, Холле, Игвар, Гор* и т. д. (С. 233, 240). Прибыли странники неизвестно откуда, на каком-то большом средстве передвижения, погрузившемся в ил. По воспоминаниям одних детей, оно было похоже на гору, другим казалось огромным животным. Первые своим потомкам впоследствии рассказывали, что *вышли из большой дыры в земле (из горы, из пещеры)*, вторые – *из "чрева" (кита, слона)*. Были и те, кто запомнил *тростник* или *грязь*, по которым они брели к берегу (с. 247); в некоторых легендах утверждается, что человек на земле существовал вечно. Дети были размещены в двух хижинах (в лесу). В одной жили мальчики, во второй – девочки. Лет десять они не знали о существовании друг друга. Затем их стали знакомить. Образовавшаяся семья перебиралась в специально построенную для нее хижину, вдали от всех, и начинала жить самостоятельно. Ее связь с остальными обрывалась. Пока дети росли, взрослый был с ними. Можно предположить, что он познакомил их с законами морали, медицины, астрономии, механики, математики, а также научил языку, объяснив путь формирования категорий мышления, который они прошли под его руководством, и «закрепив» эти знания в виде своеобразной «считалочки» (с. 249) о деривации слов из аморфного образа (смыслового и звукового) путем его последовательной конкретизации (дуализации). Став жить отдельно, семьи забыли дорогу к своему Учителю. Он исчез из их жизни, ничего не сообщив о своем прошлом и будущем. Века многое стерли из человеческой памяти. «Считалочку» о происхождении слов люди интерпретировали как *легенду о сотворении мира*, детскую постройку «до неба» из кубиков назвали *Вавилонской башней*. Знания стали восприниматься как результат божественного откровения. Почти полностью потеряв то, чему их учили в детстве, люди опомнились и начали старательно все восстанавливать. Так появилась наука нового времени. Правда, есть мнение, что в древности мы знали значительно больше, чем сейчас.

Нетрудно увидеть, что эта история содержит отмечаемую во многих легендах «склейку» двух сюжетов («божественного» и «человеческого», с. 244). Вопрос о возникновении «языка вообще» она соотносит с первым, зарождение языка и мышления в нашей цивилизации – со вторым. То, что язык, в принципе, может быть «развернут» из одного синкретичного возгласа, видно из онтогенеза. Однако осознать это можно, только наблюдая за ребенком со сто-

220

роны. Если «считалочка», действительно, отражает процесс развития языка у детей, с которыми связано начало нашей цивилизации, сочинить ее мог только Учитель (процесс овладения языком до сих пор остается для нас тайной), т. е. сами говорящие зафиксировать этот период своей «младенческой» истории не сумели бы. Это – сильнейший аргумент в пользу существования Учителя. «Собственно наша» языковая история началась после этапа, описанного в «считалочке». В книге этот момент соотнесен с формированием партиитивно-посессивного языкового строя. Относительная лингвистическая хронология может быть заменена абсолютной с помощью нескольких методов. Например, можно установить, сколько циклов деления прошел исходный протоэлемент «до нашей истории» («в детсаду») и сколько – за последующий период. В легендах упоминается от 7 до 22 циклов (с. 246). Описанные в работе дихотомии, каждая из которых соответствует одному циклу, приводят к тем же цифрам, – в зависимости от того, с какого момента начинает фиксироваться переход от предыстории к истории, см., в частности, с. 234–238. Дихотомии нового времени (с. 301–303 и др.) говорят, что за время дивергенции языков произошло еще около 20 циклов (о соотношении реального и лингвистического времени см. с. 312: пяти циклам соответствует примерно 3000 лет), т. е. начало цивилизации «после детсада» можно датировать приблизительно 10-м тысячелетием до н. э. Хочется также отметить, что в «детсаду» могли быть разные дети: от одних и тех же родителей или нет. Во втором случае общность языкового генезиса, фиксируемая в десятом тысячелетии до н. э., не является аргументом в пользу возникновения в ту же эпоху кровного родства у членов нашей цивилизации. Его принципиальную возможность допускают биологи (с. 249), но время существования нашего прапредка относят к значительно более древней эпохе (280000–140000 тысяч лет назад). И значит, вопрос о возникновении языка и мышления может быть отделен не только от проблемы происхождения современных языков, но и от генезиса их носителей. Это три независимые задачи, решения которых могут совпадать, но могут быть и различными.

Итак, если следовать логике этой книги и принимать во внимание легенды, бытующие у африканских народов, органы речи представителей нашей цивилизации всегда были такими, как сейчас. Мы не были обезьянами и не лазили по деревьям (разве что детьми). История, запечатленная в устных и письменных памятниках совре-

менного человечества, началась примерно 12 тысяч лет назад. У ее истоков находятся *детские воспоминания* наших прапредков о том, чему их учили, как выглядел окружавший их мир (опять-таки, с их точки зрения), каким был язык и его творец. На вопрос о том, откуда мы появились, эта книга ответа не дает. Хочется надеяться, что в XXI в. эту тайну тоже удастся разгадать...

Отрывки из Введения

Предлагаемая вниманию читателя монография – продолжение прежних исследований автора¹. Ее целью является реконструкция языкового состояния, которое можно рассматривать как предысторию современных языков банту². Книга состоит из двух частей: в первой и второй главах строится эволюционная модель звукового механизма («от прабанту до наших дней»), современная стадия развития которого генерирует системы гласных и согласных, представленные в банту (по материалам XIX–XX в. в.), третья и четвертая главы посвящены предыстории этой модели («от прабанту до нуля»). В третьей главе описывается попытка реконструкции того этапа эволюции звукового механизма, который предшествовал этапу прабанту, и строится модель формирования лексики в соответствии со звуковой моделью (или в терминах этой модели).

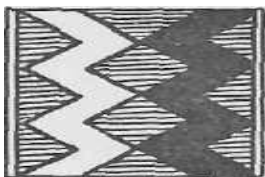
Схема рассуждений автора такова: если правильны положения о развитии звукового строя языков банту на основе их современного статуса, описанные в первых двух главах, то, в силу взаимодействия друг с другом всех языковых подсистем, эти положения отражают ситуацию внутри не только звуковой подсистемы, но и праязыка в целом. Поэтому они дают возможность строить допущения о праязыке как образовании, развившемся из системы, обладающей закономерностями, которые проявились в характеристике сначала праязыка, а затем всех языков, в которые он эволюционировал.

¹ Л. З. Сова. Аналитическая лингвистика. М., 1970; Л. З. Сова. Эволюция грамматического строя в языках банту. Ленинград, 1987.

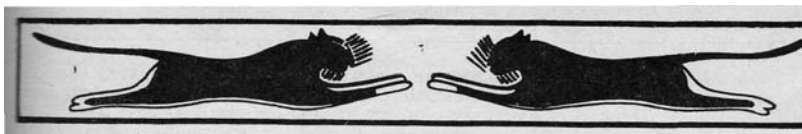
² «Ретроспективное движение должно продолжаться до тех пор, пока не будет достигнуто языковое состояние, из которого могут быть выведены все исторически засвидетельствованные родственные языковые системы при допущении определенного множества типологически вероятных последовательных трансформаций, которые и определяют "диахроническую выводимость" системы. Подобные трансформации переводят из исходной языковой системы в более поздние языковые состояния, являющиеся результатом ее структурных преобразований». Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. В. Иванов. Индоевропейский народ и индоевропейцы. Т. 1. Тбилиси, 1984. С. LXXXIII.

Четвертая глава посвящена развитию этих идей применительно к сфере субстантивных категорий. Кроме того, на основании анализа взаимоотношений между означающими и означаемыми именных категорий строится генеалогическое древо для нигеро-кордофанских и нило-сахарских языков, отражающее процесс формирования именных категорий в этих языках по отношению друг к другу. Описание языковых групп и семейств дается в терминах работы: „Les langues dans le monde ancien et moderne. Afrique subsaharienne, pidgins et créoles. Texte. Cartes“ (CNRS. Paris, 1981), поэтому результаты сравнимы с теми, которые представлены в полученных ранее генетических классификациях африканских языков¹.

Системы гласных описываются в терминах таблицы 2 на с. 45, при описании консонантных систем используется таблица 3 (см. с. 47 и комментарий к ней).

¹ J. H. Greenberg. Languages of Africa. Bloomington, 1963. Linguistics in Sub-Saharan Africa // Current Trends in Linguistics. V. 7. Ed. by T. A. Sebeok. Mouton, etc., 1971. Linguistic survey of the Northern Bantu borderland. V. 1, 2, 4. Oxford, 1956–1957. A. N. Tucker, M. A. Bryan. Linguistic analyses: the non-Bantu languages of North-Eastern Africa. Handbook of African languages. P. 5. London, 1966. A. N. Tucker, M. A. Bryan. Linguistic survey of the northern Bantu borderland. V. 4. London, 1957. D. Westermann. Die westlichen Sudansprachen und ihre Beziehungen zum Bantu. Berlin, 1927 и др.

Вопросы XXI века

Представителей различных наук традиционно интересовала загадка: откуда «все взялось». «Всё» – в первую очередь, наша цивилизация. Затем остальное – жизнь на Земле, Вселенная, Бог. Что было в начале? Есть ли Бог? Где Он обитает? Можно ли верить Библии? До каких пределов? Творил ли Бог чудеса? Почему наличие чуда считается доказательством существования Бога? Если, например, Иван Петрович «может сотворить чудо исцеления больного», говорит это о наличии Божественной силы? У него? В пространстве, его окружающем? У его родителей?

Вопросы такого типа наука постоянно выводила за свои рамки. Наверно, потому что она начиналась там, где появлялась возможность корректной постановки проблемы. Ни в одном из приведенных выше заклинаний этого нет. Возникло сомнение в их разумности, – не являются ли связи, которые исследуются в доказательствах сторонников и противников религии («Бог – чудо», «Бог – сотворение Вселенной», «Бог – Разум» и прочие субъектно-предикативные или причинно-следственные отношения, лежащие в основе этих утверждений), продуктом человеческого мышления, существовавшего несколько тысяч лет назад и пытавшегося путем фиксации указанных связей объяснить непонятное... Атавизм, перенесенный в наше время из какой-то отдаленной эпохи? Или обрывки утерянных знаний? Надо лишь попробовать восстановить звенья, и все станет на место?

Доказательство – это феномен из области логических построений, процесс и продукт умственной деятельности. Она протекает внутри мозга. В одной определенной его части. *Вера* не относится к логическим построениям. По-видимому, она возникает в результате иных процессов (или в иной части) мозга. Общее между верой и логикой есть: обе существуют в нашем сознании, обе относятся к сфере деятельности мозга. Это общеизвестно. Менее тривиальны следующие соображения.

стоять, из и прочим абстракциям качеств, свойств, отношений, действий, как становится ясно, что полного параллелизма между двумя мирами нет. И значит, наличие реалии во внутреннем пространстве не может служить аргументом «за» или «против» существования ее прототипа во внешнем пространстве.

Слова, предложения и прочие результаты речевой деятельности, оформленные посредством звуковой или графической субстанции, являются реалиями внешнего мира. С помощью слов частицы внутреннего континуума (образы) переводятся во внешний и становятся такими же его элементами, как все остальные реалии, окружающие человека. Слово *'Бог'* ничуть не меньшая объективная данность внешнего пространственно-временного континуума, чем, например, *дерево* или *океан*.

Между словами во внешнем мире и их образами во внутреннем также устанавливается параллелизм. О неполноте его применения говорит известный феномен произнесения слов, которые не «отягощены» образами, и наличие в сознании аморфных образов, не оформленных вербально. Между словами и невербальными реалиями внешнего мира существуют сложные отношения, возникающие на основании принципа параллелизма, применяемого к каждой паре объектов: образ – слово, образ – невербальная реалья, слово – невербальная реалья, а также к их образам. Эту иерархию обычно создает говорящий в процессе вербальной деятельности. Например, кроме слова, он строит его образ во внутренней речи. То же происходит с остальными языковыми элементами, которым сопоставляются психические сущности различного порядка сложности.

Образ Бога представлен в нашем сознании. Слово, фиксирующее Его посредством языкового имени, имеется во внешнем мире. Что есть вне этого, неизвестно. Мы не знаем, соответствует ли слову *'Бог'* и его образу какая-то невербальная реалья из окружающего нас мира. Фактами науки можно считать только два феномена: наличие образа Бога во внутреннем времени – пространстве и наличие слова, которое его обозначает в обоих мирах – внутреннем и внешнем. Как элемент «внутренней речи» слово *'Бог'* (и его образ) принадлежит внутреннему миру (сознанию, континууму вербальной деятельности), но стоит произнести его вслух, и оно оказывается реалией, существующей во времени и пространстве объективной

действительности (той его части, где «располагаются» продукты речевой деятельности).

Благодаря В. фон Гумбольдту в языкознание вошло представление о языке как процессе (*energeia*) и как результате (*ergon*). Это дало возможность абстрагировать продукты речевой деятельности от нее самой и исследовать их в отдельности. Гений Ф. де Соссюра помог осознать, что есть три различных области – *язык, речь, речевая деятельность*; каждая из них обладает специфическими признаками, требующими особых методов изучения и учета особенностей при построении описания. Изложенные выше соображения являются следствиями из этих теорий.

Никакие попытки установить существование или отсутствие Бога во внешнем (не речевом) мире путем апелляции к объектам внутреннего мира или продуктам речевой деятельности, в принципе, не могут привести к успеху. Тот, кто хочет что-то выяснить, должен обращаться к фактам Его присутствия во внешнем невербальном мире. Для остальных людей вопрос Бога – дело веры: одному человеку уютно владеть своим внутренним миром в одиночку, без Бога, другому нет, нужен демиург и советчик, который помогает ориентироваться во внешнем мире. Его образ каждый создает по-своему, поэтому сколько народов – столько Богов. Вернее, сколько людей, верящих в Бога, столько Его образов. Что соответствует им в действительности, кроме слова, одного и того же для данного коллектива, неизвестно. Удалось ли кому-то познать Бога, построить его адекватный образ? Являются ли человеческие чувства таким инструментом, который в состоянии регистрировать то, что, по определению, этому не поддается? До сих пор корректно поставить эти вопросы наука не в состоянии, поэтому ими не занимается. Зато ее живо интересует все, что имеет отношение к присутствию Бога на Земле (во внешнем времени – пространстве). Особенно факты из истории человечества, объяснить которые без гипотезы Бога просто не удается.

Многие из них так или иначе связаны с проблемой языка. Как и когда он возник? Был ли дарован свыше? Является ли результатом естественной эволюции? Эволюции чего – человека, сознания, языка как некоей данности? Идеи, саморазвивающейся во времени и пространстве? Ученые называют такие вопросы вечными. Они обсуждались в Древнем Мире, актуальны и по сей день. Возраст их не

одна, не две тысячи лет. И только сегодня можно говорить о постановке задач для поиска их решения, а также об отдельных результатах.

Итак, русский или любой другой язык, – что это такое? Современная наука отвечает: система, т. е. целое, состоящее из элементов, между которыми установлены связи. Мертвая система – как касса букв, элементами которой играют люди, или живая, развивающаяся из исходных простых частичек? Семьдесят лет назад Н. Я. Марр верил, что есть четыре волшебных корня – *сал, бер, йон, рош*, четыре атома, из которых возникли все слова. Н. С. Трубецкой показал, что языковая форма, его звуковой состав «разбирается» на фонемы, те – на дифференциальные признаки. Хотя количество признаков очень ограничено, их комбинациям несть числа: из 20–30 исходных элементов можно создать любое многообразие языковых единиц, которые существовали в действительности или появятся в будущем.

Следующее поколение лингвистов работало над аналогичным препарированием плана содержания. В качестве «кирпичиков» для сборки всевозможных смыслов были сконструированы семантемы. Хотя такой способ описания языка оказался сложнее самого языка и поэтому, как показал У. Вайнрайх, был непригоден для решения практических задач, возможность построения подобных конструкций подтвердила правильность идеи о механической сборке – разборке языка на два плана (содержания и выражения), а их – на простейшие составляющие (образно говоря, языковые клетки). Однако примерно к началу семидесятых годов XX в. стало ясно, что знать, из каких «клеток» можно собрать – разобрать язык, недостаточно. Нужно понять, кто являетсядемиургом процесса: сам язык «строит себя из клеток» или этим занимается «посторонний», который создает «языковые клетки» из ничего и конструирует механизм их «сборки».

Конец XX в. ознаменовался проверкой указанных гипотез и построением моделей, описывающих вербальную деятельность в конкретных ситуациях. Эти модели помогли понять, как выглядит язык, который «сам собирает элементы в систему», и каким он является, если творцом процесса становится «посторонний». Модели второго типа, реализованные на компьютерах, были использованы для автоматической обработки текстов. Их несостоятельность («не-

естественность» языковых процессов, получаемых с их помощью) поначалу объясняли несовершенством алгоритмов, программ и компьютеров, но к середине восьмидесятых годов стало ясно, что дело в ином: надо изъять «постороннего» из модели и сделать ее саморазвивающейся.

Подобно биологам, лингвисты ввели в свою науку понятие гена и сосредоточились на расшифровке генетического кода языка. Казалось, сто́ит его найти, и можно будет представить процесс развития языка *ab ovo*, от мельчайших первоэлементов плана формы и плана содержания давнего прошлого до современных языковых систем. В этой модели исходные первоэлементы, благодаря приказам, идущим из генетического кода, должны были скрещиваться, наслаиваться друг на друга, разрастаться, как снежный ком, во все более крупные образования, затем распадаться, стареть, исчезать, создавать новые единства и частицы...

Каждый язык должен характеризоваться собственным генетическим кодом, рождаться и умирать, обладать временем и пространством бытия. Где? Внутри мозга одного человека? Речевого коллектива? Во внешнем пространстве? На Земле? В Космосе? Образно говоря, поиск специализированных пространств, где обитал бы «язык одного индивида», или «язык речевого коллектива», или вообще «язык как саморазвивающаяся идея», велся давно представителями различных направлений философии и языкознания. Совсем недавно эти попытки называли в СССР идеалистическими и критиковали при каждом удобном случае. Оппоненты говорили, что дело – в практике: если теория не подлежит опытной проверке, она должна быть отвергнута. Идея параллельных миров, в которых «живут» языки, не вошла в лингвистику. Но именно ей было суждено сыграть роль того фактора, который помог сформулировать новую задачу и двинуться дальше. Отрицательный ответ – это тоже ответ, подчас не менее важный для истории науки, чем положительный.

Поскольку найти спецпространства, в которых «хранились» бы языки и их гены, не удалось, ученые обратились к речевому аппарату говорящих и от генной теории развития языка перешли к генной теории развития вербального аппарата: растет индивид, совершенствуются органы речи, развивается язык. Просто и понятно. Теоретически. На практике надо построить модель, в которой способ-

ность к созданию любой языковой единицы (от звуков, тембровых и тональных структур до сложнейших смыслов и прочих продуктов вербальной деятельности) определялась бы не постепенно или извне, а заранее, на основании свойств аппарата речевой деятельности, зарегистрированных посредством системы постулатов. В моей монографии «У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков» (СПб., 1996) демонстрируются методы создания такой модели на материале одной из обширнейших языковых семей (банту) и описываются полученные результаты.

В этой книге показывается, что при определенных условиях возникает возможность представить вербальную деятельность и порождаемый ею язык в виде системы, «раскручивающейся» из одного первоэлемента. Упрощенно процесс становления языка выглядит так. Сначала не функционируют никакие части речевого аппарата, и в пространстве мозга пусто, нет никакого языка. Затем возникает простейшее «приспособление» для анализа и синтеза той информации, которая вводится извне во внутреннее пространство посредством органов чувств. «Приспособление» начинает работать, появляется первый результат: обобщенный синкретичный образ. Речевой аппарат усложняется, в действие вступает еще одно «приспособление», и создаваемый им элемент «распадается» на два: «формальный» и «смысловой». Первый представляет собой звуковой образ, второй – смысловой («картинку» действительности). Следующий шаг – образуется связь между двумя образами: звук становится формой (означающим) смысла (означаемого). Оба образа являются синкретичными, не делимыми на части, самыми обобщенными сущностями из мира звуков и смыслов.

Развиваются органы речи (возникают новые «приспособления», они специализируются, формируется аппарат речи), и как следствие этого идет процесс детализации, расщепления первичного образа, превращения его во все более конкретные картинки. Язык «раскручивается» не из элементарных составляющих, которые не способны к дальнейшему делению, а, наоборот, из самых сложных (по степени обобщения) единиц, наделенных потенциальностью к неограниченному членению, которая реализуется во времени вербальной деятельности.

Применение этой модели к конкретным языкам показывает, что при формировании вербального сознания исходной единицей плана

содержания служит образ хаоса. Его бинаризация приводит к образам света и тьмы. На их основе возникает противопоставление воздушно-водной субстанции и твердей. Из противоречий, образовавшихся внутри представления о тверди, формируется определение твердей небесных в противовес твердям земным. Бинаризация образа воздушно-водной субстанции результируется отделением образа воды от образа воздуха, и т. д., и т. п., – пока не возникают все единицы плана содержания.

Какой смысл имели эти образы при их возникновении, можно судить по следующим иллюстрациям из легенд разных народов. В «Мифах народов мира» рассказывается, что «Пополь-Вух» (Центральная Америка) – это рассказ о том, как «все было в состоянии неизвестности, все холодное, все в молчании; все бездвижное, тихое; и пространство неба было пусто... Не было ни человека, ни животного, ни птиц, рыб, крабов, деревьев, пещер, ущелий, трав, не было лесов... Не было ничего, что могло бы двигаться... ничего, что существовало бы, что могло бы иметь существование».

В мифах бамбара (Африка), как отмечал Д. А. Ольдерогге, описывается, что после периода полного хаоса из первоначальной материи появились стихии, живые существа и неодушевленные предметы. Их становлению помогли космические взрывы, вибрации и творческое слово. Этому периоду предшествовала эпоха накопления творческих сил, произведенных вибрацией в первоначальной пустоте. От этой безмолвной субстанции по зову голоса, исходящего при колебаниях, отделился ее звучащий двойник. Их союз породил влажную субстанцию и привел к борьбе, результатом которой был космический взрыв, изливший плодородную материю и знаки, предвещавшие зарождение предметов. Далее начался процесс сотворения живых существ, растений и предметов – всего 22 витка спирали. На первом витке возник властелин слова Фаро, одним из обликов которого была чудотворная вода, затем появились божеества воздуха и дыхания, далее – остальные духовные сущности с их материальными воплощениями во Вселенной.

Верховное существо пантеона сенуфо Кулотиоло, имеющее чрезвычайно абстрактную форму, буквально заполняет космос. Оно присуще всем людям, животным и вещам. Оно определяет их материальное существование и придает ему смысл. Центральные группы сенуфо, обитающие в районе Корхого и возглавляемые племе-

нами тиэмбара, утверждают, что в первый день Кулотиоло, вышедший из небытия благодаря своему божественному слову, построил себе небесное жилище и зажег солнце, чтобы оно светило днем, а также луну и звезды, чтобы они сияли ночью. На второй день Бог опустил вниз кусочек небесного свода, создав таким образом Землю, и поднял на ней горы, и т. д. (до появления человека и животных).

Подобную роль в пантеоне бете играет Лаго. Он буквально заполняет все пространство. Все формы бытия не только исходят от него, но сами являются также Лаго. Лаго появляется из небытия после возникновения главных сил Вселенной, породивших искусство говорить. Далее следует процесс сотворения мира, о котором уже шла речь выше.

Параллельно смысловым, фиксируются звуковые процессы: из синкретичного многофокусника, обозначающего понятие хаоса, вычленяется вокалический компонент (в противовес консонантному), каждый из них делится на два (гласные начинают противопоставляться по ряду и подъему, согласные – по месту и способу образования), и т. д., – вплоть до существующего сейчас многообразия звуков. Поскольку ответственными за эти процессы являются органы речи, специфика их развития и функционирования определяет тип вербальной деятельности. Этим объясняется известное нам многообразие языков. На разных этапах дуализации (деления пополам) исходных элементов различные органы речи (нос, язык, глотка, ларинкс, велюм, голосовые связки) играют различную роль в возникновении новых оппозиций и образовании новых звуков. Последовательность их взаимодействия и комбинации меняются, – вследствие этого каждый язык проходит свой специфический путь эволюции.

Известные факты развития речи у детей подтверждают правильность предложенной модели, поэтому ее можно рассматривать как теорию, объясняющую генезис языка у индивида, т. е. как теорию онтогенеза вербальной деятельности (на данном или другом этапе развития нашей цивилизации). Возникает вопрос о переходе от онтогенеза к филогенезу – зарождению и развитию языка в человеческом обществе. В этом случае речь идет уже не о языке конкретного индивида, а о языке как признаке, присущем нашей цивилизации. Каким был язык много тысячелетий назад, когда она появилась?

Если описанную модель применить к доисторическим временам, получится, что речевое детство человечества мало чем отличалось от первого года жизни его отдельного представителя, – оно сравнимо с картиной «гуляющего» младенца. Это значит, что речевая деятельность должна была зародиться в виде возгласов многофокусного образования, не расчленившихся на отдельные звуки и не дифференцировавшихся в зависимости от положения органов речи и характера дыхания. И смысл, и форма этих возгласов были максимально обобщенными, не соотносимыми с сегодняшними понятиями. Со временем аморфный, со звуковой и смысловой точки зрения, первоэлемент должен был вступить в процесс деления: вместо одного появились два, из них – четыре, и т. д., пока не образовались все слова и морфемы, из которых состоят современные языки.

Процесс формирования образов плана содержания, начинающихся с обобщенного представления о хаосе, затем переходящих к противопоставлению света и тьмы, от них – к понятиям твердей земных и небесных, и т. д. до понятия «человек», появляющемся на шестом витке конкретизации исходного образа, является странным повторением библейского сюжета о сотворении мира. Возникает новая загадка, – не является ли принцип параллелизма столь универсальным законом Вселенной, что ему подчинены все объекты, воспринимаемые человеком: история создания слов дублирует историю мироздания, элементы одного мира являются двойниками остальных, Вселенная состоит из множества параллельных миров, каждый феномен имеет своего близнеца, все на свете раздваивается и удваивается? Или все проще: не была ли легенда о сотворении мира рассказом о формировании языка и вербального сознания в голове у младенца, который учился говорить?

Последняя гипотеза позволяет рассматривать легенды о сотворении реального мира как отражение знаний о возникновении языкового мира, которые *кем-то* были переданы человеку. Из современного опыта известно, что ни младенец, ни наблюдающий его взрослый не в состоянии получить эти знания самостоятельно. Ребенок не запоминает того, как он научился говорить. Взрослые, не имея возможности «извлечь» этот процесс из головы ребенка, также ни о чем не догадываются, поэтому обычно не могут ответить на вопросы ребенка о том, что такое язык и откуда он взялся.

Остается предположить, что у «первого ребенка», который учился языку, был Учитель, знавший, как это происходит, и хотевший передать главную тайну человеческого бытия своему ученику. И сделать это он мог с помощью «считалочки» о шести днях творения, которая фиксирует последовательность шагов деления первоэлемента во внутреннем времени – пространстве, отвечающую за возникновение языка из «ничего», благодаря одному лишь *слову*, произносимому во внешнем времени – пространстве.

В этом случае Учитель должен был сказать, что для ученика первым, что восприняло его будущее вербальное сознание, было *Слово* (человеческая речь). Затем в мозгу возник образ некоего целого, без конца и границ, без чего-то определенного – хаос, и т. д. Принцип параллелизма, о котором шла речь выше, превратил явления внутреннего пространства в образы внешнего, наделив объективную действительность теми же атрибутами, которыми обладали элементы внутреннего континуума.

Если для модели онтогенеза идея Бога не является необходимой, то модель филогенеза без нее построить не удастся. Это видно, например, из таких рассуждений. Родители, передавшие ребенку «нормальный ген аппарата вербальной деятельности», и слова (речь, язык), которые он слышит с «нулевого» или «первого» момента своего бытия, – этих предпосылок достаточно, чтобы модель онтогенеза пришла в действие и вместе с ней стал развиваться язык. Ситуация принципиально не меняется, если вместо одного говорящего мы введем понятие коллектива и будем говорить не только о языке одного человека, но и социума (например, о современном русском или каком-то другом языке).

Это происходит до тех пор, пока мы думаем о синхронном состоянии языков. Как только мы переходим к их диахронии – истории развития и возникновения на Земле, все становится принципиально иным. Мы снова возвращаемся к проблеме Отца, Учителя, Бога – субъекта, который присутствовал при рождении первого младенца, вырастил его и передал ему сведения о главной тайне бытия – процессе отражения объективной действительности с помощью языка.

Предположим, Алексея Ивановича научил говорить его отец Иван Николаевич, того – дед Николай Васильевич, и так далее,

сколько позволяет родословная. Хорошо, если она содержит сведения о предках за последние две – три сотни лет. Европейские монархи знают свою историю лучше, память у них длиннее. Но после нескольких сотен лет и у них наступает провал.

Выручает коллективная родословная. Ацтеки считают, что наша цивилизация возникла 4008 лет назад. От современных египтян мы можем перейти к их отдаленным предкам, жившим около шести тысяч лет назад во времена Древнего и Раннего царства. Преемственность в передаче языка здесь также сохранена. Еще сильнее повезло евреям: вот уже 5768 лет они фиксируют течение времени, в котором от отца к детям передается «ген аппарата вербальной деятельности» и с помощью нетленного слова зажигается сознание ребенка. Не менее глубоки генетические связи китайцев: ученые полагают, что, возможно, уже в V тысячелетии до н. э. в бассейне Хуанхэ существовал как самостоятельное образование отдаленный предок китайского языка. Далее хронология обрывается. Остаются легенды, описывающие в общих чертах процесс сотворения мира, языки разных народов и археологические находки, свидетельствующие об уровне материальной культуры разных эпох, на основании которых создаются гипотезы об эволюции человеческого сознания и зарождении языка. Они выглядят примерно так.

Известно, что 10–12 тысяч лет назад в экологически благоприятных регионах Земли существовали общины, которые сеяли хлеб, обеспечивающий их пищей круглый год, и разводили скот, что позволяло им регулярно питаться мясом, а также молоком и сыром. В VIII–VI тысячелетиях до н. э. уже были отдельные богатые поселки, иногда даже окруженные стенами. По мнению И. М. Дьяконова примерно в это время происходило расселение афразийских племен по Северной Африке и степным районам Ближнего Востока (Аравии, Сирии, Месопотамии), а начиная с V–III тысячелетия до н. э. со своей прародины устремились в разные стороны племена, говорившие на диалектах индоевропейского языкового семейства.

Прародину индоевропейцев сначала помещали на территории между Эльбой и Вислой, затем ее стали локализовать ближе к Черному морю – в Подунавье и на Балканах, в евразийских степях или в Малой Азии и в некоторых прилегающих областях Ближнего Востока. Ко II тысячелетию до н. э. индоевропейские племена со свои-

ми языками распространились от Атлантического до Индийского океана.

Каким было языковое сознание человека в более раннюю эпоху, археологи ответа дать не могут. У них нет и доказательств того, что существовавшие ранее X тысячелетия люди были предками современных, – например, имели тот же речевой аппарат, и их вербальная деятельность осуществлялась по тем же законам, что и наша.

Профессор де Люмлей из Лаборатории фонетики университета Экс-ан-Прованс совместно со специалистами в области физиологии речи и информатики восстановил внешнюю морфологию тотавельского человека, жившего в одной из пещер Руссильона 450 тысяч лет назад. С помощью компьютера он создал действующую модель артикуляции, производимой индивидом, который имеет, аналогично тотавельскому человеку, выдвинутую вперед нижнюю челюсть с горизонтальными мышечными связками, а также лежащий в передней части ротовой полости массивный язык и не соприкасающиеся друг с другом губы. Выяснилось, что такой индивид не в состоянии произносить «более древние для человека (!)» гласные *o*, *u*. Он может артикулировать лишь различные варианты «более нового (!)» гласного *e*.

Для того, чтобы подобная нашей модель функционировала и порождала все гласные и согласные языков нашей цивилизации, надо, чтобы имеющий ее индивид обладал нижней челюстью, прикрепленной к шее вертикальными мышцами, а также параллельными губами и языком определенных размеров (меньшим, чем у тотавельского человека), который свободно двигается в ротовой полости. Доказательств, что артикуляционный аппарат одного типа может эволюционировать в аппарат другого типа, у науки нет. Поэтому кости тотавельского или какого-либо иного существа к вопросу о предке современного человека (на данном этапе развития наших знаний) отношения не имеют.

Аналогично обстоит дело с приматами. Например, у шимпанзе, в соответствии с характеристикой Р. Стопы, есть 11 звуков, которые по звучанию схожи с человеческими. Это – один гуттуральный окклюзивный *k* (*g*), два гуттуральных фрикативных *h* (ларингал) и *x* (велярный), одна эйективная аффриката *kx'*, два назальных: *m*, который не соединяется с гласными, и *n*, который используется толь-

ко как призвук *k* или *g* (т. е. *nk*, *ng*), два «протогласных»: передний *a(e)* и задний *o(u)* и, наконец, три неполных (без задней смычки) кликса: лабиальный, дентальный и латеральный.

Однако «производятся» эти звуки иначе, чем соответствующие звуки человеческой речи, и их нельзя описать в терминах той модели, которая рассматривалась выше. Аппарат речевой деятельности приматов формируется в результате иного процесса, чем наш. «Человеческий аппарат» не является его усложнением, продолжением или дальнейшим совершенствованием: с момента рождения «исходные языковые единицы», которые производят приматы и свойства которых определяются устройством их речевых органов, отличаются от человеческих. Последующий процесс их развития, обуславливающий характер речевой деятельности и вербального сознания, также не копирует начальные стадии развития речи у ребенка.

Поэтому для проникновения в тайны генезиса нашей цивилизации остается обращаться не к археологии и естествознанию, а к памятникам духовной культуры человечества: легендам и, в первую очередь, языкам. Лингвисты предложили построить генеалогическое дерево, с помощью которого видно, каким образом появились современные языки (а значит, и современное человечество). Были разработаны методики, дающие возможность установить степень родства различных языков и зафиксировать, от каких предков и в какой последовательности они образовались. Например, удалось установить, что русский выделился из общеславянского, до этого была общность индоевропейских языков, ей предшествовали языки, которые В. Н. Иллич-Свитыч назвал ностратическими (от латинского слова *nostrum* 'наш'). В ближайшее время, по-видимому, будут созданы словари компаративных серий, свидетельствующих, что все языки мира происходят из одного и того же источника.

Сравнительно-историческое языкознание доказало, что в истории человечества существовал непрерывный процесс в течение нескольких тысяч лет, когда язык передавался от родителей к детям, и что у ребенка язык возникал, благодаря тому, что с первого момента своего бытия он слышал речь. Все эти годы язык существовал в человеческом обществе без какого-либо вмешательства извне, т. е. без апелляции к Богу. Так было вплоть до «первой точки» – того момента, когда «заработала эстафета передачи языка». Как возник-

ла «первая точка» и была ли она, лингвисты не знают. Однако, все модели, которые они интуитивно строят для познания генезиса языка, в скрытой или явной форме содержат идею «первотолчка».

Объяснения этому могут быть разные. Во-первых, реальное существование «первотолчка» (спонтанно или благодаря Божественной воле). Во-вторых, в силу принципа параллелизма: так как задается вопрос о «первой точке», создается модель, представляющая эволюцию языков не как хаотическое движение, а как однонаправленный процесс, имеющий начало; затем свойства модели переносятся на объект, который она призвана описывать (конкретный язык или их совокупность), и ему приписывается существование некоего начального, исходного момента.

Постановка вопроса о «первотолчке» как бы предопределяет ответ: окружающее человека время – пространство должно обладать свойством наличия или отсутствия начала. Возможно, то, что находится вне сознания, этим свойством не обладает, и человек приписывает внешнему миру параметры, присущие только его внутреннему миру. Чтобы выйти из этого круга, приходится снова обращаться к проблеме Бога и «вечным вопросам»: был ли в предыстории (к известной языкознанию эпохе) Некто, с чьим именем можно связать зарождение языка и вербального мышления как основы нашей цивилизации?

Единственным источником для ответа на этот вопрос сегодня являются легенды и предания, сохранившиеся в памяти разных народов. Что говорится о Боге в Библии, общеизвестно. Посмотрим, как обстоит дело у других народов, и на основании этих легенд попробуем воссоздать картину начала нашей цивилизации. Так, в одной из африканских легенд сообщается, что несколько тысячелетий назад в местности, где были горы, вода и лес, появилась группа детей (50 мальчиков и 50 девочек) в сопровождении взрослого мужчины. По другим преданиям, его называли именем, которое артикулировалось в виде лабиоглоттализованного вибранта. В зависимости от особенностей произношения впоследствии он мог дать такие рефлексы, как слова 'Бог', 'Бугуи', 'Яхве', 'Холле', 'Игвар', 'Гор' и другие, которые встречаются в современных языках для обозначения Бога.

Прибыли странники неизвестно откуда, на каком-то большом средстве передвижения, погрузившемся в ил. По воспоминаниям одних детей, оно было похоже на гору, другим казалось огромным животным. Первые своим потомкам впоследствии рассказывали, что вышли из большой дыры в земле (из горы, из пещеры), вторые – из «чрева» (кита, слона). Были и те, кто запомнил тростник или грязь, по которым они брели к берегу. В легендах ацтеков есть упоминание о чудотворном дереве, которое вскормило детей своим молоком, как мать.

Дети были размещены в двух хижинах (в лесу). В одной жили мальчики, во второй – девочки. Какое-то время они не знали о существовании друг друга. Затем их стали знакомить. Образовавшаяся семья перебиралась в специально построенную для нее хижину, вдали от всех, и начинала жить самостоятельно. Ее связь с остальными обрывалась. Пока дети росли, взрослый был с ними. Можно предположить, что он познакомил их с законами морали, медицины, астрономии, механики, математики и научил языку, объяснив путь формирования категорий мышления, который они прошли под его руководством, и «закрепив» эти знания в виде своеобразной «считалочки» о деривации слов из аморфного образа (смыслового и звукового) путем его последовательной конкретизации (дуализации).

Став жить отдельно, семьи забыли дорогу к своему Учителю. Он исчез из их жизни, ничего не сообщив о своем прошлом и будущем. Века многое стерли из человеческой памяти. «Считалочку» о происхождении слов люди интерпретировали как легенду о сотворении мира, детскую постройку «до неба» из букв-кубиков назвали Вавилонской башней. Знания стали восприниматься как результат Божественного откровения. Почти полностью растеряв то, чему их учили в детстве, люди опомнились и начали старательно все восстанавливать. Так появилась наука нового времени.

Есть мнение, что в древности мы знали значительно больше, чем сейчас. Одним из аргументов в его пользу является наличие таких исторических памятников, как величественный Стоунхедж, – циклопическое каменное сооружение, созданное в каменно-бронзовую эпоху на юге Англии. Пропорции Стоунхеджа потрясают ученых и заставляют сомневаться в том, что творцами его были племена ско-

товодов и земледельцев, живших там три с половиной – четыре тысячи лет назад.

Стоунхедж устроен следующим образом. В центре сооружения лежит огромный камень, названный Алтарным. Первоначально он находился, по видимому, в другом месте и его назначение пока неясно. Алтарный камень сооружен в виде подковы из так называемых трилитов. Каждый трилит («три камня») составлен из двух вертикальных блоков, высотой от земли до семи метров и весом до пятидесяти тонн, на которые положена каменная плита. Подкова, в свою очередь, находится внутри кольца, которое принято называть сарсеновым. Это – каменный «забор» диаметром 29,6 м. и высотой 5,5 м. Он состоит из тридцати двадцатипятитонных блоков и тридцати плит. Эта часть Стоунхеджа похожа на свернутую кольцом расческу.

Композиция сооружения включает несколько «колец». Например, кольцо Х – это 56 лунок, выкопанных в почве (их теперь называют лунками Обри). Есть кольцо из голубых камней, лежащих на земле между трилитами и сарсеновым кольцом, а также «подкова» из голубых камней. Комплекс завершается меловым валом диаметром 109 метров. Вход в Стоунхедж ориентирован на точку восхода Солнца в день летнего солнцестояния и направления на северо-восток. Здесь вал разорван. Два других прямых параллельных вала образуют так называемую аллею.

Сначала считали, что Стоунхедж – храм Солнца и Луны. Однако английские ученые Хоккинс и Уайт показали, что комплекс можно использовать как астрономическую обсерваторию, которая позволяет с поразительной точностью определять азимуты всех важнейших положений Солнца и Луны, предсказывать даты затмений. Новозеландский астроном Бич установил, что расстановка камней дает возможность прогнозировать приливы и отливы. Французский исследователь Шателен подсчитал, что расположение отдельных элементов Стоунхеджа точно соответствовало точкам восхода и захода десяти главных звезд 12 тысяч лет назад. Широта, на которой расположен комплекс, – 51 градус 17 минут, – тоже, видимо, выбрана сознательно. Геометрическая композиция комплекса основывается на законах симметрии. Особое значение имеют числа 9, 11 и 60. С их помощью удастся получить два ряда чисел, которые отражают распределение планет в Солнечной системе. Если верить Стоунхеджу, их должно быть больше, чем известно современной науке, а именно – 12: за Плутоном должны находиться еще две планеты, одна – на расстоянии в пятьдесят астрономических единиц от Солнца, другая – около шестидесяти. Их диаметры соответственно равны около 1800 и 1700 километров.

Косвенным подтверждением этой гипотезы являются данные американских ученых Харрингтона и Ван-Флендерна, которые с помощью ком-

пьютерной модели показали, что незапланированные отклонения космических аппаратов «Пионер» и «Вояджер», которые происходили по мере их приближения к границам Солнечной системы, могут быть вызваны неизвестной планетой с массой порядка десяти земных, которая находится за Плутоном на расстоянии пятидесяти – ста астрономических единиц. Любопытно, что дошедшие до нас свидетельства шумерской цивилизации тоже называют 12 планет Солнечной системы.

Многие исследователи отмечают поразительное сходство в описании летающего острова Лапуты у Джонатана Свифта, изобилующего интересными техническими подробностями, не характерными для автора, писавшего своего Гулливера в 1726 г., с конструкцией Стоунхеджа. В пропорциях Лапуты использовался тот же числовой язык, что и в планировке Стоунхеджа. В основе его лежат числа 9 и 60. Реконструкция острова по описанию Свифта позволяет воссоздать абсолютно точно чертеж Стоунхеджа. А подвешенный магнит в форме челнока, которым управлялась Лапута, сопоставим с Алтарным камнем, назначение которого до сих пор ученым неясно. Тем более что он состоит из иного минерала, чем весь комплекс, и слово «стоунхедж» можно трактовать, как «подвешенный камень». Высказывается предположение, что Свифту были известны какие-то легенды о Стоунхедже, дошедшие из древности и впоследствии не сохранившиеся, которые позволили ему сконструировать летающую Лапуту. Есть и другое мнение – Стоунхедж, как и некоторые другие находки археологов, являются памятниками цивилизаций, которые существовали до или параллельно нашей.

Кроме легенд с общими мифологемами о сотворении мира, о которых мы писали выше, есть и другие. В них рассказывается о событиях, происходивших на Земле в предыстории к нашей цивилизации. В старинных рукописях и преданиях разных народов есть упоминания о том, что до нас уже существовали иные цивилизации, которые были уничтожены невиданными по масштабу катастрофами. Одним из таких документов является рукопись ацтеков, чудом уцелевшая от костра испанской инквизиции и хранящаяся в Ватиканской библиотеке под названием «Кодекс Ватиканус». Согласно этому памятнику, на Земле существовало четыре поколения людей. Первое поколение – гиганты – было истреблено голодом. Второе скрылось в дыму огромного пожара. Третье было поколением обезьян. Затем наступил четвертый век – «Солнце Воды». Он исчез в пучине великого наводнения в 4008 году. Далее появилась наша цивилизация. Изучая рукописи доминиканского монаха Педро де Лое Риоса, скопировавшего в 1566 г. индейские письмена, Алек-

сандр фон Гумбольдт отметил, что, в соответствии с приведенными в рукописях фактами, потоп произошел через 4008 лет после «сотворения мира». До этого страну населяли великаны.

Аналогичные данные представлены в «Кодексе Риос» и «Кодексе Теллериано-Ременсис», хранящихся в библиотеках Ватикана и архиепископата в Реймсе. Эти документы, содержащие сведения о легендах ацтеков, которые бытовали во времена завоевания Мексики, повествуют о следующем: «Наступил день, в который смерть овладела человечеством. Тогда взрослые должны были удалиться в страну Мистлан, а самые младшие из детей заняли место у чудотворного дерева. Это дерево вскормило детей своим молоком, как мать. Так образовалась новая раса великанов, которая существовала 4008 лет. Потом боги, недовольные ими, послали на Землю потоп... Когда потоп прекратился, и человечество возродилось, возникла новая раса. Она существовала 4010 лет – до тех пор, пока в день Се Итцунтли не пришел с небес, уничтожая людей и деревья, ураган необычайной силы. При этом люди превратились в обезьян... Еще одно испытание выпало на долю человечества. Потомки «людей из камней» (от мужчины и женщины, скрывшихся от гибели в каменных убежищах) существовали 4801 год. На этот раз огонь стал причиной гибели человека... Спаслась только одна пара людей. Они стали родоначальниками уже четвертой по счету человеческой расы, на этот раз похожей на современного человека».

Араваки, живущие в Гайане, также верят, что после сотворения мир был разрушен дважды – сначала огнем, затем водой. И оба раза великим небожителем Айомун-Конди за грехи людей. Первый раз небожитель возвестил заблаговременно о великой катастрофе, и жители, внявшие этому предупреждению, приготовили себе убежище от огня. Они выкопали глубоко в песке огромное жилище с деревянной крышей, поддерживаемой прочными деревянными столбами. Все сооружение обложили землей, а поверх земли – толстым слоем песка. Старательно удалив все легковоспламеняющиеся предметы, люди спустились в созданное ими подземелье и спасались в нем, пока бушевавшие по всей земной поверхности потоки пламени не затихли.

Рассказ о периодическом уничтожении всего живого на Земле, происходящем в результате неких чудовищных катаклизмов, представлен в легендах африканских народов, а также в священной кни-

ге древних индийцев «Пураны». Его прочитали также при дешифровке глиняных табличек Вавилона. Общеизвестен он и благодаря Библии. О неоднократной гибели живущих на Земле людей от огня, воды и других катастроф писал в своих сочинениях «Тимей» и «Законы» древнегреческий философ Платон. Он сообщал, что его прадед Солон узнал об этом из очень старых, ныне не сохранившихся египетских рукописей из храма богини Нейт в Саиссе.

Практически в преданиях всех народов мира отражено следующее:

1. периодичность происходящих на Земле стихийных бедствий (предания ацтеков, например, указывают на период, равный четырем тысячелетиям),

2. различный характер катастроф (пожары, наводнения, засуха, ураган),

3. разнообразные типы цивилизаций на Земле (гиганты, карлики, обезьяны, люди),

4. взаимосвязь между типом цивилизации и характером катастрофы (так, повсеместно представлена версия о том, что нашей цивилизации предшествовал потоп),

5. связь земных и неземных сил, отвечающая за преемственность жизни на Земле (Бог, Небожитель, Учитель),

6. неоконченный характер процесса и его объективный характер: катастрофы были и будут, они не зависят от воли людей и происходят по законам, которые неизвестны людям. В будущем человечество столкнется с теми же событиями, с которыми оно имело дело в прошлом.

Наличие общих компонентов в преданиях народов разных континентов заставляет относиться к ним не только как к фантастическим рассказам, а как к сведениям о нашей ранней истории. Легенды помогают не только поставить вопросы, необходимые для дальнейшего развития науки, но и подсказывают ответы. Например, в них, на заре нашей цивилизации, в качестве объяснения того, почему возникают катастрофы, была предложена модель Земли в виде яйца. Этот образ в качестве первопричины мира является одним из самых распространенных в памятниках древних культур.

Интерпретируя эту модель сегодня, говорят, что яйцо имеет скорлупу (земную поверхность) и полужидкое содержимое. Вращаясь вокруг Солнца, содержимое «взбалтывается» до тех пор, пока не

происходит своеобразный «всплеск», отражающийся на характере вращения яйца и состоянии его поверхности. Например, изменяется ось вращения Земли, меняются полюса, лесостепь и саванна превращаются в пустыню, разбегаются, или наоборот, сходятся или раскалываются континенты, изменяется граница воды и суши, океан поглощает части материков, происходят извержения вулканов. Грандиозные катаклизмы в этой модели происходят периодически (в момент «всплеска желтка»), затем следует новая «раскачка» системы, когда стихийные бедствия не носят столь глобального характера, но также отражаются на состоянии «скорлупы». Это всем известные наводнения, штормы, ураганы, пожары, извержения вулканов...¹

Немало вопросов, кроме тех, о которых шла речь ранее, может быть сформулировано и в отношении нашей цивилизации. Выше говорилось, что модель онтогенеза «не-первого» ребенка может быть построена из одного синкретичного возгласа самой общей природы без апелляции к Божественным силам. С «первым» ребенком дело обстоит иначе. Узнать, как возник у него язык, ни он, ни остальные говорящие сами не могли. Это – сильнейший аргумент в пользу существования Учителя.

Чтобы понять, когда это было, можно воспользоваться относительной лингвистической хронологией, а затем попытаться заметить ее абсолютной с помощью разработанных в языкознании методов. Например, можно установить, сколько циклов деления прошел исходный протоэлемент («в детсаду первых детей») и сколько – за последующий период (в истории человечества). В легендах упоминается от 7 до 22 «детсадовских» циклов. Каждый ребенок осваивает их еще при обучении речи (их можно зафиксировать во всех языках). Дальнейшее развитие языков осуществляется по-разному, – языки отличаются тем, как они проходят через последующие этапы конкретизации вербальных категорий (грамматических, лексических, звуковых). Это позволяет приблизительно вычислить время языковой дивергенции, известное лингвистам, и установить количество циклов (например, этапов превращения категории посессивности в категорию рода и падежа) за этот период

¹ У А. А. Вознесенского есть строчки: «И летит мирами где-то в мрак бесстрастный, как крупье, наша белая планета, как цыпленок в скорлупе». Римские праздники // Не отрекусь. Избранная лирика. Минск, 1996.

(судя по фактам африканских языков, еще около 20 циклов формирования языковых категорий; каждый цикл длится около 600 лет). Значит, известная лингвистам история дивергенции языков пройдена не менее чем за 12 тысяч лет: начало нашей цивилизации («после детсада») можно датировать приблизительно 10-м тысячелетием до н. э. Эти цифры уже упоминались выше в связи с исследованиями археологов.

Есть и другие вопросы. В «детсаду» могли быть разные дети: от одних и тех же родителей или нет. Во втором случае общность языкового генезиса, фиксируемая в десятом тысячелетии до н. э., не является аргументом в пользу возникновения в ту же эпоху кровного родства у членов нашей цивилизации. Хотя его принципиальную возможность биологи и допускают, но время существования нашего предка относят к значительно более древней эпохе (280–140 тысяч лет назад). Выводы биологов Уилсона, Канн и Стоукинга, которые изучали митохондрии ДНК 147 человек из 5 географических регионов, представляющих все континенты, подтверждают гипотезу о принципиальной возможности сведения человеческого рода к первопредку, поскольку различия в структуре митохондриальной ДНК у всех обследованных людей оказались так незначительны, что объяснить их можно только наличием общей ДНК-предка.

Вопрос о возникновении языка и мышления в этом случае может быть отделен не только от проблемы происхождения современных языков, но и от генезиса их носителей. Это три независимые задачи, решения которых могут совпадать, но могут быть и различными.

Не менее интересными являются сведения, на основании которых можно попытаться реконструировать облик Учителя и его учеников (наших предков). Во многих легендах можно отметить своеобразную «склейку» сюжетов: одна часть родословной божества, которому поклоняется племя, относится к реальному образу, вторая – к субстанции совершенно иного типа. Возможно, первая соотносится с образом ученика (предка племени), вторая – с образом Учителя.

Ясно одно: сколько бы ни было цивилизаций на Земле, история нашей цивилизации началась примерно 12 тысяч лет назад. На всем ее протяжении наши органы речи были такими, как сейчас. Мы не были обезьянами и не лазили по деревьям (разве что детьми). У ис-

токов нашей истории находятся детские воспоминания наших предков о том, чему их учили, как выглядел окружавший их мир (с их точки зрения), каким был язык и его творец¹.

¹ Статья написана по мотивам монографии «У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков». Опубликовано в двух вариантах: под названием «Вопросы XXI в.» (Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 6. СПб., 2004. С. 19–38) и «Кто мы и откуда» (Нева. СПб., 2000. № 11. С. 159–170).

ЧАСТЬ 3. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Введение в бантуистику (конспект лекционного курса)

Предлагаемый курс лекций рассчитан на студентов, которые изучают один из языков банту и интересуются вопросами африканского языкознания. Он посвящен проблемам классификации африканских языков, теории и методологии их изучения, характеристике языков Африки в сравнительно-историческом, типологическом и ареальном аспектах, иллюстрации того, как применяются методы современного общего языкознания к описанию конкретных языков и языковых семей. Цель лекций – научить студентов ориентироваться в том огромном материале, с которым они сталкиваются при изучении языков Африки, и сформировать, на базе современного общего языкознания, точку зрения, с позиций которой они смогут описывать изучаемые языки.

В процессе работы используются два приема: сначала от общего к частному (первые шесть лекций), затем – в обратном направлении (от конкретного языка к языковой семье и, наконец, к вопросу о происхождении языков нашей цивилизации). Образно говоря, мы садимся в самолет, сначала летим высоко над землей, осматривая языковую карту Африки в целом, затем начинаем снижаться, обозревая отдельные зоны, и так до тех пор, пока не совершаем посадку в точке локализации языка зулу. Собрав интересующие нас данные об этом языке, мы снова поднимаемся ввысь и начинаем применять приобретенные навыки к описанию соседей зулу – юго-восточных банту, затем соседей этой группы, и так далее, вплоть до рассмотрения карты языков всех континентов с точки зрения их родства и общности происхождения.

В соответствии с этими задачами и методами строится курс лекций, рассчитанный на 32 часа. Первые два часа посвящены общей характеристике известных лингвистам языковых семей, типам их классификаций и месту, которое занимают в них африканские языки. Прежде всего, формируется понятие об относительности (не абсолютности) системы нашего познания и инструментария для описания языков; рассказывается о гипотезе Сепира – Уорфа и показывается, что тип языковой классификации зависит от параметров, которые выбирает ученый для их построения, а сами эти классификации нужны для того, чтобы сделать обозримыми существующие на земле языки и диалекты (по разным мнениям, от двух с половиной до пяти тысяч) и иметь возможность с ними работать. Соответственно трем признакам (локализации языков и их отдельных черт на гео-

графической карте, синхронным тождествам и различиям, диахроническим параметрам) могут быть построены и их описания. Они называются ареальными, типологическими и сравнительно-историческими. При комбинации признаков получают смешанные классификации (например, ареально-типологические). Результатом одной из них является группировка существующих языков мира в ряд семейств: индоевропейские языки, кавказские, австралийские, индейские, дравидийские, угро-финские, тюркские, монгольские, тунгусо-манчжурские, палеоазиатские, афразийские, нигеро-кордофанские, нило-сахарские, койсанские, микронезийские, полинезийские, австронезийские, сино-тибето-бирманские. На языковой карте Африки представлены шесть из них: афразийское, нигеро-кордофанское, нило-сахарское, австронезийское, койсанское и индоевропейское семейства. В лекции дается подробная характеристика языковой карты Африки в соотношении с политико-административным делением и рассказывается о тех обобщенных признаках, которые связываются в современной африканистике с понятием нигеро-кордофанского семейства, а также о том, на какие группы оно разбивается.

Вторая лекция строится методологически аналогично первой и начинается с повторения основных ее положений: сначала приводится общая характеристика языковой карты Африки (закрепление выводов из первой лекции) и локализации на ней нигеро-кордофанского семейства, затем показывается, на какие ветви его подразделяют различные ученые (Мейнхоф, Вестерманн, Гринберг, Коэн, Делафосс, Гасри и другие) и какое место среди них занимает семья банту (локализация на политико-географической карте, общие признаки языков банту, на основании которых их объединяют в одну семью и отделяют от других ветвей). Здесь же описывается деление семьи банту на группы и зоны, а также сообщается краткая история изучения языков банту и приводятся важнейшие исследования по ним (их направление, типы классификаций, реконструкция праязыка, составление словарей и грамматик, вопросы теории изучения и описания, применение компьютеров).

Третья лекция начинается с подробной характеристики классификации языков банту, предложенной Гасри и кратко рассмотренной во второй лекции. Приводится характеристика 15 зон (А – S), выделенных Гасри. Рассказывается о существующих уточнениях классификации Гасри, ее соотношении с другими классификациями. Дается краткая характеристика отдельных зон и входящих в них языков. Особое внимание уделяется вопросу о целях, которые преследовал Гасри: показать общность происхождения языков банту, а также воссоздать протоэлементы, из которых сформировался лексический фонд и грамматический строй банту.

После этого вводятся понятия синхронического – диахронического и статического – динамического описаний. Для иллюстрации оппозиции ста-

тических и динамических теорий показывается на конкретных примерах противопоставление процесса развития его результатам (например, противопоставление форм, обозначающих понятие *человек* в различных языках банту: *umuntu, muthu, moto, mundu* и т. д., тем процессам, которые стоят за их возникновением: назализации, лабиализации, глоттализации, аспирации, озвончению, оглушению, вокализации). Описания, в которых учитываются только языковые элементы безотносительно к процессам их возникновения, называются статическими. В качестве примера рассматриваются методы реконструкции, используемые Гасри. Им противопоставляются динамические системы, т. е. те, в которых фиксируются процессы, приводящие к возникновению данных форм. Иллюстрации берутся из работ И. Фодора (юго-западная зона). Рассказывается о методе динамического моделирования, с помощью которого на основании данных современных языков реконструируются тенденции их развития. Для этого используется два средства: регистрация движения от прошлого к будущему, и наоборот. Одно соответствует реально-историческому процессу, второе является исследовательским приемом для воссоздания процесса эволюции на основании данных, которые существуют в науке.

Далее рассказывается о лексико-грамматических признаках, которые считаются общими для языков банту и учитываются при реконструкции праформ в статических классификациях (например, количество согласовательных классов, формы префиксов, согласовательные модели). Вводится понятие типологического анкетирования (характеристики языков на основании одного и того же набора признаков из области фонетики, просодики, лексики или грамматики). Сообщается о работах, которые проводятся в этом направлении в России и других странах. Отмечаются связи, существующие в современной науке между типологическими и ареальными исследованиями. В качестве примера приводятся ареально-типологические классификации языков банту.

Далее говорится о динамических моделях в языкознании. Иллюстрируется, что для динамических описаний важны не только формы, существующие в современных языках, но и реально-исторические процессы, которые могли привести к их возникновению. Их реконструкция строится на основании сравнения процессов, существующих в современных языках. Показывается, что один язык идет по пути фарингализации, второй – назализации, третий – аспирации, и т. д. Дается следующая иллюстрация: если обратиться к основам *-ntu, -thu, -to*, обозначающим одно и то же понятие *человек* в разных языках, можно увидеть, что в одном случае инициаль назализовалась, и возник согласный *n* в предъинициали, во втором – инициаль аспирировалась, и это зарегистрировано на письме посредством графемы *h*, в третьем изменением подверглась финаль слова, поэтому

здесь образовался гласный среднего ряда и среднего подъема *o*, в отличие от финального гласного первых двух форм (верхнего ряда *i*).

Каждый фонетический процесс возникает в результате работы артикуляционного аппарата носителей языка. Те или иные особенности функционирования артикуляционного аппарата оказываются присущими одним речевым коллективам и могут отсутствовать у других. Этим объясняются разные тенденции формирования звуковой формы языков и в результате этого самих языков. Генетически родственные языки расходятся в разные стороны. Чем больше различий в особенностях артикуляции, тем менее похожими становятся языки. Это положение иллюстрируется сравнением согласовательных префиксов в системах именных классов северо-западных и юго-восточных языков банту.

Четвертая и пятая лекции посвящены характеристике грамматического строя современных языков банту. Основное внимание в четвертой лекции уделяется имени, в пятой – глаголу. Прежде всего, вводятся понятия частей речи и членов предложения как категорий морфологии и синтаксиса. Дается определение сосюровского понимания оппозиции «синтагматика – парадигматика» на примерах парадигм частей речи и членов предложения в языке зулу. Рассказывается о критериях, с помощью которых строится в различных грамматиках языков банту описание частей речи и членов предложения. Приводятся примеры функционально-грамматических, дистрибутивных и смысловых классификаций классов слов в языках банту и рассказывается о функционально-грамматических классификациях частей речи, предложенных К. Доком. Показывается, что основной проблемой при выборе критериев классификации слов является разграничение имени и глагола, и кратко описываются принципы их противопоставления в общем языкознании. Намечаются пути применения теорий общего языкознания к описанию языков банту. Вводится понятие плана формы и плана содержания (по Соссюру). В соответствии с этой дихотомией сначала характеризуются общие признаки существительных во всех языках банту (системы согласовательных классов: их формы и категориальные значения, передаваемые существительными). Затем иллюстрируются различия, присущие конкретным языкам (количество именных классов, грамматические категории существительных, соотношение с другими частями речи, согласовательные модели, противопоставление пола и рода, категория числа, иерархия поссесивных отношений, степень обобщенности категориальных значений, альтернативные способы выражения категорий посредством лексики и грамматики). Примеры даются как из отдельных языков (луганда, мбунду, суахили, зулу, мбене и других), так и групп языков или языковых зон (посредством построения для них обобщенных конструкций).

Пятая лекция начинается с напоминания основных принципов плана формы и содержания, которые стоят за противопоставлением имени и глагола в языках банту. На основании предыдущей лекции вводится понятие микросинтагматической структуры класса слов. Она представляет собой упорядочение формантов, диагностирующих данный класс слов, в виде цепочки букв или звуков, которые имеют значимость, по Соссюру, благодаря участию в той или иной смысловозначительной оппозиции, например: *u – mi – ntu*. Каждый формант при этом является членом некоторой парадигмы: ср. *umuntu, muntu, ngumuntu, abantu*, и т. п. Показывается, какой вид имеет микросинтагматическая структура имени в языках банту (на примере зулу). Аналогично строится микросинтагматическая структура глагола и дается его определение как грамматической категории. Это – часть речи, формой которой является цепочка морфем, упорядоченных в строго фиксированном порядке и имеющих определенные парадигмы, а значением – категориальный смысл каждой из этих морфем и их совокупностей. Показывается, какой комплекс морфем участвует в фиксации категориального значения, связанного с различными грамматическими категориями: видовременными, залоговыми, субъектно-объектными, негативно-позитивными, модальными. Попутно рассказывается о делении морфем на инфиксы, префиксы, постфиксы, трансфиксы в зависимости от позиции в слове, о соотношении лексических и грамматических элементов, о самостоятельных (полнозначных, знаменательных) и служебных элементах языка, о превращении самостоятельных слов в служебные, а затем в морфемы, о переразложении морфем. Вводится понятие о противопоставлении синхронии и диахронии (по Соссюру). Дается общее представление об эволюции глаголов в разноструктурных языках и о существующих в науке мнениях по этому поводу (теория Поттебни о происхождении глаголов и имен, работы Гамкрелидзе и Иванова по индоевропеистике, современные теории о происхождении имени и глагола в индоевропейских языках). Синкретизм имени и глагола в языках банту. Категория идеофонов в зулу как одна из наиболее древних (элементы изолирующего строя, соседствующие с агглютинативно-флективными структурами).

Шестая лекция начинается с повторения тезисов о разграничении синхронии и диахронии применительно к противопоставлению существительного и глагола и выявлению тех общих черт, которые могут служить характеристикой грамматического строя языков банту. Особое внимание уделяется категориальному значению формантов и микросинтагматических структур, в которые они входят. На примере зулу кратко описываются микросинтагматические структуры различных классов слов (прилагательного, местоимения, числительного, наречия, союза, идеофона). Рассказывается о понятии «грамматическая категория» в единстве формы и значения в синхронии и о путях эволюции грамматических категорий в диахронии. Вводится понятие языкового типа (агглютинативный, флектив-

ный, изолирующий, смешанный) и иллюстрируется, как это понятие можно применить к современным языкам. Показывается, что для определения банту как языков агглютинативно-флективного типа решающую роль играют категории имени и глагола. В свою очередь, для определения имени (его грамматической характеристики) наиболее показательной является категория именных классов. Рассмотрение этих положений проводится на материале именных классов в зулу (характеризуется количество классов, их состав и современные значения, гипотезы о происхождении, роль в грамматике). Основное внимание уделяется категории времени и пространства, фиксируемой посредством именных классов, и гипотезам о ее соотношении с категориями мышления в синхронии и диахронии. От языка зулу осуществляется переход к материалу остальных языков юго-восточной зоны (S).

Следующие две лекции посвящены сопоставительной характеристике именных классов в языках различных зон с позиции их тождеств и различий. От зоны S осуществляется переход к зонам E, F, H, M как наиболее близким по структурным признакам к S (по количеству классов, их значению, наличию пре-префиксов и форме показателей). Затем в обзор вводятся языки K, L, N, P (хотя и без пре-префиксов, но однотипные с рассмотренными по многим параметрам). Далее идут языки зоны G и отдельные языки зоны A, еще далее отстоят языки зон B, C, D. Особое внимание уделяется зоне R, а также языкам, которые носят наиболее реликтовый характер (мьене, мпонгве, сукума, гереро, умбунду, келе). При характеристике языковых зон показывается их неоднородность с точки зрения предлагаемых параметров и необходимость перестройки классификации Гасри: исключение отдельных языков из одних зон и перенесение в другие зоны. В процессе знакомства с языками осуществляется фиксация признаков, которые свидетельствуют об исторических преобразованиях и создают представление о возможной направленности процессов, происходивших в языках. Параллельно ставится вопрос о том, какие изменения артикуляционного аппарата у членов различных языковых коллективов могли привести к расхождению языков.

Предпринятый в седьмой лекции анализ систем согласовательных классов в современных языках банту переходит в восьмой лекции в диахроническое рассмотрение фактов, о которых шла речь в седьмой лекции. Показывается, что единственным методом «открытия» диахронии языков банту является анализ их синхронного состояния с точки зрения тех эволюционных процессов, которые в них наблюдаются. Фиксируется проспективная (естественная) и ретроспективная (конструируемая исследователем) направленность эволюционных процессов. На примере описания юго-восточных банту (зоны R), построенного И. Фодором, рассказывается, какие закономерности развития фонетики и просодики можно в этих язы-

ках установить, какие эволюционные тенденции выявить (усиление фарингализации и назализации, свидетельствующее о перестройке артикуляционного аппарата, при которой происходит «углубление» артикуляции). В связи с эволюцией речевого аппарата рассматриваются изменения значений форм слов и категорий, которые наблюдаются при этом. На основании этих фактов предлагаются гипотезы об эволюции отдельных префиксов, их подсистем и всей системы именных классов в юго-западных языках.

В девятой лекции кратко резюмируется вывод о возможном пути эволюции юго-восточных языков. Вводится понятие праформы и праязыка. Исследуются методы установления праформ в сравнительно-историческом и ареально-типологическом языкознании. Описывается реконструкция системы именных префиксов у Мейнхофа в сравнении с результатами, полученными Гасри. Затем иллюстрируются реконструкции на основании учета эволюционных тенденций. Для этого в системе именных префиксов выделяются три подсистемы: предметные префиксы, локативные и оценочные. Показывается, что в современных языках их статус различен. Локативные и оценочные форманты являются более самостоятельными, чем предметные, между ними и корнями слов устанавливаются отношения агглютинации, при которой артикуляция каждого элемента происходит самостоятельно. В отличие от них, показатели предметных классов функционируют в роли префиксов, на стыке которых с корнями регистрируются отношения фузии, приводящей к взаимоуподоблению фонетических обликов основы и префикса. Объясняется, что подобные процессы являются свидетельством того, что форманты, развившиеся в пре-префиксы оценочных и локативных классов, еще существовали в виде самостоятельных силлабем на том этапе, когда префиксы предметных классов уже функционировали как части слов. Делается вывод: указанные подсистемы имеют различный исторический возраст и должны описываться по-разному: оценочные и локативные префиксы (*mu-*, *ku-*, *pa-*, *la-*, *lu-*, *ki-* – *ni-*, *li-* – *ma-*, *ka-* – *tu-*) нужно сопоставлять с самостоятельными силлабемами праязыка, а предметные префиксы (*mu-* – *ba-*, *mu-* – *mi-*, *li-* – *ma-*, *N-* – *zi-*, *ki-* – *bi-*) рассматривать как части слов и реконструировать только после анализа процессов, происходящих на морфемном шве.

Для иллюстрации явлений, происходящих на морфемных швах, приводятся примеры назализации, возникающей при активизации назального резонатора. Ее результаты можно увидеть, например, при сравнении слов со значением *человек* в языках зоны S: *monhu* в джонга (назализация инициали, назализация и аспирация корня), *mhunu* в ронга (назализация и аспирация инициали), *tohu* в хланангу (назализация инициали, аспирация корня), *unhu* в рожу и намбзья (назализация и аспирация корня, вокализация инициали), *ɲu* в каланга (назализация корня и инициали с возникно-

вением слогообразующего сонанта), *ndhu* в талахундра (назализация инициали с возникновением слогообразующего сонанта, озвончение и аспирация корня), *nthu* в лилима (назализация инициали с появлением слогообразующего сонанта, аспирация корня), *umuntu* в зулу (назализация и вокализация инициали, назализация корня).

Не менее показательным является вопрос о префиксах именных классов с гоморганными назальными (*m* перед губными, *n* – перед дензальными и альвеолярными, *ny* – перед палатальными, *ng* – перед велярными и глоттальными), представленными во всех языках банту. Особенно типичными являются префиксы 9–10-го классов («животных»). При рассмотрении этих префиксов видно, что назализация инициали корня результируется возникновением из назального тона назальных фонем. Приводятся примеры назализации, возникающей при активизации назального резонатора. Назальная окраска воспринимается как самостоятельный звук; его тип зависит от согласного, с которого начинается слово (гоморганика), и от силы назализации (слогообразующие сонанты, беглые звуки, назальная окраска). Показывается, что в ходе эволюции артикуляционного аппарата и изменения произношения возникла постепенная материализация просодем (превращение супрасегментных явлений в фонетические).

Анализ явлений на морфемных швах свидетельствует, что в современных языках банту есть два типа назальных (с самостоятельным фонетическим обликом и однотипной во всех языках артикуляцией и без них). Первые восходят к фонемам прязыка, вторые – к просодемам. Соответственно префиксы именных классов, в составе которых представлены назальные, должны анализироваться по-разному, с учетом их разнй истории. Одни надо соотносить с реликтовыми слолабемами (*mi*, *ma*, *mi*), вторые – с просодемами (гоморганные показатели 9–10-го классов). Аналогично обстоит дело с реконструкцией результатов вокализации остальных фонетических процессов. Для наглядности выводы сопровождаются таблицей, в которой представлены формы именных классов в прабанту, в соответствии с исследованиями Мейнхофа, Гасри и охарактеризованными в лекции динамическими реконструкциями. Затем исследуется характер значений, которые могли иметь в прабанту данные форманты и вся система в целом.

Десятая лекция посвящена истории развития прабанту из более древнего языка. На основании предыдущей лекции показывается, что префиксам именных классов в прязыке в одних случаях соответствовали самостоятельные слолабемы, а в других случаях – просодемы. Вводятся основные понятия просодики (тон, обертон, тембр, типы просодем). Показывается парадигма явлений, которые объединяются понятием «процесс назализации» (например, активизация назального резонатора может привести к назальному тону всего слова, появлению в инициали или любой части слова

назальных согласных, возникновению назальной окраски гласных). Аналогичные парадигмы строятся для остальных процессов. Иллюстрируется на языковых примерах, что каждая парадигма имеет определенное значение. Например, включение назального резонатора происходит с целью, определяющей значение процесса назализации.

Этой целью, как показывают исследования по разноструктурным языкам, в древние времена могло быть действие, вызываемое стремлением говорящего стать обладателем реалии, которую он называл данным словом. Существительные как бы снабжались назальной меткой, свидетельствующей, что предметы, которые ими обозначены, стали собственностью говорящего (в мысленном или физическом плане). В частности, сравнение инициалей корней существительных и однокоренных с ними глаголов показывает, что при наличии назализации в инициали синкретичный корень превращался в существительное, а при ее отсутствии – в глагол, т. е. значение, связываемое с назализацией инициали слова, можно рассматривать как изначальное категориальное значение существительного, связанное с отражением посессивных отношений говорящего к окружающим его предметам.

Впоследствии посессивные отношения развились в систему ориентации с помощью языка в пространстве, а затем во времени и модальностях. Этот тезис иллюстрируется примерами, показывающими, что в языках банту категории времени могут передаваться с помощью категорий пространства и что локативные категории могут преобразовываться во временные, а те, в свою очередь, в модальные. Рассказывается о разном историческом возрасте глагольных категорий (например, об относительно недавнем возникновении категории модальности, передаваемой во многих случаях еще лексическими, а не грамматическими средствами, о появлении на базе посессивных формантов залоговых оппозиций, о неединообразии в разных языках видовременных противопоставлений). Итогом рассмотрения материала является констатация положения о том, что в соответствии с теориями общего языкознания в истории языков можно выделить четыре этапа эволюции: партитивно-посессивный строй, пространственный, темпоральный и модальный. Каждая грамматическая категория имеет свой исторический возраст. Ее возникновение и становление может быть соотнесено с каким-либо из названных этапов развития языка и языкового сознания. Например, противопоставление существительного и глагола можно соотнести с первым этапом, возникновение локативных и оценочных классов – со вторым, образование системы времен – с третьим, формирование предметных классов – с переходом от партитивно-посессивного строя к пространственному и т. д.

Предтечи грамматических категорий (например, категории класса) возникли в недрах партитивно-посессивного строя, а затем развивались, пока

не достигли современного состояния. Исследуя каждую языковую категорию, можно выделить в ней разные черты, свидетельствующие о том, какой она была на каждом этапе развития и какое значение имела в то или иное время (например, в праязыке). Упорядочивая эти значения, можно построить иерархию смысловых категорий, воссоздающую историю развития менталитета в нашей цивилизации. Эта история (см.: Л. З. Сова. Эволюция грамматического строя в языках банту. Ленинград, 1987. С. 309–311) иллюстрируется этнографическими примерами (там же, с. 311). Параллельно развитию языкового сознания идут модификация артикуляционных навыков и формирование означающих (там же, с. 312 и далее).

Демонстрация того, как происходили реальные исторические процессы, ведется на именных классах. В соответствии с фиксацией в составе системы классов трех подсистем показывается, как развивалась в языках банту каждая из них в отдельности. Первой анализируется категория числа, затем аугментативности – диминутивности (Л. З. Сова. У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков. СПб, 1996. С. 301–303) и именного класса (там же, с. 303–306). Далее привлекаются материалы других нигеро-кордофанских языков и показывается, какой вид имеют указанные категории в этих языках. Сначала обсуждается положение дел в наиболее близких к банту (с точки зрения рассматриваемых параметров) языках Сенегала и Гвинеи-Бисау, затем – в западно-атлантических, манде, сонгаи-зарма-денди, вольтийских, кру и других (там же, с. 306–335). Итогом рассмотрения является комментарий к генетической классификации африканских языков (показывается, какие ветви отделились от основного ствола раньше, а какие позже). В заключение рассматриваются общетеоретические вопросы, связанные с проблемой родства языков и гипотезами об их происхождении. Особое внимание уделяется теории Иллича-Свитыча о ностратических языках и теории Гамкрелидзе–Иванова о прародине индоевропейцев и тех народов, которые жили в то время.

Одиннадцатая лекция посвящена рассмотрению того, каким могло быть языковое развитие нашей цивилизации (проводится сравнение гипотез о праязыках и методах восстановления облика языка, который мог существовать в соответствии с теориями о его происхождении и развитии). Вводится понятие генеалогического древа, описывается его структура, показывается, какое место занимают африканские языки. Положения иллюстрируются категориями числа, рода и согласовательного класса. Особое внимание уделяется тезису о преемственности исторического развития (ретроспекции от современных банту к прабанту, а затем к языку, который был его предшественником).

Задача следующих пяти лекций – углубление знаний, полученных ранее. Если первые десять лекций направлены, в основном, на формирование

у студентов системы знаний о синхронном положении дел в языках банту, то теперь идет речь о методологии сравнительно-исторических исследований в бантуистике, т. е. о том, как синхронная система может быть использована для исторических реконструкций и для воссоздания языковой диахронии. В центре внимания остается методика динамической реконструкции и получаемые с ее помощью данные о праязыке, посредством ее применения к языкам различных зон. Работа начинается с введения понятия о противопоставлении языка, речи и речевой деятельности (по Соссюру, с современными комментариями из исследований по семиотике). Затем осуществляется переход к уже рассмотренной ранее дихотомии: языковые процессы и возникающие на их основе языковые элементы. Приводятся два типа реконструкций: того, как человек говорит (как работают его органы речи, какие процессы происходят при этом), и того, какие языковые элементы возникают во время процесса говорения (звуки, слова, предложения). На примере ретроспекции (от современных языков банту к праязыку) показывается, чем отличается реконструкция динамики развития речевого аппарата от реконструкции результатов его деятельности. Исследование начинается с плана выражения, который описывается в терминах регистрового и тембрового механизма. Первым исследуется регистровый строй языков банту (его синхрония, а затем диахрония – посредством фиксации тенденций его эволюции, с помощью которых воссоздаются исходные характеристики праязыка: его «первоэлементы», динамика их изменения, регистровый строй прабанту). Затем (в лекции тринадцатой) осуществляется переход к тембровому строю языков банту. Показывается общее и специфическое в различных языках. На конкретных примерах воссоздается процесс перехода от тембровой структуры современных языков к тембровому строю праязыка.

Четырнадцатая лекция посвящена реконструкции плана содержания. В качестве исходной точки реконструкций принимаются грамматические категории современных языков банту. В них фиксируется общее и специфическое, позволяющее зарегистрировать динамику их развития и ее начальный этап. Строится гипотеза о языковом состоянии, которое можно назвать «у истоков грамматических категорий», и о том, каким мог быть прабанту и протоязык человечества, который был до него. В пятнадцатой лекции ставится вопрос о генезисе лексических категорий. На примерах из языков банту и аналогиях с другими языками показывается, что многообразие существующих в языках (новых и древних) категорий может быть описано в терминах понятий о времени и пространстве. Категории времени и пространства характеризуются как основа человеческого мышления и рассказывается, какой конкретно смысл они могли иметь в древности. Эти положения иллюстрируются на примерах из космогонической лексики народов мира.

Последняя лекция служит для подведения итогов по прочитанному материалу. В ней повторяются основные положения всего курса о соотношении синхронии и диахронии в языке, методах описания языковой истории, данных для установления генеалогического древа и процессе исторического развития (языков и народов). Заключает лекцию изложение гипотез о происхождении языка в общем языкознании. Кратко сообщаются гипотезы других наук о возникновении человечества и нашей цивилизации¹.

Introduction to the Bantu Studies

This course of lectures is designed for the students, which study African languages and are interested in questions of General linguistics. It is devoted to problems of classification of African languages, to theory and methodology of their study, to characteristics of African languages in comparative, typological and areal aspects and to demonstration, how the methods of General linguistics are applied to description of concrete languages and language families of Africa. The purpose of lectures – to learn the students to be guided in that huge material, with which they collide at study of languages of Africa, and on the base of General linguistics to form point of view, from which they can describe African languages.

In our working I would like to use two approaches: firstly – from general point of view to the particular (lectures 1–6), then – in the opposite direction (from a concrete language to the language families, and at last, to a question on an origin of all-world languages and our civilisation). Figuratively speaking, we sit in the plane and fly highly above ground, examining the language map of Africa as a whole, then we begin to lose height, surveying separate zones, until landing in a district of localisation of Zulu language (Sanscrit of Bantu, as to some opinions). After collecting the data, interesting for us, we can mount again and begin to apply the acquired skills to the description of Zulu neighbours – South-East Bantu, then their neighbours, and so on, up to consideration of the map of languages of all continents from the point of view of their relationship and unity of their origin.

¹ Курс лекций написан на основании моих неопубликованных монографий: «Аналитическая морфология языка зулу» (1971) и «Сопоставительная грамматика языков банту» (1976) для Берлинского Университета им. Гумбольдта (Humboldt-Universität zu Berlin. Philosophische Fakultät III. Institut für Asien- und Afrikawissenschaften). В нем учитываются также результаты моих исследований, отраженных в монографиях «Эволюция грамматического строя в языках банту» (Ленинград, 1987) и «У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков» (Санкт-Петербург, 1996).

According to these tasks and methods, the 32–hours course of lectures is offered to the attention of the students. The first lecture (two hours) is devoted to a general characteristics of existing language families and to the types of their classifications, as well as to the place, which the African languages take there. First of all, it speaks of Sapir–Worth hypothesis of relativity of the systems of our knowledge and tools for description of languages. I try to show, that the type of language classification depends on parameters, which are chosen by the scientist for its construction, and that these classifications are constructed to make foreseeable all languages and dialects (according to different opinions – from two to five thousand) and to give an opportunity to work with them. According to three characteristics (1. localisation of languages or their specific features on a geographical map, 2. synchronic identities or distinctions, 3. diachronic parameters), three types of language descriptions can be constructed. They are known as areal, typological and comparative (genetic) ones. While we combine these characteristics, mixed classifications appear (for example, areal-and-typological).

As to contemporary genetic classification, all world’s languages are divided into 12 phyla or macrofamilies: Afroasiatic, Amerind, Australian, Austric, Dene-Caucasian, Dravidian, Eurasiatic (Nostratic), Indo-Pacific, Kartvelian, Khoisan, Niger-Kordofanian and Nilo-Saharan. There are six of them on a language map of Africa: Afroasiatic, Niger-Kordofanian, Nilo-Saharan, Austric (Austronesian branch), Khoisan and Eurasiatic (Indo-European branch) ones. In the first lecture I plan to give the detailed characteristics of language and administrative map of Africa and to tell about general features connecting in contemporary linguistics to the notion of Niger-Kordofanian family, its branches, sub-branches and groups, in which it is broken.

The second lecture is built methodologically like the first. It begins on repeating its basic concepts. I give again general characteristics of a language map of Africa (fastening of conclusions from the first lecture), speak about localisation of Niger-Kordofanian family on it and show, in which branches it’s subdivided by different scientists (C. Meinhof, A. N. Tucker, D. Westermann, J. Greenberg, D. T. Cole, M. Delafosse, L. Homburger, M. Guthrie and others) and what place the family Bantu take among them. So, it speaks of localisation of Bantu family on a political-and-geographical map, and of common features, which are being the base of uniting Bantu languages in a sub-family and of separating them from others. Then the division of Bantu sub-family into groups and zones is represented and a short history of study of Bantu languages is described (direction of important studies, types of classifications, reconstruction of Proto-Bantu, drawing up of the dictionaries and grammars, main questions of theory, application of computers).

The third lecture begins with the detailed characteristics of classification of Bantu languages by M. Guthrie, which was briefly considered in the second

lecture. The specification of 15 zones (A–S), allocated Guthrie, is resulted. It's told about existing critics of Guthrie's classification in comparison to other classifications. The short characteristics of separate zones and languages is provided. The special attention is given to a question on purposes, which pursued Guthrie: to show the unity of an origin of Bantu languages and to construct the Proto-language elements, from which Bantu lexical stock and grammatical structures have been generated.

Then the concepts of synchrony – diachrony and static – dynamics are entered. An opposition of static and dynamic theories is illustrated by means of an opposition «process of development – its results»; for example, opposition of the words with meaning *a man* in various Bantu languages: *umuntu*, *muthu*, *moto*, *mundu* and so on, to those processes, which caused their occurrence: nasalization, labialisation, glottalisation, aspiration, vocalisation, voicing or devoicing, denasalisation and so on. The descriptions, in which the language elements are taken into account regardless to processes of their occurrence, are named static. The methods of reconstruction used by M. Guthrie are chosen as an example. They are opposed to dynamic systems, in which some processes resulting in appearance of the given forms are fixed. The illustrations are taken from the work of I. Fodor «Introduction to the history of Umbundu. Budapest, 1983» (South-West Zone). It is told about a method of dynamic modelling, by means of which the tendencies of development of contemporary languages are reconstructed on the base of their synchronic state. Two means are used for this purpose: registration of movement from the past to the future, and on the contrary. The first corresponds to real historical processes, the second is a research tool for reconstructing a process of evolution on the base of the data, which exist in a science.

Further it is told about lexical and grammatical features, which are considered the common ones for Bantu languages and are taken into account under reconstructing the Proto-forms in static classifications (for example, amount of nominal classes, form of prefixes and pre-prefixes, models of concordance). The concept of typological questionnaire is introduced. It means a description of different languages on the base of the same set of phonetic, grammatical or lexical features. It's followed by information about the works, being carried out in this direction in different countries. The connections between typological and areal approaches are marked. As an example, areal-and-typological classification of Bantu languages is mentioned.

Then it is spoken about dynamic models in linguistics. It is illustrated that in dynamic reconstructions the forms existing in contemporary languages are used only on the background of real historical processes, which can be resulted with their appearance. The description of historical processes is built due to comparison of contemporary processes; so, it is shown, that one language goes on a way of glottalisation, the second – of nasalization, the third – of aspiration, and so

on. When we apply to the stems *-ntu*, *-thu*, *-to* with the same meaning *a man* in different languages, we can see, that in one case (stem *-ntu*) the word initial (its beginning) is nasalized and a nasal consonant *n* has arisen before the initial, in the second (stem *-thu*) – the word initial is aspirated, that is registered by means of grapheme *h*, and the third case (stem *-to*) shows that changes have embraced only the word ending. That is why a mid back vowel *o* appeared here instead of the high back vowel *u* in the endings of the first two forms. There are well known many other changes under nasalization as well. For example, all vowels and glides during nasalization (followed by other processes) are predictably nasalized until an obstruent, liquid, or glottal is reached.

Each phonetic process is the result of working of the articulation device of native speakers. Some features of the articulation device can be inherent to one speech collectives and can be absent by others. It explains the different tendencies of formation of the sound form of languages and their shapes. Genetically related languages, which have descended from the same ancestor, can disperse into different sides. The global distinctions in types of articulation make languages not similar each other. It can be illustrated by comparison of concordial prefixes of nominal classes in the North-West and South-East Bantu languages.

The fourth and fifth lectures are devoted to the characteristics of grammatical structure of contemporary Bantu. The main attention in the fourth lecture is given to a name, in the fifth – to a verb. First of all, the notions of parts of speech and members of sentence as categories of morphology (parts of speech) and syntax (members of sentence) are entered. The definition of Saussurian understanding of opposition “syntagmatics – paradigmatics” is demonstrated with some examples of paradigmes of parts of speech and members of sentence in Zulu. There are discussed the main criteria on the base of which the description of parts of speech and members of sentence in various Bantu grammars is given. The examples of functional (C. Doke), distributive (H. A. Gleason), formal (F. F. Fortunatov) and semantic classifications (J. D. Pearson) of classes of words are shown and it is told about functional grammatical classifications of parts of speech by C. Doke. It is argued that the main problem in a choice of criteria of word classification is the differentiation of a name and a verb, – so, the principles of their opposition in General linguistics are briefly described. The ways of application of the theories of General linguistics to the description of Bantu languages are discussed. The Saussurian notion of opposition of the plane of form to the plane of meaning is entered. According to this dichotomy, the common features of nouns in Bantu languages (namely, the category of noun classes as the unity of form and meaning) are fixed and then some distinctions being inherent to the concrete languages are illustrated (f. e., different amount of nominal classes, grammatical categories, relation to the other parts of speech, systems of concords, opposition of number and gender or sex, hierarchy of possessive relations, degree of generalisation of categories in lexics and grammar).

The illustrations are taken from the concrete languages (Ganda, Mbundu, Swahili, Zulu, Mbene and others) as well as from whole groups and zones.

The fifth lecture begins with a reminder of the basic notions of formal and meaning planes, which underlie an opposition of a name and a verb in Bantu languages. On the base of the previous lecture the notion of microsyntagmatical structure of a word class is postulated. It is described as a chain of morphemes specifying the given class of words according to their form and meaning, f. e.: *u - mu - ntu*; every morpheme of this chain is considered as a member of some paradigm, – compare *umuntu, muntu, ngumuntu, aabantu*, and so on). It is shown what is the microsyntagmatical structure of the name in Bantu and in Zulu in particular. By the analogy of the noun, the microsyntagmatical structure of the verb is composed and the definition of a verb as a grammatical category is proposed: the verb is a part of speech, which has a form in shape of the chain of the morphemes with their paradigmes placed in the strict order and which has a certain meaning being the category sense of every morpheme and their sets. It is shown, what complex of morphemes takes part in fixing of category meaning connected to various grammatical categories of Aspect, Time, Voice, Subject – Object, Mood, Modalities. At the same time it is told about division of affixes into infixes, prefixes, postfixes, transfixes depending on a position in a word, about a correlation between lexical and grammatical elements, about independent (significant) and auxiliary elements of language, about developing of independent words in auxiliaries and morphemes, about different types of word formation.

The Saussurian notion of opposition «synchrony – diachrony» is introduced. The general conceptions of evolution of verbs in the languages of different typological structures and discussions of them are given (f. e., the theory of A. A. Potebnya of an origin of verbs and names, the works of T. W. Gamkrelidze and W. W. Ivanov on Indo-European languages, the contemporary theories about an origin of a name and a verb in Indo-European languages). The reconstructions of a verb evolution in comparison to a noun evolution in Bantu are represented in correlations to the languages of other families. The special attention is given to the problem of syncretism of a name and a verb in Bantu as well as to a category of ideophones as one of the most ancient. Due to these materials the notions of analytical – synthetic languages and of agglutinating, isolating, polysynthetic, fusional and mixed types of languages are considered and it is shown that in Bantu the elements of isolating structures are mainly represented with the ideophones, of polysynthetic – with the verbs, of agglutinating and fusional – with the nouns.

The sixth lecture begins with recurrence of the theses about differentiation of synchrony and diachrony in relation to the Bantu nouns and verbs and with revealing of those common features, which can serve the characteristics of grammatical structure of Bantu languages. The special attention is given to the cate-

gory of meaning of morphemes and of microsyntagmatic structures in which they enter. By means of Zulu examples, the microsyntagmatic structures of various classes of words (i. e. adjective, pronoun, numeral, adverb, conjunction, ideophone) are described. The grammatical categories as the units of form and meaning in synchrony are fixed, the ways of their evolution in diachrony are shown. It is illustrated how the conception of a language type (agglutinating, isolating, polysynthetic, fusional and mixed languages) can be applied to the contemporary Bantu. It is shown that for definition of Bantu as agglutinating-and-fusional languages the categories of name and verb play the main role. In its turn, for definition of a name and for fixation of its grammatical characteristics the most important is the category of noun classes. The consideration of these postulates is carried on a material of noun classes in Zulu (the amount of classes, their structure and contemporary meanings, and hypotheses about an origin, their role in grammar). The basic attention is given to a category of time and space, fixed by means of noun classes, and to hypotheses about its correlations to the categories of thinking in synchrony and diachrony. The transition from Zulu to other languages of a South-East Zone (S) is carried out.

The following two lectures are devoted to the comparative characteristics of noun classes in the languages of various zones in terms of their identities and distinctions. It begins with the transition from a zone S to zones E, F, H and M, having the closest to S structural peculiarities (such as amount of classes, their meaning, presence of pre-prefixes and form of concords). Then we pass to the review of the languages of K, L, N, P – Zones (they have no pre-prefixes but possess many parameters of the same type as considered languages), further to the languages of a zone G and separate languages of a zone A, and at last to the languages of zones B, C, D. The special attention is given to a zone R and to the most relict languages (Myene, Mpongwe, Sukuma, Herero, Mbundu, Kele and others). While the characteristics of language zones being carry out, their non-homogeneity from the point of view of offered parameters is shown as well as the necessity of reorganisation of the Guthrie's classification: excluding of separate languages from some zones and transferring to other zones. In parallel to this, the fixation of the features, which witness the historical transformation and create presentation of a possible orientation of language processes, is proposed. On the base of these data it is discussed a question of changes of the articulation devices by the members of various language collectives which could result in a divergence of languages.

The undertaken in the seventh lecture analysis of systems of noun classes in contemporary Bantu languages passes in the diachronic consideration of the same facts in the eighth lecture. It is shown that there is a unique method of reconstruction of Bantu diachrony. It is the analysis of their synchronous states from the point of view of those evolutionary processes, which are observed in them. It is fixed prospective (natural) and retrospective (artificial, designed by

the researcher) orientation of evolutionary processes. On a base of the description of the South-East Bantu (zone R), represented by I. Fodor, it is told what laws of development of sound structure and evolutionary tendencies can be established in these languages (f. e., strengthening of glottalisation and nasalization showing reorganisation of the articulation device and «deepening» of articulation). In connection with evolution of speech device the changes of meanings of words and categories are considered. On the base of these facts the hypotheses about evolution of separate prefixes, their subsystems and the system of noun classes in South-West Bantu in a whole are offered.

In the ninth lecture the conclusion about a possible way of evolution of the South-East Bantu is briefly summarised. The notions of Proto-form and Proto-language are entered, and the methods of establishing the Proto-forms in historical and areal-typological linguistics are investigated. The reconstruction of system of noun prefixes by C. Meinhof is described in comparison with the results by M. Guthrie. Then the reconstructions are made on the base of the account of the evolutionary tendencies. For this purpose three subsystems in the system of noun classes are allocated: the topical prefixes (f. e. in Ganda, without pre-prefixes: *mu-* – *ba-*, *mu-* – *mi-*, *li-* – *ma-*, *n-* – *zi-*), locative prefixes (*wa-*, *ku-*, *mu-*) and attributive ones (*ki-* – *bi-*, *ka-* – *tu-*, *lu-* – *bu-*). It is shown that in contemporary languages they have different status: locative and attributive prefixes are more independent than topical ones and there is relation of agglutination between prefix and word stem (the articulation of each element occurs independently), whereas the concords of topical classes function as prefixes, which are jointed with their stems by means of fusional relation, resulting to assimilation of phonetic shapes of a stem and a prefix. It proves that the morphemes, which developed in pre-prefixes of locative and attributive classes, have still existed as independent syllabemes (monosyllabic words) at that stage, when the prefixes of topical classes have already functioned as the parts of words. So, three specified subsystems have various historical age and should be described differently: locative and attributive prefixes are necessary to compare with independent syllabemes of Proto-language, while topical prefixes had to be under consideration like parts of words; they can be reconstructed only after the analysis of processes occurring on morpheme joints.

To demonstrate the phenomena occurring on morpheme joints, we can use the following examples of nasalisation being result of an activity of nasal resonator. It speaks of comparison of above mentioned words with the same meaning *a man* in languages of a zone S: *month* in Djonga (nasalisation of the initial, nasalisation and aspiration of the stem), *mhunu* in Ronga (nasalisation and aspiration of the initial), *mohu* in Hlanangu (nasalisation of the initial, aspiration of the stem), *unhu* in Roži and Nambzya (nasalisation and aspiration of the stem, vocalisation of the initial), *n̄nu* in Kalanga (nasalisation of the stem and initial with formation of syllabic sonant), *ndhu* in Talahundra (nasalisation of the ini-

tial with formation of syllabic sonant, voicing and aspiration of the stem), *n̄thu* in Lilima (nasalisation of the initial with formation of syllabic sonant, aspiration of the stem), *umuntu* in Zulu (nasalisation and vocalisation of the initial, nasalisation of the stem).

It is not less interesting the question about the prefixes of noun classes with homorganic nasals (*m* before lip consonants, *n* – before dental and alveolar, *ny* – before palatal, *ng* – before velar and glottal), submitted in all Bantu. The prefixes of 9–10 («animal») classes are especially typical. Nasalisation of the initials of these prefixes results in with appearance of nasal phonemes, which begin to be perceived as independent sounds, although they arise from nasal tone. The type of innovations depends on consonant with which the word begins (homorganic consonants are as a result) and on strength of nasalisation (there can appear syllable sonants, nasal consonants, fluent nasal sounds, nasal colouring of vowels). Nasal consonantal prefixes of 9–10 classes can be considered an example of transformation of super-segmental phenomenon (nasal tone) into phonetic and phonemic elements (sounds and phonemes). It means, that materialisation of prosodemes had taken place during evolution of the articulation device and changing of Bantu pronunciation. The sounds can be not only transformed in each other they can appear from tone (from tonemic features). So, the reconstruction of Proto-phonemes had to carry out in constant co-operation with the reconstruction of the prosodic structure of Proto-language.

The analysis of the phenomena on morpheme joints shows, that there are two types of nasal consonants in contemporary Bantu (with independent phonetic shape and the same articulation in all languages and without them). The first sounds ascend to the phonemes of Proto-language, the second – to the prosodemes. Accordingly, the prefixes of noun classes with nasal consonants should be analysed in different ways, in accordance with their different history: some of them should be correlated with the relict syllabemes (*mu*, *ma*, *mi*), others – with the prosodemes (homorganic concords of 9–10 classes). The reconstruction of results of vocalisation and other phonetic processes is similar to nasalisation. The conclusions can be presented by the table, in which the forms of noun classes in the Proto-Bantu are placed in the neighbourhood of analogous forms, which have been obtained by C. Meinhof and M. Guthrie. This table is a result of application of the method of dynamic reconstructions to the formal plane of Bantu noun classes. On reaching it we can pass to the plane of meaning and begin the reconstruction of significance, which could have the prefixes of noun classes in the Proto-Bantu (concrete prefixes and their system as a whole).

The tenth lecture is devoted to a history of development of the Proto-Bantu from more ancient language. On the base of the previous lecture it is shown, that the prefixes of noun classes of contemporary Bantu have arisen from Proto-syllabemes or from Proto-prosodemes. The basic notions of prosodic system

(tone, overtone, timbre, and types of prosodemes) are entered. It is formed the paradigm of the phenomena, which are united by a concept «process of nasalisation» (f. e.: the activity of nasal resonator can result to nasal tone of a whole word, to occurrence of nasal sounds in any part of a word, to appearance of nasal colouring of vowels, and so on). Similar paradigms are constructed for other processes. Then it is illustrated with Bantu examples, that every paradigm has the certain meaning.

According to the researches on the languages with different typological structures, it can speak that one of the aim of using the names of objects in ancient times was to show that a speaker was an owner of the real thing which was named with a given word. The relation of possessing between a subject and a thing was marked with nasalisation. The ancient syllabemes, which have been marked with nasal tone, have made up the basic store of the future nouns. In other words, the ancestors of contemporary nouns were supplied with the markers of nasalisation to examine that the thing under consideration belongs to the speaker, becomes the property of the speaker (in the mental or physical plan). In particular, the comparison of the stem initials of nouns and verbs of the same stems shows, that a syncretic root turned to a noun while there is nasalisation in the initial of a syncretic root and turned in a verb while nasalisation is absent. So, it is possible to consider the significance, connected with nasalisation of the word initial, as primary category meaning of a noun to designate (to reflect) possessive attitudes of speakers to objects being in his environment.

Subsequently the possessive relations were developed into the system of language orientation in space, then in time and modalities. This thesis is illustrated by examples showing that a category of time in Bantu can be expressed by means of categories of space and that spatial (locative) categories can be transformed into temporary, and those – into modal. It helps to understand that verbal, as well as all grammatical categories have different historical age. F. e., a category of a modality has more recent occurrence than a category of number that is why it conveys with the lexical means in parallel to the grammatical tools. Many time-and-tense oppositions are different in Bantu languages, it can speak about their rise after disintegration of the Proto-Bantu system. All oppositions of the category of voice have the meaning of different possessive and spatial relations in underground. These observations help to conclude, in accordance with the theories of General linguistics, that in a history of languages there are four stages of evolution: possessive, spatial, temporal and modal. Each grammatical category has its historical age. Its occurrence and development can be correlated to any of the named stages of development of language and language consciousness. For example, the opposition of a noun and verb is possible to compare with the first stage, occurrence of locative and attributive classes – with the second, formation of topical classes – with transition from the first to the second.

The ancestors of contemporary grammatical categories (f. e., a category of noun class) have arisen at possessive stage, and then developed being achieved a contemporary state. It is possible to allocate different features in each language category showing at which stage of language it has arisen and what meaning it possessed at every stage of its existence (f. e. in Proto-Bantu). Ordering these meanings, it is possible to construct hierarchy of semantic categories for reconstructing a history of development of mentality in our civilisation. This history is illustrated by ethnologic and language examples (it is made in my book „Bantu grammatical structure evolution“, p. 309–311, and so on). In parallel to development of language consciousness, articulation skills change and the system of signifieds-signifiers (in Saussurian sense) generates (P. 312 and further).

Historical processes, which have taken place in Bantu, are demonstrated with the material of noun classes. It is shown how the system of noun classes created from three different sub-systems mentioned above. A category of number in connections with categories of gender and sex is the first under consideration. The second is the category with augmentative and diminutive sense (this work was made according to my book „In the beginning of language and thought. Genesis of African languages“. P. 301–303), then a category of class follows (p. 303–306), and the materials of other Niger-Kordofanian languages are involved to illustrate the status of these categories, – firstly in the closest to Bantu (from the point of view of considered parameters) languages of Senegal and Guinea-Bissau, then in West Atlantic, Mande, Songhai-Zarma-Dendi, Voltaic, Kru and other languages (p. 306–335). A result of this analysis is the commentary to the existing genetic classifications of African languages (I would like to show, which branches have been separated from the genetic trunk earlier and which have later).

In conclusion I plan to consider theoretical problems of General linguistics connected to genetic relationship of all world languages and to hypotheses about their origin. The special attention is given to the theory of Illich-Svitych about nostratic languages and to the theory of Ivanov-Gamkrelidze about fore-country of Indo-Europeans and those peoples, which lived in that time.

The eleventh lecture is devoted to consideration of what type could be language development of our civilisation (the comparison of hypotheses about Proto-languages and methods of restoration of them). The notion of genealogical tree is entered, its structure according to the contemporary theories is described and the place of African languages in it is mentioned. The statements are illustrated by categories of number, gender and noun classes. The special attention is given to the thesis about continuity of historical development, which can be observed by means of retrospective movement from the contemporary Bantu to Proto-Bantu, and then to language, which was its predecessor.

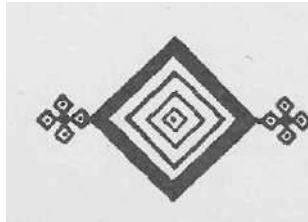
Task of the following five lectures is to deepen knowledge received earlier.

The first ten lectures are mainly directed on forming the system of knowledge about a synchronous state of Bantu languages, now it speaks of methodology of comparative – historical researches in Bantuistics. In other words, I want to show how the synchronous systems can be used for historical reconstruction and for creating language diachrony. At the centre of attention there is a technique of dynamic reconstruction and information about Proto-language, received by means of application of these tools to languages of various zones. The work begins with introduction of notions «language, speech and speech activity» (according to Saussure, with the modern comments from researches on General linguistics and Semiotics). Then the transition is carried out to already considered dichotomy: language processes and language elements arising through them. Analogously two types of reconstruction are fixed: how is going a process of speaking and what language elements arise in this process (sounds, words, sentences and other language elements). Through the example of the retrospective movement from contemporary Bantu to the Proto-language it is shown how differs the reconstruction of dynamics of development of the speech device from reconstruction of results of its activity. These approaches begin with the plane of forms (formal plane), which is described in the terms of register and timbre mechanism. From the beginning the register structure of Bantu is investigated (its synchronic state and diachrony – by means of fixing the tendencies of its evolution and reconstructing the initial characteristics of Proto-language: its initial elements, register structure, dynamics of their change, and so on). Then (in the thirteenth lecture) I plan to pass to the timbre structure of Bantu languages and to show the common and specific features of various languages in the following aspects: the main tone and overtones, the mechanisms of nasalisation, glottalisation, pharyngalisation and labialisation, the sets of phonemes in concrete languages, the systems of vowels and consonants as the results of transformation of energy of speech respiration into the sound substance by means of the consecutive processes in timbre-and-register part of apparatus of verbal activity. In conclusion I would like to illustrate the process of transforming of timber structure of Proto-language into timber structures of contemporary Bantu.

The fourteenth lecture is devoted to reconstruction of the plane of meanings. As an initial point of reconstruction the grammatical categories of contemporary Bantu are accepted. It is fixed the common and specific features in them. This procedure allows to register a dynamics of their development and its initial stage. The hypothesis about a language state which it is possible to name «at the beginning of grammatical categories» is under construction, as well as the hypothesis about possible shape and general characteristics of Proto-language of mankind. In the fifteenth lecture the question on genesis of lexical categories is put. Due to examples from Bantu and non-Bantu languages it will be shown, that the variety categories existing in new and ancient languages can be described in terms of time and space. The categories of time and space are postu-

lated as a base of human thinking. It is described what sense and meaning they could have in an antiquity. These statements are illustrated with examples from cosmogonical lexics of the peoples of the world.

The last lecture serves to summarise all observed material. The basic postulates about correlation of synchrony and diachrony in language, about methods of description of a language history, genealogical tree and process of historical development are repeated in it. The final part of lecture would be an exposition of hypotheses about an origin of language in General linguistics and of hypotheses from other sciences about an origin of mankind and our civilisation.

Тезисы лекций и докладов

Введение в бантуистику

Лекция 1 (2 часа). Языковые семьи мира. Типологическая и сравнительно-историческая классификация языков. Языковые семьи Африки: локализация, важнейшие представители, общая характеристика. Нигеро-кордофанское семейство языков, общая характеристика, таксономия, теории описания (важнейшие исследования, их направление, методы, типологические и сравнительно-исторические концепции). Общие признаки Нигеро-кордофанских языков в плане выражения и в плане содержания (грамматические категории и лексический состав).

Лекция 2 (2 часа). Банту как Нигеро-кордофанская семья. Чем банту отличаются от других языков, в чем их сходство. Локализация на карте Африки. Государства. Классификации (сравнительно-исторические, типологические, ареальные). Важнейшие теоретические (работы К. Мейнхофа, К. Дока, М. Гасри, Дж. Гринберга) и практические исследования (конкретные грамматики и словари, характеристика ареальных особенностей, сравнительные курсы фонетики, просодики, грамматики, лексики, сравнительные словари, исследования по истории бантуистики), связь с другими африканистическими дисциплинами (историей, этнографией, географией, литературоведением, политологией), точки роста. Бантуистика как комплексная наука. Использование новых методологий и компьютеров.

Лекция 3 (2 часа). Классификация М. Гасри, ее уточнения, характеристика языков банту по 15 ареальным зонам (A–S). Понятия синхронического и диахронического описаний. Метод динамического моделирования: на основании данных современных языков реконструируются тенденции развития речевого аппарата и фиксируются результаты его деятельности на разных этапах языковой эволюции (в двух направлениях – прогрессивном: от прошлого к будущему и регрессивном: от будущего к прошлому). Противопоставление процесса развития его результату (тенденций развития артикуляционного аппарата и языковых единиц, которые порождаются им). Выделение дифференциальных признаков для установления тождеств и различий языков банту. Типологическое анкетирование, характеристика каждой группы языков на основании одного и того же набора признаков (фонетических, просодических, грамматических, лексических). Связь ареальных и типологических подходов. Ареально-типологическая классификация языков банту.

Лекции 4, 5 (4 часа). Части речи и члены предложения в языках банту. Принципы классификаций (формально-грамматические, смысловые, функциональные). Соотношение имени и глагола в банту. Принципы их выделения и противопоставления в общем языкознании. Реализация этих принципов и результаты их применения в банту: общие признаки имени существительного во всех языках банту. Чем отличаются существительные конкретных языков по форме и по содержанию (количество именных классов, грамматические категории, присущие существительным, соотношение с другими частями речи, согласовательные модели, противопоставление пола и рода, оппозиции внутри категории числа, иерархия посессивных отношений, степень обобщенности категориальных значений, альтернативные способы выражения категорий посредством лексики и грамматики). Глагол как грамматическая категория языков банту в синхронии и диахронии. Видовременные категории глагола и их отражение посредством микросинтагматических структур (цепочек формантов). Префиксы, постфиксы, инфиксы, окончания и другие глагольные форманты. Их развитие в диахронии. Связь с самостоятельными словами. Тенденции развития глагола, реконструкция его эволюции. Ситуация в других языках (индоевропейских, тюркских, кавказских).

Лекция 6 (2 часа). Именные классы как грамматическая характеристика имени существительного. Система именных классов в зулу. Соотношение синхронии и диахронии. Природа именованных классов, их возникновение и состав. Мнения и дискуссии в литературе по бантуистике. Положение дел в соседних с зулу языках (общая характеристика группы S).

Лекции 7 и 8 (4 часа). Сопоставительная характеристика именованных классов в языках разных зон (общее в именованных классах и различное). Сравнение синхронных описаний как способ регистрации диахронии. Иллюстрация теории на примере юго-западных банту. Гипотезы об эволюции юго-западных банту из прабанту.

Лекция 9 (2 часа). Каким был прабанту. О чем говорят реконструкции, проиллюстрированные на примере языковых зон в предыдущих лекциях. Методы реконструкций, важнейшие исследования. Характеристика прабанту у К. Мейнхофа и М. Гасри. Работы Дж. Гринберга, Р. Стопы, советских африканистов и других ученых (выводы из их теорий, грамматические категории и праформы в прабанту).

Лекция 10 (2 часа). От прабанту к протоафриканскому. Реконструкция праязыков других семей. Ностратические языки.

Лекция 11 (2 часа). Каким могло быть языковое развитие нашей цивилизации (сравнение гипотез о праязыках и восстановление облика языка, который мог существовать в соответствии с теориями о его происхождении и развитии).

Лекция 12 (2 часа). Методика динамической реконструкции и ее иллюстрация на примере языков всех зон. Язык и речевая деятельность. Языковые процессы и возникающие на их основе элементы языка. Два типа реконструкций: того, как человек говорит (как работают его органы речи, какие процессы происходят при этом), и того, какие языковые элементы возникают во время процесса говорения (звуки, слова, предложения). Чем отличается реконструкция динамики развития речевого аппарата от реконструкции результатов его деятельности. От современных языков банту к праязыку. План выражения. Регистровый строй языков банту. Тенденции эволюции. Первоэлементы и динамика их изменения. Регистровый строй прабанту.

Лекция 13 (2 часа). Тембровый строй языков банту. Общее и специфическое. Тембровый строй праязыка.

Лекция 14 (2 часа). План содержания. Грамматические категории современных банту. Общее и специфическое. Динамика их развития. Начальный этап. У истоков грамматических категорий. Прабанту и протоязык человечества.

Лекция 15 (2 часа). Генезис лексических категорий. Категории времени и пространства как основа человеческого мышления. Космогоническая лексика у народов мира.

Лекция 16 (2 часа). Гипотезы о происхождении языка в общем языкознании. О чем говорят африканские факты. Данные других наук.

Introduction to the Bantu studies

Lecture 1 (2 hours). The language families of the world. Typological and historical classification of languages. The language families of Africa. The Niger-Kordofanian family: general characteristics, taxonomy, and different theories of description (the important researches, their direction, methods, typological and historical studies). Specifics of the Niger-Kordofanian family as to the formal and to the meaning plans (grammatical categories and lexical store).

Lecture 2 (2 hours). Bantu as a Niger-Kordofanian family. The main features of differentiation and resemblance of Bantu in comparison to the other languages. Their localisation on the map of Africa, the African states, some problems of sociolinguistics. Different classifications of Bantu (typological and historical ones). The most important scholars and general characteristics of their works (C. Meinhof, K. Doke, M. Guthrie). Other researches (concrete grammars and dictionaries, comparative phonetics and grammars, contemporary and historical descriptions of languages and verbal communication). Connection with other African disciplines (history, ethnology, geography, literature), the points of their growth. Bantu linguistics as a complex science. The application of com-

puters, new methods.

Lecture 3 (2 hours). The classification of Bantu languages by M. Guthrie (its role, specification, critics). The main characteristics of Bantu languages according to 15 Zones (A–S). Conception of synchronic and diachronic description. The method of dynamic modelling when the tendencies of evolution of speech apparatus are reconstructed on the base of the contemporary languages, and their changes from the past to the future, and on the contrary, are fixed. Process of development vs its results (the tendency of development of verbal apparatus vs language units, which are generated by it at the different stages of evolution). Allocation of differential features to establish of identities and distinctions in Bantu languages. The typological questionnaires, characteristics of each group of languages on the base of the same features (phonetics, prosody, grammar, lexis). Connection of the areal and typological approaches. Areal – and – typological classification of Bantu languages.

Lectures 4, 5 (4 hours). The parts of speech and members of sentences in Bantu languages. The main principles of classifications (formal – and – grammatical, semantical, functional). The opposition of noun and verb in Bantu. Principles of differentiation of nouns and verbs in general linguistics. The application of these principles to Bantu languages: the common comparative characteristics of noun and verb in contemporary Bantu. Peculiarities of the systems of nouns in different Bantu languages as to their form and meaning, amount of the noun classes, grammatical categories, relations to the other word classes, systems of concords, opposition of gender/sex and number, hierarchy of possessive relations, degree of generalisation of categories, alternate tools of expression of categories by means of lexis and grammar, etc.). A verb as a grammatical category of Bantu in synchrony and diachrony. The main aspectual and temporal features of verb in Bantu, their realisation by means of micro-syntagmatical structures (chains of morphemes). The prefixes, infixes, transfixes, endings, enclitics and proclitics in Bantu verbal conjugation. Their evolution and correlation with independent words. The tendencies of development of a verb, the reconstruction of its evolution in comparison to a noun. The illustrations from languages of other language families.

Lecture 6 (2 hours). The noun classes as grammatical characteristics of Bantu nouns. The description of the noun classes in Zulu. The opposition of synchrony and diachrony. The nature of noun classes, their evolution and contemporary status. Different opinions and discussions in the Bantu sources. A situation in the next to Zulu languages (general characteristics of Zone S).

Lectures 7, 8 (4 hours). The comparative characteristics of the noun classes in the languages of different Zones (the common features in the noun classes and various ones, Zones A–P). Comparison of the synchronic descriptions as a method of registration of diachrony (the illustrations are given from the South-

West Bantu languages, Zone R). Hypothesis of evolution South-West Bantu languages from Proto-Bantu.

Lecture 9 (2 hours). What was a Proto-Bantu? Conclusions from the reconstructing data, which were given above (Zones R and S). Different methods of reconstruction in the Bantu approaches, the main works. The Proto-Bantu by C. Meinhof and M. Guthrie. Other researches and different schools (London, South-African, American, Soviet and others). Conclusions from their theories (the elements of Proto-Bantu: words, morphemes, and categories).

Lecture 10 (2 hours). From Proto-Bantu to Proto-African. The reconstruction of Proto-families in General Linguistics. The Proto-family of all languages of the world (the theories of Illich-Svitych and Gamkrelidze– Ivanov).

Lecture 11 (2 hours). What was the language evolution of our civilisation and what was the first point of development? Comparison of hypothesis about Proto-languages and restoration of shape of the language, which could exist at the beginning of our civilisation (according to the contemporary theories of the language origin and development).

Lecture 12 (2 hours). The main methods and techniques of dynamic reconstructions (the illustrations from the languages of all Bantu Zones). Language vs speech activity. Language processes and the elements which generated by them. Two types of reconstructions: *how one speaks* (how our verbal apparatus is/was functioning, which processes are noticed during language development) and *which language elements appear* as a result of speech activity (the different results of the procedure of functioning of speech mechanisms: sounds, morphemes, words, sentences, which are produced by a Bantu native speaker). General characteristics of two types of reconstructions and examples. Reconstruction of dynamics of evolution of speech apparatus in Bantu family: from contemporary Bantu languages to Proto-Bantu. The tendencies of evolution (in past and future). The plan of forms (formal plan): register structures of Bantu and Proto-Bantu (syllable models, tone and its register characteristics, accentuation, peculiarities of inspiration according to the degree of opening of speech canal, prosodic correlations in the sphere of vocal syntagmatics). The tendencies of evolution. The Proto-elements and dynamics of their evolution.

Lecture 13 (2 hours). The timbre structure of contemporary Bantu and Proto-Bantu (the main tone and overtones, the mechanisms of nasalisation, glottalisation, pharyngalisation and labialisation). The sets of phonemes in concrete languages. Their systems of vowels and consonants as the results of transformation of energy of speech respiration into the sound substance by means of the consecutive processes in timbre-and-register part of apparatus of verbal activity.

Lecture 14 (2 hours). The plan of meanings. The grammatical categories of contemporary Bantu. Common features and specific ones. Dynamics of their

evolution. The initial stage (At sources of grammatical categories). A Proto-Bantu and a Proto-language of mankind.

Lecture 15 (2 hours). Genesis of lexical categories. Categories of time and space as a base of thinking. Cosmogonical lexics of the peoples of the world.

Lecture 16 (2 hours). Hypotheses about an origin of the language in General Linguistics. The African facts in the lights of these hypotheses. The data of other sciences.

Einführung in die Bantuistik

Vorlesung 1 (1 Doppelstunde). Sprachfamilien der Welt. Typologische und vergleichende historische Sprachenklassifikation. Sprachfamilien Afrikas: Lokalisierung, die wichtigsten Vertreter, allgemeine Charakteristik. Niger-Kordofan-Sprachfamilie, allgemeine Charakteristik, Taxonomie, Beschreibungstheorien (die wichtigsten Forschungen, ihre Ausrichtungen, Methoden, typologische und vergleichende historische Konzepte). Allgemeine Merkmale der Niger-Kordofan-Sprachen in bezug auf Ausdruck und Inhalt (grammatische Kategorien und lexikalische Zusammensetzung).

Vorlesung 2 (1 Doppelstunde). Bantu als Niger-Kordofan-Familie. Was unterscheidet die Bantusprachen von den anderen Sprachen und was haben sie gemeinsam. Lokalisierung auf der Landkarte Afrikas. Staate. Klassifizierungen (vergleichendehistorisch, typologisch, arealmässig). Die wichtigsten Forschungsarbeiten (K. Meinhof, K. Doke, M. Guthrie, J. Greenberg) und praktische Abhandlungen (konkrete Grammatiken und Wörterbücher, Charakteristik der Besonderheiten je nach Areal, vergleichende Lehrgänge für Phonetik, Prosodik, Grammatik, Lexik, vergleichende Wörterbücher, Forschungen zur Geschichte der Bantuistik). Verhältnis zu anderen Disziplinen der Afrikanistik (Geschichte, Ethnologie, Geografie, Literaturwissenschaft, Politologie). Zuwachspunkte. Bantuistik als komplexe Wissenschaft. Inanspruchnahme der neuen Methodologien und Computeranwendung.

Vorlesung 3 (1 Doppelstunde). Klassifikation von M. Guthrie und Korrekturen dazu. Charakteristik von Bantusprachen nach 15 Zonen (A–S). Begriffe der synchronischen und der diachronischen Beschreibungen. Methode für dynamisches Modellieren: aufgrund von Daten der modernen Sprachen werden Tendenzen zur Entwicklung des Sprechapparates rekonstruiert und Resultate seiner Aktivitäten auf verschiedenen Etappen der Sprachevolution (in zwei Richtungen – progressiv: aus der Vergangenheit in die Zukunft und regressiv: aus der Zukunft in die Vergangenheit) festgehalten. Gegenüberstellung des Entwicklungsprozesses und seiner Ergebnisse (Entwicklungstendenzen des Artikulationsapparates und den durch ihn produzierten Spracheinheiten). Bestimmung von Verschiedenheitsmerkmalen zur Festlegung der Ähnlichkeiten und den Unterschieden der Bantusprachen.

Typologischer Fragebogen. Charakteristik von jeder Sprachgruppe aufgrund eines und desselben Merkmalenkomplexes (phonetisch, prosodisch, grammatisch, lexikalisch). Verhältnis der typologischen und der arealabhängigen Herangehensweisen. Areal-typologische Klassifizierung der Bantusprachen.

Vorlesungen 4 und 5 (2 Doppelstunden). Redeteile und Satzglieder in den Bantusprachen. Prinzipien zur Klassifizierung (formell-grammatisch, semantisch, funktional). Nomen – Verb-Verhältnis in den Bantusprachen. Prinzipien der Nomen – Verb-Bestimmung und Gegenüberstellung in der allgemeinen Sprachenlehre. Umsetzung dieser Prinzipien in den Bantusprachen. Ergebnisse der Anwendung dieser Prinzipien in den Bantusprachen: allgemeine Merkmale des Nomens in allen Bantusprachen. Wodurch unterscheiden sich Substantive der konkreten Sprachen der Form und dem Inhalt nach (Anzahl der Nominalklassen, grammatische Kategorien, die für Substantive typisch sind, Verhältnis zu anderen Wortarten, Klassenkonkordantenmodelle, Gegenüberstellung – physiologisches und grammatisches Geschlecht, Oppositionen innerhalb der Numeruskategorie, Hierarchie der possessiven Verhältnisse, Verallgemeinerungsgrad der kategorialen Bedeutungen, Alternativen für den Ausdruck der Kategorie durch Lexik und Grammatik). Verb als grammatische Kategorie der Bantu in Synchronie und Diachronie. Tempusaspekt-Formen und ihre Widerspiegelung durch mikrosyntagmatische Verbformanten. Ihre Entwicklung in der Diachronie. Verhältnis zu selbständigen Worten. Die Situation in den anderen (indoeuropäischen, türkischen und kaukasischen) Sprachen.

Vorlesung 6 (1 Doppelsunde). Nominalklassen als grammatische Charakteristik des Substantivs. System der Nominalklassen in Zulu. Verhältnis Synchronie – Diachronie. Herkunft der Nominalklassen, ihre Entstehung und Zusammensetzung. Meinungen und Diskussionen in der bantuistischen Literatur. Situation in den zuluähnlichen Sprachen (allgemeine Charakteristik der Gruppe S).

Vorlesungen 7 und 8 (2 Doppelstunden). Vergleichende Charakteristik der Nominalklassen in den Sprachen verschiedener Zonen (das Allgemeine und das Besondere in den Nominalklassen). Vergleich der synchronen Beschreibungen als Methode zur Registrierung der Diachronie. Veranschaulichung der Theorie am Beispiel von süd-westlichen Bantusprachen. Hypothesen über die Evolution der süd-westlichen Bantusprachen aus dem Ur-Bantu.

Vorlesung 9 (1 Doppelstunde). Wie war Ur-Bantu? Wovon zeugen Rekonstruktionen, die in den vorherigen Vorlesungen am Beispiel der Sprachzonen zur Veranschaulichung gedient haben. Rekonstruktionsmethoden und die wichtigsten Forschungen. Charakteristik des Ur-Bantu laut K. Meinhof

und M. Guthrie. Arbeiten von J. Greenberg, R. Stopa, von sowjetischen Afrikanisten und anderen Wissenschaftlern (Schlussfolgerungen aus ihren Theorien, grammatische Kategorien und Urformen des Ur-Bantu).

Vorlesung 10 (1 Doppelstunde). Von Ur-Bantu zum Protoafrikanischen. Rekonstruktion von Ursprachen anderer Sprachfamilien. Nostratische Sprachen.

Vorlesung 11 (1 Doppelstunde). Wie kann die sprachliche Entwicklung unserer Zivilisation gewesen sein (Vergleich von Theorien über Ursprachen und Rekonstruktion des Abrisses der Ursprache, die entsprechend diesen Herkunfts- und Entwicklungstheorien existieren konnte).

Vorlesung 12 (1 Doppelstunde). Methode der dynamischen Rekonstruktion und ihre Anwendung am Beispiel von Sprachen aller Zonen. Sprache und Sprachaktivität. Sprachliche Prozesse und Sprachelemente, die aufgrund dieser Prozesse entstehen. Zwei Rekonstruktionsmethoden dessen, wie der Mensch spricht – wie seine Sprechorgane funktionieren und welche Prozesse gehen dabei vor sich, und dessen, welche Sprachelemente entstehen während des Prozesses des Sprechens (Laute, Wörter, Sätze). Wodurch unterscheidet sich die Rekonstruktion von der Dynamik der Sprechapparates von der Rekonstruktion der Ergebnisse seiner Sprachaktivitäten. Von den modernen Bantusprachen zum Ur-Bantu. Formenplan. Registeraufbau der Bantusprachen. Tendenzen der Evolution. Erstelemente und Dynamik ihrer Veränderungen. Registeraufbau des Ur-Bantu.

Vorlesung 13 (1 Doppelstunde). Klangfarbenstruktur der Bantusprachen. Das Allgemeine und das Spezifische. Klangfarbenstruktur der Ursprache.

Vorlesung 14 (1 Doppelstunde). Inhaltsplan. Grammatische Kategorien der modernen Bantusprachen. Das Allgemeine und das Spezifische. Entwicklungsdynamik. Anfangsetappe. Anfänge der grammatischen Kategorien. Ur-Bantu und die Protosprache der Menschheit.

Vorlesung 15 (1 Doppelstunde). Genesis der lexikalischen Kategorien. Zeit- und Raumkategorien als Grundlage des menschlichen Denkens. Kosmogonische Lexik der Völker der Welt.

Vorlesung 16 (1 Doppelstunde). Hypothesen zur Entstehung der Sprache in der allgemeinen Sprachwissenschaft. Was besagen die afrikanischen Fakten? Angaben der anderen Wissenschaften.

Мифы как летопись языковых процессов

1. Доклад состоит из двух частей: описание языковых реконструкций, являющихся ключом к пониманию мифов о мироздании как фантастическому отражению реальных языковых процессов, и характеристика мотивов и персонажей космогонических мифов, наиболее широко представлен-

ных у народов Тропической Африки и позволяющих воссоздать их языковую историю.

2. В языках банту выделяются три семантико-грамматических поля – земли, солнца и воды, в центрах которых реконструируются три корня, являющиеся дериватами от еще более древнего корня с синкретичным значением стихии, не подвластной человеку. Этот протокорень представляет собой многофокусник, артикулировавшийся при одновременном взаимодействии языка, губ и глотки и реализовавшийся в зависимости от целевой установки говорящего посредством лабио-глоттализованного дрожащего, плавного или язычного консонанта.

3. Можно предположить, что дифференциация артикуляции путем противопоставления резонаторных (лабио-глоттализованных) движений нерезонаторным (язычным), выступая как означающее де-синкретизации значения (в ходе формирования представления о воздушно-водной среде в противовес твердой) привела к распаду первообразного многофокусника и образованию на его базе двух поликонсонантов менее сложной структуры (при параллельном употреблении исходного протоконсонанта со значением синкретичной стихии). Один поликонсонант (он соотносился со значением воздушно-водной субстанции) явился развитием резонаторных (лабио-глоттальных, а затем и назальных) движений с постепенным затуханием язычного компонента, второй (его значение соотносилось с представлением о твердой среде) реализовал противоположную тенденцию: усилить язычную и ослаблять лабио-глоттальную артикуляцию.

4. На следующем этапе эволюции в сфере означаемых возникло противопоставление «твердей земных» «твердям небесным». Это различие закрепилось посредством артикуляции, вызвав дифференциацию латеральных и язычных движений на дрожаще-латеральные и альвеолярно-дентальные. Дрожащие и латеральные согласные стали выступать как означающие «твердей небесных» (солнца, луны, небес, звезд и т. п.), альвеолярные и дентальные – как означающие «твердей земных» (земли и «принадлежащих» ей твердых тел).

5. Параллельно этому процессу шло образование семантико-грамматических полей вокруг каждого корня. Например, реалии, которые говорящий выделял из остальных как содержащие воду или обитающие в воде, он обозначал посредством «водного» корня, реалии, излучавшие свет, – посредством «солнечного» корня, и т. д. Так возникли названия многих животных, растений, явлений природы, предметов обихода и пр. реалий. Далее появились дериваты этих дериватов и т. д., – вплоть до наших дней.

6. Процесс образования лексики нашел отражение в мифах о мироздании: мифы донесли до нас не историю мироздания, а историю словообра-

зования. Посредством мифологем и теофорных образов говорящий фиксировал не только последовательность формирования лексики, но и характер деривационных отношений между исходным и производными корнями (например, близнечные образы отражают дуалистический характер процедуры дифференциации корней, образ мирового дерева соотносится с деривационным процессом в целом, звукопись при построения теофорных образов служит ключом для восстановления фонетических обликов протокорней, портретная характеристика богов и героев выступает как мнемоника деривационных связей, и т. п.).

7. Рассматривая мифы как летопись деривационных процессов и интерпретируя легенды о создании человека, земли, солнца и космоса как отражение представлений первобытного человека о формировании не реалий, а их названий, исследователь получает мощный инструмент для воссоздания истории развития языкового сознания, экспликации генеалогических связей между языками и восстановления облика той действительности, которая окружала человека, приступившего к ее постепенной дискретизации и отразившего пройденный его языковым сознанием путь в деривационной истории слов и легендах о сотворения мира (человека).

Реконструкция артикуляции протобанту

Язык – это не живой организм, не саморазвивающееся образование, не самоорганизующаяся структура, а неотъемлемая принадлежность человеческого общества. «Развитие языка» – метафора для отражения эволюции языкового мышления и артикуляционных навыков, фиксируемой посредством результатов речевой деятельности. Звуковые соответствия в родственных языках – отражение в синхронии многообразия путей развития одной и той же артикуляционной прото-базы. Анализ артикуляционных сходств и различий в современных языках может использоваться как средство выявления параметров, характеризующих прото-базу и этапы ее развития. Так, исследование разнообразных типов назальных и фарингальных рефлексов в инициалах существительных современных языков банту и сопоставление многофокусников, функционирующих в африканских языках, показывает, что современному состоянию языка с «поверхностной» артикуляцией предшествовала фаза более глубокой артикуляции, характеризующейся назальным и фарингальным обертонами, которые возникли на основании активизации назально-фарингального резонатора. Эта артикуляция, в свою очередь, восходит к лабиогортанному способу образования звуков в виде многофокусников. Распад исходных многофокусников на отдельные компоненты (только лабиальные, или велярные, или лабиовелярные, или ретрофлексные, или лабиовелярные с дополнительной дентальной артикуляцией и т. п.) составляет основу звуковых соответствий в современных языках банту и является ключом для установления родства между всеми негрскими языками (нигеро-кордофанскими, шари-

нильскими и койсанскими, по классификации Гринберга). Эта гипотеза дает также возможность объяснить особенности фонетических систем современных африканских языков и специфику развития их звукового строя (например, дифференциацию лабиальных, расширение дентального и сужение велярного аспекта фонем, взаимозаменяемость ретрофлексных, латеральных и денто-альвеолярных, наличие гоморганнх композит и т. д.).

Космогоническая лексика у народов Тропической Африки

Цель работы – моделирование процесса развития космогонической лексики.

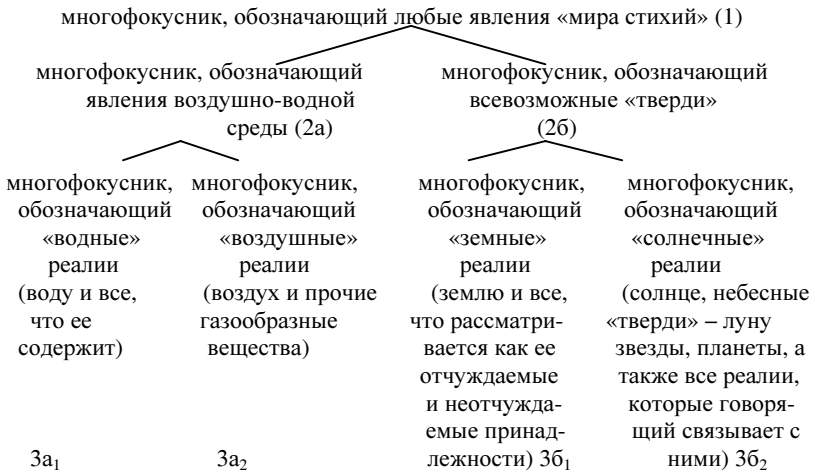
Центральную роль в мифологии различных народов Тропической Африки играют образы, связанные с тремя стихиями – огнем, водой и землей. Их языковым отражением являются три семантических поля однокоренных слов, группирующихся вокруг номинатов каждой из стихий. Воссоздание истории развития этих семантических полей в единстве их форм и значений в языках банту показывает, что они имеют общий генезис, т. е. восходят к единому синкретичному понятию, которое можно определить как образ стихии, находящейся вне человека и не подвластной ему. Означающим этого образа является многофокусник, который создается в результате синхронных артикуляционных движений органов речи (губ, языка и глотки) и манифестируется посредством композиты, состоящей из лабиального, глоттального (велярного) и язычного компонентов. При замене синхронных движений последовательными этот многофокусник можно представить как дрожащий или плавный консонант с лабиовелярной инициальной или финальной.

Эволюция означаемых представляет собой «ряд дуализаций» исходного образа. Прежде всего, поле синкретичной стихии «разбивается» на два поля: воздушно-водной среды и твердых тел. Затем происходит бинаризация обоих полей путем выделения в каждом из них двух самостоятельных областей: в одном – поля воды и поля воздушной среды, в другом – поля земли и поля солнца. Далее каждая из областей «расчлняется» на зоны, свидетельствующие о новой дифференциации явлений говорящими. Например, внутри поля воды возникает противопоставление «земного» и «небесного» начал, в силу которого формируются слова, обозначающие, с одной стороны, разновидности «земной воды» (река, море, океан, родник, озеро и т. д.) и, с другой стороны, «небесные воды» (дождь, ливень, град, снег и т. п.).

Параллельно процессу дифференциации означаемых идет процесс десинкретизации означающих. Лабио-глоттально-язычный многофокусник на первом этапе языковой эволюции «распадается» на два многофокусника с менее синкретичной артикуляцией, каждый из них, в свою очередь, –

опять-таки на два и т. д. В общем виде этот процесс можно изобразить в виде схемы 1.

Схема 1

Результаты процесса моделирования иллюстрируются на примере отношений между языковыми элементами, сформированными в языках банту на третьем этапе, путем воссоздания звуковых обликов означающих воды, земли и солнца, фиксации однокоренных слов, относящихся в различных языках к данным полям, и выявления структурных связей между ними. Поскольку при этом приходится учитывать языковые изменения, происходившие в течение многих тысячелетий, метод установления генетического родства на основе сопоставления звуковых обликов слов в современных языках на уровне фонем, который применяется в компаративистике, оказывается недостаточным. Более действенным является анализ артикуляционных тождеств и различий при произнесении языковых форм, обозначающих одни и те же реалии в различных языках. Этот метод позволяет выявлять факты более раннего языкового родства, чем метод фонемных соответствий, поскольку регулярность фонемных соответствий в современных языках, учитываемая при составлении компаративных серий в африканистике, отражает, в основном, результаты эволюции регистрового аппарата и оставляет в стороне просодические явления, вызываемые эволюцией тембрового механизма. Таковы, например, результаты, вызванные наализацией или глоттализацией и сказавшиеся на преобразованиях, которые изменили облик не отдельных фонем, а всего слова в целом, как бы вырвав его из ряда аналогичных слов, не подвергавшихся наализации и глоттализации. Затухание наализации и глоттализации (фарингаллизации) и превращение их в реликтовые явления, почти отсутствующие в со-

временных языках, делает слова неузнаваемыми и несводимыми к их аналогам в языках, не подвергавшихся назализации и глоттализации (фарингализации). Поэтому компаративные серии, отражающие только фонемные соответствия, являются упрощенным (обедненным) представлением ситуаций и не отражают наиболее древние отношения между языками.

Искусство будущего – будущее искусства

Эволюция искусства определяется эволюцией образного мышления, идущей параллельно эволюции вербального мышления. Данные африканских языков и анализ теофорных образов в традиционных африканских религиях показывают, что развитие мышления (вербального и образного) можно сравнить с ветвлением дерева путем последовательных дихотомий предыдущих узлов. Начальная точка этого процесса соответствует синкретичному образу, сохраненному в памяти человечества в виде представления о единстве всего сущего во времени и пространстве, первоkontинууме (1), из которого еще не выделилось ни одно противопоставление (черного белому, прошлого будущему, времени пространству, субъекта объекту и т. д.). Следующие две точки, полученные после деления этой «первоклетки», соотносятся с двумя образами: континуума вне субъекта (2) и субъекта, воспринимающего его (3). Точка 2 распалась на два образа – воздушно-водной среды (4) и тверди (5), а те, в свою очередь, – на образы воздушно-го (6), водного (7), тверди земной (8), тверди небесной (9) и т. д., – вплоть до образов всех конкретных реалий, имевшихся в ощущении у человека на каждом этапе его эволюции.

В соответствии с этим подходом эволюцию, например, *образа дерева на берегу реки* в сознании человека можно было бы изобразить следующими рисунками: А) бесцветное пятно, которое не имеет границ в пространстве и в котором не выделены такие дискретные реалии и свойства, как *дерево, река, берег, зелень, голубизна* и т. п. (1); Б) пятно, имеющее какие-то границы как символ отделения *первосреды* (2) от мыслящего субъекта (3); В) светлое пятно как образ *воздушно-водной среды* (4) на темном фоне *тверди* (5); Г) четыре пятна, отделенные друг от друга по цвету или по контурам (например, *голубое, красное и черное* пятна на белом фоне как символы *реки* (голубой водной стихии), *солнца* (красной тверди небесной), *земли* (черной тверди земной) и *воздуха* (белый фон).

Развитие мышления – это путь все новых и новых дихотомий, уточняющих и детализирующих исходный образ. Сначала человечество «занималось» всевозможными партиитивно-посессивными дихотомиями, затем – пространственными, далее – темпоральными. Последние несколько веков развитие мышления определяется модальными дихотомиями, которые возникли как следствие введения двух пространственно-временных систем отображения (внутри мыслящего субъекта и вне его) и различных спосо-

бов их наложения друг на друга, интерпретируемых современным мышлением как модальности долженствования, намерения, возможности и т. п.

Будущее искусства связано с возникновением новых дихотомий в дискретизации сущего. Тенденция развития этих дихотомий отражена в переходе от модальностей прошедшего – настоящего (см. оппозиции времени – аспекта в системах современных языков) к модальностям будущего (возможность, потенциальность, намерение, условность и пр.). Искусство будущего, отражая этот процесс эволюции нашего сознания, по-видимому, не станет уходить от образов, продляющих жизнь человека и окружающих его реалий из настоящего в вечность. Искусство в этом случае станет перспективным, т. е. искусством предвидения, помогающим человеку понять серию превращений его образа после завершения земного пути. Современное искусство по своей сути ретроспективно, это – кладбище образов прошлого, ибо каждый художник, рисуя настоящее, как только завершает свою работу, оказывается вместе со своим творением в прошлом, и зритель невольно знакомится с образом, который уже ушел от него в прошлое. И миг, и образ, и художник существуют для объекта (зрителя) в прошлом, поэтому объект остается в неведении перед будущим. Он может только предчувствовать свое бессмертие, но эксплицировать это предчувствие сегодняшнее искусство, как и наука, не в состоянии. Возможно, потому что оно опирается пока только на дихотомии, детализирующие модальности субъекта (художника), но не объекта (адресата произведения искусства). Если наука поможет религии объяснить людям механику метаморфоз их сознания, искусство сможет запечатлеть этот процесс в чувственных образах. Искусство, изображающее ретроспекцию субъекта, превратится в рассказ о будущем объекта. В каждый миг люди, уходящие в прошлое, благодаря искусству, будут оставаться живыми в образах своего будущего. Возможно, именно этим путем удастся добиться соединения прошлого и будущего в континууме вечности и подарить каждому с помощью произведения искусства материальный отпечаток своего бессмертия. Тем самым искусство будущего станет вечной памятью ушедших поколений о своем завтра.

Which future for art or which art for the future?

The development of art is caused by the evolution of the verbal and picturesque thinking that has gone simultaneously. The language research of the theological personages in the traditional African religions shows that the evolution of verbal and picturesque thinking may be compared to the branching out in the process of the constant bifurcation.

The first point of this procedure which has been conserved by the memory of mankind corresponds to the syncretic image of the universum with its all spatial and temporal realities in a non-discreet state, i. e. to the image of the first ho-

mogenous continuum of which no separate parts are evident and no dividing oppositions (space – time, subject – object, past – future, black – white) are realized. The next images have been created by the division of the first “cell”. There are the continuum being out of the brain and the thinking subject.

The first of these images has been dichotomized into two images – of air/water medium and solid substance. The last ones have been bifurcated into four images – of air, of water, of earth solid and of heaven solid, and so on, until the images and names of all concrete beings and thinks appear.

Thus the evolution of the image of the tree near the river may be represented by the following series of the pictures in the consciousness of the thinking persons at the different phases of our history:

1) The uncolored spot without any ingredients and characteristics for fixing the tree in opposition to the river, air or water;

2) The uncolored spot in a frame as a symbol of dividing the first image into two separate things: the light spot as the image of an air/water medium in a dark frame as a symbol of solidity;

3) four spots whose discrete images appear through the explication of the color and the space oppositions (f. e.: blue, red and black spots against a light background as the signs of river, sun, earth and air).

The evolution of our thought is seemed to be a way of the successive dichotomies in the process of the initial image exacting (detailing). At the beginning of the consciousness evolution the human being concentrated his attention upon the different possessive oppositions. The next phases were connected with the spatial and temporal dichotomies.

The development of thought in the last millennium may be described in the terms of the modal logic which have appeared as the effect of the bifurcation of the unitary reflection system into two subsystems according to two space – and – temporal continuums being in the consciousness of Homo sapiens (1) and outer of it (2). The different modes of superposition of these subsystems are interpreted now as the different types of modalities (intention, causation, implication and other categories of contemporary thought which have developed in our consciousness on the base of more ancient reflection systems – possessive, spatial and temporal ones).

The future for art is connected with the appearance of new dichotomies to make the new realities to be discreet. Passing from the modalities and aspects of the Past – Present times to the modalities of the Future times (potentiality, possibility, intention, conditionality, etc.) represents the main tendency of these dichotomies' evolution. I think, that art for the future will reflect this process of our consciousness evolution, and art will be interested in the modes of extension

of the human life into the Future.

Contemporary art is retrospective one in the essence. It is a cemetery of the past images because every artist who depicts surrounding realities or their images in his consciousness remains in the past time together with his creature at the same moment when completes his work. His audience is forced to meet the images that have already gone into the Past times.

The audience has no opportunity to be a subject of art. It exists only as its object.

I think, “retrospective subject” art will become “prospective object” one. The people living for the Past Times will be alive in the images of their Future Times.

Thus the Past and the Future will be united in a single continuum of the eternity, and everyone will be given an opportunity to obtain some material print of his immortality by means of Art which will become immortal memory of the past generations about their future.

Типология системы согласовательных классов в языках банту

Доклад посвящен типологическому описанию языков банту на основании характеристики плана выражения и плана содержания систем согласовательных классов почти в 500 языках банту. Для описания плана выражения используется единая фонетическая транскрипция, и сопоставление языков осуществляется путем регистрации элементарных фонетических процессов, вскрывающих динамику формирования грамматических формантов из гипотетической протосистемы. В плане содержания система согласовательных классов описывается как механизм процесса вербального отражения объективной действительности, ответственный за осмысление через языковые призмы пространственно-временной локализации явлений, окружающих носителей языков банту. Указанные характеристики плана выражения и плана содержания рассматриваются как основания классификации языков (внутри банту и по отношению и другим языковым семьям).

В истории языков банту выделяются три периода: 1) партитивно-посессивный, 2) спатильный, 3) темпорально-спатильный. Каждый период соотносится с определенной фазой развития грамматического строя и использования грамматической техники (агглютинации, синтеза, фузии и т. п.). Материалы почти 500 современных языков и диалектов банту показывают, что они преобразовались из изолирующих в агглютинативно-флективные. В соответствии с этим изменились и элементы грамматического строя. В частности, служебные слова, употреблявшиеся в первый из указанных периодов для фиксации взаимосвязей между знаменательными

словами, во второй период стали функционировать как локативные предлоги, а затем, утратив остатки самостоятельности, превратились в темпорально-локативные префиксы существительных (так называемые показатели локативных классов). Это развитие происходило неравномерно и дало различные лингвогеографические рефлекссы. Картографирование употребления локативного форманта *pa-* в ареале языков банту, проведенное М. Гасри, выявило десять зон в Африке южнее Сахары, соответствующих различным рефлексам *pa-* в современных языках. Целью данного доклада является диахроническая интерпретация выявленных М. Гасри зон и их характеристика в терминах эволюционной теории, сформулированной выше.

ЧАСТЬ 4. ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Сопоставительная грамматика языков банту (система согласовательных классов). 20 а. л. Отв. редактор – член-корр. АН СССР, проф. Д. А. Ольдерогге

Аннотация

В монографии собраны материалы по системам согласовательных классов 380 языков банту. Работа состоит из Введения, двух частей и библиографического указателя источников языкового материала. Первая часть, посвященная характеристике плана выражения системы согласовательных классов в языках банту, содержит систематизированную по 20 грамматическим разрядам опись формантов, называемых в бантуистике показателями грамматических классов. Для записи элементов плана выражения – фонем, морфем и словоформ – используется единая для всех языков банту фонетическая транскрипция, и планы выражения классных систем различных языков сопоставляются друг с другом путем регистрации элементарных фонетических модификаций, необходимых для вскрытия динамики развития исследуемых грамматических систем.

Вторая часть монографии посвящена характеристике плана содержания системы согласовательных классов. Система согласовательных классов в языках банту рассматривается как механизм процесса вербального отражения объективной действительности, ответственный за осмысление через языковую призму пространственно-временной локализации явлений, окружающих носителей языков банту. Работа этого механизма иллюстрируется на материалах языка зулу. План содержания в остальных языках характеризуется в терминах семантических категорий, установленных при описании языка зулу.

Д. А. Ольдерогге. Отзыв о монографии Л. З. Софы «Сопоставительная грамматика языков банту (Система согласовательных классов)» – 20 а. л.

Перед нами второй вариант работы Л. З. Софы, в которой автор разбирает основы согласовательных классов в семье языков банту. Первый очерк этой работы потребовал изменения из-за того, что он был основан на обработке сведений об этой группе языков, собранных Г. Г. Джонстоном – английским ученым, впервые предпринявшим попытку свести воедино

данные по языкам банту и «семибанту» более чем 300 диалектов. Для своего времени это была первая сводка подобного рода, но среди специалистов она подверглась справедливим нареканиям вследствие недостаточной точности записи звукового состава изучавшихся им языков. В настоящее время наука располагает новым сводным исследованием английского лингвиста, крупного специалиста в этой области М. Гасри – главы африканского раздела Лондонской Школы Восточных и Африканских Языковых Исследований. Работа Гасри по точности метода намного превосходит все предшествовавшие исследования в области бантуистики и может служить достаточно надежной основой для проведения дальнейших изысканий. Л. З. Сова полностью переработала свой первый вариант исследования, и теперь ее работа не может встречать каких либо возражений – она покоится на надежной основе. Надо сказать, что охват языков, учтенных Гасри, почти вдвое превышает сводку Джонстона, достигая почти 600 языков и диалектов.

Основой для второй части работы, посвященной системе грамматических именных классов в языке зулу, был тоже солидный труд: «Словарь зулу-английский», составленный двумя выдающимися знатоками – лингвистом Кл. Доком и его постоянным сотрудником Вилакази. Этот далеко не первый словарь зулуского языка имел уже своих предшественников вроде словарей Брайанта и др. и таким образом избежал многих ошибок, допущенных ими, что, конечно, было неизбежно. Таким образом, и эта часть исследования Л. З. Сова хорошо обоснована источниками.

Внимательно ознакомившись с работой, должен указать, что Л. З. Сова, приводя этнонимы и названия языков, придерживалась, естественно, транскрипции Гасри, передавая начертания лагинской графики с подстрочными точками соответственно русскими литерами, т. е. «e» с точкой под ним как e, «o» с точкой – как o и т. д. Это проведено было последовательно, но в результате получились неточности. Все звуки с диакритикой не могут быть переданы русскими литерами однозначно: они находятся между «o» и «y» и т. д. и с равным основанием могут транслитерироваться и как любой из них. В этих случаях следует, чтобы не усложнять систем транскрипции, принимать установившиеся формы написания, давно принятые в литературе, как этнографической, так и языковедческой. Поэтому вместо ГЕКОЙЮ, следует писать ГИКУЙУ, вместо БАПОНО – БАПУНУ, БУБЕ лучше писать БУБИ (на острове Мосиас – Нгема-Бийого, бывшем

острове Фернандо По) и т. п. Однако однозначно провести перетранскрибирование невозможно, в некоторых случаях установились уже в научной литературе определенные формы написания, поэтому в перечне языков надо наряду с написанием, принятым в работах Гасри, отметить транслитерацию автора. Безусловно, надо исправить ошибочное написание ХОСА, где Х в латинице условно передает латеральное щелкание. Я советую принять написание с апострофом, предложенное мною в одной из работ, где я, следуя традиции русского словаря ХУШ века в издании Янковича де Мириево, предлагал следовать известной системе передачи щелканий в русской графике (См. русский перевод книги Элленбергера «Трагический конец бушменов. М., 1956, предисловие).

По моему мнению, следует избегать термина «классные показатели», вместо этого писать «система именных классов». Термин «классный» имеет и другое значение – классная работа, экзамены на классность и т. п.

На стр. 289 несколько нелогично говорится, что в языке зулу система двадцати классов перегруппирована может быть попарно в 8 классов. Надо, конечно, употребить другое слово – групп, например.

Всю литературу, приложенную к работе, следует пересмотреть, выбросив устаревшие источники.

А. А. Жуков. Отзыв о работе «Сопоставительная грамматика языков банту (Система согласовательных классов)»

Специалисты давно ждут появления книги по сравнительной грамматике языков банту на основе фундаментального лекционного курса того же названия, который в течение многих лет Д. А. Ольдерогге читает на кафедре африканистики Ленинградского университета. По разным причинам, в первую очередь, потому что Д. А. Ольдерогге постоянно этот курс перерабатывает и дополняет, эта книга пока еще не увидела свет, пока не оформлена она и в виде самостоятельной рукописи.

Представленная на обсуждение работа (480 стр.) под многообещающим названием «Сопоставительная грамматика языков банту» делает, очевидно, первый шаг к практическому осуществлению давнишнего замысла. В ней затронут лишь один, хотя, пожалуй, наиважнейший, аспект грамматического строя языков банту – система именной классификации (скорее – лишь некоторые черты этой системы). В таком виде, в каком изложен

текст, работа в целом представляет собой пробное изложение материалов к сравнительному изучению показателей именных классов в языках банту. Здесь по существу, все «пробное» – и сам лингвистический материал, и методика его систематизации, и типологическая классификация языков, построенная на «пробном» критерии и т. д. Мне кажется, что таких «пробных попыток» должно быть сделано еще немало, прежде чем имеющийся ныне в распоряжении бантуистов огромный, неравномерный и неравноценный материал приобретет в сравнительном освещении более или менее четкие очертания. Появившееся недавно монументальное четырехтомное исследование М. Гатри «Comparative Vantu», с одной стороны, в значительной мере облегчает эту работу, с другой – ко многому обязывает тех, кто занимается сходными проблемами. Бесспорно, его труд является в настоящее время наиболее обобщающим, подводящим определенные итоги наших знаний в области сравнительной бантуистики. «Сравнительные словари» Г. Джонстона, которые, судя по всему, лежат в основе обсуждаемой работы, должны быть значительно пересмотрены с учетом новейших данных (прежде всего М. Гатри, а также работ бельгийских бантуистов по языкам Заира, например).

В нынешнем виде работа содержит весьма обширные, собранные из многочисленных грамматик и пособий «материалы к сравнительному изучению показателей именных классов в языках банту». Это необходимый и полезный шаг, но шаг «пробный», требующий дальнейших дискуссий и доработки.

А. Жуков

Ленинград 17.12.76

А. Л. Грюнберг. Отзыв на монографию Л. З. Сова «Сопоставительная грамматика языков банту (система согласовательных классов)». 20 а. л.

Рецензируемая монография состоит из Введения, двух глав и списка источников языкового материала и исследований, использованных в работе. Первая глава (стр. 57–286) посвящена плану выражения, вторая – плану содержания системы согласовательных классов в 390 языках банту (стр. 267–437). Во Введении (стр. 3–56) излагаются теоретические основы мето-

дики исследований, проведенных автором, и формулируются цели и задачи работы. Кроме того, здесь характеризуется используемый автором языковой материал и приводится классификация языков банту по областям их распространения, предложенная М. Гасри (см. таблицы и карту на стр. 24–56 рукописи).

На стр.15 рукописи Л. З. Сова отмечает, что в основу картотеки по системам именных классов в языках банту ею были положены факты, зарегистрированные в работе: M. Guthrie. *Comparative Bantu. An Introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages*. V. 1–4. London, 1967–1970. Кроме указанной работы М. Гасри, состоящей из теоретического исследования и сравнительного словаря языков банту, наиболее

Л. З. Сова

важными источниками языкового материала для работы Л. З. Сова послужили следующие словари и исследования: по языкам юго-восточной зоны Африки – Дока, Мейнхофа, Такера, Цирфогеля, Эндеманна, по языкам центральной зоны – Вестафала, Дока, Мейнхофа, Харриса, Хезервика, Уайтли, по языкам северной и восточной зон – Армстронг, Аштон, Виноградова–Черниченко, Коула, Мейсена, Мейнхофа, Мячиной, Такера, по языкам западной экваториальной Африки – Бенглея, Гасри, Гуарисма, Джакобса, Мейнхофа, Топоровой и Хюлстарта.

Я не являюсь специалистом в области изучения африканских языков и не берусь судить о степени достоверности языковых фактов, положенных в основу данного исследования (около 6 тыс. формантов систем согласовательных классов и около 4 тыс. языковых примеров – словоформ с переводами на русский язык). Об этом должны сказать свое слово африканисты. Свою задачу я вижу в другом – я постараюсь охарактеризовать исследование Л. З. Сова с точки зрения теоретической грамматики и типологии. К наиболее важным моментам в работе Л. З. Сова можно отнести, в частности, следующие:

1. Богатство и разнообразие фактического материала. Как я упомянул выше, в работе дано описание около 10 тыс. языковых единиц из 390 языков банту: около 6 тыс. составляют префиксы именных классов в этих языках и около 4 тыс. – словоформы, иллюстрирующие употребление этих префиксов (примерно 2, 5 тыс. слов взяты из языка зулу, материалы которого лежат в основе выводов автора о семантике системы согласовательных классов, и около 1, 5 тыс. слов иллюстрируют употребление префиксов согласовательных классов в других языках банту).

2. Первая глава, посвященная плану выражения системы согласовательных классов в языках банту, фактически содержит в своем составе «Словарь формантов согласовательных классов в 390 языках банту». Это – ценный типологически материал (даже при условии наличия в Словаре отдельных неточностей, что, безусловно, неизбежно при таком объеме работы). Собран этот материал и систематизирован в таком виде, насколько мне известно, впервые, и это одно делает эту часть работы полезной для читателя (не только бантуиста, но и для специалиста в области других языков). Здесь же приводятся статистические данные о встречаемости отдельных фонем и их позиционное распределение. Эти данные, сами по себе весьма любопытные, собраны автором для построения самых частотных цепочек фонем, которые встречаются в виде префиксов системы согласовательных классов и выбираются автором в качестве репрезентативных формантов этих классов. Форманты иллюстрируются примерами из языков, в которых они засвидетельствованы: благодаря этому мы имеем дело со словарем формантов, в котором представлена не только парадигматика префиксов (аллофоны в одном языке и наборы префиксов для каждого согласовательного класса по разным языкам), но и их синтагматика (сочетаемость с другими формантами в составе слов).

2. Вторая глава работы, посвященная плану содержания системы согласовательных классов, также фактически содержит в своем составе словарь. Это – зулу-русский словарь существительных, который насчитывает более 2 тыс. слов (этот словарь имплицитно представлен в тексте второй главы; основан он, как отмечает автор, на материалах словаря: С. М. Doke, B. W. Vilakazi. *Zulu-English Dictionary*. Johannesburg, 1953). Создан такой словарь (или фрагмент будущего зулу-русского словаря), насколько мне известно, также впервые. Можно отметить, что подготовка к печати даже одного только этого языкового материала, вкрапленного во вторую главу, является важной и полезной задачей,

3. План выражения системы согласовательных классов во всех описываемых автором языках четко отграничен от плана содержания. Для характеристики каждого из них выработана определенная методика, обусловленная свойствами исследуемого материала. В частности, для описания плана выражения автором рецензируемой монографии используется единая для всех 390 языков банту фонетическая транскрипция. Это делает соизмеримыми означающие каждого согласовательного класса. Аналогично автор старается «соизмерить» и планы означаемых каждого согласовательного класса. Для этого Л. З. Сова вводит две семантические «системы отсчета»: а) время – пространство объективной действительности и б) время – пространство речевой деятельности. Значение префиксов каждого согласовательного класса проецируется на эти две системы и на основании такого анализа строится характеристика семантики отдельных

согласовательных классов и всей системы в целом. Эти результаты мне представляются интересными и убедительными. Они важны не только для бантуистики, но и для типологических сопоставлений согласовательных систем в других языковых семьях (см., например, материалы 7-ой сессии по изучению иберийско-кавказских языков, специально посвященной вопросам категории грамматических классов в иберийско-кавказских языках и проходившей в ноябре 1977 г. в Сухуми).

4. Вся работа Л. З. Сова проникнута интересом к динамике языковых преобразований, каждое языковое явление, которое описывает Л. З. Сова в своей монографии, фиксируется ею не как застывшее статическое образование, а динамически, т. е. в виде процесса или по отношению к тому процессу, в результате которого оно формируется. В монографии описываются различные процессы – синхронного и диахронического порядка, плана выражения и плана содержания, реально существующие в языках и конструируемые автором для проникновения в сущность интересующих Л. З. Сова явлений. В частности, для описания плана выражения автор рукописи фиксирует 19 элементарных фонетических процессов (аспирация, назализация, пролонгизация, соноризация и т. д.) и префиксы каждого согласовательного класса во всех языках представляет как систему, состоящую из исходных формантов (автор называет их репрезентативными префиксами) и производных форматов, которые можно получить из исходных, подвергая последние одной или нескольким элементарным фонетическим модификациям. Проецируя эту динамическую систему, отражающую синхронное состояние языков банту на диахронию, Л. З. Сова получает возможность разграничить реликтовые и более поздние явления внутри системы согласовательных классов и дать общую характеристику тенденций в развитии консонантизма языков банту (стр. 247–262 рукописи). Таким образом, Л. З. Сова вводит характеристику языковой семьи не только по отношению к уже сложившимся языковым закономерностям, а и по отношению к потенциам или тенденциям развития таких закономерностей (см., например, стр. 246).

5. К числу недостатков работы можно отнести следующие:

а) В работе не всегда даны переводы языковых примеров; так, в § 3 каждого из 20 разделов первой главы представлены примеры функционирования формантов в составе слов, но не даны переводы этих примеров (хотя здесь идет речь об элементах плана выражения, и автор, возможно, намеренно не апеллирует к плану содержания и не дает переводы примеров, читателю эта «строгость изложения», по-моему, только мешает); тем более необходимы переводы языковых примеров в разделах, посвященных плану содержания, но в отдельных случаях они отсутствуют и здесь (см., например, стр. 282, 289 и др.).

б) В отдельных случаях отсутствуют иллюстрации к функционированию некоторых формантов в составе слов (например, на стр. 157 и 197).

в) В разделе 21 первой главы дается на основании языковых материалов, описанных в двадцати предыдущих разделах этой главы, характеристика тенденций развития консонантизма в языках банту. Аналогичная характеристика вокализма, к сожалению, отсутствует, хотя ее необходимость здесь органически ощущается.

г) § 4 второй главы представляется мне слишком фрагментарным, его желательно было бы пополнить примерами из различных языков, повсеместно, а не только в отдельных случаях, как это сделано теперь, иллюстрирующими правомерность сводимости плана содержания систем согласовательных классов во всех языках банту к семантическим составляющим, выделенным в плане содержания системы согласовательных классов языка зулу. Эта корректива придавала бы всей работе оттенок большей фундированности и полноты, дав возможность автору акцентировать внимание на одном из самых важных и интересных разделов работы.

В целом, можно отметить успешное завершение работы над плановой темой и рекомендовать монографию к печати. Можно констатировать, что проделан огромный труд по систематизации материала и на его основе получены выводы, представляющие немалый интерес для языковедов. Работа написана на высоком научном уровне и является ценным вкладом в развитие востоковедения.

УЧЕНОМУ СЕКРЕТАРЮ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
к.ф.н. А. М. Шахноровичу

Глубокоуважаемый Александр Маркович!

Высылаем Вам законченную плановую работу Л. З. Совы «Сопоставительная грамматика языков банту» (система согласовательных классов) для рассмотрения ее на секторе африканских языков.

Ученый секретарь ЛО ИЯ

В. В. Розанова

1 октября 1977 г.

Н. В. Охотиной для обсуждения на заседании сектора в XI-77 г.

А. М. Шахнорович

А. Л. Грюнберг. Отзыв¹ о монографии Л. З. Совы «Сопоставительная грамматика языков банту (Система согласовательных классов)», 20 а. л.

Монография Л. З. Совы посвящена описанию систем согласовательных классов в 390 африканских языках, относящихся к семье банту. Как известно, население Африки состоит из многих народов и племен, объединяемых по антропологическим признакам в две большие расы (негроидную и европеоидную) и несколько промежуточных расовых типов. В соответствии с современными представлениями о классификации африканских языков на лингвистической карте Африки отмечается шесть семейств – афразийское, конго-кордофанское, нило-сахарское, койсанское, австронезийское и индоевропейское. Языки банту, которым посвящена рецензируемая работа, принадлежат к конго-кордофанскому семейству и входят в подгруппу Бенуэ-Замбези южной ветви языков Нигер-Конго.

Система согласовательных классов является неотъемлемой принадлежностью грамматической структуры современных языков банту. Часто ее называют доминантой грамматического строя, а языки банту – просто языками с именными классами. Поэтому бантуисты так или иначе увязывают свои работы с проблемами именных классов, – будь то исследования по синхронии или диахронии, лексике или грамматике, ареальной лингвистике, этногенезу или каким-либо иным проблемам. Чаще всего лингвисты останавливаются на двух вопросах: описании систем именных классов в современных языках и гипотезах о них в прабанту. Содержанием данной монографии также являются две проблемы: план выражения и план содержания именных классов в современных языках банту. Для описания плана выражения автор использует единую фонетическую транскрипцию (IPA с небольшими изменениями, введенными М. Гасри). Сопоставление языков осуществляется путем регистрации элементарных фонетических процессов, вскрывающих динамику формирования показателей классов из гипотетической протосистемы и эволюцию системы согласования в прошлом и настоящем.

Монография состоит из двух глав, Введения, Библиографии и Приложения. Во Введении определяются задачи и методы исследования, харак-

¹ Отзыв, представленный на одно из многочисленных заседаний, посвященных утверждению рукописи к печати сектором африканских языков под руководством Н. В. Охогиной (Институт языкознания АН СССР, Москва). Хотя книга была рекомендована к печати, опубликовать ее не удалось. Три читабельных варианта рукописи, бесследно исчезли в Москве.

теризуется место согласовательных систем в грамматической структуре современных языков банту, приводятся результаты генетической классификации языков банту, осуществленной М. Гасри, и описывается материал, классифицируемый в работе (языковые источники, способы транскрипции и систематизации). Первая глава посвящена плану выражения систем согласовательных классов. Она состоит из 21 раздела (по одному разделу на согласовательный класс и раздел, посвященный выводам из первой главы). Каждый класс описан однотипно: сначала дается общая характеристика класса, затем следует перечень показателей в порядке их регистрации в языках, список алломорфов, частотная характеристика алломорфов и входящих в их состав фонем, а также примеры функционирования формантов в текстах почти на 400 языках банту. Глава завершается разделом, посвященным образованию от показателей именных классов остальных элементов согласовательной системы – так называемых адъективных, посессивных, эnumerативных, релятивных, объектных и субъектных согласователей, которые вводятся в слова, зависящие от существительного в виде префиксов и в большинстве случаев являются аллитеральными формантами, повторяющими звуковой облик префикса существительного, от которого они образуются. Иерархия взаимоотношений формантов существительного и остальных частей речи подробно рассматривается на примере языка зулу (этот раздел написан Л. З. Совой по материалам ее монографии «Аналитическая морфология языка зулу», рецензентом которой я был в 1971 г., и благодаря этому видно, что категория существительного исследуется не в отрыве от остальных частей речи, а вводится в более широкую перспективу). Кроме того, в данном разделе приводятся иллюстрации из других языков банту – суахили, ганда, руанда, лингала, венда, шона, асу и т. д.

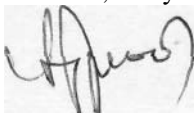
Вторая глава посвящена плану содержания системы согласовательных классов. Здесь рассматриваются вопросы корреляции категории согласовательных классов с категориями грамматического рода, числа, «почтительности», аугментативности, диминутивности, времени и пространства. Проблемы анализируются на обширном языковом материале, представляющем большой интерес не только для африканистов, но и для специалистов в области изучения других языков. Около 100 страниц этой главы посвящено характеристике системы именных классов в языке зулу. Автор подробно анализирует существительные, входящие в каждый именной класс, описывает образуемые ими семантические группы, выявляет присутствие каждой группе обобщенно-грамматическое значение. Итогом этих наблюдений является вывод о том, что система согласовательных классов в современных языках банту является механизмом процесса вербального отражения объективной действительности, с помощью которого говорящий осмысливает окружающие его реалии через призму двойного пространственно-временного континуума, фиксируемого языками банту и соотно-

симого, с одной стороны, со временем – пространством субъекта и, с другой, – со временем – пространством объекта. Первый континуум локализован внутри мозга говорящего и представляет собой внутрilingвистическую действительность, второй соотносится с миром, окружающим говорящего, и принадлежит к экстралингвистическим факторам. Как показывает Л. З. Сова, взаимодействие этих двух миров, фиксируемое посредством грамматических формантов, лежит в основе семантики систем именных классов и определяет сущность категории согласовательных классов. В Библиографии приводятся источники языкового материала, использованные в работе (свыше 300 работ на русском, английском, французском, немецком и португальском языках, а также на африкаансе, суахили, зулу, кикуйю, биса, ламба, лала и др.). В Приложении зафиксированы 1200 лингвонимов, служащих названиями языковых групп, языков и диалектов банту, описываемых в работе.

Я не являюсь африканистом и в вопросе о корректности описанного языкового материала, степени охвата литературы и представленных в монографии чисто африканистических сведений целиком полагаюсь на рецензию Д. А. Ольдерогге, с которой я знаком и в которой подчеркнута добросовестность Л. З. Сова как исследователя языкового материала, обоснованность ее аргументации и надежность языковой базы, на которой покоятся теоретические выводы. Со своей стороны, я могу отметить две вещи, которые мне кажутся наиболее важными. Первое – это нетривиальность и новизна общетеоретических построений Л. З. Сова, которые явились следствием обобщения социолингвистических и типологических интерпретаций материалов по языкам банту, собранных ее предшественниками, и позволили создать теорию, охватывающую функционирование и образование систем согласовательных классов, а также их коммуникативный статус и роль в процессе вербального отражения объективной действительности. Второе – прозрачность и компактность описания, богатство иллюстративного материала, убедительность мотивировок и поразительный объем информации, содержащейся в этой относительно небольшой рукописи (в монографии экспонируется свыше семи тысяч формантов по 20 согласовательным классам почти в 400 языках банту и около двух тысяч существительных из этих языков с переводом на русский язык, иллюстрирующих функционирование согласовательных формантов).

Замечаний по работе у меня практически нет, так как все пожелания и возражения, которые у меня были при рецензировании предыдущего варианта этой рукописи в 1975 г., учтены автором и скорректированы при написании нового варианта. В заключение мне остается отметить, что монография Л. З. Сова «Сопоставительная грамматика языков банту (Система согласовательных классов)» представляет собой серьезное и самостоя-

тельное исследование, написанное на высоком теоретическом уровне и, несомненно, заслуживающее скорейшего опубликования.

10 июня 1979 г.

Ареально-типологические исследования языков банту¹. 20 а. л. Отв. редактор – проф. В. А. Лившиц. Рецензенты – доктор филол. наук В. П. Недялко и канд. филол. наук Н. Л. Сухачев. Работа завершена в 1981 г. Рекомендуемый тираж – 5000 экз.

Аннотация

Материалы 400 языков и диалектов Африки, описанные в монографии, показывают, что префиксы именных классов в языках банту, как и сами именные классы, являются инновацией, и что в языках банту произошла эволюция грамматического строя, в результате которой языки банту из изолирующих, какими они, вероятно, были на предыдущем этапе своего развития, превратились в агглютинативно-флективные, каковыми они являются сейчас. Эта гипотеза подтверждается анализом просодических и морфонологических характеристик почти 8 тысяч префиксов именных классов, которые удалось собрать автору при исследовании всех бантуязычных лингвогеографических ареалов Африки. Книга рассчитана на африканистов и специалистов в области общего, сравнительно-исторического и типологического языкознания.

Выписка из протокола заседания Сектора индоевропейских языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР от 22. 12. 1981 г.

СЛУШАЛИ: Утверждение к печати завершённой монографии Л. З. Сова (Л. З. Аксеновой) «Ареально-типологические исследования языков Африки».

Отзыв к. ф. н. Н. Л. Сухачева (отзыв положительный). Отзыв д. ф. н. В. П. Недялкова (отзыв положительный).

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить монографию к печати, ответственный редактор Д. А. Ольдерогге, тираж 3000 экз., изменить заглавие на: «Ареаль-

¹ Монография была опубликована под названием «Эволюция грамматического строя в языках банту» (в счет «личного резерва» редакционного плана акад. Г. В. Степанова).

но-типологические исследования языков банту».

Председатель: чл.-корр. АН СССР А. В. Десницкая

Секретарь: А. Ю. Русаков

В. А. Лившиц. Аджипа-тепе (1977 г.)

Аннотация к варианту монографии, утвержденному в Москве

В работе, развивающей тематику предыдущих африканистических исследований автора, рассматриваются лингвистические ареалы Африки южнее Сахары и детально исследуются показатели именных классов в 500 языках банту (около 8000 морфем). Используя классификацию языков банту, предложенную М. Гасри, автор показывает, как конкретизируются системы именных классов в пределах каждой из 15 зон, выделяемых в ареале этих языков. Соответственно характеризуется этнический состав описываемой зоны, рассматривается географическое распространение основных языков, входящих в зону, численность их носителей, сведения о системах именных классов, которыми располагают африканисты по отдельным языкам, и затем анализируется вокализм, консонантизм и тональная система отдельных языков и всей зоны в целом. В результате анализа определяется специфика частных языковых систем, и выделяются универсальные черты, позволяющие объединять языки в типологические группы. Описанные фонетические процессы (23 в области консонантизма и 13 в области вокализма) иллюстрируются конкретными лингвистическими

данными и картами, на которых локализованы соответствующие рефлексы. Работа представляет интерес для африканистов и специалистов других специальностей.

В. П. Недалков. Рецензия на монографию Л. З. Сова (Л. З. Аксеновой) «Ареально-типологические исследования языков банту». 20 а. л.

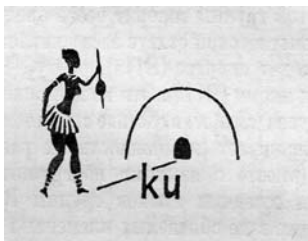
Рецензируемая монография состоит из 12 глав, Введения и Заключения. В Приложении приводится список литературы – 314 грамматик, словарей и исследований по языкам Африки, послуживших источником языкового материала. Введение знакомит нас с лингвогеографической картой Африки, на которой представлены 15 языковых семей. Одной из этих семей являются языки банту. Их детальному описанию в ареально-типологическом плане посвящена основная часть монографии. И, наконец, Заключение иллюстрирует динамику взаимоотношения между отдельными языками банту, которая является отражением элементарных фонетических процессов, происходящих в области вокализма и консонантизма описываемых языков, и знакомит читателя с гипотезой автора о генезисе именных классов в языках банту.

Поскольку основной чертой грамматической структуры языков банту является наличие в них именных классов, для установления ареально-типологического статуса этих языков наиболее удобным представляется их описание с помощью характеристики систем именных классов. Форманты именных классов засвидетельствованы во всех языках банту и в большей или меньшей степени изучены в 390 языках. Используя опыт своих предшественников, Л. З. Сова тщательно собирает эти форманты, сравнивает и оценивает данные различных исследований, а затем составляет Словарь именных префиксов. В этот Словарь вошли 7700 формантов (хочется отметить, что каждый из префиксов в картотеке Л. З. Сова иллюстрируется языковыми примерами, подтверждающими правильность отбора материала и регистрации его исследователем).

Наличие Словаря формантов и иллюстраций к нему из текстов на различных языках банту позволили автору рецензируемой монографии не только описать вокализм и консонантизм отдельных языков, но и построить типизирующие характеристики фонетических структур, общих для языков. Ареально-типологическая классификация языков банту, полученная Л. З. Совой в результате предпринятого ею анализа единиц плана выражения, в ряде случаев совпадает с классификацией языков банту, которая представлена в работах выдающегося африканиста – М. Гасри. Однако есть и много различий. Эти различия весьма интересны, потому что они помогают яснее увидеть перспективы ареально-типологического описания

и понять его преимущества над только ареальным или только типологическим описанием. Этому содействует не только богатство и разнообразие языкового материала, представленного в рецензируемой монографии, но и удачные языковые примеры, а также хорошо оформленные карты, которые знакомят нас с распространением отдельных языков, а также границами языковых групп, семей и государств, в состав которых входят народности, говорящие на описываемых языках. На картах изображены и контуры распространения языковых процессов, объясняющих конвергенцию и дивергенцию тех или иных языков.

Авторская работа над рукописью, в целом, завершена, и монография может быть рекомендована к печати. Она является солидным исследованием, в основе которого лежит оригинальная концепция и хорошо проверенный языковой материал. Книга, безусловно, будет полезна не только африканистам, но и специалистам по другим языкам. Отдельные замечания, которые по ходу чтения рукописи представлены мной на ее полях, не умаляют достоинств монографии в целом. Несомненно, она должна быть как можно скорее опубликована.

Н. Л. Сухачев

18 декабря 1981 г.

Н. Л. Сухачев. Рецензия на монографию Л. З. Совы (Л. З. Аксеновой) «Ареально-типологические исследования языков банту». 20 а. л.

Новая монография Л. З. Совы (Л. З. Аксеновой) «Ареально-типологические исследования языков банту» является развитием и обобщением ее прежних работ, посвященных Африке, и, в частности, исследования «Сопоставительная грамматика языков банту». Ознакомив читателей с лингвистической картой Африки (географической локализацией языковых семей, их типологическим статусом, численностью этнических групп и политико-административными границами государств на Африканском континенте), Л. З. Сова обращается к лингвогеографическим ареалам Африки южнее Сахары и затем переходит к детальному описанию одного из этих ареалов – языкам банту.

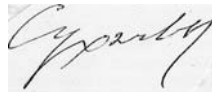
Отмечая, что деление существительных на классы является чертой, определяющей основу грамматической структуры языков банту, и что именные классы представлены во всех, без исключения, языках банту на всех известных нам этапах их развития, Л. З. Сова составляет Словарь показателей именных классов, зарегистрированных в 390 языках банту, исследованием которых она занимается. Этот Словарь, включающий около 8000 морфем, был собран автором в результате изучения более 300 источников языкового материала (см. список литературы, приложенный в конце монографии). Анализ и интерпретации этого языкового материала, в значительной степени, и посвящена рецензируемая монография.

Используя классификацию языков банту, предложенную М. Гасри (языки банту распределены М. Гасри по 15 зонам А–S, каждая из которых дробится далее), Л. З. Сова показывает, как конкретизируются системы именных классов внутри каждой зоны и как они модифицируются при переходе от одной зоны к другой. Описание всех языковых зон в рецензируемой монографии строится однотипно. Сначала характеризуется этнический состав зон, географическое распространение основных языков и численность населения, говорящего на них, затем оцениваются сведения о системах именных классов, которыми располагают африканисты по отдельным языкам, и после этого анализируется вокализм, консонантизм и тональная система каждого языка, входящего в зону, и всей зоны в целом. Этот анализ иллюстрируется на примерах отдельных морфем или целых слов – имен существительных, в состав которых входят рассматриваемые форманты. Результатом анализа является фиксация специфики каждого языка и выделение универсальных черт, позволяющих объединять языки в типологические группы. В большинстве случаев эти группы совпадают с классификацией М. Гасри (см., например, зоны А, Н, R и др.), но есть и различия: так, языки мпонгве, рунгу, галва, дьюмба и нгкоми, входящие у М. Гасри в состав зоны В, типологически выделяются в отдельную группу (см. «Западные лагунные языки» в рецензируемой монографии); из зоны D выбывают нданди, руанда, рунди, фулиро, ханхаза и ха (эти языки включаются в состав типологически близких им языков группы E); зоны С и D объединяются в одну группу – «Северные языки», а языки зоны F распределяются между группами E и G и т. д. Описание каждой языковой группы сопровождается географической картой с нанесенными на ней локациями отдельных языков, границами языковых групп и их языковых соседей, а также государств, в состав которых входят племена, говорящие на описываемых языках. Благодаря этому лингвистический материал воспринимается не в абстракции от объективной действительности, а в непосредственной связи с носителями языков, на фоне преобразований в экономической и политической жизни сегодняшней Африки.

Заключительная часть рецензируемой монографии посвящена процессам модификации вокализма и консонантизма в языках банту. Л. З. Сова выбирает эталон описания – систему репрезентативных префиксов именных классов – и с этим эталоном сравнивает системы именных классов, реально функционирующие и зарегистрированные в 390 языках банту. Система-эталон представляет собой список самих частотных префиксов каждого класса (например, *m* для 1-го класса, *ba* – для 2-го класса, и т. д.). Реальные языковые системы рассматриваются как результат фонетических преобразований этого эталона (например, префикс *aba* в языке ганда интерпретируется как результат регрессивной делатентизации – «восстановления» пре-префиксного гласного, а префикс *ab* – как результат делатентизации пре-префиксного гласного и элизии префиксного гласного; префикс *aba* в языке зулу фиксируется как результат регрессивной делатентизации и импловизации, т. е. замены взрывного *b* импловивным *ɓ*, и т. п.). Всего автор выделяет 36 элементарных фонетических процессов – 23 процесса, происходящих в сфере консонантизма (композиция, импловизация, аспирация, инспирация, ротацизм, соноризация, десоноризация, элизия, пролонгизация, назализация, деназализация, озвончение, оглушение, лабиализация, билабиализация, дентализация, палатализация, веляризация, сегментация, спирализация, деспирантизация, повышение и понижение тембра) и 13 процессов, осуществляющихся в области вокализма (регрессивная и прогрессивная делатентизация, элизия, вокализация, девокализация, пролонгизация, назализация, деназализация, палатализация, веляризация, повышение – понижение подъема гласных и лабиализация полугласных).

Каждый из языков банту использует различные возможности при построении своей системы именных классов, и эта специфика измеряется автором посредством фиксации набора фонетических процессов, которые необходимы для перехода от эталонной системы репрезентативных префиксов к реально существующей в данном языке системе формантов. В результате выясняется, что для одних языков движущей силой развития оказывается процесс делатентизации, для других – назализации гласных, для третьих – процесс деназализации согласных, для четвертых – процессы элизии гласных или согласных, и т. п. Каждый процесс группирует языки, выделяя среди них ядерные, ближайшие к ядру, следующие за ними, и т. д., вплоть до периферических (в ядерных языках данный процесс имеет наибольший удельный вес, затем его сила угасает). Динамика взаимодействия элементарных фонетических процессов создает, с одной стороны, специфику каждого конкретного языка (его индивидуальные потенции в процессе языкового развития), а с другой стороны – то общее, что свойственно всей семье языков банту в целом. Описание фонетических процессов иллюстрируется конкретным языковым материалом и картами, на которых изображены области локализации фонетических процессов.

Таково краткое содержание рецензируемой монографии. Несмотря на обилие языкового материала и оригинальность авторской концепции, монография читается легко. Она доступна не только для африканистов, но и для лингвистов других специальностей. Можно считать, что в целом работа над монографией завершена, однако отдельные погрешности в рукописи, конечно, имеются; например, в ней не всегда даны русские переводы к словам из языков банту, отсутствует однотипность картографирования фонетических процессов, тональные характеристики языков выполнены не так детально, как консонантно-вокалические, и др. Однако эти замечания не могут заслонить главного: богатый языковой материал, компактность его изложения, логичность построения как отдельных разделов, так и всей книги в целом, – все это говорит о том, что плановая тема Л. З. Совой успешно выполнена, и монография «Ареально-типологическое исследование языков банту» может быть, безусловно, рекомендована к печати¹.

21 декабря 1981 г.

Уважаемая Любовь Зиновьевна!

Сегодня получила Ваше письмо от 2.III. с. г. Разумеется, Ваша рукопись будет принята на обсуждение нашим сектором, однако вся трудность заключается в сроках присылки и обсуждения Вашей работы. До середины мая сотрудники сектора чрезвычайно перегружены работой. Для нас самое удобное было бы, если бы Вы прислали рукопись Вашей монографии в начале сентября, с тем, чтобы в конце октября или в начале ноября мы смогли бы обсудить ее на заседании сектора.

С уважением

/Н. В. Охотина/
25.3.82, Москва

Многоуважаемая Агния Васильевна,

В сентябре мы получили для обсуждения на секторе африканских языков работу Л. З. Сова «Ареально-типологическое исследование языков банту» с ее письменной просьбой как можно скорее обсудить эту руко-

¹ Академическая процедура требовала после утверждения работы к печати в Ленинградском отделении Института языкознания, где я работала, проведения дополнительной «апробации» в Москве.

пись.

На титульном листе рукописи стояло имя ответственного редактора Д. А. Ольдерогге.

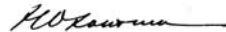
Вслед за этим мы получили устную информацию от Дмитрия Алексеевича, что он незнаком с этой работой и его имя было поставлено автором без согласования с ним.

Я попросила Дмитрия Алексеевича высказать в письменном виде свое мнение о работе, что он и сделал, сообщив мне, что 1-й экземпляр своего отзыва он передал Вам.

Ознакомившись с его мнением, я пришла к выводу, что ставить работу на обсуждение в секторе, прежде чем Дмитрий Алексеевич ознакомится со всей работой, более чем некорректно.

Мне представляется возможным провести обсуждение рукописи в нашем секторе только после того, как Дмитрий Алексеевич ознакомится с работой целиком и подтвердит свой статус ответственного редактора данной работы. Если Вы сочтете возможным назначить ответственным редактором кого-либо другого, то, во избежание каких-либо недоразумений, мне представляется необходимым, чтобы этот предполагаемый новый ответственный редактор ознакомился с работой в целом и сообщил свое мнение о работе нашему сектору. До выяснения всех этих вопросов мы возвращаем работу в ЛО ИЯз АН СССР.

С глубоким уважением

Н. В. Охотина¹

Извините за задержку, но я только неделю, как вышла на работу после болезни.

Замечания по поводу работы д-ра филологических наук Л. З. Сова «Ареально-типологические исследования языков банту»

Значение избранной для исследования темы не встречает никаких возражений. В наши дни основное направление всех или почти всех работ по изучению языков Африканского материка связано так или иначе с вопросами классификации языковых групп, семей или, скажем, языковых общ-

¹ В течение 25 лет доступ ко всем форумам и дискуссиям по африканистике был для меня закрыт. С 1970 по 1987 г. ни одна моя книга по африканистике не была опубликована. Благодаря личному вмешательству акад. Г. В. Степанова, в 1987 г. была напечатана монография «Эволюция грамматического строя в языках банту» (Ленинград, 1987). После смерти Г. В. Степанова мне пришлось «по собственному желанию» уволиться из института, где я работала с 1961 г., и в 1990 г. уехать в эмиграцию.

ностей, выявлением в пределах одной семьи или языковой области отдельных зон, в частности в пределах языков банту.

Попытки дать классификацию языков банту делались неоднократно. Прежнее деление, предложенное В. Бликом в самом начале исследования языков банту, было очень суммарно и основано было на недостаточных данных. В те времена еще не были изучены языки внутренних областей материка, Африка была еще неизвестна – неизвестно было не только существование больших озер, или течение рек, таких как Конго или Нил, тем более ничего не знали о народах, населявших глубинные области ее. Продолжатель работ Блика – Мейнхоф также был ограничен в своих исследованиях материалами преимущественно языков народов бывших немецких колоний. Г. Джонстон, в годы первой мировой войны составивший сводку словарных данных по 274 отдельным языкам банту и полубанту, значительно расширил наши сведения о лексике банту и дал группировку языков по географическому, в сущности, принципу. Отнесясь отрицательно к сводке Джонстона, сам Мейнхоф воздержался, однако, от попытки дать свою классификацию, указав на работу Ван Вармело как образец в этом отношении. Но Вармело определял только группировку языков юго-восточных банту, языки которых были хорошо известны. Полная и наиболее солидная классификация принадлежит в настоящее время М. Гасри. Я не считаю возможным упоминать работы Ван Булька, распределявшего языки Бельгийского Конго по шкале культурно-исторических кругов, на основании чисто этнографических данных. Итак, в наши дни работа Гасри – наиболее авторитетная классификация языков банту, учитывающая наибольшее число их. Поэтому вполне правильно, что для второго варианта своей работы Л. З. Сова приняла за основу своих штудий уже не списки Джонстона, но по моему совету обрабатывала данные исследований Гасри.

Однако Л. З. Сова почему-то не учла специальную литературу по вопросам определения северной границы банту, то есть совершенно обошла все работы по исследованиям в области языков Нигерии и Камеруна, которые представляют большое значение для решения вопросов истории возникновения грамматического строя банту и их именных классов.

Остались неучтенными также все работы Кл. Дока и его учеников по распределению и сравнению классификаций Дока и Гасри, т. е. вопросы ареальной лингвистики в самом прямом их значении. Сопоставление зон обоих классификаций осталось вне рассмотрения. В работе рассматриваются только списки Гасри и почему-то включены перечни языков по справочному регистру Веглина (Voegelin), хотя помимо этого указателя имеются и другие не менее авторитетные списки, как-то Вестфалья и Дерек Фиваза, и Патриции Скотт. Однако ни одна из этих трех работ не имеет прямого отношения к теме разбираемого исследования, так как все они предназначены для справок, преимущественно для библиотечных работ-

ников, имеющих дело с каталогами. Поэтому включение в работу страниц с 71 по 83 мне не представляется оправданным. То же могу сказать и о переписанных из Гасри перечней префиксов на страницах 42–44, так как достаточно было указать на соответствующие страницы работы Гасри.

Безусловно, большой интерес представляют предположения Л. З. Сова о том, что некогда строй языков банту не имел системы именных классов, но были циркумфлексные структуры – инициалы и финалы имени выделялись интонацией. Затем циркумфлексный строй сменился префиксным, появились именные префиксные классы, глагол перешел от аспектных к временным категориям. Постепенно происходил переход от пространственных способов восприятия действительности к темпоральному представлению.

Однако, к сожалению, в работе говорится, что доказательство этой гипотезы «не входит в задачу работы». Между тем именно в данном случае было бы уместно провести сравнение с языками Западного Судана группы Вольта или языками гур.

Почему-то автор не придерживается общеизвестных географических наименований, принятых на всех картах Африки и во всех атласах, и предлагает свои чтения на английский манер, напр., «чари» (вм. шари) или по-французски – «Беню» (Бенуэ), что вызывает неясности.

Мне остались непонятными некоторые представления автора о современной классификации африканских языков в целом. Так, в работу включена схема «генетической классификации» без указания на работу, откуда она заимствована. Но эта схема, в общем, отражает классификацию Дж. Гринберга с некоторыми изменениями. В настоящее время эту схему следовало бы оговорить, отметив, что она не учитывает проблемы положения языков кулиак, группы омотских языков и мн. др. Неясно, как относится сама Л. З. Сова к этой схеме, ведь далее в тексте она не раз упоминает о суданских языках, противопоставляя их языкам банту в целом, что никак не сходится с упомянутой мною схемой. Неясно мне, что означают слова «если из нило-сахарских языков выбрать суданские» и т. д. Неясность заключается в том, что все «нило-сахарские языки» находятся именно в Судане, за исключением масаи и близких к ним языков. Упоминание о суданских языках встречается не раз. Так, в работе говорится о том, что в этих языках два класса (стр. 17), но как же так? В языке фульфульде несколько десятков классов, в языках море, дагбане и мн. др. тоже. Вообще противопоставление суданских языков другим языковым группам теперь давно устранено, что было еще показано Д. Вестерманом в 1927 году. Неясно мне упоминание о сахаро-чадской группе. Какие языки имеет в виду автор? Состав ее?

Говоря о древнейшей истории Африканского материка, автор правильно упоминает о заселенности Сахары. Однако Л. З. Сова неправильно представляет себе время этих изменений, упоминая об озерах. Эти озера действительно существовали. Таковы озера Араванское, Палеочадское, Нигерское, на месте средней дельты нынешнего Нигера Палеосуданское, но все они относятся ко времени образования до великого разлома, т. е. к эпохе до-миоцена, когда не было современного человека, а вероятно существовали лишь его предки, возможно австралопитеки.

Представлять себе, что Африка, и в частности Сахара, была густо заселена, невозможно. В отношении Сахары, в частности, этот вопрос прояснен результатами многолетних исследований франко-египетской экспедиция, опубликованными в 1982 году. Они показали изменения в заселении Восточной части Сахары за последние двадцать тысяч лет. Сахара всегда была аридной зоной, более или менее увлажняющейся в зависимости от колебаний климата. Население было редким и сосредотачивалось у водоемов, иногда пересыхающих, порою вновь наполняющихся водой. Колебания уровня озера Чад теперь тоже показали, что оно относительно мало изменялось на протяжении исторического времени.

На стр.16 говорится об объединении языков койсан, афро-азиатских (афразийских?), нило-сахарских и конго-кордофанских и дается их характеристика, но черты, характеризующие их, слишком общи и могут быть отнесены ко всем языкам и за пределами Африки. К тому же «кликсы» (почему не щелкания?) относятся только к койсанским языкам и составляют характерный признак только этой группы (в языках юго-вост. банту они явно заимствованы).

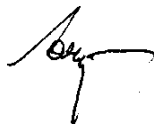
Терминология, связанная с обозначением отдельных языковых групп, не выдержана. Так одни и те же языковые группы именуется то афроазиатскими, то семито-хамитскими и т. д. Этот недостаток надо устранить.

В заключение я должен сказать, что мне очень трудно давать оценку всей работы, так как в моем распоряжении были только первые 70-80 страниц и, кроме того, не пронумерованные страницы, очевидно, из заключения¹. Поэтому я никак не могу считать себя вправе судить обо всей работе в целом. Работа была отослана без моей визы, и я не видел ее в законченном состоянии. Поэтому суждение мое основано только на первых ее частях и четырех-пяти заключительных страницах заключения.

Поэтому повторяю, что тема, выбранная для исследования Л. З. Совой, безусловно, заслуживает внимания, но многое в ней остается мне непонятным, незавершенным и требует исправлений.

¹ К сожалению, у Д. А. Ольдерогге так и «не нашлось времени», чтобы ознакомиться со всей рукописью.

Нет никакого сомнения в том, что ответственным редактором этой работы себя не могу считать. Если бы работа была мне показана прежде – до отсылки ее на обсуждение, я потребовал бы внесения многих исправлений. Но, быть может, следующие двести страниц имеют иной, более четкий характер и содержат основания для ареальной характеристики языков банту, сказать не могу.

8 октября 1982 года

А. В. Десницкая. Отзыв о монографии Л. З. Сова «Ареально-типологические исследования языков банту»

Монография «Ареально-типологические исследования языков банту», написанная на материале 400 языков и диалектов банту, посвящена проблемам генезиса и современного состояния грамматической структуры языков банту. В центре внимания автора находится вопрос о системах именных классов в языках банту. На основании систематического обследования систем именных классов, доступных наблюдению автора, Л. З. Сова устанавливает акцентологические и морфонологические характеристики взаимодействия основ существительных и их префиксов и показывает, что не только в современных языках банту, но и на более ранней стадии их развития звуковой облик префиксов обуславливался звуковым обликом основ и их спецификацией на типы в зависимости от тона, количества и качества фонем, ударения, структуры слога и других просодических и морфонологических признаков.

По мнению автора рецензируемой монографии, произнесение существительных в прабанту сопровождалось особыми вокалическими или сонантическими коэффициентами, которые как бы служили меткой грамматической категории существительного, присоединялись к основе при употреблении ее в качестве самостоятельного слова и, по происхождению, были просодемами, фиксирующими начало – конец основы с помощью чередования вдоха – выдоха. Со временем просодема превратилась в циркумфикс: проклитику, которая, благодаря непосредственному контакту с акцентологическим центром основы, которым являлась ее инициаль, попала в сферу влияния инициали основы, приобрела «нужный» ей звуковой облик и развилась в префикс, и энклитику, которая в силу ряда причин

просодического плана (удаленность от акцентологического центра, недударность, ослабленность перед паузой, сопровождающей переход от выдоха к вдоху при произнесении последующего слова), отпала от основы существительного, начала употребляться в отрыве от нее, а затем, попав под влияние нового акцентологического центра и, став его сателлитом, превратилась в префикс слова, следующего за существительным (например, прилагательного или глагола), и стала восприниматься как показатель синтаксической связи (согласователь) между существительным и подчиненным ему членом предложения.

Такова, в общих чертах, гипотеза Л. З. Сова о происхождении большинства префиксов именных классов в языках банту, развиваемая ею в монографии «Ареально-типологические исследования языков банту». Эта гипотеза отвергает общепризнанные реконструкции системы именных классов в прабанту в виде списка префиксов-эталонов для каждого класса (см. реконструкции Мейнхофа, Гасри, Мейссена и др.), а переводит вопрос о реконструкции протосистемы в иную плоскость: автор рецензируемой монографии считает, что в реальном праязыке, если он существовал как некоторая реальная система (например, койне или совокупность диалектов), не было застывших «по одному на класс» формантов, игравших роль показателей именных классов, а имела иерархия основ существительных, противопоставленных друг другу по значению, фонемному облику и правилам (просодическим и морфонологическим) оформления сонантическими или вокалическими коэффициентами при употреблении их в качестве конкретных слов, которые были в прабанту аналогами современных существительных. Эта система слов-корней дополнялась системой служебных слов, с помощью которых передавались синтаксические отношения в предложении и которые впоследствии стали выступать в качестве префиксов имен существительных, наряду с префиксами, возникшими из просодем. Из этих двух подсистем префиксов сформировалась система показателей именных классов. Таким образом, как полагает Л. З. Сова, системы именных классов в языках банту являются инновацией, возникшей в процессе превращения языка изолирующего типа, каким был прабанту, в язык агглютинативно-флективного типа, дифференциация диалектов которого привела к образованию современных языков банту.

Мне кажется интересной попытка автора связать множество разрозненных языковых фактов, собранных бантуистикой за 150 лет своей истории, объяснить многие из зарегистрированных в них реликтовых явлений и обобщить эти факты в виде единой теории, характеризующей эволюцию грамматического строя языков банту как постепенный переход от изолирующего к агглютинативно-флективному типу, переход, в процессе которого сформировались префиксы именных классов, категория имени суще-

ствительных, какой она представлена в современных языках банту, и сам этот грамматический строй.

Не будучи африканистом, я не решаюсь судить о конкретных языковых фактах, которыми оперирует автор рецензируемой монографии. В частности, я не знаю, корректен ли список формантов, лежащих в основе языкового анализа, т. е. те 7 700 префиксов именных классов в 400 языках банту, которые извлечены Л. З. Совой из работ предшественников, а также из ее собственных наблюдений, полученных в процессе работы с носителями отдельных языков, которые составляют фактологический базис ее теоретических построений. Но относительно объяснения этих фактов могу сказать: оно мне кажется интересным и заслуживающим пристального внимания специалистов. Проверка и обсуждение предложенной гипотезы могли бы иметь общетеоретическое значение не только для африканистики, но и для представителей различных областей науки о языке. Я считаю, что монографию Л. З. Совой следует как можно скорее опубликовать.

А. В. Десницкая

16 ноября 1982 г.

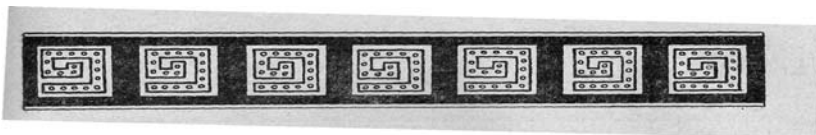
А. В. Десницкая и Е. А. Реферовская в библиотеке ЛО ИЯ АН СССР на Университетской набережной, д. 5 (1965 г.).

Л. З. Сова. Крым. Карадаг. Из серии «Любимые бухты А. В. Десницкой». Акварель. 1988 г.

Л. З. Сова. Крым. Карадаг со стороны бухты Десницких. Акварель. 1988 г.

Д. А. Ольдерогге. Замечания по поводу переданной мне на просмотр работы Л. З. Сова «Ареально-типологические исследования языков банту»

Полученный мною экземпляр работы представляет собою по существу обработку материалов четырехтомного капитального труда Малькольма Гасри. Первый вариант¹ работы Л. З. Сова был основан на такой же проработке статистического характера словарей Джонстона. Первый вариант имел тот недостаток, что по незнакомству с работами по истории изучения языков Африки Л. З. Сова взяла за основу списки Г. Г. Джонстона, полезные во многих отношениях и теперь, но для лингвистических работ непригодные. В свое время это отметил в своих рецензиях Мейнхоф и ряд других специалистов лингвистов. Недостаток заключался, прежде всего, в том, что Джонстон, не будучи лингвистом, знакомым с требованиями точного воспроизведения звукового состава языков, не обращал внимания на запись тонов, различия открытых и закрытых гласных и других особенностей фонетического характера и пользовался записями, неравноценными по качеству.

Это было допустимо до того, как африканисты-языковеды осознали значение тонов в языках банту, и многие языки были мало или почти не изучены. Я указал на это, и автор, Л. З. Сова, по моему совету приняла за основу новейшие работы, в частности основное исследование английского лингвиста М. Гасри. Однако его работы продолжены были бельгийской школой, руководимой Мейссеном и выработавшей так называемую программу ЛОЛЕМИ, которая специально занималась изучением ареальной лингвистики, что нашло отражение во многих изданиях лингвистической серии, издававшейся в Тервюрене и Брюсселе.

К сожалению программа ЛОЛЕМИ не нашла отражения в этом «ареально-типологическом исследовании».

Все карты, равно как и схемы, приведенные в работе, основаны на работах американского лингвиста Дж. Гринберга. Однако все подсчеты сделаны на материалах Гасри. Взгляды обоих исследователей прямо противоположны, и мне непонятно, как можно иллюстрировать подсчеты, основанные на данных Гасри, картами и генеалогическими схемами Гринберга.

¹ Имеется в виду первый вариант моей монографии «Сопоставительная грамматика языков банту (Система согласовательных классов)».

Можно было бы ограничиться изучением примеров Гасри, – и они дают основания для известных заключений. Но тогда следовало бы учесть критические замечания лингвистов южно-африканской школы Дока. Этот последний дал тоже классификацию языков банту, и она, что особенно важно, во многом совпадает с зональным делением Гасри. Этим занимались лингвисты, пытаясь сопоставить обе классификации, и на их работы я указал при просмотре второго варианта работы, который был показан мне в отдельных частях (но не полностью!). К сожалению, мои замечания не были приняты во внимание.

Наибольшие возражения вызвали у меня (при ознакомлении с теми разделами работы, которые были мне показаны после проработки материалов Гасри) сведения, помещенные в предисловии. Они и в разбираемом варианте остались без изменения. Однако они показывают полную неосведомленность автора с основными достижениями науки в области изучения истории культуры Африки, антропологии и др. дисциплинами. Автору осталась неизвестной лингвистическая карта, составленная английскими лингвистами, продолжателями работ Гасри, и изданная несколько лет назад. Вместо нее приложены весьма неточные схематические кроки по Гринбергу, которые противоречат данным Гасри. Исправлены только явно вопиющие грубые ошибки в написании «БЕНЮ-ЗАМБЕЗИ» вместо правильного «БЕНУЭ-ЗАМБЕЗИ», «ЧАРИ» вместо правильного «ШАРИ» и только. Во всех других случаях автор вместо исправлений ссылается на явно случайную или устаревшую, а порою просто неверную информацию и литературу.

Непонятным для меня обстоятельством остается следование автора двум авторитетам – Гринбергу и Фодору. Иштван Фодор резко критикует первого, но автор как-то соединяет взгляды обоих авторов, что видно при рассмотрении схем,

В заключение не могу не подосадовать, что Л. З Сова обошла молчанием сводный труд французских лингвистов, где дается иная схема классификации африканских языков, учитывающая старые работы Гринберга и все те исследования, которые ведутся группой исследователей языков Западной Африки (во Франции и в Нигерии), изучающих проблемы взаимоотношения языков банту с языками Камеруна и Нигерии.

Проблема, поставленная ими, чрезвычайно важна для истории развития системы именных классов. А этот вопрос, несомненно, весьма существен при генетических построениях и ареальных исследованиях языков в пределах языков банту.

В работу, рассматриваемую в данном отзыве, вложено немало совершенно не имеющих отношения к теме схем, перенятых из разных работ,

работ к тому же нередко взаимоисключающих взгляды отдельных исследователей, противоречащих друг другу и т. п.

Неожиданные экскурсы автора разбираемой работы в области Шумера, Китая и т. п. цивилизаций и языковых семей только свидетельствуют о полном незнакомстве автора с современными работами и данными, полученными археологами путем радиоуглеродного анализа.

Теперь эти сведения дают довольно точную датировку древнейших периодов истории Сахары, Египта, Месопотамии, Мохенджо Даро и т. п.

По-моему, автор слишком верит предположениям Д. Филлипсона, археолога по специальности, который пытается определять распространение языковых групп банту на основании находок различных видов керамики. Возможно, автор не замечает этого, так как карты, воспроизводимые им по Филлипсону, основаны только на распространении определенных видов днища сосудов, что он прямолинейно связывает с данными языка.

Все сказанное мною выше ни в малой степени не означает, что изучения ареально-типологического характера не нужны. Напротив, необходимо переходить к установлению изоглосс, уточнению языковых зон и их группировки. Так, на мой взгляд, все северо-западные группы банту теснее связаны с языками Нигерии и даже с языками, называвшимися ква, чем это полагали ранее. Таковы, несомненно, результаты работ Шимизу, Герхардта, Вильямсон и др. лингвистов, работающих в группе Армстронга в Нигерийских университетах. Поэтому многие части, если не всё введение или предисловие, почти целиком не связано с темой работы и должно быть переделано. Однако автор не согласен с моими замечаниями, и я прошу освободить меня от предложенной мне чести быть ответственным редактором книги, рассмотренной мною в этом отзыве.

Основная же часть работы с учетом работ группы ЛОЛЕМИ, Коля и других бантуистов, сопоставляющих результаты исследований Гасри и Дока, а также исследователей языков северо-западной зоны А, также В и С по терминологии Гасри совершенно необходимо продолжать и можно получить интересные результаты.

29 июня 1983 г.

Эволюция грамматического строя в языках банту Аннотация

Монография посвящена синхронии и диахронии согласовательных классов в пятистах языках банту. Интонационные и фonomорфологические процессы на стыке префиксов и корней существительных и особенности артикуляционного механизма говорящих свидетельствуют о происшедшем в языках банту переходе от техники синтеза к агглютинации и фузии, который сопровождал эволюцию изолирующего строя в агглютинативно-флективный и пространственный способ отражения действительности в пространственно-темпоральный. Работа иллюстрируется картами, этнографическими и демографическими таблицами, таксономической информацией. Книга рассчитана на африканистов, специалистов в области общего, сравнительно-исторического и типологического языкознания.

А. П. Володин. Рецензия на монографию Л. З. Сова «Эволюция грамматического строя в языках банту», 20 а. л.

Рецензируемая монография состоит из 12 глав, Введения и Заключения. В Приложении приводится список литературы – 314 грамматик, словарей и исследований по языкам Африки, послуживших источником языкового материала. Введение знакомит нас с лингвогеографической картой Африки, на которой представлены 15 языковых семей. Одной из этих семей являются языки банту. Их детальному описанию в ареально-типологическом плане посвящена основная часть монографии. И, наконец, Заключение иллюстрирует динамику взаимоотношения между отдельными языками банту, которая является отражением элементарных фонетических процессов, происходящих в области вокализма и консонантизма описываемых языков, и знакомит читателя с гипотезой автора о генезисе именных классов в языках банту.

Поскольку основной чертой грамматической структуры языков банту является наличие в них именных классов, для установления ареально-

типологического статуса этих языков наиболее удобным представляется их описание с помощью характеристики систем именных классов, засвидетельствованных во всех языках банту и в большей или меньшей степени изученных в 390 языках. Используя опыт предшественников, Л. З. Сова составляет Словарь именных префиксов, состоящий из 7900 формантов. Префиксы иллюстрируются языковыми примерами, подтверждающими правильность отбора материала и регистрации его исследователем.

Словарь формантов и иллюстрации из текстов на различных языках банту позволили автору рецензируемой монографии описать вокализм и консонантизм отдельных языков, а также создать типизирующие характеристики фонетических структур, общих для групп языков, и на их основе – оригинальную ареально-типологическую классификацию языков банту. Хорошо оформленные карты знакомят читателя с распространением отдельных языков и границами языковых групп, семей, государств, в состав которых входят народности, говорящие на языках банту. Особое внимание уделено эволюции описываемых языков. На картах изображены контуры распространения языковых процессов, объясняющих конвергенцию и дивергенцию тех или иных языков.

Авторскую работу над рукописью можно считать завершённой. Монография, написанная на высоком научном уровне, может быть рекомендована к печати. Она является исследованием, в основе которого лежит оригинальная концепция и хорошо проверенный языковой материал. Книга, безусловно, будет полезна не только африканистам, но и специалистам по другим языкам. Отдельные замечания, которые представлены мной на полях рукописи, не умаляют достоинство монографии в целом. Несомненно, она должна быть как можно скорее опубликована.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

Москва 203-00-78

9 июля 1985 г.

199053, Ленинград, Тучков переулок, 9

ЛЮ Института языкознания АН СССР

Л. З. Сова

Глубокоуважаемая Любовь Зиновьевна!

Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» внимательно рассмотрела Вашу статью «Синхрония и диахрония языков банту» и приняла реше-

ние воздержаться от ее публикации¹.

Примите наши извинения.

В приложении направляем Вам Вашу статью и два отзыва.

С уважением

Зав. отделом редакции Г. А. Галимова

О статье Л. З. Совы «Синхрония и диахрония языков банту»

Для того чтобы переработать текст доклада в статью, представляемую в столь авторитетный журнал, как «Вопросы языкознания», потребуется немало труда, тем более что текст доклада изобилует странными на наш взгляд утверждениями о связи праязыка банту с антропологической общностью народов, говорящих на этих языках, что совершенно неверно: в пределах распространения бантуязычных народов насчитывают несколько совершенно различных типов. Это видно на примере народов междуозерья, где резко различаются по меньшей мере два, а то и три типа – хима, хуту и тва; т. е. высокорослые – бахима, банборо и баньярванда, с одной стороны, бахуту – низкорослые антропологические типы и пигмоиды батва. Не стоит останавливаться на этом вопросе: банту – только языковое единство, а народы, говорящие на них, различны и в расовом и в культурном отношениях – и скотоводы и земледельцы, народы саванн и народы лесной зоны со своими чертами культуры. Все это давно выяснено и не нуждается в обсуждении. Археологические источники также не дают основания заключать о единстве мышления народов банту в далеком прошлом. Упоминать о том, что «язык зулу – санскрит этой языковой семьи», странно, это утверждение первых ее исследователей, утверждение давно оставленное. Ссылка на китайские источники совершенно непонятны. Недоумение вызывают также сведения в начале статьи о численности языков населения. Не указано, откуда все это взято. Перечень государств Африки не нужен вообще, в особенности потому, что он не полон и не точен. Перечислены почти все и названы «крупнейшими» такие, как Ботсвана, но Габон и Экваториальная Гвинея пропущены, нет Намибии и упомянут Мадагаскар, но Коморских островов нет. Это показывает небрежность составления текста доклада. Но главное в том, что все это не имеет ни малейшего отношения к теме синхронии и диахронии. Утверждение, что суахили стал языком межнационального общения для бантуязычных государств Африки, явно неверно – он распространен в Танзании и отчасти в соседних с ним государствах – Кении, Заире и др., но попытка ввести его в Уганде в качестве официального языка встретила сопротивление.

¹ Статья позднее была опубликована в сборнике «Актуальные вопросы сравнительного языкознания» (Отв. редактор А. В. Десницкая). Ленинград, 1989. С. 203–238 (См. с. 121–140.).

Автор стоит на точке зрения полной обособленности семьи банту среди всех языковых групп Африки. По мнению автора, и народы банту отличались от всех прочих «и в области мышления», а соответственно и в «сфере выражения категорий мышления», «специфике мышления носителей языков банту, понятийного членения мира, особого взгляда на объективную действительность» (стр. 3). Все это стоит в полном противоречии с работами современных бантуистов, которые после работ Д. Вестерманна, показавшего связь языков Западного Судана с языками банту, усиленно занимаются исследованиями языков Камеруна и Нигерии – языками, условно называемыми языками полубанту или бантоидными. Оба названия не очень удачны, но суть дела не в этом, языки Западного Судана тоже имеют системы грамматических классов, форманты которых материально сходны с префиксами классов языков банту. Автор остался на старых позициях времен К. Мейнхофа, и ему это дало возможность полностью обойти все работы Гасри, Хенрици, Мукаровского, Хейне и многих других, как Герхардта Вольфа и мн. др., занимающихся во Франции и ФРГ, и ГДР, и в США – (Гринберга, Вельмерса и т. д.) исследованиями происхождения банту. Гипотеза автора об определяющей роли тонов в формировании системы показателей классов прабанту и восходящих к тонам сонантических коэффициентах, которые образовались в шве синтагмы и т. д. (стр. 23) в докладе не раскрыта, вместо нее дана ссылка на неопубликованную монографию, в которой выделяется 39 подобных процессов.

Критические замечания автора против компаративистики показывают, что автор полагает ее остановившейся на позициях младограмматиков. Poleмика направлена против взглядов К. Мейнхофа: «празыка как системы застывших форм никогда не было» (стр. 27), но и его мнение изложено неверно: «за исходные данные всех реконструкций принимались языковые формы современных языков банту и фонетические соответствия между ними». Прабанту сводится автором к антропологической общности народов, говорящих на этих языках и свидетельствам китайских источников, о чем уже сказано выше.

В тексте много неточных формулировок: «континуум времени – пространства внутри мозга» (стр. 5), «оба времени-пространства» (стр. 5), «образы поступают в "ощущение" членов коллектива» (стр. 7), «различные пространства и их неотчуждаемые принадлежности» (стр. 8), «между элементами обоих разнообразий происходит корреляция» (стр. 18) и т. д. Положение автора «причина возникновения "тайн", которые ставит перед нами язык, и процесс эволюции категорий нашего мышления, т. п. познание» (стр. 27), выходит за рамки компетенции африканистов и должен рассматриваться философами.

Редакция журнала «Вопросы языкознания»

Отзыв о статье Л. З. Совы «Синхрония и диахрония языков банту».

Статья Л. З. Совы «Синхрония и диахрония языков банту» представляет собой текст доклада, сделанного автором на Ученом Совете. На это прямо указывают замечания на стр. 4–5: «... в рамках одного доклада невозможно остановиться на всех этих вопросах, тем более что тема для нашего Совета является достаточно экзотической...».

Автор дает краткий обзор результатов двух завершенных им и неопубликованных монографий (общий объем – 40 а. л.). Первая из них посвящена семантике классов в 400 языках банту, вторая – эволюции системы именных классов по материалу тех же языков.

Вне этого обширного материала невозможно судить о том, насколько верны выводы автора, тем более, что они в большинстве своем отличаются крайне импрессионистическим характером; например, используются такие категории, как «вместилища», имеющие что-либо внутри, например «душу», «характеристики, могущие излучаться в пространство окружающей действительности» (стр. 8), «твари», «результаты», абстрагированные от процессов, пустые оболочки, «носители свойств», не имеющие ничего внутри, лишенные души...» (стр. 9).

Таким образом, выводы автора требуют как более ясного изложения, так и гораздо более подробного обоснования. Кроме того, изложение часто выходит за рамки описательной лингвистики и, по-видимому, может быть оценено только специалистами по философии языка.

Автор отвергает принятую во всем мире классификацию К. Мейнхофа, а также реконструкцию праязыкового состояния банту М. Гасри, предлагая взамен свою собственную реконструкцию, имеющую произвольный неаргументированный характер.

Таким образом, принимая во внимание как несоответствие предложенного текста жанру статьи, так и невозможность оценить справедливость выводов автора с позиций современной африканистики, публикация работы Л. З. Совы «Синхрония и диахрония языков банту» представляется в настоящем виде нецелесообразной.

Редакция журнала «Вопросы языкознания».

28.02.1985

Предложения к институтскому плану Соотношение синхронии и диахронии при типологическом описании плана выражения в языках банту¹

На основании сопоставления систем согласовательных классов в языках банту регистрируется набор элементарных процессов плана выражения, позволяющих зафиксировать динамику взаимоотношений между членами данной языковой семьи и эксплицировать потенции к развитию плана означающих в языках банту в виде таких закономерностей, как тенденции к «усилению» (делатентизации) гласных, «углублению» согласных, ослаблению роли резонатора и т. п. Отражение этих результатов на диахронию дает возможность охарактеризовать динамику развития систем показателей согласовательных классов в современных языках банту из гипотетической протосистемы формантов. Эти материалы используются для формулировки принципов построения диахронических моделей в лингвистике на базе динамического описания синхронии.

Диахрония и синхрония семьи языков банту

Работа посвящена вопросам сравнительно-исторического описания родственных языков, для которых имеются данные только синхронного порядка, а материалов по диахронии нет. Предлагается метод моделирования диахронии языковой семьи и реконструкции праязыка на основании регистрации динамики синхронии.

Динамика синхронии языковой семьи иллюстрируется на материале 380 языков банту. Взаимоотношения между формантами систем согласовательных классов в этих языках выражаются в терминах 20 элементарных процессов плана выражения (например, назализация, аспирация, веляризация, делатентизация, редупликация и т. п.), с помощью которых осуществляется переход от гипотетической системы формантов к конкретным ее манифестациям в каждом из современных языков банту.

Затем ставится вопрос о степени достоверности принятия гипотетической системы в качестве системы протобанту, и выясняются различные возможности ее эволюции (ретроспективной и проспективной) в языках банту.

¹ Это две из неудавшихся попыток добиться включения в институтский план работу по данной тематике.

Генетическая общность лингвистических ареалов Африки.

Тезисы исследовательского проекта¹

Исследование динамики взаимоотношений современных языков банту может быть использовано в качестве материала для описания диахронии (реконструкции прабанту и фиксации ареала, который можно рассматривать как область локализации прабанту на географической карте Африки). Эти результаты могут быть сопоставлены с данными по семито-хамитской и кушитской языковым семьям, а затем с материалами по бантоидным, гвинейским, суданским, кордофанским и нилотским языкам. Следующий этап исследований – проблема ареальных связей и генетических взаимоотношений между перечисленными выше языковыми семьями и малайско-полинезийской группой языков (на материале мальгашского языка), а также проблема койсанской группы языков (ареальные, типологические и генетические связи бушменских и готтентотских языков друг с другом и с не-койсанскими языками). Особо может быть рассмотрен вопрос об отношении языковых семей Африки к индоевропейским языкам (в плане ареальных контактов, типологических параллелей и генетической общности в соответствии с ностратической гипотезой).

Монография рассчитана на африканистов и специалистов в области компаративного и общего языкознания.

¹ Одна из попыток включить в план моей научно-исследовательской работы в ЛО ИЯ АН СССР «африканскую тематику». Работы, написанные после 1985 г., являются внеплановыми.

Материалы по монографии «У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков»

У истоков африканских языков¹. 20 а. л.

Отв. ред. – проф. В. А. Лившиц

Аннотация

На обширном языковом материале современных африканских языков показывается, что мифологическое описание процессов образования первоматерии, воды, земли, солнца, живых существ и прочих реалий является фантастическим отражением в первобытном мышлении деривационных отношений между семантическими полями названий этих объектов. В работе воссоздается картина возникновения африканских языков, образования их лексического фонда и формирования в них грамматических категорий. Генезис вербального мышления описывается параллельно эволюции артикуляционного механизма и становлению фонологической системы прабанту.

Работа иллюстрируется картами, таблицами и схемами. Указатель рассмотренных языков содержит около 900 лингвонимов. В списке цитированной литературы 148 названий. Книга рассчитана на специалистов в области африканского, общего, сравнительно-исторического и типологического языкознания, а также на востоковедов, этнографов, философов и литературоведов.

10 апреля 1985 г.

А. А. Жуков. Отзыв о монографии Л. З. Сова (Л. З. Аксеновой) «Генетическая и типологическая общность языков банту» («У истоков африканских языков»)

С выходом в начале 70-х годов фундаментального четырехтомного труда английского ученого М. Гасри бантуистика (наука о языках банту) получила качественно новый импульс в своем развитии. Он вызвал широкое обсуждение в кругах африканистов (были проведены международные коллоквиумы, появились серьезные рецензии в ведущих лингвистических изданиях и т. п.), материалы М. Гасри создали основу для дальнейших ин-

¹ Одна из попыток опубликовать эту монографию до эмиграции. В 1996 г. она была напечатана за мой счет коммерческой фирмой «Лабрис» под названием «У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков».

тересных и новых выводов. Методика, предложенная М. Гасри, вызвала большой интерес у представителей иных отраслей языкознания – у специалистов по австралийским языкам, языкам Юго-Восточной Азии и т. д. К сожалению, в советской африканистике (и в целом – в отечественном языкознании) идеи и результаты английского ученого и его коллег (он в течение долгого времени руководил отделом Африки в Британской школе востоковедных и африканских исследований) не нашли подробного рассмотрения и оценки, хотя я к этому призываю давно. Исключением являются лишь несколько обзорных статей. Л. З. Сова среди наших лингвистов, которые работают в области сравнительной бантуистики, является, пожалуй, одной из немногих, освоивших материалы М. Гасри и творчески их интерпретирующих. Об этом, в частности, наглядно свидетельствует представленная для обсуждения рукопись. Работа проделана грандиозная, как и ее замыслы и обобщения, логика – строгая и последовательная.

Конечно, чтобы в полной мере оценить рукопись, требуется гораздо больше времени, чем было в моем распоряжении. Но и после не столь глубокого ознакомления с нею, можно сделать вполне определенный вывод, что это – многоплановая работа, представляющая собой законченное исследование. В ней просматривается с очевидностью несколько пластов или тем, крупных, самостоятельных, свести воедино которые под силу таким увлеченным людям, обладающим широтой взгляда и подготовки, так Л. З. Сова. По крайней мере, можно говорить о четырех подобных темах: 1) сравнительная бантуистика – анализ и интерпретация материалов М. Гасри (характеристика звукового строя, лексико-семантические этюды, становление грамматических категорий класса и числа); 2) включение полученных выводов в общий контекст африканских языков (и шире: за пределами Африки); 3) на основе лингвистических данных – выход в мифологию, духовную культуру африканских народов (и не только африканских); 4) концепция происхождения не столько африканских языков (их истоков), но и в целом – ЯЗЫКА.

Что касается первой – бантуистической проблематики, то наибольший интерес для меня представлял раздел рукописи, где на основе лингвистических данных М. Гасри рассматриваются поля слов со значением «земля», «солнце», «вода». Здесь много интересных параллелей, замечаний, однако для весьма широких обобщений они должны быть подкреплены не только лингвистическими данными. Анализируя круг лексики, связанный с указанными семантическими полями, необходимо внимательным образом разобраться в духовной культуре народов, говорящих на языках банту. Не уверен, что такие выводы общего характера, как «протокорень со значением "земля" образовался от протокорня со значением "солнце", а тот от протокорня "водная стихия"» (с. 296) представляются достаточно убедительными. Не относятся ли они к некоей «фантастической интерпрета-

ции», по словам самого автора (с. 321)? Некоторые замечания и предложения, вопросы, связанные с бантуистической проблематикой, указаны по-странично. Что касается трех других пластов (или тем), то осмелюсь сделать лишь одно общее замечание. При последующем издании рукописи можно пойти двумя путями. Первый – в качестве основной части сохранить бантуистическую проблематику, остальное – отнести в Приложения. Тогда сохранится название работы, связанное с типологическим и генетическим изучением языков банту. Второй путь – при сохранении структуры рукописи потребуются изменение ее названия. Все-таки, речь идет, скорее, не столько об истоках языков банту, и даже не африканских языков, а об ИСТОКАХ ЯЗЫКА (на основе материалов языков банту и других африканских и неафриканских языков). Такой подход, конечно же, возможен, тем более что он неоднократно выдвигался и в прошлом.

В целом же рукопись Л. З. Сова представляет собой интереснейшее исследование, в котором на основе разнообразного и широкого материала дана своеобразная концепция происхождения ЯЗЫКА.

А. Жуков

19.04.88 г.

А. Л. Грюнберг. Отзыв о монографии Л. З. Сова «У истоков африканских языков»

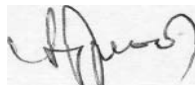
Рецензируемая рукопись является результатом многолетних исследований автора в области языков банту и носит обобщающий характер. Автор ставит перед собой задачу реконструировать древнее исходное состояние звукового механизма для всех языков банту (звуковую модель «прабанту»). Этому посвящены первая и вторая глава работы. Автором охвачен материал огромного количества языков, и материалом этим, насколько об этом может судить не африканист – а автор настоящего отзыва африканистом не является – Л. З. Сова владеет хорошо, как это показывает и недавно опубликованная ею монография «Эволюция грамматического строя в языках банту». Весьма большое место в рассуждениях автора занимает анализ слоговой и тональной структуры, тембровых характеристик многочисленных языков банту, и здесь приходится только удивляться тому, что в описаниях этих многочисленных, по большей части, бесписьменных языков содержится достаточно материала для суждения об этих интимных сторонах звукового механизма, который обычно при описании такого рода языков оказывается исследованным весьма поверхностно. Однако у нас здесь нет оснований не доверять автору. Что касается его собственных

рассуждений, то для них характерна логичность, строгость и последовательность. Возможно, пожалуй, лишь сделать автору упрек в некоторых повторениях, иногда в многословии, вызванном, очевидно, некоторым недоверием к своим будущим читателям.

В третьей и четвертой главах автор предлагает нам гипотезу, касающуюся самых ранних периодов формирования языка, так сказать от нуля до прабанту. Такого рода гипотезы нередко вызывают раздражение лингвистов, считающих, что для суждений о ранних периодах развития языка, – а в данном случае рассуждения автора касаются не просто языков банту, а человеческого языка в целом – мы не имеем достаточного материала. Я не сторонник таких слишком строгих суждений. Мы не можем отказать лингвисту в праве рассуждать об этом и искать подтверждения своим гипотезам в материале современных языков. И даже если не все в этих гипотезах покажется читателю беспорным или вообще приемлемым, то прочтет он это все равно с большим интересом и пользой для себя. Если же говорить о частностях, то, конечно, можно найти уязвимые места в рассуждениях автора, что, впрочем, неизбежно, когда речь идет о восстановлении древнейших периодов существования человеческой речи. Как кажется, рассуждения автора были бы более доказательными, если бы их удалось подтвердить наблюдениями над языками австралийских аборигенов, индейцев северной Америки, палеоазиатскими.

В своем нынешнем виде предлагаемая монография распадается, таким образом, на две части, во многом различные по своим задачам и по методике. Кажется, что было бы целесообразным отразить это и в членении книги, разбив ее на две части с соответствующими названиями.

В целом же я полагаю, что сектор может зафиксировать выполнение Л. З. Совой плановой темы и представить, как это требуется процедурой, работу к печати. В процессе редподготовки я просил бы учесть автора замечания рецензентов, в частности и содержащиеся в данном отзыве. Соответствующие места я готов указать автору.

Ю. К. Кузьменко. Рецензия на монографию Л. З. Сова
(Л. З. Аксеновой) «Генетическая и типологическая общность языков банту (У истоков африканских языков)»

В своей обширной монографии Л. З. Сова делает попытку не только реконструировать фонологическую систему прабанту, но и выявить те изменения, которые могли происходить в языке более раннего периода («от

прабанту до нуля», по терминологии Л. З. Сова). Такая реконструкция основывается на детальном анализе синхронного состояния всех многочисленных языков и диалектов банту (которых насчитывается более 500). Первые две главы работы и посвящены этому синхронному описанию. Здесь подробнейшим образом описываются все компоненты фонетической структуры языков банту (слог, тон, ударение, гласные и согласные) и определяется общее и специфическое в каждом языковом ареале.

Установление черт, общих для всех языков банту, является для Л. З. Сова очень важным моментом для реконструкции. Фонологические признаки, общие для всех современных языков и диалектов банту, рассматриваются Л. З. Совой как то наследство, которое было получено этими языками и диалектами от более раннего языкового состояния, т. е. от прабанту. Такими признаками оказываются эксплозивность – имплозивность, веларизация, аспирация, лабиализация и глоттализация (и их отсутствие). Этот принцип позволяет Л. З. Сове реконструировать для прабанту четыре согласных (носовой, лабиальный, оральный сонант, задний), которые могли иметь различные позиционные варианты.

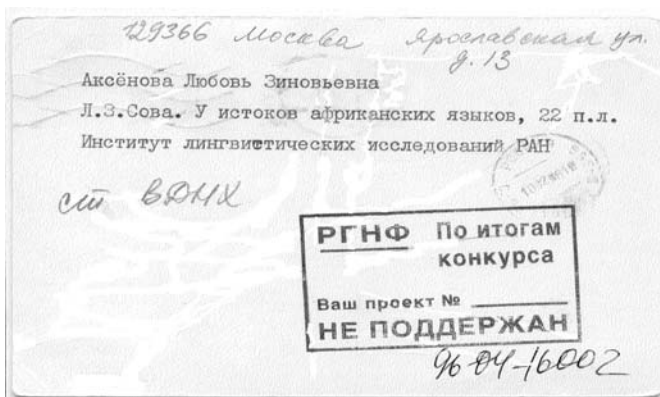
Углубляя свою реконструкцию, Л. З. Сова выдвигает гипотезу о том, что такое состояние было результатом постепенной дифференциации синкретичного звука, причем вначале произошло разделение на носовые и ртовые, затем ртовые расчленились на периферийные и центральные и, наконец, периферийные разделились на передние (лабиальные) и задние. В целом, такая гипотеза представляется мне вполне вероятной, хотя ее обосновать уже гораздо сложнее, что, впрочем, естественно.

Фактически, делая дерзкую попытку реконструировать изменения от прабанту до нуля, Л. З. Сова пытается проникнуть в тайну происхождения человеческого языка. Естественно, что чем глубже реконструкция, тем меньше материала, тем смелее гипотеза и тем больше оснований для возражений оппонентов. Именно с этим объективным обстоятельством связано мое скептическое отношение к третьей главе работы, где и предлагается гипотеза дальнейшей реконструкции. Ряд ее положений не кажутся мне здесь убедительными, хотя я не исключаю возможности их истинности. Очень портят эту главу ностратические параллели, которые следует, по-моему, убрать. И дело здесь не в моем отношении к ностратической теории, а в том, что для установления родства ностратических корней с корьями, реконструированными Л. З. Совой для прабанту, нужны, по-моему, гораздо более убедительные и более подробные доказательства. Без таких доказательств может показаться, что единственным критерием генетического родства служит сходство одного согласного в корне. Однако, несмотря на мое, в целом, скептическое отношение к третьей главе, я считаю, что высказанная в ней гипотеза, безусловно, должна стимулировать интерес лин-

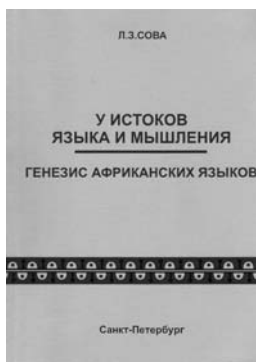
гвистов к одному из самых сложных вопросов нашей науки, к вопросу о происхождении языка.

В целом, работа Л. З. Сова – законченное исследование, во многом смелое и новаторское, которое должно быть опубликовано. Его с интересом прочтут не только африканисты, но и специалисты, занимающиеся сравнительно-историческими исследованиями других языков, много нужного и интересного материала найдут в ней и типологи. Надеюсь, что до публикации Л. З. Сова учтет мои замечания, связанные и с композицией работы (в частности, с одной стороны, в первой и второй главах есть много синхронного материала, никак не использованного в третьей и четвертой главах, который следует убрать, и наоборот, необходимо несколько дополнить и укрепить доказательствами третью главу), и с мелкими неточностями, иногда чисто терминологическими, которые перечислены мною постранично.

20.4. 1988 г.

Очередной отказ по поводу издания монографии «У истоков языка и мышления» (1996 г.).

Аннотация

Впервые в языкознании на конкретном языковом материале воссоздается картина возникновения языка и мышления. Показывается, что библейская легенда о мироздании, демиургом которого было Слово, является отражением процессов словотворчества, реально происходивших в истории языка.

В основе научной реконструкции лежит ретроспективное описание процесса зарождения и эволюции речевой деятельности. Ее модель в синхронии и диахронии создается путем регистрации результатов взаимодействия артикуляционного механизма, порождающего звуковую субстанцию, и аппарата языкового мышления, отвечающего за генерацию смысла. Материалом для построения модели служат данные африканских языков с использованием сравнительно-исторических реконструкций по ностратическим (индоевропейским, семито-хамитским, картвельским, алтайским, уральским, дравидийским) языкам.

Работа иллюстрируется картами, таблицами и схемами. Указатель рассмотренных языков содержит около 900 наименований. В списке цитированной литературы 148 названий.

Книга рассчитана на специалистов в области африканского, общего, сравнительно-исторического, типологического и компьютерного языкознания, а также на востоковедов, этнографов, философов и кибернетиков, работающих в области моделирования человеческого мышления и создания искусственного интеллекта. Отдельные ее разделы, особо оговоренные в Предисловии, доступны для широкого круга читателей, – всех, кого интересуют проблемы развития языкознания в следующем тысячелетии.

Ответственный редактор – доктор филологических наук профессор В. А. Лившиц

Рецензенты:

доктор филологических наук профессор А. Л. Грюнберг

доктор филологических наук профессор А. А. Жуков

доктор филологических наук профессор Ю. К. Кузьменко

Оглавление

Предисловие	5
Введение	13
Глава 1. Регистровый строй языков банту	23
§ 1. Слоговая структура современных языков банту.....	24
§ 2. Основной тон и его регистровые особенности	31
§ 3. Ударение	55
§ 4. Мощность вдоха и степень раствора речевого канала.....	64
§ 5. Просодические корреляции.....	69
§ 6. Вокалическая синтагматика	76
§ 7. Заключение.	82
Глава 2. Тембровый строй языков банту	86
§ 1. Назальные согласные	87
§ 2. Неназальные согласные	94
§ 3. Диахронические иллюстрации (основной тон и обертоны).....	117
§ 4. Заключение	158
330	

Глава 3. Генезис лексического фонда.....	169
§ 1. Методика реконструкции.....	177
§ 2. Поле слов со значением 'земля' в языках банту	187
§ 3. За пределами бантуского ареала	196
§ 4. Поле слов со значением 'солнце'.....	199
§ 5. Ностратические параллели.....	208
§ 6. Поле слов со значением 'вода'	214
§ 7. Заключение	231
Глава 4. У истоков грамматических категорий	256
§ 1. Означающие протосистемы именных классов	264
§ 2. Означаемые грамматических категорий в их отношении к категории класса.....	301
§ 3. Заключение	336
Заключение.....	338
Цитированная литература.....	346
Языковой указатель.....	353
Резюме.....	371
Summary.....	375
Resümee.....	379

Резюме

Любовь Зиновьевна Сова (Аксёнова) род. 17.09.1937 г. в г. Харькове на Украине. Окончила филологический факультет Харьковского государственного университета (1960), математико-механический факультет Ленинградского государственного университета (1969), аспирантуру при Ленинградском отделении Института языкознания Академии Наук СССР (1964).

Кандидат филологических наук с 1965 г., доктор филологических наук с 1977 г., доктор философии (ФРГ) с 1993 г. Автор около 100 опубликованных научных статей и четырех монографий, последняя из них «Эволюция грамматического строя в языках банту» (Изд-во «Наука». Ленинград, 1987. 365 с.).

Предлагаемая читателю монография посвящена вопросам сравнительно-исторической реконструкции прабанту и того протоязыка, из которого он мог развиться. В отличие от других исследований в этой области, восстановление праязыковых форм не является самоцелью. Основное внимание автора сосредоточено не на

Л. З. Сова. Берлин, 1994.

праязыке *suī generis*, а на том аппарате речевой деятельности, функционирование которого можно было бы рассматривать как средство порождения праязыка. Речь идет об описании праязыка на фоне вербального механизма, существующего у носителей современных банту, и реконструкции прообраза этого механизма у их предков, т. е. о моделировании аппарата, отвечающего за речевое мышление бантуязычных народов, о генезисе этого аппарата, его эволюции, взаимоотношениях с аналогичными устройствами других народов, внутренней структуре, процессе функционирования и его результатах, – тех конкретных языках, которые существовали в различные периоды человеческой истории.

Процедура реконструкции основана на следующей методике. Современные языки банту (СЯБ) анализируются на предмет установления того общего, что у них есть в формальном и смысловом плане. Сначала в книге описывается регистровый строй СЯБ, представленные в них слоговые структуры, тон и его регистровые характеристики, ударение, особенности вдоха-выдоха в зависимости от степени раствора речевого канала, а также просодические корреляции, лежащие в основе вокалической синтагматики (глава 1), затем исследуется их тембровый строй: основной тон и обертоны, механизмы назализации, глоттализации, фарингализации и лабиализации (глава 2). Совокупность фонем СЯБ, системы гласных и согласных, зарегистрированные в конкретных языках, фиксируются как результат превращения энергии речевого дыхания в звуковую субстанцию путем последовательной обработки в регистровом и тембровом подотделах механизма речевой деятельности (МРД). Параллельно синтезу фонем из «сгустков» речевой энергии в формальном отделе МРД, осуществляется синтез лексико-грамматических значений в смысловом отделе МРД, затем происходит «склейка» формального и смыслового планов в более высоком отделе МРД и рождается единица языка в единстве формы и содержания, т. е. осмысленная совокупность фонем, соотнесенная с тем или иным лексико-грамматическим значением.

Поскольку описываемый в книге механизм речевой деятельности строится в терминах характеристик, общих для всех СЯБ, он выступает как эталон, который представлен у всех говорящих на СЯБ. Кроме эталонной части, существует специфицирующий набор признаков, позволяющий переходить от эталонного механизма к механизму, порождающему конкретный язык (тем или иным языковым коллективом) и каждый речевой акт (в речевой деятельности индивида). Каждый СЯБ является «продолжением» во времени прабанту, одной из возможных форм его манифестации. Прабанту, как и СЯБ, является языком банту, т. е. подобно всем остальным членам языковой семьи банту, обладает тем общим, что есть у СЯБ, и тем специфическим, что отличает его от других языков банту, например, от СЯБ. Подобно СЯБ, он может быть рассмотрен как *ergon* и *energeia* языко-

вого механизма, состоящего из эталонной и специфической частей. Подобно СЯБ, его фонемы могут быть описаны как результат превращения энергии дыхания в энергию звуков посредством тембрового и регистрового подотделов механизма речевой деятельности тех индивидов, которые говорили на прабанту.

После реконструкции единиц плана выражения в монографии осуществляется переход к плану содержания и выявляется то общее, что отвечает в смысловом плане за развитие лексико-грамматических категорий. Процедура выявления общих лексико-грамматических характеристик СЯБ и прабанту как языка семьи банту осуществляется на материале космогонической лексики СЯБ и трех семантических полей со значением '*солнце*', '*земля*' и '*вода*' (глава 3). Общность грамматических значений описывается по отношению к категориям времени и пространства, дихотомизируемым человеческим мышлением на категории внутреннего (языкового) времени-пространства и категории внешнего (по отношению к говорящему индивиду) пространственно-временного континуума. В терминах этих составляющих фиксируются означаемые грамматических категорий СЯБ, и формируется гипотеза о генезисе лексико-грамматических значений, а затем и вербального мышления в целом.

В частности, показывается, что материалы изученных языков позволяют представить процесс образования первокорней, которые обозначали реалии, окружавшие человека, как механизм последовательной дифференциации понятия о *хаосе* на понятия о *тьме* и *свете*, а их, в свою очередь, — на понятия о *воздушно-водной* среде и «*тверди*», затем на понятия *воздуха* и *воды*, с одной стороны, *космических тел* и *земли*, с другой, и т. д., до образования первокорней, обозначавших *животных*, *рыб*, *птиц*, *человека* и всех остальных реалий, существовавших вне человека и внутри его мозга. Этот процесс продолжается и поныне при создании новых понятий и слов. Описанные в монографии материалы позволяют предположить, что древние космогонические теории первоначально отражали процесс деривации слов (первокорней), обозначавших реалии, окружавшие человека. Впоследствии история деривации слов стала восприниматься как история образования реалий, и возникло известное всем описание процесса мироздания (*хаос* → *свет* + *тьма* → *вода*, *воздух*, *твердь земная*, и т. д.). Материалы, позволяющие сформулировать эту гипотезу, изложены в главе 4.

Итогом рассмотрения генезиса плана формы (от праязыка до СЯБ) является описание процесса постепенной трансформации синкретичного лабиоглоттального многофокусника в современные системы фонем. Развитие плана содержания говорит о последовательной дифференциации (бинаризации) пространственно-темпоральных значений в результате поэтапной иерархизации пространственных и темпоральных ориентиров по отношению к говорящему субъекту. Иерархизация начинается с этапа би-

наризации пространственно-временного континуума на внешнее время-пространство (по отношению к говорящему) и внутреннее время-пространство. Этот этап назван в работе партитивно-посессивной стадией вербального мышления. Затем наступает этап иерархизации пространственных характеристик объектов, окружающих человека (пространственная стадия языкового мышления), далее следует темпоральная стадия, когда языковое мышление сосредоточивается, в основном, на темпоральных характеристиках наблюдаемых объектов («внешнем времени»). С современным состоянием вербального мышления соотносится стадия языкового анализа – синтеза, которая характеризуется интересом говорящих к «внутреннему времени – пространству», т. е. времени – пространству мозга говорящего субъекта и процессов его речевой деятельности. Эта стадия названа модальной (Введение).

Речевой механизм, реконструкции которого посвящена монография, порождает язык, который проходит через все указанные стадии развития (от партитивно-посессивной через пространственную и темпоральную к модальной). Этап прабанту можно соотнести с моментом перехода от партитивно-посессивной к пространственной стадии, т. е. с партитивно-пространственным этапом развития языка. Прабанту, в свою очередь, является развитием языка, существовавшего до него, т. е. языка, входившего в более широкую общность африканских языков, которые на этапе партитивно-посессивного строя образовывали языковую семью, членом которой был прабанту. Вопросам соотношения языков этой общности и характеристике генетической классификации африканских языков по отношению к представленной в них спецификации пространственно-временных категорий, свойственных партитивно-посессивному этапу языкового мышления, на котором происходила их дивергенция, посвящена заключительная часть главы 4. Общая концепция автора изложена в Предисловии к монографии.

Предлагаемая читателю книга написана на материале свыше 500 африканских языков, отдельные иллюстрации приводятся из языков других семей (в основном, индоевропейских). Монография выполнена в отделе Сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальной лингвистики Института лингвистических исследований Российской Академии Наук. Она рекомендована к печати Ученым советом этого Института после проведенной по ней дискуссии специалистов по индоевропейским и африканским языкам.

Работа ориентирована на специалистов в области общего и сравнительно-исторического языкознания, типологии разноструктурных языков, африканистики, этнографии и философии. Кроме того, она также может представлять интерес для тех, кто работает в области моделирования человеческого интеллекта, языкового мышления, вербальной деятельности мозга, поскольку материалы монографии помогают понять, насколько от-

носителем и субъективным является наше познание, в какой мере оно зависит от структуры заложенного в нас аппарата вербального отражения действительности.

Summary

Ljubov Zinovjevna Sova (Aksjonova) was born on the 17th of Sept. 1937, in Kharkov (the Ukraine, former USSR). She grad. from the Philological Dept. of Kharkov State University (1960), Mathematical-and-Mechanical Dept. of Leningrad State University (1969), Post-graduated courses at the Leningrad Branch of the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR. PhD from the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR (1965), Academic Doctoral Degree in Philology (USSR, 1977), Doctoral degree in Philosophy (Germany, 1993).

Dr. L. Z. Sova is an author of 100 published papers and four monographs (Configuration Syntax of Zulu. P. 1. Leningrad, 1967. 209 p.; Configuration Syntax of Zulu. P. 2. Leningrad, 1968. 300 p.; Analytical Linguistics. Moscow, 1970. 254 p.; The evolution of grammatical structure of Bantu languages. Leningrad, 1987. 365 p.).

The latest monograph of Dr. L. Z. Sova is devoted to the problems of historical reconstruction of Proto-Bantu (PBL) and of the language from which PBL could spring up. In contradiction to other researches in this field, the reconstruction of proto-forms is not the end in itself. The attention of the author is concentrated on the apparatus of the Proto-language activity rather than the Proto-language itself, *sui generis*.

It is the apparatus of generating the PBL, which was reconstructed in the book. It speaks of the description of the mechanism of verbal activity by contemporary Bantu speaking peoples and of reconstruction of the prototype of this mechanism by their ancestors, i. e. of genesis of the apparatus of verbal activity, of its inner structure, of its functioning, of its connections to the analogous apparatus by other peoples, and of the results of the activity of the apparatus being the concrete languages, which existed in different periods of human history.

The procedure of reconstruction is based on the following method. The contemporary Bantu languages (CBL) are analyzed to fix their common features in formal and meaning planes. For that, first of all, the register structure of CBL is described (the Chapter 1): the syllable structures of CBL, the tone and its register characteristics, the accentuation, the peculiarities of inspiration according to the degree of opening of speech canal, the prosodic correlations in the sphere of vocal syntagmatics and so on. Then the timbre structure of CBL is characterized (the Chapter 2): the main tone and overtones, the mechanisms of nasalisation, glottalisation, pharyngalisation and labialisation. The sets of phonemes in concrete CBL, their systems of vowels and consonants are formed as the results of

transformation of energy of speech respiration into the sound substance by means of consecutive processing in timbre and register subdivisions of apparatus of verbal activity (AVA).

To the parallel of the synthesis of phonemes from the "clots" of speech energy (in the "formal department" of AVA) the synthesis of lexical-and-grammatical meanings takes place in the "meaning department" of AVA. Then every formal and meaning components are connected (glued) together into the formal-and-meaning units in the higher department of AVA, so the language elements are born as the unity of signifiers (phonemes) and signifieds (lexical-and-grammatical meanings).

The apparatus of speech activity of the CBL is built in terms of characteristics being common for all CBL, that is why it is appeared as a standard being inherent to all Bantu speaking persons. However, in addition to the standard part of AVA, there are the specific sets of the features which turn the standard into the apparatus, which can generate the concrete languages (by the concrete language communities) and every speech act (by speech activity of a person). Every CBL is the continuation of PBL, one of possible forms of its manifestations in time. Like all CBL, the PBL is a Bantu language; so, like other members of language family, he possesses a common heart (Bantu standard) and a specific addition to the standard, which distinguishes the PBL from other members of the Bantu family, i. e. from CBL. Like all CBL, the PBL can be represented as *ergon* and *energeia*. Like all CBL, the phonemes of the PBL can be described as the result of transformation of the energy of respiration into the energy of sounds by means of processing by timbre and register subdivisions of AVA which are inherent to the ancestors of contemporary Bantu speaking peoples.

After reconstructing of the formal units L. Z. Sova deals with the sphere of meaning. She fixed the standard of the meaning plane defining the development of lexical-and-grammatical categories. The procedure of revealing of the common lexical-and-grammatical features of the PBL and CBL is applied to the material of cosmogonic lexics of the CBL and of semantic fields of the words with meaning "sun", "earth" and "water" (Chapter 3). The community of grammatical meanings is described in relation to the categories of time and space, which are dualized by a human brain into the categories of inner time-and-spatial continuum (language time and space) and into the categories of outer to the speaker time-and-spatial continuum. The signifieds of grammatical categories of CBL are fixed in the terms of these components, and this description is used for creating of hypothesis of genesis of lexical-and-grammatical meanings and of verbal thinking on the whole.

In particular, in the Fourth Chapter the author demonstrates that on the basis of the materials represented in the monograph the process of formation of the

prim-stems (the first-stems), designated realia outer of a thinking person, can be represented as the successive differentiation of the concept of chaos into the concept of darkness and of light, which, in their turn, divided into the concept of non-solid medium and the concept of solidity. These last concepts are subdivided into the concepts of air and water and into the concepts of earth and cosmic bodies (i. e. sun, moon, stars), and so on, till the formation of the first-stems (prim-stems), which designated animals, fishes, birds, human beings and other realia, existed outer of persons and in their brains. This procedure continues till now while creating new words. The materials described in the book show that the old cosmogonic theories could be in their origin the explanation of the derivation of words (prim-stems) designated phenomena outer the human brain. Then the derivative history of the words is perceived as the derivative history of the realia, i. e. the history of the world creation (*chaos* → *darkness*, *light* → *water*, *air*, *solid bodies*, etc.).

The results of researching of the formal units (from the PBL till CBL) are the description of successive transforming of syncretic labioglottalized polyconsonant in contemporary phonemes. The genesis of the meanings goes through successive differentiating (dualisation) of the notions of time and space in their relation to the speaking subject. The process begins from subdividing of space-and-time continuum into the space-and-time continuum outer to the speaker and into the inner space-and-time continuum (the continuum of his brain).

This moment of language and thinking history is fixed as a partitive (possessive) stage of verbal thinking evolution. The next stage is the explication of the spatial characteristics of surrounding objects (spatial stage of verbal thinking). It is followed by the temporal stage, which is characterized with the interests of speakers to the temporal features of environment, i. e. to the "outer time". The contemporary stage of verbal thinking is correlated with the language analysis and synthesis of the units of inner time and space, which are the constructs of human brain and of the processes of verbal activity. This stage in the Introduction to the monograph is called as a modal one.

The verbal apparatus, which has been reconstructed by the author, generates the language going through all mentioned stages (from the partitive stage via the spatial and the temporal ones to the modal stage). The historical moment of the PBL stage correlates with the passage from the partitive stage to the spatial one, i. e. to the partitive-and-spatial stage of language genesis. The PBL, in its turn, was the result of development of the language, which had existed before and entered the community of African languages.

Therefore the final part of the Fourth Chapter of the book is devoted to the problems of relations between the languages of this community, as well as to the problems of classification of African languages in according to the specification

of spatial and temporal categories of the partitive stage of verbal thinking, which have been explicated in these languages to the moment of their disintegration.

The monograph uses the materials of above 500 African languages, some illustrations are taken from the languages of other families (namely, of the Indo-European one). The monograph was accomplished at the department of Historical and Comparative Studies of the Indo-European Languages of the Institute of Linguistic Researches of the Russian Academy of Sciences. The Scientific Board including the specialists in Indo-European and African languages approved the book and recommended it to be published. The work will be useful for scholars of General, Structural, Comparative, Typologic and African Linguistics as well as for philosophers, ethnologists and specialists in modeling of verbal activity of human brain.

Resümee

Ljubow Sinowjewna Sowa (Aksjonowa) geb. 17. 09. 1937 in Charkow (Ukraine, ehem. UdSSR) studierte an der philosophischen Fakultät der Charkower Staatlichen Universität (Abschluss 1960), an der mathematisch-mechanischen Fakultät der Leningrader Staatlichen Universität (Abschluss 1969), Aspirantur an der Leningrader Abteilung des Instituts für Sprachwissenschaft der Akademie der Wissenschaften der UdSSR (1964). Kandidat der philologischen Wissenschaften 1965, Doktor der philologischen Wissenschaften 1977, Doktor der Philosophie 1993. Autorin von 100 veröffentlichten Artikeln und vier Monografien, die letzte von ihnen „Die Evolution des grammatischen Aufbaus in den Bantu Sprachen“. Verlag „Nauka“. Leningrad, 1987. 365 Seiten.

Die dem Leser angebotene Monografie ist den Fragen der historischvergleichenden Rekonstruktion von Ur-Bantu und der Sprache gewidmet, aus der sich Ur-Bantu entwickeln könnte. Im Unterschied zu anderen Untersuchungen auf diesem Gebiet, ist die Wiederherstellung der Ursprachform kein Selbstzweck. Die Hauptaufmerksamkeit der Autorin ist nicht auf die Ursprache *sui generis*, sondern auf den Apparat der Sprech-Tätigkeit gerichtet, dessen Funktionieren als Mittel der Geburt der Ursprache betrachtet werden könnte. Es handelt sich hier um die Beschreibung der Ursprache vor dem Hintergrund des verbalen Mechanismus, welcher bei den Trägern der modernen Bantu-Sprachen vorhanden ist und die Rekonstruktion des Prototyps dieses Mechanismus bei ihren Vorfahren, d. h. um die Modellierung des Apparates, welcher dem Sprechdenken der bantusprechenden Völker entspricht, um die Genesis dieses Apparates, seine Evolution, die Wechselbeziehungen mit analogen Einrichtungen anderer Völker, der inneren Struktur, dem Prozess des Funktionierens und seine Ergebnisse – der konkreten Sprachen, welche in den verschiedenen Perioden der menschlichen Geschichte existierten.

Die Prozedur der Rekonstruktion basiert auf der folgenden Methode. Die modernen Bantu-Sprachen (MBS) werden auf den Gegenstand der Konstatierung des Allgemeinen hin analysiert, das bei ihnen im Formalen und Inhaltlichen vorhanden ist. Zu Beginn des Buchs wird der Registeraufbau der MBS, die in ihnen dargestellten Silbenstrukturen, der Ton und seine Registercharakteristik, die Betonung, die Besonderheiten des Ein- und Ausatmens in Abhängigkeit von dem Grad der Öffnung des Sprechkanals und auch der prosodischen Korrelation, welche die Grundlage der vokalischen Syntagmatik bilden (Kapitel 1), danach wird der Timbre-Aufbau untersucht: Grundton, Obertöne, Mechanismen der Nasalisation, Glottalisation, Pharyngalisation und Labialisierung (Kapitel 2).

Die Gesamtheit der Phoneme der MBS, die Systeme der Vokale und Konsonanten, die in konkreten Sprachen registriert wurden, werden als Resultat der Umwandlung der Energie der Sprachatmung in Tonsubstanz durch nachfolgende Bearbeitung in den Timbre- und Registerunterabteilungen des Mechanismus der Sprechfähigkeit (MST) fixiert. Parallel zur Synthese der Phoneme aus den „Klumpen“ der Sprechenergie in der formalen Abteilung des MST erfolgt die Synthese der lexik-grammatikalischen Bedeutung in der inhaltlichen Abteilung des MST, darauf erfolgt die „Verklebung“ der formalen und inhaltlichen Ebenen in einer höheren Abteilung des MST und es wird in der Einheit von Form und Inhalt eine Spracheinheit geboren, d. h. die sinnvolle Gesamtheit der Phoneme, welche sich auf die oder jene lexik-grammatische Bedeutung bezieht.

Da der im Buch beschriebene Mechanismus der Sprechfähigkeit auf Charakteristikbegriffen aufbaut, welche alle MBS gemeinsam haben, kann er als Stamm-Muster gelten, welches bei allen, die MBS sprechen, nachzuweisen ist. Außer dem Stamm-Musteranteil besteht ein spezifisches Sortiment von Merkmalen, welches es gestattet vom Stamm-Muster-Mechanismus zum Mechanismus überzugehen, welcher eine konkrete Sprache (mit diesem oder jenem Sprachkollektiv) und jeden Sprechakt (in der Sprechfähigkeit des Individuums) hervorbringt. Jede MBS stellt eine „Fortsetzung“ der Ur-Bantu-Zeit, eine der möglichen Formen ihrer Manifestation. Ur-Bantu ist, wie auch die MBS, eine Bantu-Sprache, welcher, wie auch allen anderen Sprachen der Bantu-Familie, die allgemeinen Merkmale eigen sind, über die die MBS verfügt und die sich durch die Spezifika auszeichnet, welche sie von anderen Bantu-Sprachen, wie der MBS unter scheidet. Ähnlich, wie die MBS kann sie als *ergon* und *energeia* des Sprachmechanismus betrachtet werden, welcher aus dem Stamm-Musterteil und dem spezifischen Teil besteht. Ähnlich der MBS, können ihre Phoneme als Ergebnis der Umwandlung der Atmungsenergie in Schallenergie beschrieben werden, welche durch die Timbre- und Register-Unterabteilungen der Sprechfähigkeit der Individuen erfolgt, welche auf Ur-Bantu gesprochen haben.

Nach der Rekonstruktion der Einheiten der Ausdrucksebene erfolgt in der Monografie der Übergang zur Inhaltsebene und es tritt das Allgemeine hervor, welches in der Sinnebene die Entwicklung der lexik-grammatischen Kategorien bedingt. Das Verfahren des Herausfindens der lexik-grammatischen Charakteristiken der MBS und Ur-Bantu erfolgt auf der Grundlage des Materials der kosmoegonischen Lexik der MBS und dreier semantischer Wortfelder mit der Bedeutung „Sonne“, „Erde“ und „Wasser“ (Kapitel 3). Die Gesamtheit der grammatischen Bedeutungen wird bezüglich der Kategorien der Zeit und des Raumes beschrieben, welche das menschliche Denken in die Kategorien des inneren (sprachlichen) Zeit-Raumes und die Kategorien des äußeren (bezüglich des sprechenden Individuums) räumlich-zeitlich Kontinuums dichotomisiert. In den Termini dieser Bestandteile werden die Bezeichnungen der grammatischen Kategorien der MBS fixiert und die Hypothese über die Genesis der lexik-grammatischen Bedeutungen und dann auch das verbale Denken im ganzen formiert.

Im einzelnen zeigt sich, dass die Materialien der untersuchten Sprachen es gestatten, den Prozess der Bildung der Urstämme darzustellen, welche die den Menschen umgebenden Realien bezeichneten, wie ein Mechanismus der folgerichtigen Differenzierung des Begriffs des Chaos in die Begriffe Finsternis und Licht und diese ihrerseits in die Begriffe der „Luft-Wasser“-Mediums und des „Festlandes“, danach in die Begriffe Luft und Wasser einerseits, der kosmischen Körper und der Erde andererseits usw. bis zur Bildung der Urstämme, welche Lebewesen, Fische, Vögel, den Menschen und alle anderen Realien, welche außerhalb des Menschen und in seinem Gehirn existieren. Dieser Prozess setzt sich auch gegenwärtig bei der Bildung neuer Begriffe und Worte fort. Die in der Monografie beschriebenen Materialien gestatten es zu vermuten, dass die antiken kosmoegonischen Theorien ursprünglich den Prozess der Derivation der Worte (Urstämme), die den Menschen umgebenden Realien bezeichneten, widerspiegeln. Im Ergebnis wurde die Geschichte der Derivation der Worte als Geschichte der Entstehung der Realien empfunden und es entstand die uns allen bekannte Beschreibung des Prozesses der Schöpfung (*Chaos* → *Licht*, *Finsternis* → *Wasser*, *Luft*, *Festland* usw.). Die Materialien, welche es gestatten diese Hypothese zu formulieren sind im Kapitel 4 dargestellt.

Das Ergebnis der Betrachtung der Genesis des Formen-Planes (von der Ursprache zur MBS) ist die Beschreibung des Prozesses der allmählichen Transformation des sinkratischen labioglottalen Polyfokus in ein modernes System von Phonemen. Die Entwicklung der Inhaltsebene zeugt von der folgerichtigen Differenzierung (Binarisierung) der räumlich-zeitlichen Bedeutungen im Ergebnis der Etappenweisen Hierarchisierung der räumlichen und zeitlichen Richtpunkte bezüglich des sprechenden Menschen. Die Hierarchisierung beginnt mit der Etappe der Binarisierung des

räumlichzeitlichen Kontinuums auf den äußeren Zeit-Raum (bezüglich des Sprechenden) und den inneren Zeit-Raum. Diese Etappe wurde in der Arbeit als partitiv-possessives Stadium derbe verbalen Denkens bezeichnet. Danach beginnt die Etappe der Hierarchisierung der räumlichen Charakteristiken der den Menschen umgebenden Objekte (räumliches Stadium des Sprachdenkens), weiter folgt das zeitliche Stadium, als das Sprachdenken sich hauptsächlich auf die zeitlichen Charakteristika der beobachteten Objekte („in der äußeren Zeit“) konzentriert. Der gegenwärtige Zustand des verbalen Denkens steht in Wechselbeziehung zum Stadium der sprachlichen Analyse-Synthese, welches durch das Interesse der Sprechenden an dem „inneren Zeit-Raum“ charakterisiert wird, d. h. dem Zeit-Raum des Gehirns des Sprechenden Subjekts und der Prozesse seiner Sprechfähigkeit. Dieses Stadium wird als modales bezeichnet (Einführung).

Der Sprechmechanismus, dessen Rekonstruktion diese Monografie gewidmet ist, bringt eine Sprache hervor, welche alle genannten Stadien der Entwicklung durchlaufen (von den partitiv-possessiven über die räumliche und zeitliche zur modalen). Die Etappe des Ur-Bantu kann dem Moment des Überganges vom partitiv-possessiven zum räumlichen Stadium, d. h. der partitiv-räumlichen Etappe der Entwicklung der Sprache zugerechnet werden. Ur-Bantu seinerseits ist das Ergebnis der Entwicklung einer Sprache, welche vor ihr vorhanden war, d. h. einer Sprache welche einer breiteren Gesamtheit der afrikanischen Sprachen zugehörte, welche in der Etappe der partitiv-possessiven Formation eine Sprachfamilie bildete, deren Mitglied die Ur-Bantu war. Den Fragen der Wechselbeziehung zwischen den Sprachen dieser Gesamtheit und der Charakteristik der genetischen Klassifikation der afrikanischen Sprachen bezüglich der in ihnen vorhandenen Spezifikation den den räumlich-zeitlichen Kategorien eigenen partitiv-possessiven Etappe des Sprachdenkens, in der ihre Divergenz vonstatten ging, ist der Schlussteil des Kapitel 4 gewidmet. Die Gesamtkonzeption der Autorin ist im Vorwort der Monografie dargelegt.

Das dem Leser angebotene Buch ist auf der Grundlage von mehr als 500 afrikanischen Sprachen entstanden, einzelne Illustrationen wurden aus Sprachen anderer Familien beigelegt (hauptsächlich indoeuropäischer). Die Monografie wurde in der Abteilung für vergleichendes historisches Studium der indoeuropäischen Sprachen und der Areallinguistik des Instituts für linguistische Forschung der Russischen Akademie der Wissenschaften erarbeitet. Sie wurde durch den Wissenschaftlichen Rat dieses Institutes zum Druck empfohlen, nachdem über sie eine Diskussion durch Spezialisten für indoeuropäische und afrikanische Sprachen erfolgte. Die Arbeit richtet sich an Philologen der Fachrichtungen allgemeine und Vergleichende historische Sprachwissenschaft, Typologie verschiedenstrukturierter Sprachen, Afrikanistik, Ethnografie und an Philosophen. Ein besonderes Interesse kann sie für jene darstellen, welche auf dem Gebiet der Modellierung des menschlichen

Intellekts, des Sprechdenkens und der verbalen Hirntätigkeit tätig sind, da die Materialien der Monografie zu verstehen helfen, wie sehr relativ und subjektiv unsere Erkenntnis ist, in welchem Maße sie von der Struktur des in uns vorhandenen Apparates der verbalen Widerspiegelung der Wirklichkeit ist.

Übersetzt von M. Kanov (Berlin)

Отзыв на статью Л. З. Сова «У истоков речеобразования»

Статья¹ Л. З. Сова посвящена реконструкции древнейших состояний человеческого мышления на основе их реликтового отражения в языках. Эта проблема исследовалась неоднократно, однако все предлагавшиеся попытки ее решения оказывались научно несостоятельными, поскольку прямых данных о древнейшем мышлении мы не имеем, а поэтапная его реконструкция требует накопления очень большого числа фактов, которыми авторы подобных работ не располагали. Как правило, в этих исследованиях происходит перепрыгивание через этапы, в результате чего предлагаются некоторые гипотезы, которые на современном уровне развития науки нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Такой подход в полной мере виден в данной статье. Автор берет в качестве исходных постулатов недоказанные и не подтвержденные достаточным материалом гипотезы вроде тезиса о том, что человеческое мышление прошло через партитивно-посессивную, пространственную и темпоральную фазы. Единственная попытка доказательства предпринимается автором на материале языков банту, однако делается это очень неумело. Хотя указывается, что языки банту генетически родственны, Л. З. Сова даже не приводит ни праформ, ни регулярных соответствий между рассматриваемыми языками (отсылая, правда, к книге М. Гатри), ограничиваясь перечислением сходных по звучанию слов в разных языках. Остается неясным, что представляют собой эти параллели: отражения бантуских праформ или, скажем, возникшие независимо друг от друга идеофоны? Если это отражения праформ, то все рассуждения о звуковом символизме бездоказательны без реконструкции их прабантуского фонетического облика. Также остается неясным, с каким этапом развития мышления автор связывает прабантуское состояние. Не разобравшись с этим, Л. З. Сова

¹ Речь идет о статье, в которой излагаются основные идеи монографии «У истоков африканских языков», впоследствии опубликованной под названием «У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков» (СПб., 1996). Один из вариантов статьи опубликован под названием: Космогоническая лексика у народов тропической Африки // Этнолингвистические исследования. Этнические контакты и языковые изменения. Санкт-Петербург, 1995. С. 203–232.

пытается идти дальше вглубь веков, что представляет собой явное перепрыгивание через этапы. Приводимые параллели с высказываниями Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова здесь неуместны, так как Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов высказывают гипотезы о предваряющем индоевропейское, языковом состоянии. Тем, что игнорировано праиндоевропейское состояние, методикой исследования, отсутствием исторической перспективы, безапелляционностью выводов статья Л. З. Сова очень напоминает печально известные сочинения позднего Н. Я. Марра (хотя конкретные идеи Л. З. Сова несколько иные).

Я не касаюсь в рецензии мифологической части статьи, но ясно, что только она не может быть опубликована в лингвистическом журнале. Итоговый вывод автора о том, что мифология отражает представления первобытного человека о формировании не реалий, а их названий, может быть, и правдоподобен, но ни в какой степени не доказан.

Редакция журнала «Вопросы языкознания»¹

18.04.1989

Л. З. Сова (Аксенова). Художник
С. Мавло. Коктебель, 1988 г.

¹ Статья в журнале «Вопросы языкознания», несмотря на поддержку акад. Т. В. Гамкрелидзе, опубликована не была. Позднее вышли два ее варианта: «Вопросы XXI века // Структурная и прикладная лингвистика. Под ред. А. С. Герда. Вып. 6. Санкт-Петербург, 2004. С. 19–38» и «Кто мы и откуда? // Нева. № 11. Санкт-Петербург, 2000. С. 159–170».

Тбилиси, 1 июня, 1988.

Уважаемая Людмила Зитовичевна!

Получил Ваше письмо и статью «У истоков речеобразования», которая оказалась мне очень интересной. Мы собираем в «Вопросах» материал о происхождении языка, о проблемах языкового соотношения (у нас в журнале имеется статья М. Рупена-Рубена на эту тему), и Вашу статью можно будет публиковать как одну из статей этого цикла. Мне представляется, однако, что ее нужно будет дополнить в библиографическом отношении — в настоящее время довольно много литературы об этом и в западной (в основном, американской) лингвистике.

Я передам Вашу статью в редакцию на рецензирование (надеюсь, положительное), а тем временем уже возможно самозаказ.

Хочу выразить уверенность, что и другие Ваши статьи теоретического характера, построенные на материале африканских языков, найдут в будущем в «Вопросах».

С искренним уважением

М. ГамкRELIDZE

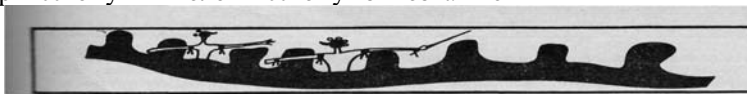
Письмо акад. Т. В. ГамкRELIDZE по поводу статьи «У истоков речеобразования» (1988).

Л. З. Сова. Эволюция грамматических концепций (на материале младописьменных языков Африки)¹. 20 а. л. 1987–1992

В монографии рассматривается зарождение и развитие грамматической теории от отдельных языковых очерков и словарей до формирования сравнительно-исторических, типологических, ареальных и функционально-дескриптивных исследований языков, их групп и семей. Основное внимание уделяется методам изучения материала и принципам, лежащим в основе грамматических концепций. Цель работы – вскрытие движущих сил формирования лингвистической мысли и описание динамики развития грамматической теории как коллективного лингвистического опыта и инструмента познания. Материалом исследования являются грамматики, словари и описания примерно 1000 младописьменных африканских языков.

Книга рассчитана на специалистов по общему, сравнительно-историческому и типологическому языкознанию.

Эволюция грамматических концепций (на материале исследований младописьменных языков Африки). 20 а. л. 1987–1992.

Проспект

Введение: § 1. Материал исследования – грамматические концепции, словари и описания языков банту. Место данного материала в комплексе востоковедных и лингвистических концепций. § 2. Методы изучения материала и построения теории. § 3. Периодизация лингвистических исследований (принципы иерархизации материала). § 4. Цели исследования (вскрытие движущих сил формирования лингвистической истории и описание динамики развития грамматической теории как коллективного лингвистического опыта и инструмента познания путем анализа грамматических концепций в африканистике). § 5. обоснование актуальности, новиз-

¹ Пытаясь предотвратить мое увольнение из ИЯ АН СССР, А. В. Десницкая предложила мне работать по тематике отдела, которым она руководила. Для осуществления этого я подала в дирекцию ИЯ АН СССР несколько заявок на проведение исследовательских работ в 1986–1990 г. г. по истории языкознания и лингвогеографии (см. далее). Все эти заявки были последовательно отклонены. Чтобы не быть уволенной при переезде с заключением о невозможности предоставить мне работу по институтскому плану не только в Москве (см. далее), но и в Ленинграде, я решила уйти из института «по собственному желанию». Так закончилась моя почти тридцатилетняя карьера в советской африканистике.

ны и практической пользы работы (преемственность и традиция, сферы применения, данная проблематика как часть общенаучной проблематики).

Глава 1. Динамика формирования грамматической теории в африканистике XVI–XIX в. в.: § 1. Социально-исторические факторы, определяющие возникновение и становление лингвистической теории (практические задачи, историческая обстановка, координация с другими науками, культурно-исторический фон, связь истории и современности). § 2. Лингводемографическая карта современной Африки. § 3. Миссионерская литература как начальный этап развития грамматической теории. § 4. От латинской традиции к формированию специфического концептуального аппарата и средств описания языков банту (расширение сферы исследования, интерес к способам описания специфики языков, изменение практических целей и исследовательских акцентов). § 5. Тенденции развития концептуального аппарата в исследованиях по африканистике как проявление общих тенденций развития языкознания. § 6. Эволюционные факторы и их взаимодействие в процессе перехода от тезиса к антитезису и синтезису.

Глава 2. Эволюция лингвистических концепций в бантуистике XX в.: § 1. Хронологическое описание материала (преемственность грамматических концепций). § 2. Зарождение лингвистических направлений как иллюстрация тенденций, описанных в главе 1 (методы, проблемы и цели создания грамматических теорий в области сравнительно-исторического, ареального, типологического и функционально-дескриптивного описания языков). § 3. Африканистика в канун третьего тысячелетия (движущие силы формирования лингвистической теории, противоборствующие тенденции, социально-исторические условия). § 4. Общие тенденции формирования мировой лингвистической мысли.

Глава 3. Эволюция грамматических направлений: § 1. Источники, составные части, методы, тенденции и этапы развития сравнительно-исторических исследований по африканским языкам как отражение грамматической мысли в мировом языкознании (общие и специфические факторы). § 2. Тожества и различия в путях развития типологического языкознания. § 3. Развитие грамматических представлений в области функционально-дескриптивных описаний. § 4. Соотношение дифференцирующих и интегрирующих направлений в языкознании (на материале младописьменных языков Африки). § 5. Сфера применения и практического использования результатов грамматического описания в других науках.

Заключение: § 1. Итоговая характеристика тенденций развития языкознания (на примере младописьменных языков Африки). § 2. Общее и специфическое в эволюционных процессах, фиксируемых на материале грамматических концепций. § 3. Направления в развитии методологии языкознания (уточнение и расширение терминологии и методологического ап-

парата, переход от дедукции к индукции, формализация описаний, автоматизация лингвистических исследований, применение компьютеров и т. д.).
§ 4. Предикторные и описательные функции лингвистических теорий в истории лингвистических учений.

Лингвистические ареалы Южной Африки. 20 а. л. 1987–1991 г.
Проспект

По разнообразию лингвистических ареалов и типов мультилингвизма Южная Африка представляет собой уникальное явление. На относительно небольшой территории распространено свыше 50 языков и диалектов – банту, койсанских, малайско-полинезийских, индоевропейских и креольских. Здесь проживают англичане, буры, индийцы, португальцы, мальгашаши, бушмены, готтентоты и народы, говорящие на таких языках банту, как нгуни (зулу, к'оса, ндебеле и др.), шона (корекоре, зезуру, маньика, каранга, ндау и др.), венда, суто-тсвана, тсва-тсонга, тонга, чопи и т. д. Исследование языковых контактов и результатов взаимодействия языков в этих условиях ранее не проводилось. Его актуальность обусловлена задачами языковой политики развивающихся африканских стран. Не меньшую пользу может принести изучение лингвистических ареалов Южной Африки и для решения вопроса о роли субстрата и суперстрата в языках банту, реконструкции прабанту и путях миграции различных племен и народов на территории Африки, т. е. вопросов, находящихся в центре внимания современной африканистики.

Лингвогеография и эволюционная теория языков банту
Краткий проспект

Работа посвящена применению идей и методов эволюционной лингвистики к ареально-генетическим исследованиям языков банту. На основании анализа существительных, которые в 500 современных языках банту группируются вокруг трех семантических полей – трех стихий (воды, земли и огня – солнца), играющих центральную роль в мифологии различных народов, устанавливаются и «привязываются» к лингвогеографической карте современной Африки ряды регулярных соответствий в генетически родственных словах. Ряды соотносятся с тождествами и различиями артикуляционных движений, необходимых для их превращения в речевую данность. На основании анализа этих тождеств и различий воссоздается облик артикуляционной прото-базы, а затем описывается путь, по которому она эволюционировала в артикуляционные базы носителей современных языков банту. Основной тенденцией эволюции является переход от многофокусной и монохромной артикуляции к однофокусной и полихромной (многотембровой и политональной). В соответствии с перспективной

направленностью этих процессов модифицировались звуковые облики языковых единиц (фонем, морфем, слов). Ретроспекция тех же процессов используется в работе для реконструкции протоформ – синкретичных корней, развившихся при распаде протосистемы в поля слов со значением *воды, земли и солнца*. Эти корни соотносятся с предысторией их возникновения из первообразной моносиллабемы со значением *хаос*. Полученные результаты проецируются на лингвогеографическую карту Африки с выходом за пределы бантуского ареала и сравниваются с данными других языковых семей о характере развития и функционирования в них указанных семантических полей (их связей друг с другом и с синкретичными категориями, развитием которых они являются). Итог исследования – раскрытие общности глоттогонических процессов в различных языковых коллективах Африки, Азии, Европы, Австралии, Америки и Океании.

Лингвогеография и эволюционная теория языков банту Комментарий к проспекту

1. Работа посвящена применению идей и методов эволюционной лингвистики к ареально-генетическим исследованиям языков банту. На основании анализа существительных, группирующихся в современных языках банту вокруг семантических полей воды, земли и огня – трех стихий, играющих центральную роль в мифологии различных народов, устанавливаются генетически родственные слова из этих полей и выявляются ряды регулярных соответствий, позволяющие судить о тождествах и различиях артикуляционных движений в языковых коллективах, которые говорят на языках и диалектах банту. Результаты наносятся на лингвогеографическую карту Африки. На основании анализа тождеств и различий артикуляции в современных бантуязычных этносах выявляются лингво-географические центры, из которых распространяются инновационные тенденции, результирующиеся возникновением каждого из элементов коррелятивных рядов. Эти центры рассматриваются как локации протоэтносов различной темпоральной отдаленности. Для каждого исторического этапа реконструируются характеристики артикуляционной базы, свойственной носителям языков, которые функционировали на этом этапе. Эти характеристики ставятся в соответствие категориальному статусу языков. В итоге формируется модель развития языкового мышления и артикуляционной базы из структур, которые были неотъемлемыми принадлежностями протоэтноса. Эволюция языковых категорий свидетельствует о переходе от партитивно-посессивного строя к пространственному, а затем к темпоральному и темпорально-модальному. Основной тенденцией развития артикуляционных изменений является постепенное превращение многофокусной и полихромной «размытой» артикуляции к жестко локализованной однофокусной и монохромной. Реализация этих тенденций в зависимости от специфики произношения в каждом речевом коллективе определяет формирова-

ние звуковых обликов языковых единиц в современных языках (слов, морфем, фонем). Обращение проспективной направленности процессов выступает в работе как метод реконструкции артикуляционной прото-базы исходного протоэтнуса и на его основе – воссоздания праформ, функционировавших в этом коллективе. Этот метод применяется к описанию истории развития семантических полей воды, земли и огня (в единстве формы и значения языковых, единиц) и реконструкции первообразной силлабемы с синкретичным значением и артикуляционным комплексом, к которой может быть возведено зарождение в языковом коллективе синкретичной семы, впоследствии интерпретируемой как *хаос* и сформированной в виде полихромного многофокусника. В результате борьбы противоположностей произошла дифференциация синкретичной силлабемы на однофокусники со значениями воды, земли и огня, которые представлены в современных языках. Этапы распада многофокусника соотносятся с генезисом языковых семей Африки. Нигеро-кордофанская, нило-сахарская, койсанская и афразийская семьи языков, существование которых в Африке констатируется большинством современных ученых, являются генетически родственными, – в силу общности глоттогонических процессов, которые произошли в них за последние несколько тысяч лет, и результатов, к которым те привели на различных этапах языковой эволюции. В работе дается общая характеристика тенденций развития африканских языков и методов их сравнения путем соотнесения с одними и теми же этапами эволюции языкового мышления и артикуляционной базы. Полученные результаты проецируются на лингвогеографическую карту Африки. Регион языков банту сравнивается с остальными. Сравнение проводится на материале указанных выше семантических полей. Устанавливаются связи между полями и выделенными на материале языков банту синкретичными категориями, лежащими в их основе, за пределами региона языков банту. Кроме данных по африканским языкам, привлекаются параллели из языков Азии, Европы, Австралии, Америки и Океании. Исследуется гипотеза об общности глоттогонических процессов на различных континентах и наличии генетических связей между этносами на наиболее древних этапах распада первообразного многофокусника и его дериватов.

2. Эволюционная теория языков банту. Экспонируемые в монографии материалы показывают, что в истории языков банту выделяются три периода: 1) партитивно-посессивный; 2) пространственный; 3) темпоральный. Они состоят из множества переходных форм, поэтому предложенная периодизация является условной, как любая попытка описать непрерывный процесс в терминах дискретных состояний. Каждому периоду языковой истории соответствует определенная фаза развития человеческого сознания. Фазы последовательно сменяют друг друга в осмыслении объективной действительности. В основе всех языковых процессов лежит вербальная деятельность человека, непрекращающаяся преемственность ко-

торой в речевом коллективе обеспечивает непрерывность языковой эволюции. Ее суть состоит в том, что изменения языковых элементов происходят ежесекундно, но столь незначительно, что практически не ощущаются говорящими. Постепенность накопления крайне малых приращений создает эффект абсолютного поступательного развития языка, ощущаемый сторонним наблюдателем, на фоне относительной стабильности и неизменности, констатируемой членами речевого коллектива. Этот эффект порождает определения языка на основе антиномий: динамика – статика, процесс – результат, язык – речь и других, которые содержат имплицитное или эксплицитное утверждение, будто язык представляет собой самосовершенствующуюся систему, структуру, механизм, организм и т. п. Однако язык это не саморазвивающееся образование. Он является одной из неотъемлемых принадлежностей человеческого общества и не отделим от человека. Лингвист абстрагирует вербальные продукты и упорядочивает их в виде системы, но от этого язык не становится ни живым организмом, ни самоорганизующейся структурой, ни саморазвивающейся идеей.

3. Методика реконструкции. Проиллюстрируем на конкретном примере, как решается вопрос об исходных формах протоязыка на основании анализа артикуляционных движений, производимых носителями современных языков. В исследовании М. Гасри (Comparative Bantu. V. 3. P. 109) компаративная серия 368 со значением 'слеза' включает следующий набор слов: *mi-sozi* (ила), *n̄-sozi* (манганджа), *iñ-sotsi* (чопи), *mi-fođi* (мбунда), *imi-oti* (луяна), *mi-sosi* (яо), *mi-θori* (макуа), *mi-hloti* (тсва), *ssɔyi* (тетела), *tsozi* (ньяка), *fozi* (шамбаа), *θovi* (тикуу), *tfozi* (унгуджа), *tsozi* (нгазиджа), *ili-hodzi* (хехе), *ri-sofi* (мбунду₁), *li-sozi* (лвена), *ɛñ-sɔsi* (нькиюса), *li-oli* (матумби), *e-hođi* (кваньяма), *e-xođi* (ндонга), *e-hođe* (гереро), *θodzi* (венда), *ma-hozi* (гого), *ma-sodzi* (пенде), *ma-soli* (манда), *ma-sodzi* (маньика), *n-dʒɔdi* (болоки), *i-ntyɔŋi* (мпонгве), *mĩ-nsozi* (нямвези), *ĩmĩ-nsofi* (бемба), *mĩ-nyoyi* (мвера), *ama-nsozi* (ньиха), *ma-sosi* (нгангела), *tʃi-nsɔŋzi* (луба-лулуа).

В моих работах показано, что показатели классов имен существительных, как и сами именные классы, являются в языках банту вторичным образованием, возникшим из служебных и полнозначных силлабем или из назальных и лабиальных просодем, с помощью которых фиксировалась цельюоформленность существительного и его предметный характер. Поэтому при восстановлении корней существительных, функционировавших в протоязыке, необходимо отсекают префиксы именных классов с учетом характера тех изменений, которые вызываются ими в инициалах основ, а также их собственного звукового состава. В частности, необходимо при-

нимать во внимание, что при назализации происходит озвончение глухих согласных (Продолжение не сохранилось).

Академия Наук СССР
Отделение
ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

4 июня 1986 г.

Старшему научному сотруднику Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР

доктору филологических наук Аксеновой Л. З.¹

Уважаемая Любовь Зиновьевна!

Отделение литературы и языка АН СССР не может поддержать просьбу о Вашем переводе в Москву в Институт языкознания АН СССР в связи с принципиальным возражением Института языкознания (в том числе не только руководства Института, но и коллектива). В письме Института языкознания, обращенном вице-президенту АН СССР академику П. Н. Федосееву, в частности, сообщается, что «д. ф. н. Аксенова Л. З. не может быть использована для работы ни по одной из ведущихся в Институте тем».

Что касается вопроса о Вашей аттестации, то, как сообщили из Института языкознания, «Институт считает, что аттестация Л. З. Аксеновой на должность старшего научного сотрудника проведена объективно и пересматриваться не должна». Относительно возможности надбавки к зарплате старшего научного сотрудника Институт сообщил в Отделение литературы и языка АН СССР, что Аксеновой Л. З. «был установлен максимальный должностной оклад с. н. с.», а надбавки к окладу имеют индивидуальный характер и должны выплачиваться строго обоснованно в связи с конкретным вкладом работника. В письме Института также говорится: «Квалификационным требованиям, предъявляемым к ведущим научным сотрудникам, Л. З. Аксенова не соответствует: она не руководит коллективными исследованиями, не возглавляет группы сотрудников, занятых коллективными разработками».

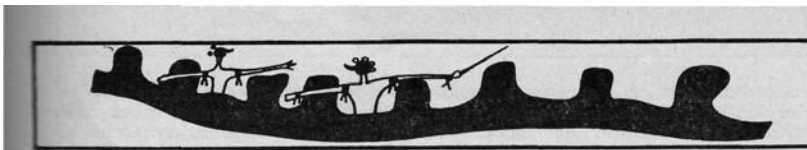
Приложение: рукописи и книги Л. З. Аксеновой.

С уважением,

И. о. академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР
член-корреспондент АН СССР

П. А. Николаев

¹ Ответ на мое письмо в Отделение литературы и языка с просьбой о включении африканской тематики в план моей научной работы на 1986–1990 г. г. в секторе африканских языков в Москве или в отделе сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков в Ленинграде.

OFFICE OF THE RECTOR AND VICE-CHANCELLOR

UNIVERSITY OF ZULULAND

Private Bag X1001
KwaDlangezwa 3886
South Africa
Telephone: 93911, Telegrams: 'Unizul'
Telex: 6-28081 SA

27 August 1990

Ref.:

C6/13

Professor L Sova (Aksenova)
Institut Jazykoznanija AN SSSR
Tucknov par. 9
Leningrad, 199053
USSR

Dear Professor Sova

A copy of your letter to Professor H C Groenewald of the Centre for South African Literature Research at the Human Sciences Research Council was passed to me by Professor Wentzel of the University of South Africa.

We have scrutinised your biography as well as your academic teaching and research experience and are satisfied that a person of your calibre would make a significant contribution if appointed at this University.

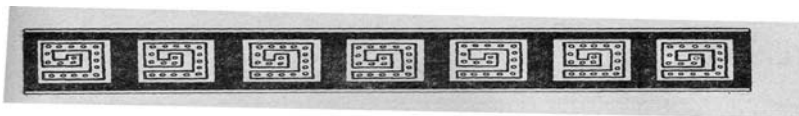
The reason why I am writing to you is to find out if you are still interested in migrating to South Africa and, if so, when? This information would enable the University to take up the matter further with you.

With kind regards.

Yours sincerely

Prof A C Nkabinde
RECTOR AND VICE-CHANCELLOR

Письмо ректора Зулулендского университета ЮАР проф. А. Нкабинде с приглашением на работу.

University of Zululand¹
Universiteit van Zoeloeland
26 June 1991

Prof. L. Sova (Aksionova) Freie Universitaet Berlin, Osteuropa – Institut,
Abteilung Slavistik, Apt 108, Garystrasse 55, D – 1000, Berlin, GERMANY

Dear Prof. Sova

APPOINTMENT AS PROFESSOR IN THE DEPARTMENT OF
AFRICAN LANGUAGES

Your letters dated 27 March and 25 May 1991 to the Rector, Prof. Nkabinde
refer.

Enclosed please find the following documents:

1. Letter of appointment
2. Agreement in duplicate
3. Conditions of Service.

I would like to point out that it is your responsibility to obtain the necessary
work permits and visas before you can assume duty.

I would recommend that you contact a South African Embassy or Consulate
and apply for the necessary documents. Please inform me of the address, Fax
number and name of a contact person at the Embassy or Consulate so that we
can submit the necessary motivation.

Please submit the letter of appointment as well as the agreement to the Em-
bassy or Consulate where you apply for the necessary permit and visa.

You must please initial, sign and return the original agreement to the Uni-
versity of Zululand.

At this stage it is not possible to promise you accommodation upon your ar-
rival, however, every effort will be made to assist you with accommodation.

Any further information you require will gladly be supplied.

Yours sincerely

DIRECTOR PERSONNEL Prof. A. Ch. Nkabinde

¹ Письмо из ЮАП с приглашением занять должность профессора в отделе афри-
канских языков Университета Зулуленда (1991 г.).

Л. З. Сова. Испания. 1992 г.

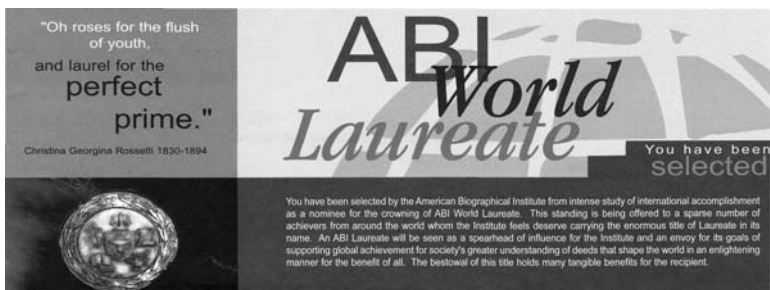
Л. З. Сова. Париж. 1993 г.

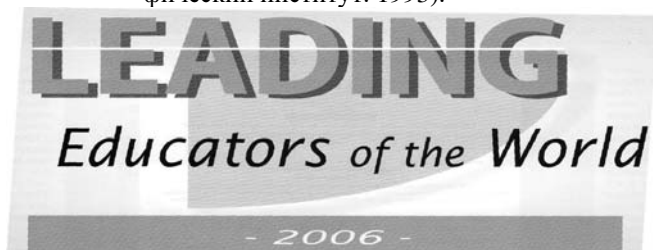
Л. З. Сова. Канны. 2002 г.

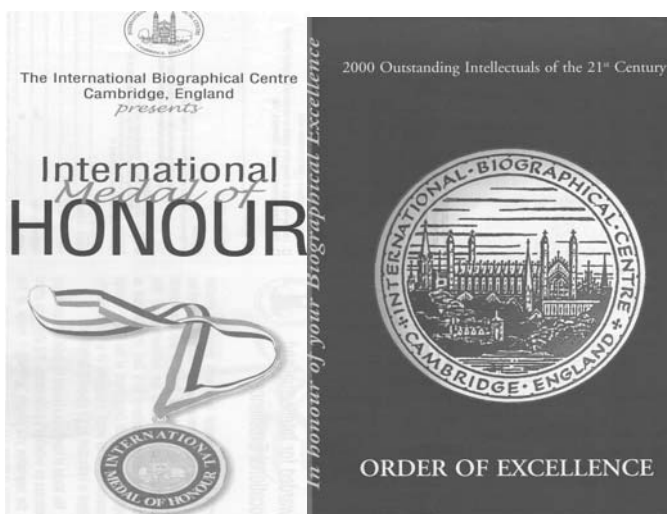
Ю. К. Кузьменко и Л. З. Сова (Берлин, 2003).

Номинация на звание “World Laureat“ (Американский биографический институт. 1993).

Номинация на звание „Leading Educator of the World“ (Кембридж, 2006).

Награждение медалью „Medal of Honour“ (Кембридж, 2007) и орденом „Order of Excellence for an Outstanding Contribution in the Field of Philology“ (Кембридж, 2002).

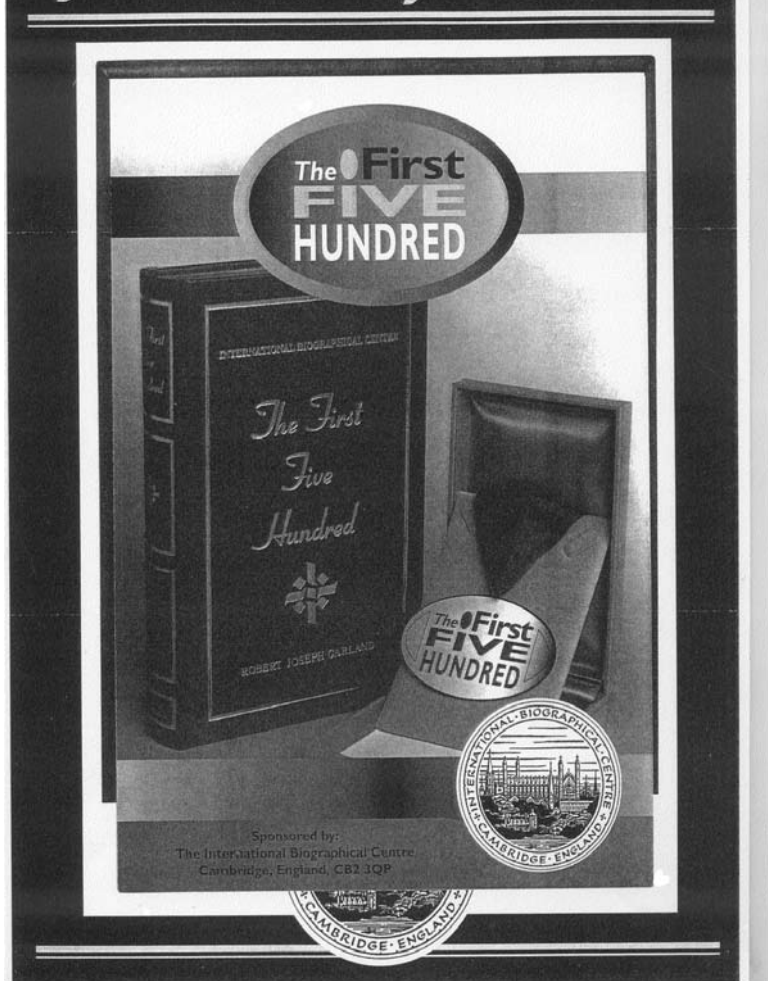
An
Official – Formal – Public
Announcement
by the
American Biographical Institute

*Your “Exclusive”
Inaugural Invitation
to the
Board of Governors
of the
American Biographical Institute
Research Association*

The Board of Directors of the American Biographical Institute and the Executive Council of the American Biographical Institute Research Association (ABIRA) do hereby invite you to assume the highest seat of consideration in the ABI Research Association. You have been nominated for the position of DEPUTY GOVERNOR, and, as such, will be permitted to take a seat on the Board of Governors. The official inauguration will be in August of 1998, therefore, you are urged to read the important message overleaf concerning your nomination.

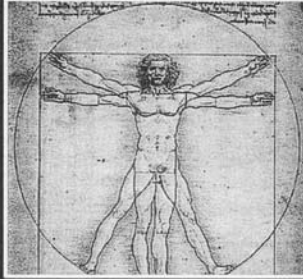
Приглашение в Совет руководителей Исследовательской ассоциации Американского биографического института (США, 1998).

The International Biographical Centre Golden Scroll of Excellence

Публикация биографии в энциклопедиях „Golden Scroll of Excellence“ (Кембридж, 1997) и „The First Five Hundred“ (Кембридж, 1996).

One Thousand Great Intellectuals

*"To wisdom belongs the intellectual apprehension of things eternal; to
knowledge, the rational apprehension of things temporal."*

Saint Augustine 354 AD - 430 AD

IBC

Ref:DDG/INV

Dear Dr Sowa (Aksjonowa)

Deputy Director General of the International Biographical Centre

I have been reviewing your Biographical File recently and I am delighted to say that out of the many that I have assessed yours has come to my particular attention. From the biographical material that I have read I feel that you are eminently qualified to take up the appointment as one of my Deputies at the International Biographical Centre. The role of the Deputy Director General is not onerous but is one that seeks to recognise the accomplishments of a very select few individuals who have come to my particular attention as great achievers.

Deputy Directors General are divided up into the five main regions of the world: Africa, America (including Latin America and the West Indies), Asia (including the Near and Middle East), Europe and Oceania. Each Deputy is appointed on merit alone and is selected to represent his or her region of the world. I find that at the present time I do not have the correct balance of Deputy Directors General from (enter country) and I therefore urge you to accept this honour for yourself and for your country.

Dear Professor Dr Sowa (Aksjonowa)

Outstanding People of the 21st Century, First Edition

THE ORDER OF INTERNATIONAL FELLOWSHIP

GOLD STAR AWARD - A Symbol of Outstanding Achievement

THE DIRECTOR GENERAL'S HONOURS LIST

Публикация биографии в энциклопедии „Outstanding People of the 21st Century“ (Кембридж, 2002) и в почетной книге „The Director General's Honours List“ (Кембридж, 1997), а также приглашение на должность „Deputy Director General of the International Biographic Centre“ (Кембридж, 2001) и награждение орденами „The Order of International Fellowship“ (Кембридж, 1997) и „Gold Star Award – A Symbol of Outstanding Achievement“ (Кембридж, 1996).

International Biographical Centre Cambridge CB2 3QP England

Telephone: +44 (0) 1353 646600 Facsimile: +44 (0) 1353 646601

5th January 2001

Dr Ljubov Sowa (Aksjonowa)

IBC

Ref: SCH01/21SCH

Dear Dr Sowa (Aksjonowa)

**OUTSTANDING SCHOLARS OF THE 21ST CENTURY
FIRST EDITION
PUBLICATION: LATE 2001
YOUR CHANCE TO UPDATE YOUR BIOGRAPHICAL ENTRY**

I have great pleasure in attaching to this letter a clipping of your entry as it appeared in the First Edition of **Outstanding Scholars of the 20th Century**. Hopefully you will have received your personal copy by now and will be pleased with your entry in particular and in the edition overall. I am personally delighted with the end result and already it is receiving critical acclaim from librarians and researchers alike.

I now have great pleasure in inviting you to update your entry for inclusion in the First Edition of **Outstanding Scholars of the 21st Century** which will be published next year to build on the strength of its predecessor.

If you wish to amend or add to your entry, please include corrections in the relevant sections overleaf. Please sign the form and return the complete letter to me by the date shown. We will then send you a typescript for approval prior to publication. If, however, you have no alterations please return this complete letter on which you need only write 'No Change' along with your signature in the space provided.

As I am sure you are aware there has never been a charge for biographical inclusion but we will make available a limited number of case bound copies to biographees at special reduced rates. At US\$165.00 or £105.00 Sterling this represents a massive saving on the actual publication price. In addition, I would like to offer you the option of obtaining a specially commissioned Outstanding Diploma or Medal to commemorate your inclusion in this title. The Outstanding Diploma or Medal can be acquired either singly or as a set and they both pay tribute to your inclusion in this prestigious project. Further details are given on the enclosed Priority Order Form.

SOWA (AKSJONOWA) Ljubov, b. 17 September 1937, Kharkov, Ukraine; Philology, m. Vertel, 1957, Kharkov, Ukraine; Education: MA, Philological Department (Russian Language and Literature), Kharkov State University, 1960; MA, Mathematical & Mechanical Department (Mathematics and Computers), Leningrad State University, 1968; PhD, Structural Linguistics and African Philology, 1965; Academic Doctoral Degree, Philological Sciences (General and Computational Linguistics), USSR, 1977; Academic Honor degree of Full Professor, 1984; Academic Doctoral Degree, Philosophy, Garmatny, 1993. Appointments: Assistant Professor, 1964-77, Full Professor, 1977-89, Leading Full Professor, 1989-90, Historical, Comparative and Typologic Linguistics, Leningrad Branch of the Linguistic Institute, Academy of Sciences of the USSR; Guest Professor, 1991-96, Chief-Redactor, Berlin Journal "Good Evening", 1997. Publications: 200 articles, Zulu stories, novels, 5 monographs, including: Analytical Configurational Syntax, 1968-69; Analytical Configurational Syntax, 1970; Bantu Grammatical Structure and Evolution, 1987; At the Dawn of Language and Evolution, 1996. Memberships: Research Board of Advisors, American Biographical Institute Inc; German Union of Journalists; IASS (International Association of Semiotic Studies), IBC Advisory Council.

International Biographical Centre is an imprint of Naboso Press Ltd, whose offices are at St Thomas Place, Ely, Cambridgeshire CB7 4QG, England. Registered in England number 965274

Публикация биографии в энциклопедии «Выдающиеся ученые 21 в.» (Кембридж, 2001).

в ИМЛИ им. А.М. Горького.

Основные работы:

- Грамматика латинского языка. М. 1938. 424 с.
- Древнегреческий язык. М. 1948. 612 с.
- Заметки о греческом произношении на основании наблюдений над строением стиха в комедиях Аристофана и в трагедиях. // Академику В.В. Виноградову к его шестидесятилетию. / Сборник статей. М. 1956.
- Общий греческий язык (по связи с библейским. // Православная богословская энциклопедия. Т. IX. 1908. С. 607—754.
- Союз Эгесты с Афинами в V веке и Фукидид, VI, 6, 2. // ЖМНП, июнь 1905.
- Теренций "Адельфи". // Пер. и комментарий С.И. Соболевского. М. 1954. (Текст параллельный на лат. и рус. языках).
- Хрестоматия для переводов с латинского языка. В 2 ч. / Ч. I. М. 1938. 288 с. Ч. 2. Синтаксис. М. 1947. 548 с.
- Exempla codicum Graecorum. In 2 vol. / Vol. I. 1911. Vol. II. 1913. (Совм. с Г.Ф. Церетели).

Литература о жизни и трудах:

- Беляев В.Ф. Сергей Иванович Соболевский: (Некролог). // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1963/5. С. 462—463.

СОВА

(Аксёнова с 1979 г.) ЛЮБОВЬ ЗИНОВЬЕВНА (Sova L.Z. / Aksionova L.Z.) [17.09.1937, г. Харьков, УССР] — российский языковед; специалист по общему и сравнительно-историческому языкознанию, африканистике, славистике, лингвистической типологии, компьютерной лингвистике, семиотике и философии. Доктор филологических наук (15.07.1977, СССР), старший научный сотрудник (04.10.1984, СССР). Доктор философии (09.03.1993, ФРГ). Член Международной ассоциации семиотических исследований (1986), Берлинского центра исследований по семиотике (1994), Союза журналистов ФРГ (1998), Международного клуба "Ведущие интеллектуалы мира" (США, 1998), Научного Совета Международного биографического центра (Кембридж, Англия, 1999), Исследовательского совета Американского биографического института (1999) и др. Основатель и главный редактор ж. "Добрый вечер!" (1997).

Родилась в семье научных работников. Закончила среднюю школу с золотой медалью (1954) и с красным дипломом филологический факультет Харьковского университета (отделение русского языка и литературы) (1960), затем аспирантуру по

специальности "математическая, структурная и прикладная лингвистика" при ЛО Института языкознания АН СССР (1964; научный руководитель — профессор А.А. Холодович). Окончила математико-механический факультет ЛГУ (компьютеры и математическая логика) (1969). Учёную степень кандидата филологических наук получила за диссертацию "Классы глаголов в языке зулу" (13.06.1966); степень доктора филологических наук присуждена (15.07.1977) за диссертацию "Аналитическая лингвистика", защищённую (16.06.1972) по одноимённой монографии (М. 1970). Работала внештатным аннотатором Книжной Палаты УССР; техником, инженером и старшим инженером Укрэнергочермета; преподавателем языка зулу на восточном факультете ЛГУ; младшим, старшим и ведущим научным сотрудником ЛО Института языкознания АН СССР; научным консультантом в издательствах и коммерческих структурах России. В качестве приглашённого профессора преподавала в университетах США, Канады и ФРГ. Профессор семинара по африканистике Института Азии и Африки университета им. В. Гумбольдта (Берлин). Основатель и главный редактор культурно-просветительского журнала "Добрый вечер!" (с 1997, Берлин — Нью-Йорк — Санкт-Петербург), в котором печатаются статьи по языкознанию, литературоведению, этнографии, философии и истории, а также очерки, рассказы и повести о современной жизни в России и за рубежом (на русском и немецком языках).

Первая научная работа опубликована в 1961 г. по машинному переводу. Является одним из инициаторов и организаторов компьютерных исследований по филологии в Ленинграде. Постоянно подвигалась в СССР гонениям со стороны ортодоксально мыслящих языковедов. Одновременно с компьютерным языкознанием занималась исследованием разноструктурных языков, в первую очередь африканских. Является признанным специалистом в области бантуистики.

Написала и опубликовала 150 работ, в том числе 5 научных монографий по различным отраслям языкознания, логики, философии, литературоведению и этнографии, а также около 70 очерков и рассказов. Более 80 работ вышли за границей (на русском, английском и немецком языках) (языковедческие работы печатаются под фамилией

Фрагмент из энциклопедии А. А. Юдакина «Выдающиеся языковеды мира» (Москва, 2000).

International Biographical Centre Cambridge CB2 3QP England
Telephone: +44 (0) 1553 646600 Facsimile: +44 (0) 1553 646601

25th May 2001

Dr Ljubov Sowa (Aksjonowa)

IBC

Ref:SPK/INV

Dear Dr Sowa (Aksjonowa)

Outstanding Speaker Award

Congratulations! You have been personally nominated to receive the prestigious **Outstanding Speaker Award**. This Award is made to a very select number of speakers and speech makers whose outstanding abilities have been brought to the attention of the Research and Advisory Board of the International Biographical Centre. Most candidates will have already been rejected before the last few reach this final stage and I am delighted to say that your candidature has been successful.

This Award will honour the achievements of outstanding speakers with the ultimate symbol of authority and grandeur in the speaking world, the Gavel. Hand carved in fine wood and detachable from an engraved wall plaque the Gavel itself is a fine example of the craftsman's art. The plaque will be inscribed with the recipient's name, the official seal of the International Biographical Centre and the words "Outstanding Speaker of the 21st Century".

I am most confident that you deserve this Award and I do sincerely hope that you will accept this coveted honour and take your place as one of today's most notable speakers.

Sincerely

Nicholas S. Law
Director General

International Biographical Centre is an imprint of Melrose Press Ltd. whose offices are at
St Thomas Place, Ely, Cambridgeshire CB7 4GG, England. Registered in England number 965274

Награждение почетным знаком „Outstanding Speaker of the
21st Century“ (Кембридж, 2001).

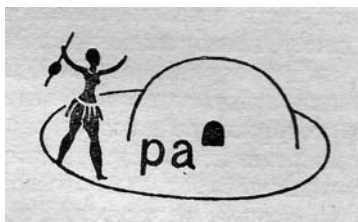
Приложение
Именной указатель

- П. Александр 20
Л. Е. Армстронг 292, 316
Ю. Беллох (Belloch) 180, 204
П. Р. Беннетт (P. R. Bennett) 11
В. Х. Бентлей 292
Д. М. Бич 241
В. Блик (W. H. Bleek) 23, 26, 99, 306, 390, 394
В. Г. Богораз 25, 73, 98
М. А. Браян (M. A. Bryan) 26, 224
А. Т. Брайант (A. T. Bryant) 184, 208, 289
Г. ван Бульк 307
Т. Бютнер 37, 41, 98
У. Вайнрайх 229
В. Вангер (W. Wanger) 27
Н. ван Вармело (N. I. Warmelo) 24, 26, 112, 307
К. Ф. Веглин (C. F. Voegelin) 307
Д. Вестерман (D. Westermann) 11, 25, 26, 224, 249, 260, 308, 320
Е. Л. Вестфаль (E. L. Westphal) 307
Б. В. Вилакази (B. W. Vilakazi) 69, 107, 183, 289, 293
К. Вильямсон (K. Williamson) 12
В. В. Виноградов 292
А. П. Володин 318
Г. Вольфф 320
Г. А. Галимова 319
Т. В. Гамкрелидзе (T. V. Gamkrelidze) 148, 210, 252, 257, 263, 268, 275, 343, 344
М. Гасри (M. Guthrie, M. Guthrie) 12, 16, 18, 25–27, 37–39, 41–44, 48, 49, 52–98, 100, 131–134, 160, 161, 196, 249, 250, 253–255, 260, 261, 264–266, 271–276, 278, 287, 289–292, 296, 297, 300–303, 307, 311, 314–316, 320, 322, 324, 325, 350, 390, 391, 394, 397
А. С. Герд 343
Я. И. А. ван Гиннекен (J. I. A. van Ginneken) 26, 164, 199
Г. Глисон (H. A. Gleason) 262
Дж. Гринберг (J. H. Greenberg) 10, 11, 26, 27, 39, 98, 100, 224, 249, 260, 271, 272, 276, 278, 281, 308, 314, 315, 320
А. Л. Грюнберг (A. L. Grunberg) 291, 298, 326, 330
Г. Гуарисма 292
В. фон Гумбольдт (W. von Humboldt) 141

М. Деллафосс (M. Delafosse) 11, 249, 260
А. В. Десницкая 299, 306, 310, 312, 313, 319, 345
Дж. Джакобс 292
Г. Г. Джонстон (H. H. Johnston) 26, 38, 98, 134, 288, 289, 291, 306, 307, 314
К. Док (C. M. Doke) 11, 25–27, 30, 45, 53, 69, 100, 183, 251, 262, 271, 273,
276, 289, 292, 293, 307, 315, 316
И. М. Дьяконов 236
О. Есперсен 141
А. А. Жуков 21, 184, 185, 290, 306, 324, 330
Вяч. В. Иванов (W. W. Ivanov) 148, 150, 187, 194, 207, 209, 210, 223, 252,
257, 263, 268, 275, 343
В. Н. Иллич-Свитыч (W. N. Illich-Svitych) 238, 257, 268, 275
Р. Канн 186, 246
М. Канов (M. Kanov) 342
И. Кант 143
Я. Кнапперт 184
Ю. М. Кобищанов 99
Д. Т. Коул (D. T. Cole) 260, 292
М. Коэн 11, 249
Ю. К. Кузьменко 327, 330, 354
А. Кун (A. Kun) 180, 204
В. А. Лившиц 4, 299, 312, 317, 324, 330
Я. Липинская 19
П. де Лое Риос 242
Н. С. Лоу (N. S. Law) 361
И. П. Лысков 144
А. де Люмлей 186
С. Мавло 343
Л. Магьяр (L. Magyar) 66, 115
К. Мейнхоф (C. Meinhof, K. Meinhof) 24–26, 29, 38, 41, 44, 52, 98, 100, 101,
112, 132–134, 139, 140, 249, 254, 255, 271, 272, 292, 306, 307, 311,
314, 320–322, 394, 395
Н. Я. Марр 229, 343
М. Марциняк 191
Э. Мейер (E. Meyer) 180, 204
А. Е. Мейссен 100, 311, 314
М. Мудзи 44
Х. Мукаровский (H. G. Mukarovsky) 320
А. Мэдэн (A. C. Madan) 123
М. Мюллер 180
Е. Н. Мячина 292
В. П. Неद्याлков 299, 300, 317

Г. Некес (H. Nekes) 119
П. А. Николаев 351
А. Нкабинде (A. C. Nkabinde) 352
Д. Обри 241
Д. А. Ольдерогге (D. A. Olderogge) 25, 73, 98, 149, 232, 268, 288, 290, 298,
299, 305, 306, 309, 314
Б. Оля (B. Olas) 173, 179, 182, 183, 185, 205
Л. Омбурже (L. Homburger) 26, 260
Н. В. Охотина 295, 296, 305, 306
Дж. Д. Пирсон (J. D. Pearson) 262
Платон 244
А. А. Потебня (A. A. Potebnya) 141–143, 157, 252
Е. А. Реферовская 312
В. В. Розанова 295
А. Ю. Русаков 299
Дж. Свифт 242
Т. Себеок (T. Sebeok) 27, 224
П. Скотт 307
Солон 244
Ф. де Соссюр (F. de Saussure) 42, 43, 113, 228, 251, 252, 258, 262, 263, 268,
269
Г. В. Степанов 306, 317
Р. Стопа (R. Stora) 191, 199, 278
М. Стоукинг 186, 246
Н. Л. Сухачев 299, 302, 317
Э. Сэпир (E. Sapir) 260
А. Н. Такер (A. N. Tucker) 25–27, 224, 260, 292
В. Н. Топоров 187, 192–194
Н. С. Трубецкой 229
М. Тшабалала 44
Ч. Уайт (C. M. N. White) 241
В. Уайтли 292
Дж. Уилсон 186, 246
Б. Л. Уорф (B. L. Worth) 154, 248, 260
Д. Н. Ушаков 143
В. Е. Уэлмерс (Вельмерс) 39, 98, 320
Н. Г. Федорова 306
П. Н. Федосеев 351
И. Фодор (I. Fodor) 27, 115, 250, 253, 261, 265, 315
Д. Фокс (D. C. Fox) 185
Ф. Ф. Фортунатов (F. F. Fortunatov) 262
Л. Фробениус (L. Frobenius) 185
А. Харрингтон 241

А. Хезервик 292
Б. Хейне 320
Э. Хенрици 320
М. Хипе 21
У. Хиченс 21, 1184
У. Хоккет 164
Л. Хэррис (L. Harries) 184
Д. Цирфогель 292
А. Черниченко 292
М. А. Шаманга (M. A. Chamanga) 292
Э. Шателен 241
А. М. Шахнорович 295
К. Шимизу 316
Г. Штейнталь (H. Steintal) 141
К. Эндеманн 292
А. А. Юдакин 360
И. П. Яковлева 306
И. Ф. Янкович де Мириево 290

Индекс языков и диалектов

Абхазо-адыгский 188, 192
Австралийский (Australian) 96, 145, 192, 249, 260, 325, 327
Австралийско-тасманийский 192
Австронезийский (Austronesian) 10, 22, 96, 145, 188, 192, 249, 260
Агбо 145
Агиквала 188
Агни 145
Агуале 188
Агульский 188
Агутимри 145
Адамава 11
Аква 35, 97, 121
Акваала 188
Аквенго 145
Аквера 188
Акроа 188
Алагва 188
Алгонкинский 189
Алтайский 213, 330
Амба 37, 98
Америноподобные (Amerind) 260
Анагута 145
Ангкола 188
Английский (English) 69, 183, 289, 293, 298
Ангор 188
Апабхранша 189
Арабский 73
Аравак 189
Аравакский 188, 189
Араквал 188
Арагби 188
Арауа 188
Аргуни 188
Аригао 188
Аригби 188
Арикобе 188
Арумынский (Arumanian) 209

Аруаки 189
Асу 297
Атлантического побережья 131
Аустроазиатский 188, 192
Афразийский 10, 11, 42, 188–190, 192, 217, 218, 236, 249, 296, 309
Африканский (African) 4, 5, 7, 11, 17, 26, 39, 78, 145, 146, 148, 157, 159,
164, 194, 212, 214, 216, 218, 224, 231, 239, 243, 246–248, 257, 259,
280, 281, 283, 292, 295, 296, 305, 308, 315, 324–327, 330, 334, 342,
345–347, 349, 351, 391–393
Африканского Рога 131
Афроазиатский (Afroasiatic) 260
Ахбалу 188
Ахиоло 188
Бали (Bali) 123, 161, 169, 196
Балтийский 186
Балто-славянский 192
Балха 189
Банги–нтумба 17
Банда 145, 184
Бантоидный 11, 320, 323
Банту (Bantu) 4–11, 13, 16–22, 24–29, 33–39, 41–44, 49, 50, 52, 53, 55, 56, 58,
59, 61, 62, 66, 71, 72–75, 77–80, 82, 85, 87–90, 94, 96–101, 108,
110–112, 114–119, 126–128, 130, 131, 134, 136, 138–140, 144–147,
149–157, 159–161, 166, 174, 175, 179, 182–185, 189, 190, 195, 196,
201, 202, 204–207, 214–218, 223, 224, 231, 248–253, 255–264,
266–269, 271–281, 286–311, 314–336, 338–342, 345–350, 390–397
Бапоно, бапуну 289
Бапуну (см. бапоно)
Барбакоа 189
Баргу 189
Бари 145
Барка 189
Баруга 189
Баса 17
Басари 145, 177
Бафия 17
Бахаире 189
Бахры 189
Башкарди 189
Башкирский 189
Бвamu 145

Бвенде (Bwende) 162, 197
Белорусский 17
Бемба (Bemba) 17, 19, 20, 35, 36, 97, 145, 160, 161, 183, 196, 350
Бембе (Bembe) 161
Бембе–Кабвари 17
Бена–Кинга 17
Бена–Лулуа 169, 183
Бенга (Benga) 162, 197
Бенгела 123, 125
Бенгера 125
Бене (Bene) 162, 197
Бенуэ–Замбези 11, 12, 296, 315
Бенуэ–Конго 11
Берберский 11
Биафада 145
Бииса (см. Биса)
Бикол 189
Биргит 189
Биркед 189
Биса 33, 298
Биса–Ламба 17
Бира–Хуку 17
Биром 145
Благар 189
Бобанги (Bobangi) 160–162, 196, 197
Бодо–Гаро 188
Боки 145
Болгарский (Bulgarian) 189, 209
Болго 189
Болиа (Bolia) 161, 196
Болоки 350
Бондеи 23, 100
Борике 189
Боротуке 188
Борука 189
Брагуи 189
Бракна 189
Брахман 189
Бру 189
Брунка 189
Брхер 189
Бубе 119, 289
Бубе–Бенга 17

Буби 289
Букусу 101–103, 107, 110, 114, 120, 121–123
Булака 189
Булгарский 189
Булу (Bulu) 160–162, 196, 197
Бургва 189
Бургу 189
Бурика 189
Бурукана 189
Бушменский 323
Бушоонг (Bushoong) 161, 196
Бхили 189
Вайгали 189
Вараику 189
Варкаи 189
Венда (Venda) 17, 19, 23, 35, 65-67, 89, 97, 100, 102, 121, 162, 163, 169, 197,
198, 297, 347, 350
Вилкут 189
Вирах 189
Волоф 145
Вольтийский (Voltaic) 145, 218, 257, 268, 308
Вольты 11
Восточно-адамавский 145
Восточноафриканского побережья 123
Вунджо (Wunjo) 162, 195
Вуркум 189
Вьетмьюонгский 189
Габери 188
Габри 188
Гавар 188
Гавор 188
Галаб 188
Галави 188
Галбу 188
Галва 121, 187, 303
Галиби 188
Галу 188
Галубва 188
Галф 188
Ганда, луганда (Ganda) 19, 35, 37, 97, 102, 110, 112–114, 117, 120, 121, 134,

160–163, 196–198, 251, 263, 265, 297, 303

Гарава 188
Гарама 188
Гарве 187
Гаруа 188
Гарувахи 188
Гаурна 188
Гбара 188
Гбари 187
Гбекре 187
Гбигбил 187
Гвавили 188
Гвале 188
Гвеира 188
Гвере 187
Гвинеи–Бисау (Guinea–Bisau) 257, 268
Гвинейский 323
Гекойо (см. Гикую)
Гелава 187
Гелеба 188
Гереро (Gerero) 17, 19, 23, 33, 100, 162, 177, 184, 197, 208, 253, 350
Гикуру 188
Гикую, гекойо (Gikuyu) 19, 161, 162, 196, 197, 289
Гирава 188
Гирикоа 188
Гирьяма (Giryama) 161, 196
Гобир 188
Гобла 187
Говар 188
Говера 187
Гого 17, 350
Гола 187
Голба 188
Голер 188
Голи 187
Голо 187
Горам 188
Горлба 188
Горо 187
Гороа 188
Горова 188
Горову 188
Гором 188

Горонтале 188
Гороху 188
Горум 188
Готтентотский 323
Гребо 145, 187
Греческий (Greek) 46, 187, 209
Гриква 188
Грого 188
Грузинский 188
Гуайкура 188
Гуайкуру 188
Гуарани 188
Гуараю 188
Гуарипа 188
Гуахибо 188
Гувара 188
Гугур 188
Гула 188
Гулегулеу 188
Гулей 188
Гулу 188
Гульфан 188
Гумбайнгир 145
Гунья 145
Гур 187
Гура 188
Гураге 188
Гурани 189
Гургула 188
Гурманджи 145
Гурну 188
Гуро 181
Гурон 188
Гуру 187
Гурунг 188
Гурупи 188
Гурхвали 189
Гусии 19
Гхобри 188
Гэлао 188
Дагбане 308
Дагестанский 22, 96
Дардский 189

Дене-кавказские (Dene-Caucasian) 260
Джонга (Djonga) 127, 254, 265
Джохор 188
Дидинга–Мурле 145
Динка 145
Диола 145
Догора 188
Долганский 189
Дравидийский (Dravidian) 145, 189, 192, 213, 240, 260
Древнеегипетский 11, 99, 190, 191
Дуала (Duala) 17, 20, 24, 35, 97, 100, 119, 145, 160–162, 164, 196, 197, 199
Дьюмба 303
Евразийский (Eurasian) 236, 260
Ейе 17
Екора 188
Заира 291
Западноатлантический (West Atlantic) 11, 269
Западносуданский 11, 224
Зарамо 23, 100
Зезуру 347
Зигула 23, 100
зигула–зарамо 17
Зимбабве 120
Зулу (Zulu) 6, 19, 23, 24, 27–37, 44, 58, 59, 62–64, 66, 67, 69, 71, 72, 74–76,
81, 83, 90, 91, 96, 97, 100, 107, 110, 111, 114, 123, 128, 135–140, 144,
145, 149, 150, 152, 153, 156, 161–164, 169, 174, 175, 178, 183, 184,
188, 196–199, 207, 208, 248, 251–253, 255, 259, 262–264, 266, 272,
274, 277, 288–290, 292, 293, 295, 297, 298, 303, 320, 335, 347, 353,
390, 391, 394, 395
Иберийско-кавказский 294
Игбира 187
Игора 188
Икоро 188
Икхлеф 188
Ила (Па) 123, 160, 162, 163, 183, 196–198, 208, 350
Иламба–Иранги 17
Индийский 22, 96, 188, 189, 192, 242, 249
Индоарийский 189, 192, 194
Индоевропейский (Indo-European) 10, 90, 116, 148, 150, 189, 190, 192, 207,

210, 213, 223, 236, 238, 249, 252, 260, 263, 268, 277, 296, 299, 323,
330, 334, 338, 341, 343, 347, 351

Индо-тихоокеаский (Indo-Pacific) 260
Индонезии 188
Ирагве 187
Иранский 157, 189
Иракв 188
Ираку 177, 188
Ироква 188
Йекора 188
Йела 107
Йохороа 189
Каалонг 96
Кабардинский 188
Кабвир 188
Кабил 188
Кабола 188
Кабре 187, 188
Кабудуван 188
Кабуре 187
Кавалан 188
Кавилла 188
Кавказский 272
Кавурна 188
Камор 188
Кака 17
Каланга₁ (D28b) (Kalanga) 19, 160–162, 197
Каланга₂ (S16) (Kalanga) 121, 127, 196, 254, 256
Калва 188
Калимантана 188
Калокало 188
Калоу 188
Камба (Kamba) 19, 33, 160–162, 185, 196, 197
Камеруна 307
Каолан 188
Каонде 17
Каоури 188
Капала 188
Капаур 188
Капори 188

Капрун 188
Карава 188
Карама 188
Карами 188
Каранга (Karanga) 37, 111, 121
Каранга 188
Каранкава 188
Карава 188
Карапо 188
Карапото 188
Карау 188
Карбо 188
Карва 188
Кариб 188
Карибский 188
Карио 188
Карипон 188
Кариу 188
Карлпу 188
Каро 188
Карок 188
Карон 188
Каррапа 188
Картвельский (Kartvelian) 188, 260, 330
Каруб 188
Каруло 188
Каруфа 188
Каувала 188
Каувол 188
Каума (Kauma) 161, 196
Каурне 188
Кауру 188
Каффир 187
Ква 11, 145, 316
Квакиутль 188
Квакум 35, 96
Ква–Лиокве 188
Квала 187
Квале 188
Квалла 188

Квалуп 188
Квангари 101–103, 120, 121, 123
Кваньяма (Kwanyama) 161, 162, 196, 197, 350
Квара 188
Кварааэ 188
Кваре 187, 188
Квели 187
Кверба 188
Кверби 188
Квилеум 188
Квири 187
Кволл 187
Кеакало 188
Кеакаро 188
Кеапара 188
Кебар 188
Кевир 189
Кее 35, 96, 119
Кела 102, 107
Келабит 188
Келава 187
Келе (Kele) 17, 160, 163, 196, 198, 253, 264
Кельтский 189
Кенту 145
Кепере 187
Керебе 187
Кереве 187
Кервокарам 188
Кете 63, 89, 111, 114, 115, 121, 123, 129
Кеулу 188
Кечумара 188
Кибири 188
Киварава 188
Кига 19
Киконго, конго 17, 19, 20, 33, 35, 37, 44, 75, 97, 102, 104, 121, 123, 145,
160–162, 196, 197
Кикуйю, кикую 185, 298
Кикую–Камба 17
Килива 188
Киливила 188

Кимбала 17
киМбунду 17, 19
Кимврский 189
Кингвана 101
Киррута 188
Кисси 145
Китайский 236
киТуба 19
киЯка (см. яка)
Клев 188
Клу 188
Клуэт 188
Коалиб 187
Коара 188
Кобиана 145
Коброор 188
Колор 188
Койбалльский 189
Койне 20, 41, 79, 99, 311
Койсанский (Khoi-San, Khoisan) 10, 11, 12, 42, 188, 189, 192, 217, 249, 260,
281, 296, 309, 323, 347, 349
Кокобера 188
Коковара 188
Кокопера 188
Кол 188
Кола 188
Колвил 188
Коле 188
Колла 188
Коло 188
Колом 188
Колор 188
Колха 188
Комо 37, 98
Конго (Congo) 10, 13, 14, 18, 19, 21, 63, 123, 169, 195, 306
Конго Бельгийского 307
Конго (см. киКонго)
Конго-кордофанский 11, 296, 309
Конде 17
Конджо 17

Коньяги 145, 184
Коньяги–Басари 177
Коньянка 177
Коор 188
Копалис 188
Копар 188
Кор 188
Кора 188
Корак 188
Кораку 188
Корафе 188
Корва 188
Кордофанский 11, 145, 323
Коре 188
Корекоре 188, 347
Корейский 188
Корен 188
Корики 188
Кориок 188
Корку 188
Корлпа 188
Корнский 188
Коро 187, 188
Короа 188
Коропа 188
Коропо 188
Короро 188
Короуа 189
Корруэ 188
Коруа 188
Корьяк 188
Кофьяр 188
К'оса (Xhosa) 19, 35, 44, 97, 114, 120, 122, 161–163, 169, 174, 175, 196–198,
207, 347
Кпала 187
Кпвеле 187
Кпелле 177, 187
Кпер 187
Кпере 187
Кпилакпила 187

Крав 188
Кравет 188
Крави 187
Крао 188
Крау 188
Креольский 347
Крепе 187
Кробо 187
Кроконг 188
Крол 188
Кроу 188
Кроз 188
Кру (Кгу) 12, 145, 183, 187, 257
Круи 188
Куба 17, 169, 181
Кувараван 188
Куика–Тимоте 188
Кукуя 35, 96, 102, 103, 121
Кула 188
Кулалао 188
Кулалау 188
Кулере 188
Кулиак 308
Куливиу 188
Кулин 188
Кулло 188
Куллу 187
Кулу 188
Кулунг 188
Кулур 188
Купел 188
Купероб 188
Кур 187, 188
Кураве 188
Курама 188
Курдари 189
Курдский 189
Куре 188
Куриа 109, 110, 121, 122
Курипа 188

Куриу 188
Курума 188
Кутсве 121
Кушитский 11, 323
Кушитско-омотский 188
Кхалфун 188
Кхервари 188
Кховар 189
Лаали (Laali) 161, 196
Лаква 188
Лакор 188
Лала 23, 298
Ламба 33, 102, 103, 105, 109, 114, 120, 121, 298
Ланги 19
Лвена (Lwena) 102, 161, 162, 165, 196, 197, 199, 350
Лега–Каланга 17
Легба 187
Легбо 187
Ленгве 187
Лендже–Тонга 17
Лигби 187
Ликпе 187
Лилима (Lilima) 121, 128, 255, 266
Лингала, нгала 19, 20, 44, 75, 145, 298
Лингбе 187
Логба 187
Логоли (Logoli) 162, 197
Лози, ротсе 17, 19, 35, 97
Ломбо (Lombo) 162, 197
Ломве 121
Луба (Luba) 17, 18, 20, 37, 97, 123, 145, 169, 181, 196
Луба–Катанга (Luba–Katanga) 102, 121, 123, 160, 162, 196, 197, 198
Луба–Касаи (Luba–Kasai) 19, 35, 97, 114, 121, 123, 160, 162, 197
Луба–Лулуа 350
Лувийский 187
Луганда (см. Ганда)
Лунда (Lunda) 17, 102, 119, 162, 177, 181, 197
Лунду (Lundu) 49, 121, 161, 196
Лунду–Балонг 17
Луимби (Luimbi) 102, 160, 196
Луо 19
Лухья (Luhya) 19, 163, 198
Лучази 102

Луяна 17, 121, 350
Маасаи, масаи 145, 181, 308
Маба 145
Мабиха 102, 108, 120, 121, 129
Мадагаскара 188
Майя–Соке–Татанак 189
Макаа (Макаа) 162, 197
Мака–Нджем (А80) 17
Маконде (Makonde) 19, 35, 97, 121, 162, 185, 197
Макро–Гуайкуру 188
Макуа (Макуа) 17, 19, 24, 100, 121, 145, 160, 162, 163, 196–198, 350
Малайско-полинезийский 323, 347
Малаккский 189
Мальгашский 145, 323
Манганджа (Mangandja) 121, 162, 197, 198, 350
Манда 17, 121, 350
Манде (Mande) 11, 145, 176, 208, 218, 257, 268
Манджа 169
Манди 35, 96
Маньика (Manyika) 11, 121, 162, 165, 197, 199, 347, 355
Маньяку 145
Марганы 145
Масаба–Лухья 17
Масаи (см. Маасаи)
Матенго (Matengo) 121, 163, 198
Матумби 17, 121, 350
Мба 145
Мбаи–Мойссала 145
Мбене (Mbene) 121, 251
Мбете (Mbete) 17, 160, 161
Мбове (Mbowe) 162
Мболе–Эна 17
Мбонг 35, 96
Мбоши 17
Мбум 145
Мбунда (Mbunda) 33, 160, 350
Мбунду₁ (H21) (Mbundu) 161, 162, 350
Мбунду₂ (R11) (Mbundu) 35, 102, 106, 115, 121, 125, 126, 251
Мвера (Mwera) 109, 121, 162, 163, 196, 197, 198, 350
Мвумбо (Mwumbo) 162, 196
Меру 19
Микронезийские 249
Мими 145

Моба 145
Могольский 189
Монго (Mongol) 67, 102, 107, 113, 161, 196
Монгольский 189, 192, 249
Монго–Нкундо, монго–нкунду (Mongol–Nkundo) 17, 18, 163, 198
Монго–Мкунду (см. Монго–Нкундо)
Мономотапы (Monomotapa) 111
Мооре, море 145, 308
Моси 99, 145, 169
Мпаквити 145
Мпонгве (Mpongwe) 121, 129, 160, 161, 181, 196, 253, 264, 303, 350
Мун 145
Мфину (Mfinu) 161, 196
Мьене 121, 129, 131, 253
Надене 188
Накагвара 188
Намбзья (Nambzya) 127, 254, 265
Нанди 19
Нанканна 145
Нано 66, 115, 125
Нгавир 188
Нгазиджа 350
Нгала (см. Лингала)
Нгангела 350
Нгандьера (Ngandyera) 162, 197, 198
Нгбака–Ма'бо 145
Нгвили 187
Нгкоми 303
Нгола 187
Нголо 187
Нгом (Ngom) 115, 123, 160, 196
Нгомбе 17
Нгоро 187
Нгулу (Ngulu) 19, 162, 187, 197
Нгунгвел 35, 96, 123, 161, 187
Нгунди 17
Нгуни 17, 18, 66, 67, 121, 131, 175, 179, 183, 347
Нгури 188
Нгурлу 188
Нгуро 188
Нгуру 187, 188
Нданди (Ndandi) 163, 196, 303
Ндау 19, 110, 121, 347

Ндебеле 19, 44, 347
Нджаби 17
Ндзиндзиу 89, 123
Ндонга (Ndonga) 17, 162, 197, 350
Ндунга 145
Неавстронезийский 145
Не-банту (non-Bantu) 183, 204, 224, 269
Немецкий (Deutsch, German) 21, 24, 306, 335
Ниарагуа 188
Нигерии 307, 315, 316, 320
Нигер–Конго 11, 296
Нигеро-кордофанский (Niger-Kordofanien, Kordofan)) 10, 11, 42, 145, 187,
189, 192, 213, 217, 224, 249, 257, 260, 268, 271, 273, 276, 280, 349
Никарао 188
Ниламба (Nilamba) 161, 162, 196, 197
Нило-сахарский (Nilo-Saharan) 10, 11, 42, 145, 187, 189, 192, 195, 224, 249,
260, 296, 308, 309, 349
Нилотский 145, 218, 323
Нкоя 17, 121
Ностратический (Nostratic, Nostratische) 213, 217, 218, 238, 257, 260, 268,
272, 276, 313, 328, 330, 331, 392, 393, 396
Нсенга 33, 82, 87, 89, 102, 106, 121, 123
Нтсуо (Ntsuo) 160, 196
Нубийский 99, 218
Нуэр 145
Нхарон 188
Ньика (Nyika) 100, 160, 196, 197, 350
Ньика–Сафва 17
Ньика–Таита 17
Ньикюса (Nyikyusa) 121, 163, 165, 198, 199
Ньиха 350
Ньоро (Nyoro) 19, 160, 162, 169, 196, 197
Ньоро–Ганда 17
Ньямвези 19, 24, 35, 97, 100, 102, 185, 350
Ньянджа (Nyanja) 17, 19, 20, 35, 97, 109, 120, 145, 161, 196
Ньянкоре (Nyankore) 19, 123, 160, 162, 165, 196–199
Океанийский 188
Окорони 188
Оли 119
Омотский 188, 308
Орехон 189

Орокский 189
Орхонский 189
Оскский 187
Отмангский 189
Паи 121
Палеоазиатский 188, 192, 249, 327
Папуасский 188, 189, 192
Паранилотский 145, 218
Парека 189
Парики 189
Пахари 189
Паяде 145
Педи 19, 107, 108, 119, 121, 121, 127
Пенде 17, 350
Пиджин 20
Питта-питта 145
Плато Центральноафриканского 11, 145
Поголо 17
Поке (Роке) 162, 197
Покомо 23, 100
Покора 189
Полинезийский 323, 347
Полубанту 306, 320
Пополоко 189
пополукe 189
Поти-Гуара 188
Прабанту, пра-банту (Ur-Bantu) 6, 23, 24, 26, 36, 37, 41, 42, 79, 96–100, 191,
216, 217, 223, 255, 257, 258, 272, 273, 277, 278, 296, 310, 311, 320,
321, 323, 324, 327, 328, 331–334, 338–342, 347, 393, 397
Праиндоевропейский 148, 343
Праязык (Ursprache) 38, 98, 100, 132, 152, 213, 214, 217, 219, 223, 249, 254,
255, 257, 258, 272, 273, 278, 311, 319, 321, 322, 331–333, 338, 340
Прегар 189
Протоафриканский (Proto-African, Protoafrikanische) 272, 275, 278
Протобанту (Proto-Bantu) 6, 260, 266–268, 275, 276, 280, 323
Протоязык (Proto-Language) 6, 124, 128, 133, 138, 140, 168, 197, 204, 258,
265, 266, 268, 269, 275, 276, 331, 335, 350, 390
Прэх 189
Пуинаве 188
Пулана 121

Пхалура 189
Ракавонг 188
Рангу 188
Рехонг 188
Рикау 188
Рирагуара 188
Роголи–Куриа 17
Рожи 127, 254
Рок 189
Року 188
Романский 191
Ронга (Ronga) 17, 19, 35, 97, 121, 123, 127, 162, 163, 197, 198, 254, 265
Ротсе (см. Лози)
Ррекуебрро 188
Руанда (Rwanda) 19, 35, 37, 96, 97, 122, 123, 145, 160, 195, 196, 297, 303
Руанда–Рунди 17
Рук 189
Рукуба 145
Румынский (Rumanian) 209
Рунгва 187
Рунгу 303
Рунди (Rundi) 19, 115, 160–163, 165, 196–199, 303
Русский (Russian) 46, 76, 93, 101, 142–144, 159, 164, 187, 209, 229, 235, 238,
289, 290, 293, 298, 304, 338
Рэхонг 188
Сагала (Sagala) 162, 196, 197
Сакалава 188
Салишский 188
Самуко 188
Санага 17
Санга 19
Санскрит (Sanskrit) 27, 259, 320
Сафва (Safwa) 121, 165, 199
Сахарский 145
Сахаро-чадский 308
Сахафатра 188
Свази 19
Семито-хамитский 24, 100, 213, 309, 323, 330
Семитский 11, 188
Сена 19, 121
Сенга–Сена 17
Сенегала (Senegal) 268
Сербо-хорватский (Serbo-Croatian) 187, 209

Серер 145
Сино-тибетский 188, 192
Сино-тибето-бирманский 249
Славянский 186, 214
Сога 19
Соко–Келе 17
Сонгаи–Зарма–Денди (Songhai–Zarma–Dendi) 257, 268
Сонгайский 11, 145, 169, 183
Сонге (Songe) 17, 19, 161, 196
Сото, суто (Sotho) 19, 44, 65–67, 110, 119, 122, 123, 127, 163, 169, 183, 198
Сото–Тсвана, суто–тсвана 17, 18, 63, 107, 114, 120, 123, 347
Суахили 17, 18, 20, 21, 23, 35, 37, 44, 73, 87, 97, 100, 102, 108, 109, 121–123,
145, 149, 184, 185, 251, 297, 298
Субиа, субия (Subia) 17, 107, 162, 164, 199
Судана западного 11, 308, 320
Судана юго-восточного 11, 22, 96, 145
Суданский 11, 218, 308, 323
Сукума (Sukuma) 19, 24, 33, 63, 89, 100, 115, 160, 162, 164, 196, 197, 199,
253, 264
Сукума–Ньямвези 17
Сулавеси 188
Суматры 188
Суто (см. Сото)
Суто–Тсвана (см. Сото–Тсвана)
Суунди 163
Таби 145
Таита (Taita) 163, 198
Тайванский 188
Тайский 188, 192
Такана–Пано 188
Талахундра (Talahundra) 128, 255, 265
Тасманийский 145, 188, 192
Теге–Кали (Tege–kali) 161, 196
Теке 17, 19
Телугу 189
Темне 145
Тенда 145
Тенде–Янзи 17
Тесо 145
Тетела (Tetela) 17, 35, 97, 161–163, 183, 196–198

Тикуу (Tikuu) 160–163, 196–198, 350
Тлвхаро, тлхваро 189
Тлокоа 189
Тлхапинг 187
Тонга (Tonga) 19, 33, 35, 97, 121, 169, 196, 347
Тонгве (Tongwe) 17, 163, 198
Тотела (Totela) 123, 162, 197
Тохарский 187
Тсва (Tswa) 19, 121, 163, 198, 347, 350
Тсвана 19, 35, 65, 97, 107, 108, 110, 114, 119, 121, 127, 131, 169
Тсва–Ронга (S50) 17, 19
Тсва–Тсонга 347
Тсого 17, 131
Тсонга (Tsonga) 19, 65, 66, 102, 161, 196, 347
Тукано 188
Тумбука 17, 19
Тунгусо-манчжурский 189, 192, 249
Тупи–Гуарани 188
Туркана 145
Туркменский 189
Тюркский 189, 192, 249, 272
Убангийский 145
Угро-финский 249
Уйгурский 189
Укелле 145
Украинский 17, 187
Ульчский 189
умбунду (Umbundu) 17, 19, 20, 27, 97, 115, 145, 160, 165, 253, 261
Унгуджа (Ungudja) 161, 162, 196, 197, 350
Уральский 189, 192, 213, 330
Урхобо 187
Фа' 123
Фанагало 20
Фанг 169
Фипа–Мамбве 17
Флективный 286, 299, 317
Фракийский 189
Фригийский 189
Фула 145
Фулиро 303
Фульфуде 308

Ха 19, 303
Хай, хай, хайя (Hai) 19, 160, 162, 196, 197
Хай (см. Хаи)
Хайя (см. Хаи)
хаМбундо 125
Ханга (Hanga) 161, 162, 196, 197
Ханхаза 303
Харой 188
Харро 188
Харуро 188
Хауран 188
Хая–Джита 17
Хвара 188
Хваршинский 188
Хвила 187
Хемба (Hemba) 102, 163, 198
Хехе (Hehe) 161, 196, 350
Хиваро 188
Хироа 188
Хланангу (Hlanangu) 127, 254, 265
Хлуби 187
Холо 187
Холонтале 188
Холохоло 123, 187
Холу 187
Хор 187
Хоран 188
Хорватский 189
Хорио 188
Хорохору 187
Хоруру 188
Хрой 188
Хруэ 188
Хула 188
Хулуф 187
Хунгу (Hungu) 162, 197
Хур 188
Хура 188
Хуррито-урартский 188
Хурритский 188
Хурру 188
Хуту 19, 319

Цахурский 188
Центральносуданский 145
Центральнотриплицинский 189
Циракуа 188
Чага 17, 185
Чадский 11, 188, 218
Чева 87, 102, 103, 106, 107, 109, 120, 123
Чибча 188
Чигвара 188
Чимакуа–вакаш 188
Чокве (Chokwe) 20, 102, 145, 165, 181, 199
Чокве–Лучази 17
Чопи 17, 19, 35, 97, 121, 347
Шамбаа (Shambaa) 23, 100, 162, 196, 197, 350
Шамбала 17
Шари-нильский 218, 280
Шербо 145
Шира–Пуну 17
Шона (Shona) 17–20, 27, 44, 53, 63, 87, 102, 107, 111, 120, 121, 131, 145,
297, 347
Эвондо 118, 119, 121
Эвхро 189
Эна (Ena) 162, 197
Энграо 188
Эраква 187
Эрегба 187
Эрохва 187
Югурский 189
Южноафриканский 11
Южноафриканского побережья 131
Южнокордильерский 188
Юкабурра 188
Юкула 188
Юкуноидный 145
Юто-ацтекский 188
Ючи–Сиу 188
Явы 188
Ягарабал 188
Яйгир 145
Яка, кияка 17, 19, 75
Якабурра 188

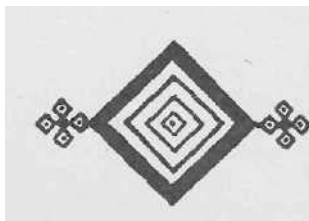
Якула 188

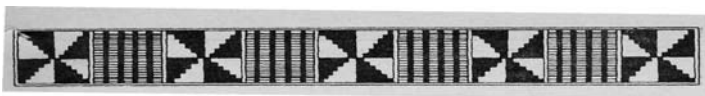
Ямбаца (Yambasa) 84, 89, 121, 129, 160, 196

Яо (Yao) 17, 19, 24, 100, 121, 163, 198, 350

Яунде (Jaunde) 119, 169

Яунде–Фанг 17

Аннотированное оглавление

Фрагменты из монографии «Эволюция грамматического строя в языках банту».

Предисловие

Интонационные и фономорфологические процессы на стыке префиксов и корней существительных и особенности артикуляционного механизма говорящих свидетельствуют о происшедшем в языках банту переходе от техники синтеза к агглютинации и фузии, который сопровождал эволюцию изолирующего строя в агглютинативно-флективный, и пространственного способа отражения действительности в пространственно-темпоральный.

Введение

Приводится характеристика политической, этнологической и лингвогеографической карты Африки на 2007 г. Особое внимание уделяется языкам банту (их генетическим классификациям, признакам грамматического строя и описанию систем именных классов в работах Блика, Мейнхофа и Гасри). Описывается система именных классов в языке зулу и ее соотношение с остальными языками банту. Характеризуется материал, положенный в основу исследования, аппарат для его описания (системы транскрипции гласных и согласных в языках банту), «просодическая» направленность исследования, его методологические принципы и архитектура книги.

Заключение

Формулируются выводы из проведенного исследования с постраничными отсылками к доказательствам и иллюстрациям. Автор предлагает фиксировать три периода в истории языков банту: 1) партиитивно-посессивный; 2) пространственный; 3) темпорально-модальный и соотносить с ними развитие каждой грамматической категории. Рассматриваются противопоставления в плане содержания, которые приводят к появлению значений грамматических категорий, существующих в современных языках. Параллельно описывается генезис означающих. Исследуется левосторонняя, правосторонняя и циркумфиксная техника построения систем означающих, а также пути ее эволюции в разных языках банту, которая привела к постепенному превращению изолирующего строя протоязыка в агглютинативно-флективный современных языков банту. Приводятся приме-

ры из языка зулу (функционирование синлабемы *ta*) и других языков банту. Отмечается разрушение традиционной системы согласования и возникновение современных формально-смысловых корреляций в системах именных классов. Ставится вопрос о конструировании исходной точки глоттогонического процесса в банту. Подчеркивается роль резонаторов (назального, фарингального, лабиального) в эволюции артикуляции. С помощью предложенной гипотезы объясняется синхрония и диахрония предметных, локативных и оценочных классов, а также функционирование идеофонов как особой части речи, наглядно отражающей диахронические тенденции в языках банту.

Послесловие

Итоги исследования иллюстрируются с помощью рисунка на форзаце, охарактеризованного в Послесловии.

Синхрония и диахрония языков банту

Система именных классов как доминанта грамматического строя языков банту. Ее внутреннее единство и разнообразие систем в различных языках. Оценка реконструкций Мейнхофа и Гасри. Иллюстрации предметных, локативных и оценочных классов в банту. Общее и различное в трех подсистемах (синхрония и диахрония). Анализ шва префикса и корня. Различия в характеристиках швов у предметных, локативных и оценочных классов как отражение их различного генезиса. Роль назального резонатора в превращении основы слова в существительное. Различная природа назальных. Реконструкция протосинлабем и протопросодем, из которых сформировались префиксы существительных, а также их категориальных значений. Иллюстрация на примере языка зулу.

Эволюция категории существительного в разноструктурных языках

Оппозиция существительного и глагола с точки зрения их синхронии и диахронии. Гипотеза о процессе формирования категории существительного в африканских языках как последовательной бинаризации (поэтапной конкретизации) исходного элемента (нерасчлененного общего аморфного понятия) путем фиксации следующих антиномий: наличие связи – ее отсутствие, аффирмативность – негативность, временная связь – постоянная, контакт – его отсутствие, тождество – различие, количество – качество, обладаемое – обладатель, часть – целое, большое – маленькое, внутри – снаружи, до – после, длительность – мгновенность, типы соотносимости по величине, форме, взаимному расположению, точечность – направление, и т. д. Их взаимодействие привело к возникновению оппозиций: часть – целое, посессор – принадлежность, конкретность – неконкретность, качественная конкретность – количественная конкретность и т. д. В рамках

количественной конкретности сформировалась категория числа, в сфере качественной конкретности – категория определенности – неопределенности (артиклы, демонстративы). На основании ранжирования посессоров и частей целого образовался арсенал именных (род, именной класс) и глагольных (вид, залог) категорий. Отправная точка противопоставления имени и глагола – оппозиции партитивно-посессивного строя. Модификация категорий имени в процессе перехода к пространственному и темпорально-модальному строю. Тенденции развития глагола. Оппозиция имени и глагола в синхронии как результат эволюции этих грамматических категорий в диахронии.

Космогоническая лексика у народов Тропической Африки

Семантико-грамматические поля земли, солнца и воды в языках банту (логика развития форм, сопоставление им значений, выявление исходного («начального») элемента процесса эволюции форм, гипотеза о его значении и дальнейшем развитии). Постулирование в качестве протоэлемента исследуемых полей синкретичного лабио-глоттализованного *r/l/t*-консонанта, имеющего значение «стихия». Динамика развития протоконсонанта. Смысловая интерпретация. Иллюстрации из африканских языков. Слово как демиург Вселенной в мифах и легендах африканских народов. Исходная точка формирования языка и вербального мышления. Легенды о сотворении мира как отражение истории создания слов. Инвариантные характеристики легенд о сотворении мира. Мифы как летопись деривационных процессов в языке. Ностратические ассоциации.

At the beginning of African languages (У истоков африканских языков)

Работа является сокращенным вариантом статьи «Космогоническая лексика у народов Тропической Африки». Она посвящена формальной и смысловой реконструкции начальной точки развития языка и мышления. В качестве исходных данных принимаются результаты исследования теологических персонажей традиционных африканских религий в связи с происхождением космогонической и теологической лексики в языках банту. Представленные материалы позволяют предположить, что космогонические легенды отражают не историю создания вселенной, а историю возникновения слов.

Фрагменты из монографии «У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков» *Предисловие*

Общие понятия эволюционной лингвистики. Эволюция речевой деятельности в противовес истории языка (ее продукта). Проблема поиска

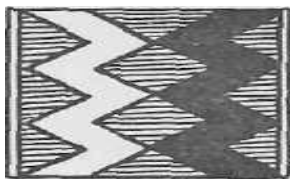
«нулевой» точки. Анализ процессов речевой деятельности в современных языках банту (их синхрония) как метод познания диахронии. Дуализация понятий, лежащих в основе развития процесса вербального познания (его формальных и смысловых элементов). Архитектоника монографии. Разделы для широкого и узкого круга читателей. Идея моногенеза африканских и ностратических языков как итог рассмотрения материалов, экспонируемых в книге. Вопрос о возможности спонтанного возникновения речевой деятельности у человека.

Отрывки из Введения

Посессивно-партитивная, пространственная и темпорально-модальная стадии развития вербального мышления. Языковые категории как продукт своей эпохи. Моделирование процесса познания и вербальной деятельности африканских народов. Реконструкция языкового состояния, рассматриваемого как предыстория языков банту на материале именных категорий. Двухчастное строение монографии: «от прабанту до наших дней» и «от прабанту до нуля».

Вопросы XXI века

Проблемы, стоящие перед эволюционной лингвистикой в XXI в. Пространственно-временной континуум внутри мозга и вне его. Принцип параллелизма между внутренним и внешним континуумами. Образ Бога во внутреннем времени – пространстве и слово, переводящее его во внешнее время – пространство. Язык, речь, речевая деятельность (синхрония и диахрония). Язык как саморазвивающаяся система и как явление, имеющее своего «постороннего» творца. Моделирование процесса возникновения языка и его эволюции на основании регистрации свойств аппарата речевой деятельности. Вербальная деятельность индивида как демиург языка, порождаемого в виде системы, которая «раскручивается» из первоэлемента (онтогенез и филогенез). Компьютерная модель артикуляции «тотавельского человека». Сравнение аппарата речевой деятельности у приматов и человека. Иллюстрации из легенд о сотворении мира, бытующих у разных народов. Инвариантные характеристики содержания этих легенд. Абсолютная и «относительная» (лингвистическая) хронология. Неизменность устройства органов речи современного человека на протяжении истории развития языков, известных науке.

Summary

Fragments from the monograph "Evolution of grammatical structure in Bantu"

The foreword

The intonational and phonomorphological processes in juncture of prefixes with noun roots, as well as peculiarities of the articulation mechanism of the Bantu native speakers, testify the transition from synthesis to agglutination and fusion. This process accompanied by transformation of the isolated grammatical structure into agglutinative-flective one and by the evolution of spatial way of reflection of the world into the spatial-and-temporal one.

Introduction

The characteristics of political, ethnological and linguistic maps of Africa are given for 2007. The special attention is devoted to the Bantu languages (their genetic classifications, peculiarities of their grammatical structure and description of systems of nominal classes by Bleek, Meinhof and Guthrie). The system of noun classes in Zulu in connection with other Bantu is described. The base of description (transcriptional system for sonants and consonants in Bantu) as well as the „prosodic“ approach, its methodological principles and architectonics of the book are characterised.

The conclusion

The conclusions are formulated with references to the pages with proofs and illustrations. The author distinguishes three periods in a history of the Bantu languages: 1) partitive-and-possessive one; 2) spatial one; 3) temporal-and-modal one and relate with them the development of every grammatical category. The oppositions in the plane of content, which result in developing of semantics of grammatical categories existing in modern languages, are examined. The genesis of signifiers is described in parallel. The left-sided, right-sided and circumfixal techniques of construction of signifiers, as well as the ways of their evolution in different Bantu languages are investigated. This development has resulted in the gradual transformation of isolated grammatical structure of the protolanguage into the agglutinative-and-flective structure of modern Bantu. The examples from Zulu (functioning of syllabeme *ma*) and other Bantu languages are used. The destruction of traditional system of the concordance and the development of modern formal-semantic correlations in systems of noun classes is noted. The question of the reconstruction of starting point of the glotogonic process in Bantu is put. The role of resonators (nasal, pharyngeal, labial)

in evolution of the articulation is emphasised. With the help of the proposed hypothesis the synchrony and diachrony of topical (regular), locative and attributive (unregular) classes, as well as functioning of ideophones as special part of speech, is explained.

Epilogue

The results of research are illustrated with the help of figures on the flyleaf and characterised in the Epilogue.

Synchrony and diachrony of Bantu

The system of noun classes as an important factor of grammatical structure of Bantu. Its internal unity and variety of systems in various languages. Discussion of reconstructions of Meinhof and Guthrie. Illustrations of topical (regular), locative and attributive (unregular) classes in Bantu. The common and various features in three subsystems (in synchrony and diachrony). Analysis of juncture between prefix and root. Distinction in the characteristics of juncture in topical (regular), locative and attributive (unregular) classes as reflection of their various genesis. Role of the nasal resonator in transformation of word stem of into a noun. Various nature of nasals. Reconstruction of protosyllabemes and protoprosodemes, from which the noun prefixes were generated, in connection with their categorial meanings. The illustrations from Zulu.

Evolution of the category of noun in languages with different structures

The opposition of noun and verb from the point of view of their synchrony and diachrony. A hypothesis about process of formation of a category of noun in the African languages on the base of consecutive binarisation and concretisation of initial syncretic concept by establishing of the following antinomies: presence of connection – its absence, affirmativeness – negation, temporary – constant connection, contact – its absence, identity – distinction, quantity – quality, object in possession – owner, part – whole, large – small, inside – outside, before – afterwards, duration – momentality, types of correlations on size, form, mutual arrangement, and so on. Their interaction has resulted in occurrence of oppositions: a part – whole, owner – accessory, concreteness – not concreteness, qualitative concreteness – quantitative concreteness etc. In the frame of quantitative concreteness the category of number appeared, in sphere of qualitative concreteness was generated the category of definiteness – indefiniteness (articles, demonstratives). On the basis of ranging of owners and parts of whole the arsenal of nominal (gender, noun class) and verbal (aspect, voice) categories was formed. A starting point of opposition of a noun and verb are categories of partitive-and-possessive formation. Updating of nominal categories during transition to spatial and temporal-and-modal formations. The tendencies of development of a verb. Opposition of a nomen and a verb in synchrony as a result of evolution of these grammatical categories.

Cosmogonic lexics of peoples in Tropical Africa

Semantic-and-grammatical fields of earth, sun and water in Bantu (logic of evolution of the signifiers, searching their signifieds, revealing initial element of the signifiers, hypothesis about its meaning and further development). The postulate of a syncretic labio-glottalised *r//t*-consonant with a meaning „chaos“ as a protoelement of researched fields. Dynamics of development of protoconsonant. Semantic interpretation. Illustrations from the African languages. Word as the Creator of the universe in myths and legends of the African peoples. Initial point of language formation and verbal thinking. Legends about creation of the world as reflection of the history of creation of words. The invariant characteristics of legends about creation of the world. Myths as the annals of derivative processes in language. Nostratic associations.

At the Beginning of African Languages

The paper is the reduced variant of the article "Cosmogonic lexics of peoples in Tropical Africa". It is devoted to the formal-and-semantic reconstruction of the starting point of language consciousness as well as of the primary verbal operations and procedures from which the sign system arose and developed into the contemporary languages. The test data are the results of the linguistic research of the theological personages of the traditional African religions in connection with the origin of the cosmogonic and theological lexemes in Bantu languages. The facts collected in the paper allow to suppose that the cosmogonic myths and legends reflect the Word derivation history rather than of the World creation history.

*Fragments from the monograph "At the dawn of language and thinking.
Genesis of the African languages"*

The foreword

General concepts of evolutionary linguistics. Evolution of speech activity in the counterbalance of the history of a language (its product). Problem in searching the "zero" point. Analysis of processes of speech activity in modern Bantu (their synchrony) as a method of knowledge of diachrony. Dualisation of concepts underlying development of process of verbal knowledge (of its formal and semantic elements). Architectonics of the monograph. Parts for a wide and narrow circle of the readers. Idea of monogenesis of African and nostratic languages as a result of consideration of material described in the monograph. Opportunity of spontaneous occurrence of speech activity at the human being.

Fragments from Introduction

Possessive-and-partitive, spatial and temporal-and-modal stages of development of verbal thinking. Language categories as a product of the epoch. Mod-

elling of process of knowledge and verbal activity of the African peoples. Reconstruction of a language state considered as background of Bantu (on a material of nominal categories). Binary structure of the monograph: "from ur-Bantu up to now" and "from ur-Bantu up to zero ".

The questions for the 21st century

The problems facing to evolutionary linguistics in the 21st century. Spatial-and-temporal continuum inside a brain and outside of it. A principle of parallelism between internal and external continuums. An image of the God in internal time and space and the word which is moving it in external time and space. Language, speech, speech activity (synchrony and diachrony). Language as self-generated system and as the phenomenon having the "extraneous" creator. Modelling of process of occurrence of language and its evolution on the base of registration of properties of the apparatus of speech activity. The verbal activity of the individuum as a creator of the language generated as system, which "is untwisted" from a protoelement (ontogenesis and philogenesis). Computer model of articulation of a Totavel human being. Comparison of apparatus of speech activity at primates and man. Illustrations from legends about creation of the world by different peoples. The invariant characteristics of the contents of these legends. Absolute and "relative" (linguistic) chronology. An invariance of the apparatus of organs of speech of the modern man during the history of development of the known languages.

